Санкт-Петербургский институт истории
Российской академии наук

ПЕТЕРБУРГСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

исследования по российской и всеобщей истории

№ 4 (40) 2023

Петербургский Исторический Журнал

исследования по российской и всеобщей истории

Учредитель

Санкт-Петербургский
институт истории РАН
197110, Санкт-Петербург,
ул. Петрозаводская, д. 7
Тел. (812)235-41-98
E-mail: SPbHistoryStudies@mail.ru

Адрес редакции

«Нестор-История»
197110, Санкт-Петербург,
ул. Петрозаводская, д. 7
Тел. (812)235-41-98

Издатель

Издательство «Нестор-История»
197110, Санкт-Петербург,
ул. Петрозаводская, д. 7
Тел. (812)235-15-86
E-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Типография

«Нестор-История»
Тел. (812)235-15-86

Издается с 2014 г.
Выходит 4 раза в год
ISSN 2311-603X

Редакционный совет:

д. и. н. *И. П. Медведев* (академик РАН, Санкт-Петербургский институт истории РАН)
д. и. н., профессор *А. К. Гаврилов* (Санкт-Петербургский институт истории РАН)
д. и. н., профессор *Иоанна Геровска-Каллаур* (Институт истории им. Тадеуша Мантейфеля Польской академии наук, Варшава)
д. и. н., профессор *А. Х. Даудов* (директор Института истории Санкт-Петербургского государственного университета)
д. и. н. *О. П. Илюха* (директор Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, Петрозаводск)
д-р, профессор *И. Коэн* (Высшая школа социальных наук, Париж)
д. и. н. *Т. В. Андреева* (Санкт-Петербургский институт истории РАН)
профессор *А. Рабинович* (Индианский университет)
д. и. н., профессор *Н. Н. Смирнов* (Санкт-Петербургский институт истории РАН, Санкт-Петербургский государственный университет)
д. и. н. *А. Н. Чистиков* (Санкт-Петербургский институт истории РАН)
д.и.н. *С. Н. Искюль* (Санкт-Петербургский институт истории РАН)
д. и. н., профессор *М. В. Ходяков* (Санкт-Петербургский государственный университет)
д. и. н. *С. Е. Эрлих* (Генеральный директор издательства «Нестор-История»)
к. филол. н. *Д. В. Кейер*
д.и.н., ведущий научный сотрудник *Б. Н. Ковалев* (Санкт-Петербургский институт истории РАН)

16+

№ 4 (40) 2023

Секретариат

Ответственный секретарь — *М. В. Друзин*
(Санкт-Петербургский институт истории РАН)

А. А. Ефимов
(Санкт-Петербургский институт истории РАН)

Дата подписания в печать: 21.11.2023
Дата выхода в печать: 20.11.2023

Перепечатка материалов допускается только с письменного разрешения редакции журнала.

Тираж 500 экз.
Заказ № 3056
Цена свободная

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77—64510
от 31.12.2015

© Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук, 2023
© Издательство «Нестор-История», 2023

Редакционная коллегия:

Главный редактор — д.и.н. А. И. Рупасов
(Санкт-Петербургский институт истории РАН)

Professor *Aleksandr Lavrov,* Lettres Sorbonne Université, UFR Études slaves

Professor *Alexander Martin*
(University of Notre Dame)

Professor *Simon Franklin* (Department of Slavonic Studies, Clare College)

к.и.н. *В. И. Мажуга* (Санкт-Петербургский институт истории РАН)

д.и.н., профессор *А. П. Павлов*
(Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета)

д.и.н., профессор *В. И. Шишкин* (Институт истории Сибирского отделения РАН)

профессор *Т. Вихавайнен* (Хельсинкский университет)

профессор *У. Г. Розенберг* (Университет Мичигана, Европейский университет в Санкт-Петербурге)

д.и.н., профессор *Т. Г. Леонтьева*
(Тверской государственный университет)

Содержание

История России

- *О. А. Абеленцева*
  Описания изделий из текстиля в описях Успенского Тихвинского монастыря XVII в. 8
  O.A. Abelentseva
  Descriptions of textile products in the inventories of the Assumption Tikhvin Monastery of the 17th century
- *Суин Дин*
  Японские винтовки для России во время Первой мировой войны 25
  S. Din
  Japanese rifles for Russia during World War I
- *Н. С. Андреева*
  Революционный кризис 1905 г. и вопрос о реформах в Прибалтийских губерниях 38
  Nataliya Andreeva
  Revolutionary crisis of 1905 and the question about reforms in the Baltic Provinces
- *Н. А. Власов*
  Образ российского панславизма в публицистике Юлиуса фон Эккардта 53
  N. A. Vlasov
  The image of Russian pan-slavism by Julius von Eckardt
- *Н. Н. Федосеенков*
  Дискуссии о праве и политическая реальность советского государства: от слома системы к «освоению классического наследия» 64
  N. N. Fedoseenkov
  Legal debates and the Soviet state political reality.
  From scrapping the system to “mastering the classical heritage”
- *Л. А. Герд*
  Русские имущества в Палестине в 1920-е годы (по материалам британских архивов) 82
  L. A. Gerd
  Russian property in Palestine in the 1920s (based on British archives)

• *А. Н. Чистиков*
Ленинградская почта в 1943 г.: кадровые проблемы.....97
A. N. Chistikov
Leningrad post office in 1943: personnel problems

Всеобщая история

• *В. В. Шишкин*
Французская историография XVII в. об Анне Ярославне: рождение мифа 104
V. V. Shishkin
French historiography of the 17th century about Anna Yaroslavna: the birth of the myth

• *О. Г. Лекаренко*
Реакция администрации Р. Никсона на вступление Великобритании в ЕЭС..... 115
O. G. Lekarenko
Reaction of the R. Nixon administration to the Great Britain's entry into the EEC

Международная научная конференция «Петр I и становление российской науки», 3-3 октября 2022 г.

• *И. Н. Юркин*
Петровские опыты картографирования верховья Дона и вопрос о его истоке 132
I. N. Yurkin
Peter's experiments in mapping the upper reaches of the Don
and the question of its source

• *Е. С. Стецкевич*
«Королевский географ», механик, камнерез: Исаак Брукнер (1686–1762)
на службе в Российской империи..... 143
E. S. Stetskevich
"Royal Geographer", mechanic, stonecutter: Isaac Bruckner (1686–1762)
in the service of the Russian Empire

• *А. В. Морохин*
«Блюментрос старый и его дети»: династия придворных медиков
на службе в России в конце XVII — первой четверти XVIII в. 154
A. V. Morokhin
"Blumentros the Old and his children": a dynasty of court physicians in service in Russia
at the end of the 17th — first quarter of the 18th centuries

• *Ю. А. Козлова*
Становление академического образования в России
от Петра I до Елизаветы Петровны..... 165
Yu. A. Kozlova
The formation of academic education in Russia from Peter I to Elizabeth Petrovna

• *Н. В. Салоников, К. В. Суториус*
Новгородская архиерейская школа и образовательные проекты
архиепископа Феодосия (Яновского)..... 174
N. V. Salonikov, K. V. Sutorius
Novgorod Archbishop School and educational projects of Archbishop Theodosius (Yanovsky)

• *С. С. Колегов*
Деятельность князя И. Б. Львова по организации жизни и обучения русских учеников навигации в Англии и Голландии в 1708–1711 гг. 188
S. S. Kolegov
Prince I. B. Lvov's activity in organizing the life and training of Russian navigation students in England and Holland in 1708–1711

• *С. С. Илизаров*
Превращение иностранных специалистов Императорской Академии наук в Санкт-Петербурге в русских ученых..... 199
S. S. Ilizarov
The transformation of foreign specialists of the Imperial Academy of Sciences in St. Petersburg into Russian scientists

• *Е. В. Ермасов*
Отражение личности Петра I и его эпохи в немецкой историографии первой половины XVIII века на примере сочинения Мартина Хассена «Истинная государственная мудрость, изложенная в определенных государственных принципах...» (Лейпциг, 1739)..... 210
E. V. Ermasov
Reflection of the personality of Peter I and his epoch in the German historiography of the first half of the 18th century on the example of Martin Hassen's essay "True Statesmanship set forth in certain state principles..." (Leipzig, 1739)

• *А. Р. Джиоева*
Развитие русской картографии в первой четверти XVIII в. (на рукописных материалах Собрания Петра I в БАН)..... 223
A. R. Dzhioeva
The evolution of Russian cartography in the first quarter of the 18th century (manuscript materials of the Collection of Peter I in Library of the Russian Academy of Sciences)

• *С. В. Власов, Л. В. Московкин*
Элиас Копиевич (Копиевский) — грамматист петровского времени..... 234
S. V. Vlasov, L. V. Moskovkin
Elias Kopijewitz — a grammarian of the Petrine era

• *Д. М. Буланин*
В преддверии педагогических реформ Петровской эпохи (обновление терминологии)..... 243
D. M. Bulanin
Waiting the pedagogical reforms started by Peter the Great (Renewal of the terminology)

• *Ф. Н. Веселов*
Александр Македонский в Библиотеке Петра Великого: к истории лицевой рукописи Сербской Александрии Библиотеки Российской академии наук 253
F. N. Veselov
Alexander the Great in the Library of Peter the Great: on the history of the illuminated manuscript of Serbian Alexander Romance of the Library of the Russian Academy of Sciences

• *Е. А. Анненкова*
О коллекции рисунков Марии Сибиллы Мериан, приобретенной Петром I (из собрания СПбФ АРАН)..... 267
E. A. Annenkova
About the collection of Maria Sibylla Merian's drawings, acquired by Peter I (from the holdings of SPbB ARAS)

• *Л. Д. Бондарь, А. В. Смирнов, С. М. Андреева*
Посланник Петра I в Сибирь Д. Г. Мессершмидт: зоологические рисунки в рукописях ученого 282
L. D. Bondar, A. V. Smirnov, S. M. Andreeva
Peter I's envoy to Siberia — D. G. Messerschmidt: zoological drawings in the scientist's manuscripts

Историография

• *К. А. Болдовский, А. Ю. Стефаненко*
Советская наука в годы Великой Отечественной войны: основные тенденции историографии 300
K. A. Boldovskiy, A. Yu. Stefanenko
Soviet science during the Great Patriotic War: the main trends of historiography

Публикации

• *К. Б. Назаренко*
Русская морская артиллерийская экзерциция петровского времени 309
K. B. Nazarenko
Russian naval artillery exercise of Petrine time

Сообщения

• *И. В. Дубровский*
Московские новости Франческо Гваскони 320
I. V. Dubrovski
Francesco Guasconi's handwritten newspapers from Moscow

Рецензии

• *Е. М. Лупанова*
Рецензия на монографию: *Гребенщикова Г. А.* Российский флот и дипломатия Екатерины II. Флот, война, политика. Т. III. Три войны Екатерины Великой. Ч. 3. СПб.: Остров, 2023. 647 с 329
Ye. M. Lupanova
Review of the monograph: *Grebenshchikova G.A.* Russian fleet and diplomacy of Catherine II. Fleet, war, politics. Vol. III. Three Wars of Catherine the Great. Part 3. St. Petersburg: Ostrov, 2023. 647 p.

Требования к публикации статей и материалов 335

УДК 94(47).044+281.093+271
DOI: 10.51255/2311-603X_2023_4_8

О. А. Абеленцева

Описания изделий из текстиля в описях Успенского Тихвинского монастыря XVII в.

Описи имущества церквей и монастырей содержат описания изделий из текстиля — богослужебных облачений, церковной утвари и предметов храмового убранства. Обиходные изделия ризницы Успенского Тихвинского монастыря утрачены, в музейных собраниях хранится несколько предметов с лицевым шитьем[1]. Цель исследования — проанализировать описания вещей из текстиля, чтобы понять, какой информационный потенциал имеют исследуемые источники. Установить подходы к описанию предметов, практиковавшиеся в монастыре в XVII в., структуру описаний, указываемые характеристики изделий, численность предметов и ее динамику, конструктивные особенности, ассортимент использовавшихся тканей, принципы описания рисунков на них и цветообозначения. Ответить на вопрос, насколько имеющиеся записи позволяют идентифицировать конкретный предмет.

В архиве Успенского Тихвинского монастыря за XVII в. сохранилось 16 описей имущества, составленных при сменах игуменов и архимандритов, и одна опись ризницы. В основном описи отражают состояние монастыря второй половины XVII в.[2] Их особенность как учетных документов состояла в том, что каждая последующая составлялась на основе предыдущей, фиксируя отсутствующие или вновь появившиеся предметы. В связи с большим объемом материала для анализа основных показателей были взяты четыре описи 1612, 1640, 1668 и 1697 гг., т. е. две крайние в XVII в. и еще две с интервалами между описаниями, составляющими около 28 лет. Табл. 1 показывает число изделий

из текстиля каждого вида. Опись 1612 г. отражает состояние монастыря после набега «воровских людей», случившегося в том же году[3].

Таблица 1. **Численность богослужебных облачений и церковной утвари из текстиля, упомянутых в описях имущества Успенского Тихвинского монастыря XVII в. (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. № 2, 71, 245, 775)**

Название облачения / утвари	1612	1640	1668	1697
Ризы (фелони)	29 (11)*	46 (27)	55 (15)	57 (11)
Стихари подризные / подризники	6 (1)	10 (6)	18	29 (13)
Епитрахили	15 (10)	16	28 (2)	29 (3)
Поручи	12 (1)	28 (10)	23	38 (2)
Шапки архимандрита	–	–	3	3
Палицы	–	–	5	6
Сулоги	–	–	8	9
Набедренники	–	–	6	8
Стихари дьяконские	9 (6)	15 (10)	22 (2)	54 (17)
Орари	3 (2)	9	25 (1)	40 (7)
Пояса	4	6	10	15
Судари	–	–	1	5 (3)
Ширинки	–	19	25 (7)	8 (3)
Полотенца	–	6 (2)	5	8 (3)
Плащаницы	–	1	2	3
Покровы	6 (2)	2	3	4
Пелены	12 (4)	49 (18)	57 (2)	52 (3)
Покровцы	15 (6)	6 (1)	13	24
Воздухи	–	1	1	3
Индитьи	2	3 (1)	1	1
Хоругвь	–	1	1	1

* Здесь и далее скобках указано число ветхих предметов, например, 11 из 29.

Структура описания каждой группы изделий зависела от их конструктивных особенностей и наличия декора. Рассмотрим это на примере двух наиболее многочисленных и значимых групп изделий — священнических фелоней (риз) и подризных и дьяконских стихарей. Крой фелони, как правило, состоял из трех частей — стана (основной части), оплечья и подольника. Подольник иногда отсутствовал, вместо него на низ стана фелони нашивалось кружево. В тихвинских описях термин «стан» не употреблялся. Вместо него просто указывали ткань, из которого он скроен — «ризы миткаль бел»[4]. Также к частям кроя следует отнести подкладку. Этот термин тоже не употреблялся, название и цвет подкладки вводились глаголом «подложены», например, — «подложены полотном»[5]. Перечислим характеристики для частей кроя, которые встречаются при описании риз: 1) для стана — название ткани, цвет или сочетание цветов,

рисунок, место производства, наличие фактуры; 2) для оплечья — то же, дополнительно — отделка (вышивка, жемчуг, дробницы[6], камни, окантовка кружевом, описание креста и звезды на спинке фелони); 3) для подольника — название ткани, цвет или сочетание цветов, рисунок, дополнительно — отделка (вышивка, кружево); 4) описание подкладки ограничивалось упоминанием названия и цвета ткани. К отделке также относится окантовка («опушка»[7], «подпушка»[8], «опушены отласом вишневым»[9]). Для «опушки» указывали название ткани и ее цвет. Дополнительные характеристики риз — принадлежность («игуменские»[10], «архимандричьи»[11]), особенности использования в богослужении («воскресные»[12], «вседневные»[13], «постные»[14]) и физическое состояние («ветчаны», «ветхие»[15], «гораздо ветхи»[16]). Хорошее состояние предметов не фиксировалось. Вероятно, дополнительные характеристики предметов давались по желанию составителей описи. Например, в описи 1697 г. нет упоминаний о том, что ризы воскресные, постные или архимандричьи[17], но начинается описание риз с тех же, что названы архимандричьими в описи 1668 г. (см. далее). К дополнительным характеристикам также можно отнести данные о том, что облачения или ткани для них были даны вкладом в монастырь:

«Ризы камка зелена адамашка, оплечье шито золотом и серебром по червчатому отласу, подолник камка двоеличная. А дал те ризы боярин князь Дмитрей Михайлович Пожарской»[18].

У подризных (надевавшихся священниками под фелони) и дьяконских стихарей имелось также зарукавье — широкая полоса ткани внизу рукава (как правило, того же цвета, что и оплечье стихаря). Структура описания зарукавья могла включать в себя вид ткани, ее цвет, фактуру, декор (вышивку, кружево)[19].

Приведем примеры описаний риз из описи монастыря 1668 г. — краткого, более детального и подробного, характеризующего наиболее ценный предмет:

«Ризы камка дымчатая, оплечье бархатея узорчатая»[20].

«Ризы отлас лазорев, оплечье аксамит золотной по белой земле, опушены камкою двоеличной, подложены крашениной лазоревой»[21].

«Ризы архимаричьи отлас золотной по белой земле. Оплечье бархат черной сажен жемчюгом, на нем десять дробниц больших, на них резаны святые стоящие, деисус. Да четыре дробницы круглых, на них резаны херувими и святые. Дробница треугольная, на ней Господь Саваоф с херувимами. Да малых дробниц в травах, и около оплечья в каймы, и в ерданех сто пятьдесят семь дробниц. Да камешков вставок семдесят болших и малых, да в ставках дватцать пять жемчюжин. Крест и звезда жемчюжные же, в них шесть вставок каменев в серебряных гнездах. Подольник шит золотом и серебром волоченым по червчатому отласу, а в нем камешки бирюзы. Подложены объярью лимонной, опушены отласом червчатым»[22].

В успенском Тихвинском монастыре «воскресные» ризы, т. е. использовавшиеся в богослужении в праздничный день недели, шились из полотна. Такие ризы упоминаются в описях 1612, 1640 и 1668 гг., а в описи 1697 г. они уже

не значатся. У нас нет ответа на вопрос, почему именно полотняные ризы использовались в воскресных службах. Можем лишь высказать предположение, основанное на числе таких риз — шесть — в описях 1640 и 1668 гг.[23] Нами было установлено, что традиционно в монастыре должны были служить шесть священников[24]. Вероятно, в воскресенье они все участвовали в службе. Единообразные облачения могли использоваться из эстетических соображений или во избежание ссор.

Особенности стиля описаний предметов могли возникать в силу чрезвычайных обстоятельств. Например, опись 1612 г. отличается краткостью, вероятно из-за того, что новгородские должностные лица, составившие ее после вражеского набега, спешили окончить свою работу в ущерб полноте фиксируемых сведений. Из 29 риз в описи 1612 г. для всех указано только название ткани стана, для 5 из 29 — его цвет. Название ткани оплечий указано для 15 риз, их цвет для 3 (см. табл. 4), у остальных они были ободраны грабителями. Такие характеристики, как подольник, опушка и подкладка, не упомянуты. Отмечена ветхость 11 риз и назначение для шести — двух воскресных и четырех постных. В пяти случаях облачения описаны суммарно (всего для 19 риз), например: «Да пятеры ризы полотняные, оплечья у них алтабасные, и камчатые, и мухоярные, ветшаны»[25].

Сравнение тихвинских описей с описями имущества других монастырей показывает, что стиль записей и терминология в таких инвентарях может иметь местные особенности. На наш взгляд, стилистика не в последнюю очередь зависела от числа описываемых предметов. Если в тихвинских описях зачастую указывались не все структурные части кроя предмета, то, например, в описи 1635 г. Кирилло-Белозерского монастыря, имевшего значительно более богатую ризницу, отсутствуют названия некоторых частей кроя, вероятно, опущенные в целях экономии места и времени. Например, термин «подольник» в кирилловских описях не употреблялся, а просто указывалась ткань, из которой он был сделан, например — «дороги поласаты»: «Ризы миткалинные, оплечье отлас золотной по червчатой земле, круживо, дороги полосаты»[26].

Термин «зарукавье» для стихарей в кирилловских описях также не употреблялся. Эту часть кроя, вероятно, называли «поручи». Список поручей как вида облачений в кирилловской описи 1635 г. дан отдельно[27], для них обязательно указывался материал пуговиц, на которые они застегивались, и их число (для серебряных). При описании «поручей» (зарукавий) указана только ткань, которая, как и в тихвинских описях, как правило, была той же, что и у оплечья. Пуговицы в описаниях стихарей не фигурируют, например: «Стихарь полубархат по зеленой земле, оплечье и поручи тафта багрова, круживо, камка багрова же»[28]. То есть оплечье, низ рукавов и полоса внизу подола были из багровой камки.

В тихвинских описях имеется только один случай, когда зарукавья названы поручами: «Стихарь дияконской рудо-желтой камки клинчатой, а оплечье

и поручи бархат золотной, болшие травы по червчатой земли, подолник камка червчата»[29].

В описях Успенского Тихвинского монастыря XVII в. упоминается не менее 22 видов тканей. В основном их названия традиционны для инвентарей XVII в. В рамках данной статьи нет необходимости говорить об особенностях структуры использовавшихся тканей, так как этот вопрос был освещен в ряде исследований, например описания старинных тканей в связи с их наименованиями в России XVI–XVII вв. даны в работах В. К. Клейна, И. И. Вишневской и Н. В. Сазоновой[30]. Технологические характеристики текстиля представлены в методическом пособии О. В. Орфинской[31]. Скажем лишь несколько слов о составе тканей. Большинство из упомянутых в описях тканей были изготовлены из шелка, дорогие виды — с добавлением золотных или серебряных нитей. Наиболее дорогими и редко встречающимися в описях монастыря были аксамит и алтабас, далее следуют изорбаф и объярь, золотные бархаты и атласы. В. К. Клейн полагал, что аксамит стал использоваться в России в 1640 г. только при царском дворе[32]. Однако в описях имущества крупных монастырей это название ткани фиксируется и в XVI — начале XVII в.[33] Аксамит стоил дорого, и использовался для небольших изделий или деталей. Согласно описи 1640 г., из него были скроены оплечье и зарукавья стихаря[34]. Смесовую ткань мухояр (хлопок с шерстью или шелком), хлопчатобумажные ткани — бумзию, миткаль и льняное полотно также использовали для пошива облачений, а зендень, киндяк, крашенину и выбойку[35] — в основном для подкладки.

Таблица 2. **Число упоминаний тканей разных видов в описях Успенского Тихвинского монастыря**

№	Название ткани	1612 г.	1640 г.	1668 г.	1697 г.
1	Аксамит	–	1	5	2
2	Алтабас	1	4	3	1
3	Атлас	11	50	126	183
4	Бархат	17	38	90	104
5	Бархатель	–	–	6	2
6	Бархатея	–	3	7	6
7	Бумзия	–	3	1	–
8	Выбойка	–	10	6	6
9	Дороги	4	20	21	37
10	Зендень	8	9	3	5
11	Изорбав	–	–	–	4
12	Изуфрь	–	–	–	2
13	Камка	10	75	114	150
14	Камкосея	1	9	6	16
15	Киндяк	–	6	51	64
16	Крашенина	10	23	41	73

№	Название ткани	1612 г.	1640 г.	1668 г.	1697 г.
17	Кутня	–	–	16	5
18	Миткаль	2	5	9	3
19	Мухояр	11	4	1	2
20	Объярь	–	1	18	57
21	Полотно	5	7	7	10
22	Тафта	23	50	58	72
23	Участок	–	1	8	25

Как следует из данных табл. 2, чаще других для пошива облачений и утвари употреблялись атлас, камка, бархат и тафта. За ними по числу упоминаний в 1640 г. следуют дороги (шелковая ткань с нитями основы и утка, окрашенными в разные цвета), а в 1668 и 1697 гг. — объярь.

Вопросы вызывает атрибуция ткани, которая обозначена в описях термином «участок». П. И. Савваитов дает следующее определение: «Участок — дорогая ткань по золотной, серебряной или шелковой земле с разноцветными травами»[36]. В тихвинских описях встречаются термины «участок» и «участочный». Последний из всех видов тканей применялся только к атласу и бархату. При сравнении текстов описей нами выявлены два типа разновременных описаний одной и той же напрестольной пелены. В первой группе описей 1640–1668 гг. ткань напрестольной пелены названа золотным бархатом, а в описях 1675–1697 гг. — золотным участком. Приведем примеры:

[1640 г.]: «Да к тому же престолу зделана прикладная болшая пелена, спереду **бархат золотной** по червчатой земли, травы и круги болшие золотные и серебряныя»[37].

[1697 г.]: «Да к престолу же прикладывают пелену на болшие празники, с лица средина **участок золотной**, по червчатой земли травы и круги большие золотные и серебряные»[38].

То есть термин «участок» в данном случае заменил название ткани. Частотность употребления этого термина в описях нарастала постепенно. В описях 1640–1660 гг. он встречается 1–3 раза, например, «поручи золотного участка по червчатой земли»[39]. Чаще употреблялось определение «участочный» с названием ткани или без него — «патрахель участочного золотного отласу по зеленой земли»[40]. В 1665–1675 гг. фиксируется 6–10 случаев, а в 1676–1697 гг. 29–25 случаев. Резкое увеличение (29 случаев) произошло в 1676 г. На наш взгляд, на каком-то этапе словом «участок» стали заменять названия тканей — атлас и бархат. По мнению И. П. Перовой, термины «участок» и «участочный» могут характеризовать распределение золотных нитей по ткани, будь то золотной атлас или золотной бархат, и указывают, что поверхность ткани не сплошь золотная или серебряная, а сочетается с цветным шелком (по зеленой, белой, червчатой земле), располагается «участками», рисунком. Также И. П. Перова предполагает, что это указывает на технический прием введения золотных или

цветных нитей утка — в технике брошировки, когда узор образуется работой дополнительных утков не по всей ширине ткани, от кромки до кромки, а только на ограниченных участках[41].

Несмотря на субъективный характер восприятия цветов, зависящий от многих факторов, цветообозначение как характеристика изделия также должно было быть результатом некоторого консенсуса между составителями описи. Выбор цвета ткани для пошива богослужебных облачений и изделий из текстиля зависел от уже существовавшей традиции, вкусов заказчика или дарителя и вновь возникающих, выражаясь современным языком, трендов.

Многие ткани были полихромными. В описаниях различали, как минимум, цвета земли (фона) и рисунка — «оплечье бархатное зеленое по белой земли»[42]. Если доминирующие цвета выделить было сложно, то ткань называли цветной — «ризы отлас мелкотравной цветной»[43].

Подсчеты показали, что суммарно в тихвинских описях использовано 34 наименования цветов (табл. 3).

Таблица 3. **Названия цветов, упомянутых в описях имущества Успенского Тихвинского монастыря**

1612 г. (11)	**Число упом.**	**1640 г. (17)**	**Число упом.**	**1668 г. (24)**	**Число упом.**	**1697 г. (28)**	**Число упом.**
–	–	Алый	2	Алый	17	Алый	21
–	–	Багровый	8	Багровый	6	Багровый	1
Белый	5	Белый	25	Белый	45	Белый	56
Белый посконный	1	–	–	–	–	–	–
–	–	–	–	Брусничный	6	Брусничный	5
–	–	Вишневый	3	Вишневый	6	Вишневый	29
–	–	–	–	Вишневый темный	2	Вишневый темный	6
Гвоздичный	1	Гвоздичный	4	Гвоздичный	3	Гвоздичный	1
–	–	–	–	Гнильчатый	1	–	–
Голубой	4	Голубой	7	Голубой	5	Голубой	1
–	–	Дымчатый	3	Дымчатый	2	Дымчатый	1
–	–	–	–	–	–	Жаркий	1
Желтый	2	Желтый	23	Желтый	50	Желтый	55
Зеленый	**7**	**Зеленый**	**51**	**Зеленый**	**93**	**Зеленый**	**119**
–	–	–	–	Зеленый светлый	2	–	–
–	–	Зеленый темный	1	Зеленый темный	4	Зеленый темный	8
–	–	–	–	Кирпичный	2	Кирпичный	20
–	–	–	–	–	–	Крапивный	1

1612 г. (11)	**Число упом.**	**1640 г. (17)**	**Число упом.**	**1668 г. (24)**	**Число упом.**	**1697 г. (28)**	**Число упом.**
–	–	–	–	Красный	4	Красный	1
Лазоревый	1	Лазоревый	28	Лазоревый	36	Лазоревый	36
–	–	Лазоревый светлый	1	Лазоревый светлый	1	–	–
–	–	–	–	Лимонный	6	Лимонный	7
–	–	–	–	–	–	Осиновый	3
–	–	–	–	–	–	Песочный	1
	–	Рудожелтый	6	Рудожелтый	5	Рудожелтый	16
	–	Рудожелтый темный	1	–	–	–	–
–	–	–	–	–	–	Сахарный	2
Сизый	1	–	–	–	–	–	–
–	–	–	–	–	–	Соломенный	1
–	–	Таусинный	6	Таусинный	12	Таусинный	15
–	–	–	–	–	–	Ценинный	1
Червленый	5	Червленый	10	Червленый	19	Червленый	43
Червчатый	**13**	**Червчатый**	**68**	**Червчатый**	**157**	**Червчатый**	**172**
Черный	1	Черный	10	Черный	26	Черный	37
Золотные нити	**4**	**Золотные нити**	**50**	**Золотные нити**	**101**	**Золотные нити**	**145**
–	–	–	–	Серебряные нити	11	Серебряные нити	54

Число цветов возрастало в течение века: в 1612 г. их было 11, в 1640 г. — 18, в 1668 г. — 24, а в 1697 г. — 28. При этом некоторые цвета фиксируются только в одной или некоторых описях и отсутствуют в других. Например, в описи 1612 г. упомянуты цвета белый посконный и сизый, а в последующих описях они не встречаются.

Лексике цветообозначения в древнерусском языке посвящена фундаментальная монография Н. Б. Бахилиной[44]. В ней имеются характеристики почти всех ранее названных нами цветов, за исключением посконного и гнильчатого. Относительно значений некоторых названий цветов в литературе и ранее велись дискуссии, и исследовательница была очень осторожна в трактовках, раскрывая содержание терминов. Такая позиция Н. Б. Бахилиной понятна, учитывая возможное число оттенков каждого цвета и субъективность их восприятия авторами анализируемых ею источников. Мы также можем только высказать несколько предположений относительно того, какие цвета обозначают их названия, встреченные в тихвинских описях. Посконным белым был назван бархат[45]. Само определение цвета — белый — подразумевает, что оттенок ткани был очень светлым, но близким

к цвету холста. Гнильчатый, вероятно, обозначал зеленовато-коричневый цвет. Но писец описи мог совершить ошибку и написать гнильчатый вместо глинчатого, т. е. — цвета глины. Но и такая трактовка не позволяет точнее представить цвет ткани, так как существуют глины разных цветов. Гвоздичный Н. Б. Бахилина отнесла к группе серого цвета[46], но, если речь идет о цвете пряности, то ее цвет скорее красновато-коричневый. Наименование «сахарный», вероятно, было вызвано ассоциациями с желтовато-бежевым тростниковым сахаром (у Н. Б. Бахилиной — белый с легкой голубизной[47]). Ценинный — прилагательное от слова ценина (поливные изразцы). Они могли быть монохромными — муравленными (зелеными) или синими. На наш взгляд, более вероятен последний вариант. Лазоревый — прилагательное от слова лазурит (камень), который мог иметь разные оттенки. Различались цвета червленый (оттенок красного) и червчатый — от названия насекомого кошенильного червца (лат. Dactylopius coccus, фр. cochenille, от исп. cochinilla) — красный цвет близкий к малиновому. В целом число цветообозначений в тихвинских описях достаточно разнообразно для XVII в. Для сравнения можно привести подсчеты Н. Б. Бахилиной числа наименований цветов в описях ризницы Успенского собора Московского Кремля: начало XVII в. — 15, 1627 г. — 25, 1701 г. — 24[48]. То есть тихвинцы использовали при составлении описей примерно такое же число обозначений цвета, как и москвичи. К ранее названным цветам следует добавить еще золотные и серебряные нити, которые применялись как для изготовления тканей, так и для вышивки оплечий и зарукавий. Нами были подсчитаны данные о числе упоминаний каждого цвета в описях (см. табл. 3).

Согласно данным табл. 3, чаще других в описях упоминаются цвета червчатый, зеленый и золотные нити в составе тканей. Далее идут белый, желтый и лазоревый. К концу XVII в. популярность набирают цвета из группы красного — алый, вишневый и червленый, а также черный и серебристый. Следует сказать, что приведенные подсчеты интересны, но не дают адекватной картины колористических решений облачений, утвари и убранства из текстиля, так как для восприятия важен еще размер части кроя у конкретной вещи, о чем будет сказано далее.

В современной практике при пошиве богослужебных облачений не используют цвета разных групп, а руководствуются традиционными цветами (и их оттенками) в зависимости от праздника. Например, пасхальные облачения шьются из тканей группы красного цвета, а для Богородичных праздников — из группы синего. При прочтении описей XVII в. возникает иная, не соответствующая современной традиции картина многоцветья изделий из текстиля. По признаку соотнесения с определенными праздниками и постами в описях XVII в. выделены только облачения, использовавшиеся в посты, но и они были многоцветными. Единственное, что их отличало, — более сдержанные оттенки, например: «Пятеры ризы мухоярные багровые. На двоих ризах оплечье бархат

червчат, а у третьих мухояр полосат, а у четвертых и у пятых оплечье бархат зелен»[49].

В описаниях постных риз часто встречающиеся цвета багровый и вишневый. Как уже было сказано, описания отдельных предметов не всегда включали их полные характеристики, т. е. при дальнейших подсчетах взято число предметов, для которых названы цвета кроя. В 1640 г. из 33 риз 12 имели оплечье из червчатой или червчатой с золотными нитями ткани, четыре из них — белый стан, а пять — зеленый подольник (цвета подольников у остальных семи не указаны). То есть предпочтение отдавали червчатым оплечьям, которые делали и у белых риз, и у багровых постных. «Ризы миткаль бел, оплечье отлас золотной по червчатой земли, подолник тафта зелена, подложены полотном»[50].

Черное оплечье (шитое золотом и серебром) в 1640 г. имелось только у одних риз, еще у двух черным был стан[51]. В 1668 г. из 49 риз червчатое или червчатое в сочетании с золотным или белым оплечьем имелось у 15 риз. Часто встречающиеся цвета их станов — белый (3), желтый (4) и зеленый (3). Из цветов подольников названы червчатый (4), брусничный (1), красный (1) и желтый (1). Зеленые подольники у таких риз уже не упоминаются. Восемь риз имели черное оплечье, четыре из них — светлый стан (белый с золотом, серебристый, серебристый с золотом) и червчатый подольник. В 1697 г. червчатое оплечье имели 18 риз, а черное — 13, но появился и развивался еще один тренд — ризы с золотным оплечьем, светлым станом (белым, желтым, серебристым) и червчатым подольником (6 риз). На наш взгляд, черные оплечья использовали потому, что на черном бархате особенно эффектно смотрелось шитье золотными и серебряными нитями, жемчуг и другой декор. Вероятно, этот тренд пришел из столицы. В собраниях музеев Московского Кремля имеются такие облачения[52]. То есть когда мы отмечаем увеличение числа упоминаний текстиля черного цвета, то это говорит о регулярном проведении соответствующего приема декорирования, а не о том, что облачения стали шить в более темных тонах. Также во всех трех описях зафиксированы ризы, части кроя которых представлены цветами разных групп, например: «Ризы камка лазорева куфтерь, оплечье золотной отлас по зеленой земли, подолник камка червчата, подложены киндяком лазоревым»[53].

Многие из подризных и дьяконских стихарей также имели оплечья из тканей с доминированием червчатого цвета: в 1640 г. — 6 из 13; в 1668 г. — 18 из 33; в 1697 г. — 19 из 63. Черных оплечий было мало: в 1668 г. — одно, в 1697 г. — три. Вероятно, нарядно расшитые черные оплечья были достаточно дорогими в исполнении и заказывались в основном для фелоней. Что касается других видов изделий, то они тоже отличались многоцветьем, и для их изготовления также охотно использовали ткани червчатого цвета, например: «У того же образа пелена камка червчата опушена камкою желтою мелкотравною, наугольники камка лазорева, на пелены крест, а на нем тритцеть дробниц серебряных басемные золочены»[54].

Таблица 4. **Частотность употребления характеристик при описании фелоней (риз), подризных и дьяконских стихарей в описях имущества Успенского Тихвинского монастыря**

Год составления описи	**1612 г.**		**1640 г.**		**1668 г.**		**1697 г.**	
Название богослужебного облачения	**Риз.**	**Ст.**	**Риз.**	**Ст.**	**Риз.**	**Ст.**	**Риз.**	**Ст.**
Всего риз / стихарей в описи	29	15	46	25	55	40	59	79
Название ткани стана (основная деталь кроя)	29	6	40	13	55	40	59	79
Цвет / сочетание цветов ткани стана	5	–	33	10	50	39	53	57
Рисунок ткани стана	–	–	4	2	6	–	5	18
Наличие фактуры у ткани стана	–	–	–	–	–	–	1	–
Страна происхождения ткани стана	–	–	9	–	15	1	2	–
Название ткани оплечья	15	13	37	13	48	37	54	61
Цвет / сочетание цветов ткани оплечья	3	–	31	13	43	33	51	54
Рисунок ткани оплечья	1	–	2	3	4	13	12	14
Наличие фактуры у ткани оплечья	–	–	4	–	3	1	5	1
Страна происхождения ткани оплечья	–	–	–	1	–	–	–	–
Наличие креста и звезды	–	–	3	–	14	–	3	–
Наличие шитья (вышивки)	–	–	8	–	17	–	18	6
Наличие дробниц, камней и жемчуга	–	–	3	–	2	–	2	–
Другой декор (кружево, галун)	–	–	–	–	5	–	15	10
Название ткани подольника	–	–	34	8	25	25	50	46
Цвет / сочетание цветов ткани подольника	–	–	15	7	22	22	42	40
Рисунок ткани подольника	–	–	5	1	5	6	6	16
Наличие фактуры у ткани подольника	–	–	–	–	–	–	–	–
Страна происхождения ткани подольника	–	–	–	1	–		4	1
Наличие декора: вышивка, кружево	–	–	4	–	4	–	3	–
Название ткани окантовки («опушки»)	–	–	13	3	14	11	3	2
Цвет ткани окантовки	–	–	10	2	11	10	3	2
Рисунок ткани окантовки	–	–	–	1	–	–	–	–
Название ткани подкладки	–	–	27	3	29	28	48	56
Цвет / сочетание цветов ткани подкладки	–	–	9	1	21	13	29	22
Рисунок ткани подкладки	–	–	–	–	–	–	–	–
Страна происхождения ткани подкладки	–	–	–	–	–	–	–	–
Название ткани зарукавья	–	–	–	13	–	31	–	55
Цвет / сочетание цветов ткани зарукавья	–	–	–	13	–	29	–	52
Рисунок ткани зарукавья	–	–	–	–	–	12	–	11
Наличие фактуры у ткани зарукавья	–	–	–	–	–	1	–	–
Принадлежность, назначение	6	15	25	23	10	40	–	79
Состояние (ветхость)	11	7	27	16	15	2	13	26
Страна происхождения ткани зарукавья	–	–	–	1	–	1	–	1

Данные табл. 4 показывают, что к редко упоминаемым характеристикам тканей относится страна происхождения. По названиям тканей, которые исследователи связывают с местом их производства, в тихвинских описях упоминаются сорта камок — куфтерь (лучший сорт итальянской камки с крупным узором), адамашка (производилась в Дамаске), евская (из города Йезд в Персии) и атлас кизылбашский (персидский).

Число упомянутых фактур также невелико: рытый бархат, который имел гладкую землю и ворсовый рисунок («бархат червчат рытой по белой земли»[55]), петельчатый бархат («бархат золотной петельчат»[56]), ворсовая основа которого не была разрезана[57] или не разрезана только местами («бархат золотной, по местом травы петельчаты»[58]), петельчатые алтабас и аксамит («алтабас золотной по лазоревой земли петелчат», «аксамит золотной петельчат»[59]). К фактурам можно отнести «струйчатый», или «струнчатый» узор на тафте («тафта черная струнчатая», «тафта желтая струйчатая»[60]), создававшийся путем тиснения[61].

Рисунок ткани фиксировали также не всегда. Представляется, что это было вызвано объективными причинами. Детальное описание рисунка требовало дополнительных затрат времени, существенно усложняло задачу и увеличивало объем описи. Для характеристики рисунков в описях использовались названия геометрических фигур — круг («бархат червчат с круги», «круги большие золотные и серебряные»[62]), куб[63] («по белой серебряной земле травы кубами»), клин («камка клинчата»[64]), полоса («мухояр полосат», «отлас полосатой»[65]), сочетание полос и растительного орнамента («камка полосатая травчатая»[66]), клетка («отлас клитчатой песошной»[67]), а также ассоциации с животным миром — формой лап, копыт («отлас цветной по желтой земле лапчатой», «бархат червчат копытчатой з золотом и с серебром»)[68]. Все растительные мотивы рисунков называли травами. В зависимости от размера раппорта рисунка он мог называться просто травами («по червчатой земле травы розных цветов»[69]), большими травами («золотные болшие травы»[70]) и травками («отлас червчат травки белые»[71]), а ткань травчатой или мелкотравной («камка полосатая травчатая», «отлас мелкотравной цветной»[72]). Последние два определения наиболее часто встречаются в описях. Также иногда для рисунка на камке, атласе, бархате и тафте использовали термин «узорчатый» без конкретизации характера орнаментальных мотивов («отлас золотной узорчатой по зеленой земли», «индитья бархатна узорчатая», «тафта зеленая узорчатая»[73]). Вероятно, это происходило в тех случаях, когда рисунок не мог быть описан при помощи других определений, содержание которых было традиционно установлено и понятно на локальном уровне. Часто вместо описания рисунка ткани указывалось сочетание цветов его элементов, например, «отлас золотной по червчатой земле», «бархат лазорев на золоте»[74].

На основании ранее сказанного можно сделать следующие выводы. Изучение цветовых предпочтений при выборе текстиля в Успенском Тихвинском монастыре показало, что в исследуемый период для богослужебных облачений

и утвари из текстиля было характерно многоцветье и обилие декора, насколько это позволяли средства. Среди записей о ризах и стихарях нет описания предмета, в котором бы присутствовали все возможные его характеристики. Составители описаний в работе следовали нескольким принципам. Во-первых, в описях как охранном документе обязательно фиксировали наличие ценных элементов декора, которые могли быть утрачены или похищены. Также указывали наличие шитья золотными и серебряными нитями на облачениях и пеленах, так как они (даже ветхие) представляли ценность и использовались для новых изделий[75]. Во-вторых, детальные описания были скорее исключением. Писцы ограничивались минимальным числом характеристик, позволявшим, на их взгляд, опознать изделие, отличить его от других подобных. В-третьих, ветхие предметы описывали кратко как утратившие свою ценность. Прослеживаются локальные особенности в построении записей о вещах и в терминологии. Составители описей имели в своем распоряжении довольно ограниченный арсенал средств для описания рисунков и фактур тканей. Вероятно, использовались только широко распространенные определения, так как они должны были быть общеупотребительными и понятными всем. Имеющиеся записи позволяют идентифицировать только отдельные ценные предметы, описанные детально, но можно представить (визуализировать) и вид обиходных вещей при помощи аналогий с отдельными деталями сохранившихся образцов изделий и тканей XVII в.

---

1 *Шалина И. А.* 1) Две плащаницы XVII в. из Успенского собора Тихвинского монастыря // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2021. № 1. С. 171–185; 2) Лицевые пелены XVII века в убранстве Успенского собора Тихвинского монастыря // XXVI Научные чтения памяти Ирины Петровны Болотцевой (1944–1995): Сборник статей. Ярославль, 2022. С. 183–204; 3) Произведения лицевого и орнаментального шитья из тихвинских монастырей и храмов // Церковное шитье: история и современность. Материалы международной научно-практической конференции памяти Наталии Андреевны Маясовой. Санкт-Петербург, 10–12 октября 2019. СПб., 2024 (в печати).

2 Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. № 2 (1612 г.), № 67 (1639/40 г., ризница), № 71 (1640 г.), № 102 (1648 г.), № 114 (1648 г.), № 119 (1650 г.), № 151 (1653 г.), № 166 (1657 г.), № 187 (1660 г.), № 213 (1665 г.), № 245 (1668 г.), № 297 и 310 (1675 г.), № 317 (1676 г.), № 312 (1678 г.), № 404 (1680 г.), № 720 (1695 г.), № 775 (1697 г.).

3 *Абеленцева О. А.* О гибели архива Тихвинского Успенского монастыря в 1612 г. // На рубеже культур: Тихвин в XVII столетии: Материалы научно-практической конференции. СПб., 2015. С. 10–18.

4 Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. № 71. Л. 42.

5 Там же. Л. 40 об.

6 Серебряные пластины с гравированным рисунком.

7 Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. № 245. Л. 69 об. — 70 об. и др.

8 Там же. № 71. Л. 40 об., 41 об. и др.

9 Там же. № 775. Л. 54.

[10] Там же. № 71. Л. 49 — 49 об.
[11] Там же. № 245. Л. 65–66.
[12] Там же. № 2. Л. 6 об.; № 71. Л. 42; № 245. Л. 69.
[13] Там же. № 71. Л. 42 об.
[14] Там же. № 2. Л. 21; № 71. Л. 42 об.; № 245. Л. 69.
[15] Там же. № 2. Л. 6 об., 21; № 71. Л. 40 об. и др.; № 245. Л. 68 и др.; № 775. Л. 53 об. — 54, 95.
[16] Там же. № 775. Л. 53 об. — 54.
[17] Там же. № 775. Л. 49–55.
[18] Там же. № 71. Л. 50 об.
[19] Фото фелони и стихаря см.: *Вишневская И. И.* Драгоценные ткани. М., 2007. С. 36–39 (см. также на сайте ПСТГУ «Иконография восточно-христианского искусства»: https://icons.pstgu.ru/needlework/2048 и https://icons.pstgu.ru/needlework/1862 (дата обращения 22.07.2023)).
[20] Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. № 245. Л. 70.
[21] Там же. Л. 69.
[22] Там же. Л. 65.
[23] Там же. № 71. Л. 42; № 245. Л. 69.
[24] *Абеленцева О. А.* Клир Успенского Тихвинского монастыря в 1623–1633 гг.: структура, численность и их динамика, система оплаты // Петербургский исторический журнал. 2022. № 3 (35). С. 9–13.
[25] Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. № 2. Л. 6 об.
[26] Описи строений и имущества Кирилло-Белозерского монастыря 1615 и 1635 гг.: Тексты и исследования / Сост. Н. В. Башнин, З. В. Дмитриева; отв. ред. М. Н. Шаромазов. М.; СПб., 2021. С. 247.
[27] Там же. С. 251–253.
[28] Там же. С. 251.
[29] Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. № 71. Л. 52.
[30] *Клейн В. К.* Иноземные ткани, бытовавшие в России до XVIII века, и их терминология. М., 1925; *Вишневская И. И.* Драгоценные ткани. С. 14–15; *Сазонова Н. В.* Мир сефевидских тканей XVI–XVII века: История, эстетика, технология, использование: Каталог коллекции ГМВ. М., 2004. С. 43–68, 160–162.
[31] *Орфинская О. В.* Терминологический аппарат для описания узорных шелковых тканей Средневековья в музейных коллекциях: иллюстрированное методическое пособие для сотрудников музеев и специалистов по музейному и археологическому текстилю. М., 2019.
[32] *Клейн В. К.* Иноземные ткани. С. 21.
[33] См.: Описи Соловецкого монастыря XVI века / Сост. З. В. Дмитриева, Е. В. Крушельницкая, М. И. Мильчик. СПб., 2003. С. 54, 80, 111–112, 149–150; Опись строений и имущества Кирилло-Белозерского монастыря 1601 года: Комментированное издание / Сост. З. В. Дмитриева и М. Н. Шаромазов. СПб., 1998. С. 141–143.
[34] Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. № 71. Л. 44.
[35] Характеристику этих тканей см.: *Клейн В. К.* Иноземные ткани. С. 62–64.
[36] *Савваитов П. И.* Описание старинных русских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора. СПб., 1896. С. 156.
[37] Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. № 71. Л. 32.
[38] Там же. № 775. Л. 40.
[39] Там же. № 71. Л. 51 об.
[40] Там же. Л. 51.
[41] Выражаю сердечную благодарность научному сотруднику ГИМ Ирине Петровне Перовой за консультацию по данному вопросу.
[42] Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. № 71. Л. 41 об.
[43] Там же. № 71. Л. 41.
[44] *Бахилина Н. Б.* История цветообозначений в русском языке. М., 1975.

[45] Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. № 2. Л. 6 об.
[46] *Бахилина Н. Б.* История цветообозначений в русском языке. С. 84.
[47] Там же. С. 76.
[48] Там же. С. 74.
[49] Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. № 71. Л. 43 об.
[50] Там же. Л. 42.
[51] Там же. Л. 39 об., 43 — 43 об.
[52] См. примеч. 19.
[53] Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. № 71. Л. 41.
[54] Там же. № 245. Л. 37 — 37 об.
[55] Там же. № 71. Л. 41.
[56] Там же. № 245. Л. 68 об.
[57] *Клейн В. К.* Иноземные ткани. С. 23–27.
[58] Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. № 775. Л. 50 об.
[59] Там же. № 71. Л. 40; № 245. Л. 77 об.
[60] Там же. № 775. Л. 53.
[61] *Клейн В. К.* Иноземные ткани. С. 41.
[62] Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. № 775. Л. 40, 54.
[63] Там же. № 245. Л. 72. Куб — большой чан, имеющий вид шара или цилиндра (См.: Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 8. М., 1981. С. 101). То есть травы, вероятно, располагались в форме круга или овала. Могла иметь место и ошибка писца, написавшего «кубами» вместо «купами».
[64] Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. № 245. Л. 74 об.
[65] Там же. № 71. Л. 43 об., 50 об.
[66] Там же. № 245. Л. 65 об. — 66.
[67] Там же. № 775. Л. 82.
[68] Там же. № 245. Л. 73; № 775. Л. 51 об. (о термине «копытчатый» см.: *Клейн В. К.* Иноземные ткани... С. 36).
[69] Там же. № 245. Л. 71.
[70] Там же. № 71. Л. 49.
[71] Там же. № 245. Л. 77 об.
[72] Там же. № 245. Л. 65 об.; № 71. Л. 41.
[73] Там же. № 71. Л. 27, 31 об., 39.
[74] Там же. № 245. Л. 68; № 71. Л. 43.
[75] См., например: Там же. № 71. Л. 50 — 50 об.: «Ризы камка куфтерь зеленая, оплечье шито золотом и серебром по червчатому бархату звездками и копытцами. А ту камку дал игумен Герасим вкладом за племянника своего. А оплечье снято с старых с мелкотравных риз, что по белой земли».

REFERENCES

ABELENTSEVA O. A. *Klir Uspenskogo Tikhvinskogo monastyrya v 1623–1633 gg.: struktura, chislennost' i ikh dinamika, sistema oplaty* [Clergy of the Assumption Tikhvin Monastery in 1623–1633: structure, number and their dynamics, payment system. In Russ.] // Petersburg historical journal. 2022. No. 3 (35). P. 7–20.

BAKHILINA N. B. *Istoriya tsvetooboznachenii v russkom yazyke* [History of color terms in Russian. In Russ.]. Moscow, 1975.

KLEIN V. K. *Inozemnye tkani, bytovavshie v Rossii do XVIII veka, i ikh terminologiya* [Foreign fabrics that existed in Russia until the 18th century, and their terminology. In Russ.]. Moscow, 1925.

MIL'CHIK M. I. (ed.) *Opisi Solovetskogo monastyrya XVI veka* [Inventory of the Solovetsky Monastery of the 16th century. In Russ.] / Sost. Z. V. Dmitrieva, E. V. Krushel'nitskaya, M. I. Mil'chik. St. Petersburg, 2003.

ORFINSKAYA O. V. *Terminologicheskii apparat dlya opisaniya uzornykh shelkovykh tkanei Srednevekov'ya v muzeinykh kollektsiyakh: illyustrirovannoe metodicheskoe posobie dlya sotrudnikov muzeev i spetsialistov po muzeinomu i arkheologicheskomu tekstilyu* [Terminological apparatus for describing patterned silk fabrics of the Middle Ages in museum collections: an illustrated manual for museum staff and specialists in museum and archaeological textiles. In Russ.]. Moscow, 2019.

SAVVAITOV P. I. *Opisanie starinnykh russkikh utvarei, odezhd, oruzhiya, ratnykh dospekhov i konskogo pribora* [Description of ancient Russian utensils, clothing, weapons, military armor and horse equipment. In Russ.]. St. Petersburg, 1898.

SAZONOVA N. V. *Mir sefevidskikh tkanei XVI–XVII veka: Istoriya, estetika, tekhnologiya, ispol'zovanie. Katalog kollektsii GMV* [The world of Safavid fabrics of the 16th–17th centuries: History, aesthetics, technology, use. Catalog of the collection of the State Museum of Oriental Art. In Russ.]. Moscow, 2004.

SHALINA I. A. *Dve plashchanitsy XVII v. iz Uspenskogo sobora Tikhvinskogo monastyrya* [Two shrouds of the 17th century from the Assumption Cathedral of the Tikhvin Monastery. In Russ.] // *Drevnyaya Rus'. Voprsy medievistiki*. 2021. No. 1. P. 171–185.

SHALINA I. A. *Litsevye peleny XVII veka v ubranstve Uspenskogo sobora Tikhvinskogo monastyrya* [Face shrouds of the 17th century in the decoration of the Assumption Cathedral of the Tikhvin Monastery. In Russ.] // XXVI Nauchnye chteniya pamyati Iriny Petrovny Bolottsevoi (1944–1995): Sbornik statei. Yaroslavl', 2022. P. 183–204.

SHAROMAZOV M. N. (ed.) *Opisi stroenii i imushchestva Kirillo-Belozerskogo monastyrya 1615 i 1635 gg.: Teksty i issledovaniya* [Inventory of buildings and property of the Kirillo-Belozersky Monastery in 1615 and 1635: Texts and research. In Russ.] / Sost. N. V. Bashnin, Z. V. Dmitrieva. Moscow; St. Petersburg, 2021.

VISHNEVSKAYA I. I. *Dragotsennye tkani* [Precious textiles. In Russ.]. Moscow, 2007.

VZDORNOV G. I. (ed.) *Opis' stroenii i imushchestva Kirillo-Belozerskogo monastyrya 1601 goda: Kommentirovannoe izdanie* [Inventory of buildings and property of the Kirillo-Belozersky Monastery in 1601: Commentary edition. In Russ.] / Sost. Z. V. Dmitrieva i M. N. Sharomazov. St. Petersburg, 1998.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

О. А. Абеленцева. Описания изделий из текстиля в описях Успенского Тихвинского монастыря XVII в. // Петербургский исторический журнал. 2023. № 4. С. 8–24

Аннотация: Статья посвящена анализу записей о богослужебных облачениях и утвари из текстиля ризницы Успенского Тихвинского монастыря XVII в. Установлены численность вещей, основные принципы фиксации данных о них, структура описаний, перечень имеющихся характеристик, частотность их употребления. Изучены ассортимент использовавшихся тканей, принципы описания рисунков на них, цветообозначения, терминология. Автор также отмечает, что в целом для изделий из текстиля была характерна полихромность, но в ее рамках имели место предпочтения в цветовых сочетаниях, которые со временем менялись.

Ключевые слова: история России XVII в., Успенский Тихвинский монастырь, описи монастырского имущества, богослужебные облачения, текстиль XVII в., цветообозначение.

FOR CITATION

O. A. Abelentseva. Descriptions of textile products in the inventories of the Assumption Tikhvin Monastery of the 17th century // Petersburg historical journal, no. 4, 2023, pp. 8–24

Abstract: The article is devoted to the analysis of records of liturgical vestments and utensils from the textiles of the sacristy of the Assumption Tikhvin Monastery of the 17th century. The number of things, the basic principles of recording data about them, the structure of descriptions, a list of available characteristics, and the frequency of their use have been established. The range of fabrics used, the principles of describing the patterns on them, color designations, and terminology were studied. The author also notes that, in general,

polychrome was characteristic of textile products, but within its framework there were preferences in color combinations that changed over time.

Key words: the history of Russia in the 17th century, the Assumption Tikhvin Monastery, inventory of monastery property, liturgical vestments, 17th century textiles, color designation.

Автор: **Абеленцева, Ольга Алексеевна** — к. и. н., старший научный сотрудник Отдела древней истории России Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук.

Author: **Abelentseva, Olga Alekseevna** — PhD in History, Senior Researcher, Division of Medieval Russian History of the St. Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences.

E-mail: oaabelen@mail.ru

УДК 94(47).083.4
DOI: 10.51255/2311-603X_2023_4_25

Дин Суин

Японские винтовки для России во время Первой мировой войны

С начала Первой мировой войны Россия пыталась компенсировать дефицит винтовок заграничными поставками. Англия и Франция, как и Соединенные Штаты, не могли удовлетворить потребностей России. Оказалось, что только Япония могла предоставить их достаточное количество. Японские дипломатические и торговые представители в Европе, с начала войны предлагая поставку различных материалов, просили послать в Токио представителя Военного министерства России[1]. Россия проявляла сдержанность: отношения двух государств не были достаточно хороши для закупок крупных партий оружия, но в итоге приняла предложение Японии.

Главное артиллерийское управление (ГАУ), получив разрешение царя, направило в Японию военно-техническую миссию во главе с генерал-лейтенантом Э. К. Гермониусом. В нее вошли полковник В. Г. Федоров, гвардии капитан М. П. Подтягин, капитан Загард и секретарь Тиханович[2]. Перед миссией стоял ряд задач, в том числе приобретение миллиона винтовок того типа, который был на вооружении японской армии[3]. В. Г. Федоров в своих мемуарах писал, что эта задача была совсем непроста. После первого обсуждения с японским военным министром этого вопроса высшие круги Японии пытались отвлечь внимание делегации именно от него[4]. В течение двух месяцев русские представители не получали ответа на вопрос о покупке винтовки Арисака. Русская делегация пригрозила отъездом, поставив военному министру Ока Итиносуке (岡 市之助) своего рода ультиматум[5]. Это побудило японскую сторону заявить о готовности поставить России 300 тыс. винтовок и 20 млн патронов по низкой

цене. Первая партия винтовок была поставлена в октябре, остальные должны были поступить к декабрю[6]. Русская делегация была недовольна медленным темпом поставок. За несколько дней до «ультиматума» японцы тайно продали России 35 тыс. винтовок Маузера, предназначенных для Мексики.

Отношение к русско-японскому союзу отражает запись в дневнике председателя партии Риккэн Сэйюкай (Конституционное общество политических друзей) Хары Такаси (原 敬): «Нельзя допустить, чтобы русско-японский союз превысил пределы англо-японского союза. Необходимо ограничить его только Азией, как англо-японский союз»[7]. Влияние Англии сказывалось на решении Японии о поставках России винтовок. Лондон был заинтересован в сдерживании немцев на Восточном фронте, что требовало поддержания боеспособности русской армии. Примечательно содержание письма английского посла в Японии Грина министру иностранных дел Японии Окума Сигэнобу (大隈 重信) от 19 августа 1915 г.: «...в связи с вступлением в войну Турции Дарданеллы, главный порт ввоза в Европейскую часть России, заблокирован. Поэтому Россия зависит в снабжении полностью от Владивостока и Архангельска. В результате русская армия не может сопротивляться немецкой армии и отступила на восток... Британия советует Японии оказать помощь России с индустриальной мобилизацией в производстве винтовок и патронов. К сожалению, Англия не в состоянии удовлетворить срочные требования России»[8]. Японские государственные деятели также считали, что оказание военно-материальной помощи России вытекает из англо-японского союза и является обеспечением безопасности Японии[9]. Английская дипломатия смогла несколько ослабить антироссийские настроения в Японии[10]. Король Англии Георг V телеграфировал императору Японии: «Ваше величество, без сомнения, прекрасно понимает, что сейчас России нужно громадное количество винтовок, чтобы вооружить войска, которые она готова выставить на фронте»[11]. Георг V подчеркивал: «Страна Вашего Величества — единственная в мире способна предоставить достаточное количество винтовок, я искренне верю, что правительство Вашего Величества окажет всю помощь»[12]. Англия пошла даже на переуступку своей доли поставок японского оружия России[13].

Письма английского посла Грина члену палаты пэров Токугава Иэсато (徳川 家達) 7 июля 1915 г. и премьеру и министру иностранных дел Окума Сигэнобу 19 августа 1915 г. это доказывают. В письме Токугава Грин отметил, что если российское правительство выступит с конкретным планом работы над поставками японских винтовок, то английское правительство «не будет соперничать с союзником в обеспечении оружием»[14]. В письме Окума Сигэнобу Грин замечал: «...английское правительство не имеет в лице России соперника по снабжению японскими винтовками и патронами»[15].

Председатель консервативной партии Риккэн Досикай, член кабинета Окума Сигэнобу Като Такааки (加藤 高明) в своем письме от 29 июля отмечал, что до уточнения параметров российского заказа трудно ответить на пожелания

Англии, производительность Японии недостаточна, чтобы удовлетворить требованиям обеих стран. Он пояснял, что, поскольку из телеграммы 4 июля японского посла в России Мотоно Итиро (本野 一郎) следовало намерение российского правительства закупить большую часть японских винтовок, то Япония отдает приоритет переговорам именно с Россией[16].

Следует иметь в виду, что в Токио поставки России винтовок рассматривали как фактор, способный обеспечить великодержавный статус и престиж Японии в послевоенном мире. Кроме того, Япония пыталась расширить свое влияние в Китае и Маньчжурии, что делало поставки оружия России инструментом возможного изменения баланса сил в этом регионе в пользу Японии.

Заместитель начальника Генштаба японской армии Акаси Мотодзиро (明石 元二郎) писал генерал-губернатору Кореи Тэраути Масатаке (寺内正毅) 30 июля 1914 г.: «Сразу после начала войны русский военный атташе Самойлов просил оказать помощь оружием и патронами, и тогда Япония свободно может действовать в Китае»[17]. 24 июня 1915 г. он же в письме председателю Тайного совета гэнро Ямагата Аритомо (山県有朋) написал: «Нынешняя беда русской армии для Японии напротив — благоприятный случай»[18]. Японский военный атташе в России Одагири Масазуми (小田切 政純) в телеграмме военному министру 24 июня 1915 г. отмечал: «Если Япония снабдит Россию оружием, это будет вполне выгодно в политическом отношении»[19].

Такой расчет политических выгод влиял на позицию японского генералитета, первоначально негативно настроенного к передаче японских стратегических запасов России. «Уведомление о посылке наказа военным атташе при посольствах» (大公使館附武官ニ與フル訓示送付ノ件通牒) от 10 ноября 1915 г., отправленное Танакой Гиити (田中 義一), будущим премьер-министром, заместителю министра иностранных дел Мацуи Кейсиро (松井 慶四郎), является свидетельством изменения позиции армии в отношении поставок оружия России. Танака писал: «Волна войны в Европе постепенно накатывается, и показывает тенденцию, что она дойдет до Востока... естественно, что страны Антанты всякими способами пытаются втягивать империю в войну или требуют передачу военных материалов. Поэтому, если кто скажет, что прямое участие империи в совместных операциях и передача наших военных запасов невыгодны, то он поставит международное будущее империи в затруднение и сократит ее мощь. Империя должна, накапливая постепенно силы, внимательно всматриваясь в развитие общей обстановки, определить важный момент в военной стратегии»[20].

Когда посол Мотоно передал Окума разговор с главой МИД России Сазоновым, тот сказал: «Нехватка винтовок — для России тяжелейшая боль. Под нынешним кризисом, кроме Японии, нет другого государства, которое может поставить России достаточное количество винтовок. Поэтому если Япония поможет России снабжением винтовок, то Россия обязательно заплатит»[21]. Японский министр полагал, что Япония не только усилит свое влияние

в послевоенном мире, но и сможет получить уступки от России по вопросам концессии в Маньчжурии[22]: «Если императорское правительство решит оказать помощь, тогда выставить нижеуказанные условия:

1. Бесплатная уступка Сунгари-Чанчуньской железной дороги.
2. Предварительное признание трех стран (Англия, Франция, Россия) приобретения Японией германской концессии в Китае.
3. Признание владения Японией территориями в Южном океане, которые до войны принадлежали Германии.
4. Гарантировать Японии получение компенсации от Германии и Австрии после заключения мира.

Конечно, возможна известная критика того, что наши условия слишком чрезмерны. Но действия Японии на Дальнем Востоке — результат англо-японского союза. Мы не обязаны действовать дальше, и если мы будем действовать дальше, тогда мы сможем требовать соответствующую компенсацию. Поэтому, я полагаю, что для трех стран нет причин считать невозможным... вышеуказанные условия для России»[23].

Из этой цитаты следует, что Япония хорошо понимала, что ее вклад в войну меньше, чем Англии и Франции, и что чрезмерные требования возбудят возражения стран Антанты во время обсуждения компенсации.

Указание Осима Кэнити (大島 健一) военному атташе во Франции полковнику Фукухаре (福原 佳哉) 28 декабря показывает, какую выгоду имела в виду японская сторона: «Вскоре после начала войны мы получили от русских просьбу о 300 тыс. винтовок. Наши запасы недостаточны, чтобы удовлетворить их нужду. И нам в течение от года до двух лет надо спешить заменить производство винтовок образца 30-го года на образец 38-го года и убрать старые винтовки. Учитывая, что это выгодно для нас, мы решили уступить 200 тыс. винтовок и имеющиеся патроны»[24]. Военное министерство считало крупный заказ России шансом для модернизации своей армии. Поэтому японская армия продала России винтовки образца 30-го года из арсеналов Токио и Осака через синдикат «Тайхэи кумиаи» (泰平組合 — группа Тайхэи), после чего получила из арсеналов новые винтовки образца 38-го года.

С точки зрения России, это было обманом: Россия заплатила за новые винтовки образца 38-го года, а получила старые винтовки[25]. Военный министр В. А. Сухомлинов в конце декабря 1914 г. просил С. Д. Сазонова ввиду недостаточности покупки 200 тыс. винтовок в Японии связаться с японским правительством по поводу продажи еще 150 тыс. винтовок с возможно большим количеством патронов. Посол и военный атташе в Токио предприняли необходимые шаги[26]. 14 января 1915 г. посол Н. А. Малевский-Малевич вновь просил министра иностранных дел Японии Такааки Като (加藤 高明) о 300 тыс. винтовок[27]. Винтовки — своего рода цена за сотрудничество в вопросе о «21 требовании» Японии к Китаю, выдвинутых 18 января. Япония, рассчитывая на поддержку России в переговорах с Китаем, задержала передачу винтовок[28]. Россия проявила сдержанность, когда

Япония выдвинула эти требования Юань Шикаю. Это свидетельствует о том, что поставка винтовок сыграла роль приманки для обеспечения этой позиции России в отношении экспансионистской политики Японии в Китае.

В результате в июле 1915 г. Россия успела приобрести 100 тыс. винтовок нового образца и 20 млн патронов к ним, но этого было недостаточно[29]. 11 августа Сазонов упомянул в шифрованной телеграмме Малевскому-Малевичу, что он заявил японскому послу в Петербурге: «Наша армия настоятельно нуждается в немедленном получении миллиона винтовок. Императорское правительство обращается к японскому правительству с просьбой ныне же уступить нам это количество винтовок. Удовлетворением этой нашей просьбы японское правительство окажет нам услугу, которая не забудется в России и определит навсегда дружественное Японии направление русской политики».

По данным телеграммы японского военного атташе при ставке Наказима Масатаке (中島正武) в Генштаб (октябрь 1915 г.), в начале 1915 г. в русской армии было полтора миллиона винтовок, а в октябре осталось 600 тыс., необходимо было срочно восстановить боеспособность русской армии[30]. По мере нарастания дефицита стрелкового оружия росла зависимость России от Японии. России пришлось платить не только за сами винтовки, но и за сырье и станки. Доклад статс-секретаря С. И. Тимашева, записанный в протоколе Особого совещания от 10 октября 1915 г., показывает тогдашнее положение в России: одним из способов получения в скорейшем времени винтовок для нужд армии могло стать приобретение их у правительства Японии, отпустив японскому правительству средства на расширение оружейных заводов в Японии. Особое совещание пришло к решению о безотлагательности вступления в переговоры с японским послом в Петрограде по этому вопросу[31].

Генерал А. А. Поливанов 23 октября затронул эту тему в разговоре с послом Мотоно[32]. «...генерал Поливанов вручил барону Мотоно новый меморандум, в котором говорилось, что он хочет пересмотреть предложение японского правительства о производстве оружия и боеприпасов для русской армии. Япония просит Россию немедленно поставить 200 000 винтовок Тип 38 и 1000 патронов партийных боеприпасов из своего запаса и в то же время произвести 1,8 миллиона винтовок и боеприпасов российского образца в течение четырех лет»[33]. Ответ из Токио поступил 25 октября. Согласно ему, японская сторона соглашалась «поставить 200 000 винтовок Тип 38 в период с февраля 1917 г. по начало сентября того же года». Это была не та скорость поставок, на которую рассчитывали в России.

Конкретную причину медлительности можно найти в телеграммах, которыми обменивались министр армии Ока Ичиносуке (岡 市之助) и министр иностранных дел Исии Кикудзиро (石井 菊次郎). Исии интересовался у Ока отправкой к ноябрю по русскому календарю 200 тыс. винтовок типа 38[34]. В ответ Ока заявил, что абсолютно невозможно поставить винтовки к ноябрю по русскому календарю, как того требует Россия, и выразил недовольство чрезмерными

требованиями России. «Как Вы (министр иностранных дел Исии. — *С. Д.*) знаете, имперская армия разрабатывает план поставки оружия в Россию, мобилизовав как можно больше запасов и производственных мощностей... Речь шла даже о чем-то вроде пятилетнего плана исключительно для России, и если с ним не согласны, то можно его и отвергнуть. Я просто хочу получить ответ как можно быстрее, а Вы, пожалуйста, раскройте недоразумение и проясните суть. Сдать к 1 ноября по русскому календарю 200 000 винтовок невозможно, а передать [оружие] другим трудно»[35].

С начала 1915 г. вопрос о снятии винтовок с резервного хранения и поставках их в Россию вызывал в Японии разногласия. За поставки в Россию выступали министр иностранных дел Като и Ямагата Аритомо, а против выступила оппозиционная партия и министр армии Ока Ичиносуке[36].

Винтовка японского производства изначально не планировалась в качестве основного оружия русской армии. Федоров предполагал вооружить ими части ополчения или тыловые батальоны[37]. В декабре 1914 г. начальник Генштаба Н. Н. Янушкевич также возобновил попытки ввести винтовки иностранного производства, заявив, что даже винтовки, использующие боеприпасы, отличные от штатных винтовочных боеприпасов русской армии, могут быть отданы в подразделения, действующие самостоятельно на окраинах, например на Кавказе[38]. 35 тыс. винтовок Маузера, ранее поставленных Японией, были переданы маньчжурским пограничным войскам, а их винтовки Мосина-Нагана отправлены на европейский театр военных действий.

В реальности поставленные России японские винтовки Арисака были распылены почти по всем направлениям[39]. До осени 1915 г. одна из десяти поставленных на вооружение русской армии винтовок были японского производства, остальные — винтовками Манлихера, захваченными в больших количествах у австро-венгерской армии. Имелись немецкие винтовки Маузер и винтовки Гра, частично поставленные Францией. Такое смешение винтовок разных типов вызвало путаницу в снабжении, которой Сухомлинов опасался. В итоге 14 ноября 1915 г. командование Генштаба русской армии издало приказ № 2212 об упорядочении обеспечения винтовками воинских частей: все воинские части подразделялись на три категории: к первой относятся части, принимающие участие непосредственно в боевых действиях, ко второй — части тыловые на театре военных действий и, наконец, к третьей категории относятся части, находящиеся внутри империи; части первой категории вооружались исключительно 3-линейными, японскими и австрийскими винтовками, части второй категории — винтовками Гра и Гра-Кропачек и, наконец, части третьей категории — винтовками Веттерли, Бердана, германскими и оставшимися Гра. Распределение винтовок по фронтам в отношении первой категории было решено следующим образом. Северный фронт постепенно переходил на японскую винтовку с немедленным снятием австрийских и берданок (кроме запасных батальонов, где кроме указанных винтовок должны быть оставлены 3-линейные винтовки из расчета 20 вин-

товок на роту). Все освобождающиеся 3-линейки передавались в части первой категории в пределах своего фронта. В первую очередь было намечено перевооружение одной из армий. Западный фронт вооружался только 3-линейными винтовками. Юго-западный фронт — 3-линейками и австрийскими. Выполнение намеченной программы предполагалось провести в течение ноября — декабря 1915 г., чтобы использовать некоторое ослабление боевой деятельности[40]. Северный фронт первым получил винтовку Арисака.

Таблица 1. **Количество винтовок иностранного производства, ввезенных в Россию с 1914 по апрель 1917 г.**

Страна	Тип винтовок	Количество (шт.)	Итог (шт.)
Япония	Арисака тип 30/38/44	635 000	635 000
Франция	Гра	450 000	641 000
	Гра-Кропачек	105 000	
	Лебель	86 000	
Италия	Ветерли	400 000	400 000
Англия	Арисака тип 30/38 (байпасная подача)	128 000	128 000
Промежуточный итог			1 804 000
США[41]	Компания Винчестер	299 000	657 000
	Ремингтон / Вестингауз (1916)	165 000	
	Ремингтон / Вестингауз (1917)	193 000	
Итого			2 461 000

Источник: Маниковский А. Боевое снабжение русской армии в мировую войну. М., 1937. С. 291.

Таблица 2. **Типы и количество винтовок, поставленных или обещанных к поставке России от союзников к январю 1916 г.**

Тип винтовок	Обещанное или поставленное количество
Русская 3-линейка	Около 1 000 000
Итальянская Ветерли	500 000
Французская Гра & Гра-Кропачек	560 000
Французская Лебель	39 000
Мексиканский Маузер (японского производства)	35 000
Японская Арисака	660 000
Австрийская Манлихер (трофейная)	300 000
Русская Берданка	300 000
Итог	3 594 000

Источник: Федоров В. Оружейное дело на грани двух эпох: в 2 ч. М., 1938–1939. Ч. 1. С. 62.

Таблица 3. **Количество винтовок Арисака японского производства, находившихся на вооружении русской армии по состоянию на август 1916 г.**

Месяц (1916)	Количество боеспособных винтовок с боезапасом 100 патронов в месяц
1	120 000
2	120 000
3	120 000[42]
4	120 000
5	270 000
6	370 000
7	520 000
8	520 000

Источник: Федоров В. Оружейное дело на грани двух эпох. Ч. 1. С. 61, 63.

Федоров отмечал, что винтовки Арисака (тип 30 и 38, которые мало различались) являлись технически современным оружием, и их характеристики не сильно отличались от винтовки Мосина-Нагана[43]. Винтовка Арисака тип 30 имела лучшую баллистику используемой в ней 6,5-мм пули, так что вполне компенсировала отсутствие винтовки Мосина-Нагана[44]. Англичане согласились поставлять 6,5-мм патроны для винтовок Арисака, производя их на собственном заводе под Петроградом, и постоянно импортировать их из Японии, и за год эта проблема была практически решена.

Таблица 4. **Боезапас на винтовку**

Тип винтовок	Боезапас на винтовку	
	к 25.04.1916	к 15.09.1917
Русская трехлинейка	275	250
Японская Арисака	400	600
Австрийская Манлихер	500	550
Французская Лебель	–	130

Источник: Маниковский А. Боевое снабжение русской армии в мировую войну. С. 442.

Приказ № 9734 от 15 декабря из Генштаба, предписывавший возвращать все японские винтовки в передовые войска Северного фронта «по мере накопления запасных боеприпасов», указывает на то, что японские винтовки должны были использоваться в качестве основных[45].

Япония стала единственным массовым поставщиком основного стрелкового оружия. После колебаний, не в последнюю очередь по внутриполитическим причинам, Япония начала поставлять винтовки в Россию. Торговля оружием

обеих стран была основана не на дружбе, а обусловлена ситуацией мировой войны и международной обстановкой на Дальнем Востоке. Поставка винтовок виделась из Токио как основа для послевоенного учета Россией геополитических интересов Японии в Восточной Азии.

К октябрю 1915 г. Россия закупила в Японии 635 400 винтовок на условиях, близких к форс-мажорным. Конечно, это количество не могло полностью удовлетворить потребности русской армии в то время, когда ежемесячное потребление винтовок достигало 200 000, но получение винтовок из Японии имело явное преимущество перед импортом из других стран. Контракт России с Японией по винтовкам был выполнен. Протокол заседания Совета министров 18 марта 1916 г. свидетельствует, что показатели поставок из Японии превосходили другие страны[46].

---

1 バールィシェフ, エドワルド,「第一次世界大戦期における日露軍事協力の背景: 三井物産の対露貿易戦略」, 『北東アジア研究』 Vol. 21, 島根県立大学北東アジア地域研究センタ, 2011. P. 25.

2 「分割 1 」JACAR (アジア歴史資料センター) Ref. B07090292200、本邦二於ケル各国兵器需品其他調達関係雑件 / 露国ノ部 第一巻 (5-1-5-0-17_7_001) (外務省外交史料館). P. 2.

3 Российский государственный военно-исторический архив (далее — РГВИА). Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4060. Л. 15, 15 об., 24–25.

4 *Федоров В. Г.* В поисках оружия. Мемуары создателя первого автомата. М., 2019. С. 42.

5 Там же. С. 48–49.

6 Там же. С. 52.

7 原敬, 『原敬日記 4 総裁就任』, 福村出版株式會社. 1981. P. 114.

8 「分割 3 」JACAR (アジア歴史資料センター) Ref. B07090290300、本邦二於ケル各国兵器需品其他調達関係雑件 / 英仏露ノ部 (5-1-5-0-17_4) (外務省外交史料館). P. 374–375.

9 「分割 1 」JACAR (アジア歴史資料センター) Ref. B07090290100、本邦二於ケル各国兵器需品其他調達関係雑件 / 英仏露ノ部 (5-1-5-0-17_4) (外務省外交史料館). P. 140–141, 145.

10 「分割 1 」JACAR (アジア歴史資料センター) Ref. B07090290100、本邦二於ケル各国兵器需品其他調達関係雑件 / 英仏露ノ部 (5-1-5-0-17_4) (外務省外交史料館). P. 144–146.「分割 3 」JACAR (アジア歴史資料センター) Ref. B07090290300、本邦二於ケル各国兵器需品其他調達関係雑件 / 英仏露ノ部 (5-1-5-0-17_4) (外務省外交史料館). P. 380.

11 「分割 3 」JACAR (アジア歴史資料センター) Ref. B07090290300、本邦二於ケル各国兵器需品其他調達関係雑件 / 英仏露ノ部 (5-1-5-0-17_4) (外務省外交史料館). P. 380.

12 Акаши Мотодзиро представляет отрывок из ответа Японии на телеграмму Георга V в письме Тераучи: «Мы окажем помощь, как мы это делали до сих пор. Кроме того, в будущем я полагаю дать больше помощи, и я приказал чиновникам умножить мощность заводов, и я буду распределять ее по Вашему желанию» (尚友倶樂部史料調査室 編, 『寺内正毅宛明石元次郎書翰付 『落花流水』原稿 (『大秘書』)』, 芙蓉書房出版. 2014. P. 91); Полный текст ответа Японии:「分割 2 」JACAR (アジア歴史資料センター) Ref. B07090290200、本邦二於ケル各国兵器需品其他調達関係雑件 / 英仏露ノ部 (5-1-5-0-17_4) (外務省外交史料館). P. 298.

13 「本邦二於ケル各国兵器需品其他調達関係雑件 / 雑ノ部」 JACAR (アジア歴史資料センター) Ref. B07090291900、本邦二於ケル各国兵器需品其他調達関係雑件 / 雑ノ部 (5-1-5-0-17_6) (外務省外交史料館). P. 29–31.

[14] 「分割 1 」 JACAR (アジア歴史資料センター) Ref. B07090292800、本邦二於ケル各国兵器需品其他調達関係雑件 / 露国ノ部　第二巻 (5-1-5-0-17_7_002) (外務省外交史料館). P. 28.
[15] 「分割 3 」 JACAR (アジア歴史資料センター) Ref. B07090290300、本邦二於ケル各国兵器需品其他調達関係雑件 / 英仏露ノ部 (5-1-5-0-17_4) (外務省外交史料館). P. 374.
[16] 「分割 1 」 JACAR (アジア歴史資料センター) Ref. B07090292800、本邦二於ケル各国兵器需品其他調達関係雑件 / 露国ノ部　第二巻　(5-1-5-0-17_7_002)　(外務省外交史料館). P. 536–537.
[17] 尚友倶樂部史料調査室 // Ibid. P. 55.
[18] 尚友倶樂部 山県有朋 関係文書 編纂委員会, 山県有朋関係文書 1, 山川出版社. 2005. P. 29.
[19] Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. 133. Оп. 470. Д. 137. Л. 119.
[20] 「分割 3 」 JACAR (アジア歴史資料センター) Ref. B07090290300、本邦二於ケル各国兵器需品其他調達関係雑件 / 英仏露ノ部 (5-1-5-0-17_4) (外務省外交史料館). P. 383–384.
[21] 「分割 3 」 JACAR (アジア歴史資料センター) Ref. B07090290300、本邦二於ケル各国兵器需品其他調達関係雑件 / 英仏露ノ部（5-1-5-0-17_4) (外務省外交史料館). P. 383–384.
[22] 「分割 2 」 JACAR (アジア歴史資料センター) Ref. B07090290200、本邦二於ケル各国兵器需品其他調達関係雑件 / 英仏露ノ部 (5-1-5-0-17_4) (外務省外交史料館). P. 184–185.
[23] 「分割 2 」 JACAR (アジア歴史資料センター) Ref. B07090290200、本邦二於ケル各国兵器需品其他調達関係雑件 / 英仏露ノ部 (5-1-5-0-17_4) (外務省外交史料館). P. 191–192.
[24] 「分割 2 」 JACAR (アジア歴史資料センター) Ref. B07090290200、本邦二於ケル各国兵器需品其他調達関係雑件 / 英仏露ノ部 (5-1-5-0-17_4) (外務省外交史料館). P. 195–198.
[25] 「第２０号　兵器局　連合軍に本邦兵器譲与に関する件」 JACAR (アジア歴史資料センター) Ref. C08040175200、「自大正３年　至同１１年　各国軍に軍器供給に関する綴　陸軍省」(防衛省防衛研究所). P. 282–283.
[26] Согласно беседе посла Малевского-Малевича с министром иностранных дел Като о закупке винтовок, Като и Ямагата приложили значительные усилия после получения запроса России на поставку винтовок типа 38, но министр армии Ока сказал, что запрос Великобритании на поставку винтовок типа 38 также был отклонен по той же причине (АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 82. Л. 3).
[27] АВПРИ. Ф. 150. Оп. 493. Д. 1868. Л. 97; Д. 1869. Л. 3–5.
[28] 「分割 1 」 JACAR (アジア歴史資料センター) Ref. B07090292200、本邦二於ケル各国兵器需品其他調達関係雑件 / 露国ノ部　第一巻 (5-1-5-0-17_7_001) (外務省外交史料館). P. 147.
[29] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 82. Л. 42.
[30] РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 4531. Л. 36; АВПРИ. Ф. 150. Оп. 493. Д. 923. Л. 153 — 155 об.
[31] Накадзима указывает на один из факторов, заставивших русскую армию страдать от серьезной нехватки винтовок: армия в беспорядке отступает и расходует свое оружие (АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 137. Л. 220).
[32] Там же.
[33] 「分割 4 」 JACAR (アジア歴史資料センター) Ref. B07090293100、本邦二於ケル各国兵器需品其他調達関係雑件 / 露国ノ部　第二巻　(5-1-5-0-17_7_002)　(外務省外交史料館). P. 1007–1011.
[34] Ibid.
[35] 「分割 4 」 JACAR (アジア歴史資料センター) Ref. B07090293100、本邦二於ケル各国兵器需品其他調達関係雑件 / 露国ノ部　第二巻　(5-1-5-0-17_7_002)　(外務省外交史料館). P. 996–997.
[36] 「分割 4 」 JACAR (アジア歴史資料センター) Ref. B07090293100、本邦二於ケル各国兵器需品其他調達関係雑件 / 露国ノ部　第二巻　(5-1-5-0-17_7_002)　(外務省外交史料館). P. 1000–1001.
[37] Недовольство Японии Россией уже проявлялось ранее. Японское правительство не доверяло предложению русского правительства передать части Сахалина и КВЖД в обмен на поставку 300 тыс. винтовок. В письме выражалось недовольство тем, что усилия японского правительства не воспринимались всерьез. Россия не выполняет своего обещания закупить винтовки в Японии и не только не дает точных указаний по закупкам

российской делегации в Японии, но и затягивает их, не пытаясь сократить время доставки (АВПРИ. Ф.133. Оп. 470. Д. 137. Л. 167).

[38] *Федоров В.Г.* В поисках оружия. 2019. С. 53.

[39] *Маниковский А. А.* Боевое снабжение Русской армии в Мировую войну. М., 1937. С. 276.

[40] Там же. С. 213.

[41] Серийное производство винтовок Мосина-Нагана.

[42] Согласно отчету атташе посольства России в Японии полковника Мореля от 10 марта 1916 г., к 14 марта 1916 г. Япония поставила 350 тыс. винтовок типа 30, 130 тыс. винтовок типа 38 и 35 тыс. мексиканских винтовок, всего 515 тыс. (АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 74. Л. 63).

[43] *Федоров В.Г.* В поисках оружия. 2019. С. 38; 1939. С. 13.

[44] *Федоров В.Г.* В поисках оружия. 2019. С. 40.

[45] *Федоров В.Г.* В поисках оружия. 1939. С. 72.

[46] «Японские заказы резко отличаются от всех иных, производимых нами на иностранных рынках, заготовлений. Не говоря уже об их относительной — по сравнению с непомерно поднятыми на американском и в особенности английском рынках ценами — дешевизне, предоставляемые японским заводам поставки не только обычно выполняются в установленные сроки, но даже нередко опережают последние. При этом и в качественном отношении японские изделия не оставляют желать лучшего, выгодно отличаясь... от многих закупаемых на иных заграничных рынках произведений. Наконец, особенно ценным отличительным свойством производимых в Японии заготовлений является скорость и легкость доставки благодаря обилию мелких японских судов и крайней дешевизне их фрахтов. Все вышеизложенное, в связи с острою потребностью наших армий во многих необходимых припасах, заставляет с особым вниманием отнестись к вопросу о возможности размещения наших заграничных заказов в Японии... Японское правительство с полною готовностью идет навстречу нашим в этой области пожеланиям и во исполнение их приняло уже самые энергичные меры по мобилизации своей промышленности для нужд нашей государственной обороны» (РГИА. Ф. 1276. Оп. 20. Д. 106. Л. 14–21).

References

BARYSHEV E. *Daiichizi sekaitaisenkiniokeru nichiroguunzikyouryokuno haikei: Mitsuibussanno tairobouekisenryaku* [The background of the Russo-Japanese military cooperation during the First World War: Mitsui Bussan's trading strategy towards Russia. In Jap.] // Shimane Journal of North East Asian Research. 2011. Vol. 21.

FYODOROV V. G. Oruzheynoe delo na grani dvukh epokh. Ch. 2: Oruzheynoe delo v pervuyu imperialisticheskuyu voynu [Arms on the verge of two epochs. Part 2: Arms in the first imperialist war. In Russ.]. Moscow: Izd. Artilleriiskoy ordena Lenina akademii RKKA im. Dzerzhinskogo, 1939.

FYODOROV V. G. V poiskakh oruzhiya. Memuary sozdatelya pervogo avtomata [In search of a weapon, Memoirs of the inventor of the first Automatic Rifle. In Russ.]. Moscow, Yauza-katalog, 2019.

HARA TAKASHI. Hara Takashi nikki 4: sousai syuunin [Diary of Hara Takashi 4: presidential inauguration. In Jap.]. Hukumura Shuppan kabushikikaisya, 1981.

IOBE MAKOTO. Shimotomai Nobuoi, Nichirokankeisi Pararell History no chousen [History of Russo-Japanese relationship: Challange of Pararell History. In Jap.]. Tokyodaigakusyuppankai, 2015.

Komissiya pri prezidume TSIK SSSR po izdaniyu dokumentov epokhi impeiralizma, Mezhdunarodnye otnosheniya v epokhu imperializma. Ser. 3. T. 8. Ch. 2 [International relationship in the epoch of imperialism Series 3. Book 8. Part 2. In Russ.]. Moscow: Gos. sots-ekon. izd-vo, 1938.

KORELIN A. P. et al. Zhurnaly Osobogo soveshaniya dlya obsuzhdeniya i ob'edineniya meropriyatii po oborone gosudarstva (Osoboe soveshanie po oborone gosudarstva). 1915–1918: T. 1. 1915 [Journals of the Special Conference for the discussion and integration of measures for the defense of the state (Special Conference for the Defense of the State). In Russ.]. Moscow: ROSSPEN, 2013.

MANIKOVSKY A. A. Boevoe snabzhenie Russkoy armii v Mirovuyu voynu [Military supply of Russian Army in the World War. In Russ.]: in 2 parts. Moscow: Gos. voennoe izd. narkomata oborny SSSR, 1937.

Syouyuukurabu Siryouchousasitsu, Terauchi Masatake ate Akashi Motozirou syoukan tsuki 'Rakkaryuusui'gernkou ('Daihisyo') [Letters of Akashi Motozirou to Terauchi Masatake with the manuscript of 'Rakkaryuusui' (Daihisyo). In Jap.]. Fuyoshobosuppan, 2014.

Syouyuukurabu Yamagata Aritomo kankeibunsyo hensaniinkai, Yamagata Aritomo kankeibunsyo 1 [Documents related to Yamagata Aritomo 1. In Jap.]. Yamakawa suppansya, 2005.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Суин Дин. Японские винтовки для России во время Первой мировой войны // Петербургский исторический журнал. 2023. № 4. С. 25–37

Аннотация: После начала Первой мировой войны российская императорская армия испытывала острую нехватку стрелкового оружия. Поэтому российская армия решила ввозить винтовки из-за границы. Но Россия нигде не могла найти подходящего поставщика, кроме Японии. С первого дня войны японские купцы и дипломаты в Европе предлагали России поставки военных материалов, но когда Россия действительно запросила поставки винтовок, военное министерство Японии и японское правительство отказались передать значительное количество винтовок не только вновь произведенных, но и также из своих запасов военного резерва. Но Великобритания, союзница Японии, вынудила последнюю поставить винтовки в Россию, чтобы уменьшить давление на Западном фронте, где британская армия сражалась с немцами. Японские элиты также рассматривали оказание помощи России как хороший шанс улучшить свое международное влияние и реализовать свое стремление к русско-японскому союзу. Визит князя Георгия был символическим событием, означавшим, что Япония наконец получила преимущество в отношениях между Россией и в переговорах по договору о русско-японском союзе. Несмотря на то что русское правительство официально отрицало политический смысл этого визита, в результате настоятельной потребности в винтовках для фронта и упорного сопротивления Японии в вопросе о союзе, основными проблемами были поставки винтовок и русско-японский союз. То есть винтовка сыграла существенную роль в определении двусторонних отношений и русско-японского союза, более выгодного для Японии и возглавляемого ею.

Ключевые слова: Первая мировая война, снабжение русской армии, винтовка Арисака, Япония, Мотоно Итиро, Ока Итиноске, Окума Сигэнобу, Исии Кикузиро, Федоров, Сазонов, Сухомлинов, Малевский-Малевич, Самойлов, Маниковский.

FOR CITATION

Jin Suin. Japanese rifles for Russia during World War I // Petersburg historical journal, no. 4, 2023, pp. 25–37

Abstract: After First World War broke out, Imperial Russian army undergone extreme shortage in supply of rifle. So Russian army decided import rifles abroad. But Russia nowhere couldn't find eligible supplier, which can quickly supply a number of rifles, except Japan. From the first day of war, Japanese merchants and diplomats in Europe suggested material supply to Russia, but when really Russia requested supply of rifle, ministry of war Japan and Japanese government reluctant to hand over a considerable number of rifles not only newly produced, but also from their war reserve stocks. But Great Britain, ally of Japan pressed Japan to supply rifle to Russia, to reduce pressure on the western front where British army fight against Germans. And Japanese elites also regarded providing aid to Russia as a good chance to improve their international influence and realize their desire of Russo-Japanes alliance. Visit of Prince Georgii was symbolic event, which means Japan finally gained advantage in relation between Russia and in the negotiation for Russo-Japanese alliance treaty. Despite Russian government officially denied political meaning of this visit, as a result of urgent demand of rifle from front and Japan's stubborn holdout on the issue of alliance, major issues were rifle supply and Russo-

Japanese alliance. It means rifle played essential role in determining bilateral relations and Russo-Japanese alliance, more advantageous to Japan and leaded by her.

Key words: Russo-Japanese relation, First World War, Military supply, Arisaka rifle, Japan, Monono Ichiro, Oka Ichinosuke, Okuma Shigenobu, Ishii Kikujiro, Anglo-Japanese alliance, Fyodorov, Sazonov, Sukhomlinov, Malevsky-Malevich, Samoilov, Manikovsky.

Автор: **Дин Суин** — магистр истории, Корейский университет.
Author: **Jin Suin** — Master of Arts in History, Korean University.

УДК 94(47).083
DOI: 10.51255/2311-603X_2023_4_38

Н. С. Андреева

Революционный кризис 1905 г. и вопрос о реформах в Прибалтийских губерниях

Усиление революционного движения в Прибалтийских губерниях в 1905 г. поставило на повестку дня российского правительства необходимость восстановить законный порядок и вместе с тем обеспечить в крае социальную стабильность. Основная ставка была сделана на подавление революции репрессивными мерами, которые, однако, могли дать лишь временный эффект. Гарантировать же социальную стабильность в Прибалтийских губерниях на длительный период времени предполагалось с помощью наиболее назревших реформ.

Осуществить преобразования в Прибалтийском крае просили в своих многочисленных ходатайствах в Совет министров на основании указа Правительствующему сенату от 18.02.1905 прибалтийские крестьяне, волостные сельские общества, представители эстонской и латышской интеллигенции[1].

О настоятельной необходимости неотложных реформ в крае высказывались и представители местной правительственной администрации. Лифляндский губернатор М. А. Пашков, оставляя в июне 1905 г. свою должность, обратился к Николаю II со всеподданнейшей запиской. Он подчеркивал, что для стабилизации ситуации в Лифляндии следовало разрешить аграрный вопрос, улучшить положение безземельного крестьянства, ввести земство общероссийского образца, а также сократить участие дворянства в административном управлении Прибалтийскими губерниями[2]. В пользу преобразований в Прибалтике

также выступали и исполнявшие в разное время должность эстляндского губернатора П. П. Башилов и И. В. Коростовец.

По поручению министра внутренних дел А. Г. Булыгина перечень необходимых для «умиротворения» Прибалтийского края реформ составил причисленный к МВД член Ученого комитета Министерства народного просвещения Г. Г. Виссендорф. В докладной записке министру, которую можно датировать июлем 1905 г., он предлагал распространить на Прибалтийские губернии земское Положение 1864 г. и деятельность Крестьянского поземельного банка, продать крестьянам непроданные крестьянские земли, отменить право патроната[3], разрешить обучение на национальных языках в сельских народных школах и городских начальных училищах, где учились преимущественно эстонцы и латыши, при обязательном преподавании русского языка и ряд других мероприятий[4].

Нарастание революционного кризиса вынудило правительство обратить непосредственное внимание на положение в Прибалтийских губерниях и наметить ряд мер для его стабилизации. По распоряжению Николая II Совет министров 26.11.1905 обсудил ситуацию и признал, что беспорядки в Прибалтийских губерниях возникли вследствие «несовершенств экономических и юридических условий местной жизни». Эти «несовершенства» заключались в том, что в крае имелось «значительное» количество безземельных крестьян, земским делом и лютеранской церковью руководило дворянство, отстранив от этого местное эстонское и латышское население, действовало право патроната и в школах не велось преподавание на местных языках[5]. Как считал Совет министров, «революционные агитаторы» использовали недовольство местного населения в своих целях. В связи с этим реформы были призваны если не устранить, то во всяком случае смягчить экономические и социально-политические проблемы и свести к минимуму восприимчивость эстонского и латышского населения к агитации революционеров.

Для восстановления общественного порядка в Прибалтийских губерниях и обеспечения подготовки соответствующих преобразований Совет министров предлагал ввести должность временного прибалтийского генерал-губернатора, наделенного исключительными полномочиями по военному и гражданскому управлению краем, которому подчинялась бы губернская администрация и находившиеся в Прибалтийских губерниях войска, предоставив ему права командующего войсками военного округа, а в местностях, объявленных на военном положении, — права командующего армией[6]. Должность «главного начальника края» должна была объединить деятельность местных гражданских и военных властей в борьбе с революционным движением. Не желая поощрять прибалтийский партикуляризм, Совет министров указывал на временный характер должности прибалтийского генерал-губернатора. В особенности подчеркивалось, что она создавалась «лишь на время, необходимое для умиротворения края» и для окончания подготовки местных преобразований. Руководствуясь

этими соображениями, Совет министров решил не определять штат канцелярии временного прибалтийского генерал-губернатора в законодательном порядке, а образовать его из чиновников Министерства внутренних дел[7].

Существенное значение для умиротворения края Совет министров придавал реформам, призванным ликвидировать причины общественного недовольства и социальной нестабильности. Их разработка возлагалась на совещание при временном прибалтийском генерал-губернаторе из «сведущих людей» — представителей местных сословий: дворянства, городского населения и крестьян от каждой из трех Прибалтийских губерний[8]. Этим правительство стремилось привлечь на свою сторону умеренно настроенную в политическом отношении часть местного населения и усилить проправительственные настроения в крае.

Представителей дворянства и горожан в это совещание должны были выбирать дворянские ландтаги и городские думы, тогда как для крестьян устанавливались двухстепенные выборы — их представители избирались на съезде выборщиков от волостей из числа лиц, владевших русским языком. Двухстепенный порядок выборов был установлен для того, чтобы не допустить избрания «сторонников крайних мнений», т. е. революционно настроенных кандидатов[9].

В интересах «качества и быстроты» работы совещания число его членов ограничивалось — в каждой из Прибалтийских губерний избиралось по два представителя от сословия — всего 18 лиц. Временному прибалтийскому генерал-губернатору предоставлялось право приглашать для участия в этом совещании «сведущих лиц» по своему усмотрению. Председательствовать в нем должен был сам генерал-губернатор или один из прибалтийских губернаторов по его назначению[10].

Меморию Совета министров от 26.11.1905 два дня спустя санкционировал Николай II. Соответствующий указ Правительствующему сенату учреждал должность временного прибалтийского генерал-губернатора и при нем Особое совещание для разработки проектов преобразований. В программу его работ вошли земская, церковно-приходская, школьная и крестьянская реформы. Временному прибалтийскому генерал-губернатору позволялось расширить ее по своему усмотрению, предложив совещанию подготовить и другие законопроекты. После одобрения генерал-губернатором они должны были передаваться министру внутренних дел для дальнейшего направления[11]. Таким образом, на это Особое совещание возлагалась предварительная разработка неотложных реформ для Прибалтийских губерний.

Посол Франции в России М. Бомпар в своем донесении 13.12.1905 премьер-министру и министру иностранных дел М. Рувье впал в ошибку, когда назвал указ от 28.11.1905 более чем либеральным шагом, считая, что он кладет начало административной автономии Прибалтики. Временное прибалтийское генерал-губернаторство создавалось только на ограниченный срок в целях борьбы с революционным движением[12].

В сопроводительном письме к мемории Совета министров от 26.11.1905 С. Ю. Витте 27.11.1905 сообщал Николаю II, что временного прибалтийского генерал-губернатора следовало назначить немедленно и направить в Ригу. Кандидатуру генерала Д. Ф. Трепова царь не утвердил. Из двух предложенных Витте кандидатов — члена Государственного совета генерала от инфантерии Н. И. Петрова и генерал-лейтенанта В. У. Соллогуба — Николай II назначил генерал-губернатором последнего. Однако тот недолго находился в этой должности, поскольку настроил против себя руководящих лиц прибалтийско-немецкого дворянства. Соллогуб пользовался среди них репутацией «немцееда» и врага дворянства, и вскоре его заменили генералом А. Н. Меллер-Закомельским[13].

Несмотря на явную спешку с назначением временного прибалтийского генерал-губернатора и на то, что Совет министров считал необходимым обеспечить генерал-губернатору возможность ускорить подготовку реформ, созыв Особого совещания при нем весьма затянулся[14]. Как объяснял Соллогуб в своем отношении 24.03.1906 министру внутренних дел П. Н. Дурново, по прибытии в Ригу в середине декабря 1905 г. он сразу же приступил к подготовке созыва этого совещания, однако то, что административный аппарат генерал-губернаторства к тому времени еще только формировался, не позволило осуществить ее так быстро, как это было необходимо[15]. Соллогуб сообщал о том, что в феврале 1906 г. он направил местным губернаторам «подробные записки (при отзывах)» с изложением «некоторых мероприятий», касавшихся главным образом крестьянского землевладения в Прибалтийских губерниях. Соллогуб считал желательной скорейшую разработку этих мероприятий. Он намеревался утвердить их предоставленной ему как генерал-губернатору властью и тем самым начать в крае осуществление намеченных «административных улучшений и преобразований»[16].

Вместе с тем Соллогуб принял некоторые подготовительные меры для образования при нем Особого совещания. Циркулярным письмом 10.03.1906 он просил прибалтийских губернаторов в соответствии с указом 28.11.1905 организовать выборы членов этого совещания в подведомственных им губерниях[17].

Следует отметить, что в исторической литературе формирование структуры Особого совещания не рассматривалось, в то время как выявленные нами архивные документы позволяют нам это сделать. В частности, в процессе подготовки к созыву этого совещания возник вопрос о его внутренней организации, которую указ от 28.11.1905 не определил. Для облегчения его деятельности председатель Совета министров и министр внутренних дел П. А. Столыпин выступил с инициативой образовать в каждой из Прибалтийских губерний особую губернскую подготовительную комиссию в качестве совещательного органа при губернаторе. На эти комиссии возлагалась предварительная разработка проектов преобразований, которые затем должно было обсудить Особое совещание и подготовить на их основании окончательный законопроект[18]. Однако

временный прибалтийский генерал-губернатор не поддержал предложение Столыпина. В ответ на запрос последнего 17.05.1906 о его мнении относительно образования этих комиссий Соллогуб отвечал, что считает создание любых комиссий «прогрессивного характера неблаговременным» из-за продолжавшегося революционного движения в крае[19]. Вместо этого Соллогуб предложил прибалтийским губернаторам обсудить ряд мер, которые можно было бы немедленно осуществить властью генерал-губернатора в целях «успокоения края». Однако в течение трех месяцев никаких предложений по этому поводу от губернаторов он не получил.

Позиция Соллогуба, нацеленная на решение социально-экономических и политических проблем в Прибалтийских губерниях силами местной правительственной администрации без представителей общественно-политических кругов этих губерний, противоречила точке зрения Столыпина. Разработку прибалтийскими губернаторами намеченных преобразований без участия представителей местного населения министр внутренних дел считал «невыполнимой»[20].

В итоге Столыпин принял решение образовать в составе Особого совещания губернские подготовительные комиссии совещательного характера, считая, что немедленное открытие этих комиссий настоятельно необходимо для умиротворения местного населения. Столыпин поставил Соллогуба перед фактом, и просил его сообщить предварительные соображения о составе этих комиссий и о порядке избрания в них представителей местного населения. После этой переписки у Соллогуба не оставалось другого выбора, как назначить дату созыва Особого совещания, которой стало 12.07.1906[21].

В этот день Особое совещание при временном прибалтийском генерал-губернаторе собралось на свое первое заседание. Помимо представителей дворянства, городских дум губернских городов и крестьян, в нем участвовали эксперты и приглашенные лица, в частности участник различных правительственных совещаний управляющий рижским отделением Крестьянского поземельного банка Д. Г. Варес, примыкавшие к правительственному лагерю политики Ф. И. Вейнберг и И. И. Высоцкий, православное духовенство, представители губернской администрации, старообрядцев, лютеранского духовного ведомства, чиновники Министерства внутренних дел и др. Всего в работе Особого совещания участвовало 22 избранных члена и 20 приглашенных лиц. Структура этого совещания была многоступенчатой: в его составе действовали губернские подготовительные комиссии, разделявшиеся в свою очередь на подкомиссии. Законодательные предположения, разработанные подготовительными комиссиями, рассматривало общее собрание совещания, и на их основании готовило окончательный законопроект.

В ходе своей деятельности с 12.07.1906 по 29.09.1907 Особое совещание выработало проекты реформ земской, школьной, крестьянского общественного управления, лютеранского сельского прихода и «Предположения по вопросу

о земельных отношениях», которые временный прибалтийский генерал-губернатор представил министру внутренних дел для дальнейшего направления.

Земское устройство Прибалтийских губерний затрудняло их экономическое развитие и служило одной из причин острого социального недовольства. Намеченная реформа была призвана устранить недостатки в организации земского строя Прибалтики. Намереваясь ускорить ее проведение, временный прибалтийский генерал-губернатор предложил Министерству внутренних дел утвердить проекты земской реформы, разработанные губернскими подготовительными комиссиями, вместе с заключением по этому вопросу Особого совещания и своим отзывом в порядке статьи 87 Основных государственных законов[22].

П. А. Столыпин отклонил это предложение, сославшись в своем отзыве 10.12.1906 на заключение Совета министров относительно введения земского Положения 12.06.1890 в девяти Западных губерниях. На заседании 28.11.1906 Совет министров признал, что эта мера несвоевременна и что земская реформа в Западных губерниях должна отвечать основным принципам нового общеимперского земского положения. Эти принципы были сформулированы в записке Министерства внутренних дел от 07.02.1907 г. «Об установлении главных оснований преобразования земских и городских учреждений». В этой связи задача Особого совещания состояла не только в обсуждении проектов подготовительных комиссий, но и в их согласовании с началами общеимперской земской реформы. При этом следовало учитывать и местные особенности[23].

Деятельность Особого совещания при временном прибалтийском генерал-губернаторе подробно рассмотрена в наших публикациях[24]. Отметим только, что в ходе его работы по вопросам прибалтийских реформ между представителями дворянства и крестьян возникали серьезные разногласия, демонстрировавшие всю глубину противоречий между этими сословиями.

Острые дискуссии между дворянством и крестьянами возникли, например, в эстляндской губернской комиссии при обсуждении вопроса, следует ли ограничивать участие в земстве уплатой земских сборов. Предводитель эстляндского дворянства Э. Н. Деллингсаузен выступил против допуска безземельных крестьян к выборам в земские органы. Ему возражал представитель крестьян А. Я. Лубби, подчеркивавший, что в земстве непременно должны быть представлены неимущие слои населения, поскольку они не менее землевладельцев заинтересованы в работе земства. Однако большинство членов комиссии считало уплату земских сборов необходимым условием для участия в самоуправлении.

В ходе прений обсуждался вопрос о том, следует ли устанавливать в проекте имущественный ценз. В пользу него выступал барон А. О. фон Шиллинг, считавший, что ценз обеспечивал состоятельным, а значит образованным лицам преимущество в земстве. Большинством голосов ценз в проекте для первого и второго избирательных собраний был сохранен. Это позволяло дворянству гарантировать себе ведущие позиции в будущем земстве и не допустить преобладания в нем представителей крестьян[25].

Несмотря на это, Меллер-Закомельский в своем письме 20.02.1907 П. А. Столыпину обвинил эстляндского губернатора П. П. Башилова, среди прочего, в недоброжелательном отношении к местному дворянству и в том, что он, председательствуя в губернской подготовительной комиссии, якобы склонялся на сторону «эстонской партии»[26].

Столыпин запросил у Башилова объяснений по этому поводу, которые последовали в письме 03.03.1907 и вполне удовлетворили министра внутренних дел. В своем ответе Меллер-Закомельскому в марте 1907 г. Столыпин отмечал, что Башилов опроверг обвинения в «партийном пристрастии» к эстонцам.

Как следовало из его объяснений, большинство проектов эстляндской губернской подготовительной комиссии выработано «скорее в духе немецкой, чем эстонской партии», в том числе проект земской реформы, многие статьи которого противоречили требованиям крестьян, и хотя будущие земские учреждения предполагались всесословными по форме, однако в действительности руководящая роль дворянства в них, по мнению Башилова, «представляется <...> обеспеченною»[27].

Эти уступки не удовлетворили прибалтийско-немецкое дворянство, которое по-прежнему хотело оставаться единовластной элитой в Прибалтийских губерниях и всеми способами защищало свою руководящую роль в них от посягательств центральной власти, а также эстонцев и латышей. На последнем заседании эстляндской подготовительной комиссии представители дворянства заявили, что ее деятельность утратила всякое значение из-за участия в работе этой комиссии представителей правительственных учреждений. Они высказали претензии в отношении представителей крестьян в Особом совещании. Последние избирались только из числа лиц, владевших русским языком, поэтому, по мнению дворянства, их нельзя было считать «настоящими избранниками народа»[28]. Этими утверждениями дворянство стремилось дискредитировать деятельность Особого совещания и разрабатывавшиеся им преобразования, поскольку ему не удалось оказать определяющего влияния на их подготовку.

Несмотря на этот демарш, представители эстляндского дворянства продолжали и далее участвовать в Особом совещании и активно отстаивали в нем свои интересы. При обсуждении проекта земской реформы в общем собрании Особого совещания представители дворян Г. Е. Фелькерзам, Э. Н. Деллингсгаузен, А. А. Пилар фон Пильхау и А. Л. фон дер Бринкен предлагали построить систему выборов в земские органы на основе принципа политической целесообразности и ограничить влияние в этих органах латышей и вообще «менее культурных элементов». Руководить же земством, по мнению дворянства, должны были крупные землевладельцы и лишь после того, как крестьянство станет более зрелым, его представительство следовало увеличить.

Им возражали представитель от крестьян К. И. Буркевич и Ф. И. Вейнберг. Последний отмечал зрелость народа в политическом отношении и считал, что его следует допустить к земскому самоуправлению, что служило бы лучшим

средством в борьбе с революционной агитацией[29]. Хотя Вейнберг выступал с охранительных позиций, его предложение объективно отвечало интересам крестьянства.

При обсуждении земской реформы в Особом совещании также был поднят вопрос о представительстве в прибалтийском земстве русского населения. И. И. Высоцкий в записке «О необходимости обеспечения русским надлежащего представительства в проектируемых для Прибалтийского края земских учреждениях» предлагал образовать для русских отдельные избирательные курии и определить минимальные нормы их представительства в земских органах. Председатель Особого совещания Меллер-Закомельский, неприязненно относившийся к русским[30], не поддержал Высоцкого. Он отметил, что от них самих зависело, пройдет или нет представитель русского населения в земские органы[31].

Крестьянам не удалось отстоять свои интересы в Особом совещании и в отношении проекта реформы крестьянского общественного управления. С некоторыми изменениями совещание приняло проект реорганизации волостного устройства, основные положения которого разработал эстляндский дворянский комитет. Крестьяне, в частности, не смогли добиться образования всесословной волости. По действовавшему в Прибалтийских губерниях законодательству, в состав волостного округа входила только повинностная земля. Представители крестьян считали необходимым включить в него также и мызные земли, однако Особое совещание поддержало предложение дворянства выделить их в отдельные районы. Это позволяло помещикам сохранить независимость от волостного управления[32].

Контроль над волостью переходил к дворянству: надзор за ней проект передавал уездному по сельским общественным делам присутствию во главе с уездным предводителем дворянства (в Лифляндской и Эстляндской губерниях — с уездным депутатом дворянства, на Эзеле — с депутатом конвента). При этом сохранялись волостная и мызная полиция. Это противоречило интересам крестьян, и в знак протеста их представители отказались подписать проект[33]. Представителям крестьян не удалось добиться и отмены так называемых особых привилегий владельцев дворянских вотчин. К числу этих привилегий относились, в частности, право охоты и рыбной ловли, право открывать фабрики и учреждать ярмарки на территории дворянской вотчины и некоторые другие права[34]. Особые привилегии, препятствуя предпринимательской инициативе местного населения, отрицательно влияли на экономическое развитие края. Необходимость отмены этих привилегий неоднократно высказывалась и в публицистике[35].

Представители лифляндского дворянства, напротив, считали, что ликвидация этих привилегий нарушит права собственников вотчин. Они соглашались на нее лишь в том случае, если этого требовало осуществление аграрной реформы в Прибалтийских губерниях. Курляндское дворянство занимало более жесткую позицию: оно поддержало отмену только тех привилегий, которые

были предоставлены имениям по закону, и настаивало на сохранении присвоенных им по договорам. Представители же крестьян требовали немедленно ликвидировать все особые привилегии[36]. Достичь соглашения по этому вопросу совещанию не удалось, и в целом он был решен в интересах дворянства. Принятые им «Предположения» предусматривали упразднение особых привилегий, но только вместе с ликвидацией всех вообще преимуществ и ограничений, присвоенных различным категориям земель. Совещание признало «неотложной» отмену этих преимуществ только в Курляндии, в остальных же Прибалтийских губерниях ликвидация привилегий собственников дворянских вотчин отодвигалась на неопределенный срок[37].

К числу исключительных прав владельцев дворянских имений в Прибалтийских губерниях относилось и право патроната[38]. Вопрос об его отмене был объединен с подготовкой реформы сельского лютеранского прихода. Из всех губернских подготовительных комиссий наиболее консервативную позицию по этой реформе занимала курляндская комиссия. Представители крестьянства и дворян не достигли соглашения ни по вопросу о церковных повинностях, ни относительно права патроната. Дворянство мотивировало свою позицию тем, что оно не может предоставить «назначение проповедников произволу политических партий». В результате курляндская подготовительная комиссия, поддержав мнение подкомиссии и дворянства, отказалась составить законопроект и определила лишь общие принципы приходской реформы[39].

В Особом совещании развернулась дискуссия по поводу права патроната в Курляндии. В пользу его сохранения там высказывался Г. Е. фон Фелькерзам. Он утверждал, что все курляндские церкви содержатся исключительно патронами, поэтому отменять это право несправедливо и нецелесообразно. В этом отношении его поддерживали Э. Н. Деллинсгаузен и член митавской городской думы барон Ф. А. фон Гюллесем.

Ф. И. Вейнберг опроверг их точку зрения. По его словам, в действительности никаких веских причин для того, чтобы сохранять патронат в Курляндии, не имелось. Однако он не смог убедить в этом Особое совещание: большинство его членов присоединилось к мнению прибалтийско-немецкого дворянства и признало возможным реформировать курляндские приходские учреждения только при сохранении патроната. В других же Прибалтийских губерниях в соответствии с проектом совещания право патроната отменялось, и право выбора пастора переходило к церковному совету[40].

Следует отметить, что эстляндский губернатор И. В. Коростовец во всеподданнейшем отчете о состоянии Эстляндской губернии за 1907 и 1908 гг. высказался в пользу скорейшего проведения в крае разработанной Особым совещанием церковной реформы. Ее осуществление, по словам губернатора, позволило бы урегулировать взаимоотношения помещиков и крестьян в церковном вопросе, а также укрепило бы среди последних уверенность в том, что и остальные подготовленные Особым совещанием преобразования будут реа-

лизованы. Это в свою очередь, считал Коростовец, весьма благоприятно отразилось бы на настроениях крестьянского населения[41].

Обсуждение проекта школьной реформы в Особом совещании вызвало полемику по вопросу о языке преподавания в народной школе между представителем местной училищной администрации А. В. Вильевым с одной стороны и представителями дворянства и крестьян с другой.

Проект Особого совещания предполагал, что таковым будет язык большинства учащихся, а русский язык станет обязательным предметом. С этим был не согласен Вильев. По его мнению, главная задача народной школы заключалась в обучении национальных меньшинств государственному языку и в сближении их, таким образом, с «коренным населением» Российской империи. В этой связи вопрос о языке обучения, считал Вильев, следовало решить по аналогии со «страной свобод» — США, где в школах с многонациональным составом учащихся преподавание велось на государственном языке. Так, обучение в начальных народных школах всем предметам, кроме Закона Божия, родного языка и церковного пения, должно было происходить на русском языке. Употребление эстонского или латышского языка Вильев предлагал допустить только в качестве вспомогательного средства в первые два учебных года[42]. Против этого предложения возражали Г. Е. фон Фелькерзам, А. А. фон Пилар, Ф. И. Вейнберг, представители крестьян Н. Я. Сеппер и К. И. Буркевич, отстаивавшие право учиться в национальной школе на родном языке. В итоге Вильев не смог переубедить большинство членов совещания.

Особое совещание при временном прибалтийском генерал-губернаторе 29.09.1907 завершило свою деятельность. Деллингсгаузен оценивал его результаты как «довольно хорошие» и отмечал, что другие участники этого совещания также остались ими довольны[43]. Хотя разработанные Особым совещанием законопроекты и несли на себе отпечаток влияния прибалтийско-немецкого дворянства, но в целом они знаменовали определенное, пусть и весьма скромное, движение вперед в направлении урегулирования социальных и национальных проблем в Прибалтийских губерниях.

Результатом деятельности Особого совещания, в частности, стали подготовленные проекты земской и приходской реформ[44]. При всей своей ограниченности и противоречивости они предполагали развитие местного самоуправления, а также позволяли расширить представительство эстонцев и латышей в земских и церковных учреждениях, в то время как компетенция прибалтийско-немецких дворянских организаций сокращалась.

Обращает на себя внимание и то, что к подготовке необходимых преобразований для края в Особом совещании правительство привлекло не только прибалтийско-немецкое дворянство, как это происходило ранее, а наряду с ним и представителей других местных сословий — городской буржуазии, эстонского и латышского крестьянства. Хотя это делалось в охранительных целях и прежде всего из желания повлиять на общественное мнение Прибалтийских

губерний в плане противодействия революционной агитации, однако вместе с тем привлечение к деятельности Особого совещания эстонцев и латышей наравне с дворянством демонстрировало внимание правительства к их интересам. Это был верный шаг, дававший ему возможность заручиться поддержкой своей политики в крае со стороны умеренно и реформистски настроенной части эстонского и латышского общества.

Допуск представителей эстонского и латышского населения к работе в Особом совещании также показал, что правительство рассматривало их как местную политическую силу. Правда, в его глазах политический вес этой силы серьезно уступал влиянию в крае прибалтийско-немецкого дворянства. Для последнего же участие в Особом совещании эстонских и латышских представителей было весьма тревожным сигналом, означавшим, что правительство больше не считает остзейское дворянство единовластной политической элитой в Прибалтийских губерниях. С помощью реформ и, в частности, земской реформы правительство стремилось создать в них новый баланс политических сил, при котором прибалтийско-немецкое дворянство не играло бы прежней руководящей роли, а служило бы своего рода противовесом представителям эстонского и латышского населения как в земстве, так и в церковных учреждениях.

Другим, весьма важным в контексте данной статьи вопросом, представляется следующий: намеревалось ли правительство в действительности реализовать разработанные Особым совещанием проекты реформ? В этом отношении, прежде всего, обращает на себя внимание то, что подготовка намеченных преобразований в нем шла более медленными темпами, чем изначально предполагал Совет министров. Так, в его мемории от 26.11.1905, в частности, констатировалась необходимость обеспечить временному прибалтийскому губернатору «возможность ускорить и усовершенствовать» разработку реформ для Прибалтийских губерний[45].

Однако на практике желаемого ускорения в этом отношении не произошло, отчасти в силу объективных причин — размах революционного движения в крае в конце 1905 г. не позволил сразу же после издания указа от 28.11.1905 созвать Особое совещание при временном прибалтийском генерал-губернаторе. Начать свою деятельность оно смогло только 12.07.1906, когда революция в Прибалтийских губерниях вследствие репрессий пошла на спад.

На подготовку проектов реформ у Особого совещания ушло чуть больше года. В соответствии с указом от 28.11.1905, временный прибалтийский генерал-губернатор передал разработанные этим совещанием проекты преобразований министру внутренних дел для «дальнейшего направления»[46]. Что подразумевалось под этим «направлением» — должно ли было Министерство внутренних дел дорабатывать эти проекты или сразу же направить их на законодательное утверждение — указ от 28.11.1905 г. не определял.

Как свидетельствуют архивные документы, разработанные Особым совещанием проекты преобразований и его материалы поступили в департаменты

и в другие подразделения Министерства внутренних дел, которые отвечали за подготовку соответствующих реформ для Прибалтийских губерний. В частности, проект Особого совещания лег в основу первой редакции проекта приходской реформы, разработанной Департаментом духовных дел иностранных исповеданий в течение зимы 1907/1908 г.[47]

Материалы этого совещания также использовались при подготовке законопроекта, позволявшего крестьянам-арендаторам в пасторатских имениях (они были предоставлены лютеранской церкви для материального обеспечения проповедников) приобретать посредством обязательного выкупа находившиеся в их пользовании участки отрезных, а также повинностных и арендных крестьянских земель, который Министерство внутренних дел 09.01.1914 представило в Государственную думу.

Документы Особого совещания привлекались и для подготовки закона от 10.07.1916 «Об отмене особых поземельных прав владельцев дворянских вотчин в Прибалтийских губерниях», ликвидировавшего особые привилегии собственников дворянских вотчин[48].

Однако проекты преобразований в том виде, в каком их разработало Особое совещание при временном прибалтийском генерал-губернаторе, реализованы не были. Причина этого, как представляется, заключается в том, что с восстановлением социальной стабильности в крае вопрос о реформах в нем утратил свою прежнюю актуальность. Он приобрел ее вновь лишь в условиях нового кризиса, который принесла с собой Первая мировая война, превратив Прибалтийские губернии в прифронтовой район. Затягивание же правительством с осуществлением обещанных реформ, причем не только в Прибалтийских губерниях, способствовало, среди прочего, радикализации общественных настроений и, как показали события Февральской и Октябрьской революций 1917 г., вместе с другими причинами вело к свержению государственной власти.

---

1 Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 1282. Оп. 1. Д. 1191. Л. 5 об. — 7, 11–30 и др. См. также: Записка доктора философии П. К. Залита «Причины волнений в Прибалтийском крае». 16.02.1906 г. // Там же. Д. 719. Л. 96 — 99 об.; *Ганелин Р. Ш.* Петиции эстонских, латвийских и литовских крестьян по указу 18 февраля 1905 г. // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XVIII. Л., 1987. С. 195–208.

2 Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Ф. 238. Оп. 2. Картон 160. Д. 11. Л. 1–5. Этот документ — черновой отрывок донесения Лифляндского губернатора М. А. Пашкова 1905 г. — опубликован мною. См.: *Андреева Н. С.* «Нынешние волнения помещиками крайне преувеличены». Донесение лифляндского губернатора М. А. Пашкова Николаю II. 1905 г. // Исторический архив. 2009. № 5. С. 114–118.

3 Право патроната соединяло в себе права и обязанности определенного лица (владельца вотчины или казны — в казенных патронатах) в отношении церкви. Наиболее важным из них было так называемое право представления, т. е. право предлагать консистории

кандидата на место проповедника. В общественном мнении это интерпретировалось как право помещика назначать пастора и в течение длительного времени вызвало серьезное недовольство эстонцев и латышей.

4 РГИА. Ф. 821. Оп. 5. Д. 165. Л. 199 — 199 об.
5 Там же. Д. 283. Л. 39 об.
6 Там же. Л. 39 об. — 40.
7 Там же. Л. 40.
8 Там же. Л. 39 об.
9 Там же. Л. 39 об. — 40.
10 Там же. Л. 40.
11 Там же. Л. 38 — 38 об.
12 Archives du Ministère des Affaires étrangères (Архив Министерства иностранных дел Франции, Париж). NS. Russie 6. f. 150 rev.
13 РГИА. Ф. 1276. Оп. 5. Д. 125. Л. 1 — 1 об.; *Pistohlkors G. von.* Ritterschaftliche Reformpolitik zwischen Russifizierung und Revolution. Göttingen; Frankfurt a/[Main]; Zürich, 1978. S. 256; *Bumme C. Ю.* Воспоминания. Т. 2. М., 1960. С. 548.
14 РГИА. Ф. 821. Оп. 5. Д. 283. Л. 39 об. — 40.
15 РГИА. Ф. 1291. Оп. 63. Д. 48. Л. 1.
16 Там же. Л. 1 об.
17 Там же. Л. 3.
18 Там же. Л. 42. Ср.: *Карьяхярм Т.* Эстонская буржуазия, самодержавие и дворянство в 1905–1917 гг. Таллин, 1987. С. 113.
19 РГИА. Ф. 821. Оп. 5. Д. 283. Л. 42.
20 Там же. Л. 42 об.
21 Там же. Л. 42 об. — 43.
22 [*Рудченко И. Я.*]. Земское устройство Прибалтийских губерний. СПб., 1890. С. 508, 511; Записка без даты, составленная управлением временного прибалтийского генерал-губернатора. К вопросу о введении в Прибалтийском крае земского самоуправления. (К трудам Особого совещания при временном прибалтийском генерал-губернаторе, для личного пользования его членов) // РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 988. Л. 99.
23 РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 988. Л. 99 об.
24 См., например: *Андреева Н. С.* Прибалтийские немцы и российская правительственная политика в начале XX века. СПб., 2008. С. 111–149.
25 РГИА. Ф. 1291. Оп. 63. Д. 252. Л. 90 — 91 об.
26 Государственный архив Российской Федерации (далее — ГА РФ). Ф. 1463. Оп. 2. Д. 170. Л. 6, 7.
27 Там же. Л. 6 об.
28 Там же. Л. 7 об.
29 Труды Особого совещания при временном прибалтийском генерал-губернаторе, учрежденного высочайшим указом 28 ноября 1905 г. Ревель, [б. г.]. С. 120–121, 126; *Фелькерзам Г. Е. фон.* Мотивы и разъяснения мнения представителей крупных землевладельцев Курляндской губернии по вопросу о введении в Курляндской губернии земского самоуправления. Без даты // Там же. С. 125–126, 255–256.
30 А. Н. Меллер-Закомельский в письме 14.02.1908 П. А. Столыпину негативно отзывался о деловых, личных и национальных качествах русских, в том числе с расистских позиций. Он, в частности, писал: «...русские не только ополячиваются и онемечиваются, т. е. подчиняются лучшей в культурном отношении народности, но даже обурятиваются и оякутиваются в Сибири, т. е. подпадают под влияние низшей по культуре расы». Этот документ опубликован мною: *Андреева Н. С.* Прибалтийские немцы и российская правительственная политика. С. 270–275. Цитата: С. 272.
31 Труды Особого совещания. С. 135, 266.
32 Там же. С. 27, 38, 164–165. См. также: Записка представителей от крестьян в Особом при Временном Прибалтийском генерал-губернаторе совещании по принятому сим совещанием «Проекту крестьянского общественного управления в Прибалтийских губерниях»;

Положение о волостном общественном устройстве в Прибалтийских губерниях (проект представителей от крестьян в Особом совещании при временном прибалтийском генерал-губернаторе). Оба документа без даты // Труды Особого совещания. С. 268, 276–287.

[33] Труды Особого совещания. С. 41, 43, 171.

[34] См.: Свод гражданских узаконений губерний прибалтийских. Продолжение 1912 года. СПб., [1912]. Ст. 883, 892. С. 21–22; *Андреева Н. С.* Прибалтийские немцы и российская правительственная политика. С. 240–245.

[35] *Земцев В.* К аграрному вопросу в Лифляндии. Рига, 1907. С. 104; *Троицкий В.* Поземельный вопрос в Прибалтийском крае // Вестник Европы. 1912. Кн. 9. С. 270.

[36] Докладная записка Лифляндского губернского предводителя дворянства Ф. фон Мейендорфа временному прибалтийскому генерал-губернатору. 29.10.1907 г. // РГИА. Ф. 1291. Оп. 63. Д. 252. Л. 19; Труды Особого совещания. С. 191, 202–203.

[37] Труды Особого совещания. С. 44.

[38] Подробно об этом см.: *Андреева Н. С.* Прибалтийские немцы и российская правительственная политика. С. 129–134.

[39] РГИА. Ф. 1291. Оп. 63. Д. 252. Л. 83 об., 85; Свод основных положений управления евангелическо-лютеранскими приходами, выработанных Лифляндской, Курляндской, Эстляндской и Эзельской подготовительными комиссиями. Рига, 1907. С. 3–4, 17.

[40] Труды Особого совещания. С. 55, 174–178, 179.

[41] РГИА. Ф. 1291. Оп. 63. Д. 211. Л. 52 — 52 об.

[42] Труды Особого совещания. С. 56–57, 147, 155; *Вильев А.* О цели и способе обучения инородцев государственному языку. Рига, 1897. С. 3.

[43] *Dellingshausen E. von.* Kodumaa teenistuses. Tallinn, 1994. Lk. 101.

[44] Подробно об этом см.: *Андреева Н. С.* Прибалтийские немцы и российская правительственная политика. С. 114–144.

[45] РГИА. Ф. 821. Оп. 5. Д. 283. Л. 39 об.

[46] Там же. Л. 38 об.

[47] Там же. Оп. 133. Д. 982. Л. 1 об.

[48] *Андреева Н. С.* Прибалтийские немцы и российская правительственная политика. С. 240, 242.

REFERENCES

ANDREEVA N.S. Pribaltiiskie nemtsy i rossiiskaia pravitel'stvennaia politika v nachale XX veka. St. Petersburg, 2008.

ANDREEVA N. S. "*Nyneshnie volneniia pomeshchikami kraine preuvelicheny*". *Donesenie lifliandskogo gubernatora M.A. Pashkova Nikolaiu II. 1905 g.* // Istoricheskii arkhiv. 2009. No. 5. S. 114–118.

DELLINGSHAUSEN E. von. Kodumaa teenistuses. Tallinn, 1994.

GANELIN R. Sh. *Petitsii estonskikh, latviiskikh i litovskikh krest'ian po ukazu 18 fevralia 1905 g.* // Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny. T. XVIII. Leningrad, 1987. S. 195–208.

KAR'IAKHIARM T. Estonskaia burzhuaziia, samoderzhavie i dvorianstvo v 1905–1917 gg. Tallin, 1987.

PISTOHLKORS G. von. Ritterschaftliche Reformpolitik zwischen Russifizierung und Revolution. Göttingen, Frankfurt a/[Main], Zürich, 1978.

[RUDCHENKO I. Ya.]. Zemskoe ustroistvo Pribaltiiskikh gubernii. St. Petersburg, 1890.

TROITSKII V. *Pozemel'nyi vopros v Pribaltiiskom krae* // Vestnik Evropy. 1912. Kn. 9. S. 255–271.

Trudy Osobogo soveshchaniia pri vremennom pribaltiiskom general-gubernatore, uchrezhdennogo vysochaishim ukazom 28 noiabria 1905 g. Revel', [b. g.].

VIL'EV A. O tseli i sposobe obucheniia inorodtsev gosudarstvennomu iazyku. Riga, 1897.

VITTE S. Yu. Vospominaniia. T. 2. Moscow, 1960.

ZEMTSEV V. K agrarnomu voprosu v Lifliandii. Riga, 1907.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Н. С. Андреева. Революционный кризис 1905 г. и вопрос о реформах в Прибалтийских губерниях // Петербургский исторический журнал. 2023. № 4. С. 38–52

Аннотация: Усиление революционного движения в Прибалтийских губерниях в 1905 г. привлекло пристальное внимание правительства к ситуации в крае и вынудило приступить к разработке неотложных реформ. Наряду с репрессивными мерами правительство рассматривало эти реформы как эффективный способ гарантировать социальную стабильность на длительный период времени. В соответствии с указом от 28.11.1905 была создана должность временного прибалтийского генерал-губернатора и при нем образовано Особое совещание для разработки проектов реформ. Помимо представителей прибалтийской правительственной администрации и приглашенных экспертов в его состав на выборной основе вошли представители местных сословий — прибалтийско-немецкого дворянства, городского населения, эстонских и латышских крестьян от каждой из трех Прибалтийских губерний. Правительство стремилось привлечь на свою сторону умеренно настроенную в политическом отношении часть эстонского и латышского населения и усилить проправительственные настроения в крае. В ходе своей деятельности с 12.07.1906 по 29.09.1907. Особое совещание разработало проекты реформ земской, школьной, крестьянского общественного управления, лютеранского сельского прихода и «Предположения по вопросу о земельных отношениях». Вместе с материалами Особого совещания они были переданы в департаменты и другие подразделения Министерства внутренних дел и в дальнейшем использовались при разработке правительственных законопроектов для Прибалтики.

Ключевые слова: Прибалтийские губернии, реформы, С. Ю. Витте, П. А. Столыпин, временный прибалтийский генерал-губернатор, Особое совещание, революция 1905 г., эстонцы, латыши.

FOR CITATION

N. Andreeva. Revolutionary crisis of 1905 and the question about reforms in the Baltic Provinces // Petersburg historical journal, no. 4, 2023, pp. 38–52

Abstract: The strengthening of the revolutionary movement in 1905 in Baltic provinces attracted the government's close attention to the situation in the region and forced it to begin elaboration the most urgent reforms for it. Together with repressive measures, government regarded these reforms as an effective way to guarantee social stability in the Baltic provinces for a long period of time. With a view to fight against the revolution in the region in accordance with decree 28.11.1905 was created the position of the provisional Baltic Governor-General and a Special conference by him to working out the projects of reforms. In addition to representatives of the Baltic governmental administration and invited experts, representatives of the local estates — the Baltic-German nobility, the urban population, Estonian and Latvian peasants from each of the three Baltic provinces — were included in its composition on an elective basis. By doing this, the government aspired to attract to its side a politically moderate part of the local Estonian and Latvian population and strengthen pro-governmental sentiments in the region. During its activity from 12.07.1906 to 29.09.1907 a Special conference developed the projects of reforms of the *zemstvo*, school, peasant public administration, Lutheran rural parish and "Assumptions on the issue of land relations". Together with the materials of the Special conference, they were transferred to the departments and other divisions of the Ministry of Internal Affairs and subsequently used for elaboration of governmental bills for the Baltic.

Key words: Baltic provinces, reforms, S. Yu. Vitte, P. A. Stolypin, provisional Baltic Governor-General, Special conference, revolution of 1905, Estonian, Latvian.

Андреева, Наталия Сергеевна — д. и. н., старший научный сотрудник, Научно-исследовательский отдел библиографии и библиотековедения, Библиотека Российской академии наук.

Andreeva, Nataliya — Doctor of Historical Sciences, senior researcher of the Research Department of bibliography and library science, Russian Academy of sciences Library.

E-mail: iskjul@gmail.com

УДК 94(430).08
DOI: 10.51255/2311-603X_2023_4_53

Н. А. Власов

Образ российского панславизма в публицистике Юлиуса фон Эккардта*

В историческом развитии отношений между странами и народами большое значение имеют представления обществ друг о друге. В частности, говоря о прошлом российско-германских отношений, невозможно обойти вниманием образ России и отдельных сторон российской действительности, существовавший в общественном сознании немцев. Особенно важным представляется исследование этого образа применительно к переломным моментам в развитии двусторонних отношений. Одним из таковых являлась последняя треть XIX в., когда Россия и Германия из, пусть довольно условных, но все же союзников превратились в членов противостоящих друг другу военных альянсов. Итогом этого развития стало столкновение двух стран в 1914 г.

Исследование образа России в Германии рубежа XIX–XX вв. началось уже довольно давно. Однако внимание историков, в особенности отечественных, сосредоточено главным образом на начале XX в. — периоде, непосредственно предшествовавшем Первой мировой войне. Между тем важнейшие процессы, повлиявшие на эволюцию образа России в германском обществе, приходятся на последние десятилетия XIX в. К числу таких процессов относится, в частности, прибытие в Германскую империю большого числа эмигрантов из российских остзейских провинций, среди которых присутствовало немало писателей, историков и публицистов. Наиболее известными из последних были

* Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (РНФ), проект № 23-28-00090 «Образ российского панславизма в Западной Европе в последней трети XIX века».

Т. Шиманн, А. фон Гарнак и П. Рорбах[1]. В историографии широко представлена точка зрения о том, что именно остзейцы оказали решающее влияние на формирование в германском обществе негативного образа России в конце XIX в.[2]

В столь радикальной форме этот тезис представляется весьма спорным — многие характерные представления о России сложились в немецком обществе задолго до начала публицистической деятельности остзейских эмигрантов. Тем не менее в последней трети XIX в. в Германии действительно увидело свет множество публицистических текстов, написанных остзейскими эмигрантами и посвященных России. Имея возможность выступать в роли экспертов по российским реалиям, остзейцы оказывали определенное влияние на взгляды немецкого общества. Среди эмигрантов первой волны, прибывших в германские государства еще в 1860-е гг., следует особо отметить историка и публициста Юлиуса фон Эккардта (1836–1908).

Жизнь и деятельность Эккардта по сегодняшний день практически не привлекали внимания исследователей и часто описываются предельно общими словами. Единственным исключением можно считать работы М. Гарлеффа[3]. Родившийся в Лифляндии, Эккардт изучал право в университетах Петербурга, Дерпта и Берлина, после чего начал журналистскую карьеру в Риге. С 1865 г. он регулярно ездил в германские государства, налаживая связи с немецкой прессой, а в 1867 г. окончательно покинул Российскую империю в связи с недовольством политикой, которая начала проводиться в отношении остзейских губерний, и отсутствием возможности публиковать свою точку зрения в российской периодике. В 1867–1870 гг. он жил в Лейпциге и писал статьи для журнала «Вестники границы» (Grenzboten), в 1870 г. переехал в Гамбург и начал работать на газету «Гамбургская корреспонденция». В 1874 г. Эккардт стал секретарем сената Гамбурга, однако не прекратил публицистическую деятельность, из-за чего в 1882 г. был вынужден покинуть службу. К тому моменту, однако, плодовитый публицист привлек внимание имперского канцлера О. фон Бисмарка, тем более что еще с конца 1860-х гг. составлял обзоры российской прессы для внешнеполитического ведомства. Бисмарк вызвал Эккардта в Берлин и обеспечил ему место в государственном аппарате и ранг тайного правительственного советника. В 1885–1907 гг. Эккардт последовательно занимал консульские должности в Тунисе, Марселе, Стокгольме, Базеле и Цюрихе.

Пик публицистической деятельности Эккардта пришелся на 1860–1880-е гг.; свою цель автор видел в том, чтобы сформировать у германской общественности правильный, с его точки зрения, взгляд на процессы, происходящие в остзейских провинциях. Он считал себя своего рода представителем остзейских немцев в Германии[4]. Точное количество написанных им газетных и журнальных статей установить невозможно, поскольку большинство из них в соответствии с тогдашними нормами печатались без подписи автора. Однако широкую известность ему принесли книги, посвященные остзейским провинциям и России в целом; они выходили через небольшие промежутки времени и пользова-

лись значительным успехом у читателей, на что указывают многочисленные переиздания. По мнению немецкого исследователя М. Гарлеффа, именно Эккардт пробудил у немецкой читающей публики интерес к внутриполитическим процессам в Российской империи[5]. Г. фон Пистолькорс называет его одним из основоположников «балтийской литературы» в Германии[6]. Лишь часть книг выходила под именем автора; в анонимных работах Эккардт позиционировал себя как российского подданного, знающего ситуацию изнутри.

Первые работы были опубликованы еще в период пребывания Эккардта в России и в основном посвящены Остзейскому краю, его прошлому и настоящему. С конца 1860-х гг. число книг начало быстро расти; Эккардт не только много писал, но и переводил на немецкий язык российскую публицистику, например нашумевшую книгу Р. А. Фадеева «Вооруженные силы России»[7]. В 1873 г. увидел свет анонимный сборник очерков «Из петербургского общества»[8], затем неоднократно переиздававшийся с дополнениями и переведенный на английский и французский языки. В следующем году появился второй том[9]. Сам автор в воспоминаниях утверждал, что эта его книга являлась «первой и во многих отношениях лучшей» по своей теме[10]. В 1879 г. был опубликован сборник «Россия до и после войны»[11]. Наконец, в 1881 г. увидела свет книга «От Николая I к Александру III: петербургские очерки новейшей российской истории»[12]. Ее продолжение «Русские перемены. Новые очерки российской истории от Николая I до Александра III»[13], появившееся в 1882 г., вызвало протест российских дипломатов и привело к уходу автора со службы в Гамбурге. В 1880-е гг. публицистическая деятельность Эккардта пошла на спад, хотя и не прекратилась полностью.

В исследовательской литературе по сегодняшний день отсутствует развернутый анализ образа России в текстах Ю. фон Эккардта. У М. Гарлеффа можно найти лишь краткий и предельно общий обзор этого важнейшего сюжета. Целью представленной статьи является реконструкция одной из главных составляющих образа России в публицистике Эккардта — представлений о российском панславизме. При этом важно обратить внимание не только на устойчивые характеристики этих представлений, но и на их эволюцию с течением времени.

Начать следует с того, что в своих работах Эккардт практически полностью отождествлял панславизм, славянофильство («славофилию») и русский национализм. В его книгах то и дело встречаются выражения вроде «московские националисты из славофильской партии»[14]. Это необходимо иметь в виду: вне зависимости от того, пишет ли Эккардт о «национальной партии», «славофильстве» или «панславистах», он имеет в виду одних и тех же деятелей и практически один и тот же круг идей.

Здесь, впрочем, нужно сделать одну важную оговорку. По мнению Эккардта, панславизм был характерен не только для националистов-славянофилов, но и для их противников — революционных демократов. Объяснялось это

просто: оба течения выросли из одного корня. Свое ви́дение данного сюжета Эккардт излагал в сборнике очерков «Младорусское и старолифляндское», опубликованном в 1871 г. По его словам, в 1830-е гг. в России, в первую очередь в образованном московском обществе, сформировалась оппозиция николаевскому самодержавию. Изначально она являлась единым сообществом, в рамках которого, к примеру, А. И. Герцен близко общался с К. С. Аксаковым[15]. Лишь позднее, в 1840-е гг., социалисты-западники и консервативные славянофилы разошлись в разные стороны[16]. Тем не менее Герцен по-прежнему мечтал о единой общеславянской федерации, хотя его панславизм был в большей степени в русле центральноевропейской традиции[17]. В свою очередь «славофилы», невзирая на весь свой политический консерватизм, возлагали основные надежды в деле очищения России от вредного западного влияния на массу простого народа, что придавало их идеологии определенный демократический и революционный элемент[18]. Это создавало парадоксальную на первый взгляд ситуацию, к которой Эккардт часто обращался в разных своих текстах и о которой еще будет сказано ниже: отстаивая на словах российское самодержавие, «славофилы» объективно работали против него.

Во многом по этой причине в эпоху Николая I российский панславизм отнюдь не приветствовался государством. Лишь отдельные крупные чиновники придерживались «славофильских» взглядов. Ситуация, по мнению Эккардта, начала меняться после вступления на престол Александра II, когда прессе и общественности была предоставлена значительно бо́льшая свобода, а панславизм вошел в моду[19]. Решающей точкой в восхождении «славофильской партии» стал 1863 г.[20] — восстание в Польше и переход в лагерь панславистов выдающегося публициста М. Н. Каткова, ставшего «неограниченным властителем общественного мнения России» вместо Герцена[21]. Последнее обстоятельство имело большое значение, поскольку именно в те годы российская пресса находилась на пике своего политического влияния[22].

Середина 1860-х гг. стала временем первого взлета российского панславизма, и далеко не случайно в своих ранних книгах Эккардт уделял этому течению большое внимание. К примеру, в заметках о путешествии по Галиции в 1869 г. он всячески подчеркивал опасность для империи Габсбургов российской панславистской агитации среди русинского населения[23]. В это же время, по его словам, российская политика на Балканах приобрела вместо конфессионального отчетливо этнический характер — в греко-болгарском церковном споре второй половины 1860-х гг. Петербург поддержал болгарскую сторону, испортив отношения с греками[24].

Однако на рубеже 1860–1870-х гг. «славофилы», по мнению Эккардта, в значительной степени утратили свое влияние как в обществе, так и в рядах правящей элиты. Это объяснялось их неудачами в практической деятельности, «консервативным поворотом» в верхах после покушения Д. В. Каракозова, а также тем, что панславизм потерял для публики очарование новизны и вы-

шел из моды[25]. Кроме того, деятельность «славофилов» мешала заимствованию и внедрению эффективных западных практик и поэтому препятствовала развитию экономики[26]. В книгах, написанных в первой половине 1870-х гг., тема панславизма уже не находилась для Эккардта на первом плане, сама эта идеология рассматривалась им скорее как миновавшая пору своего расцвета.

Ситуацию вновь изменил восточный кризис 1875–1878 гг. Активная деятельность славянских комитетов привлекла большое внимание в Германии, где многие считали, что Александр II начал войну с Османской империей против своей воли, под давлением националистической общественности[27]. Той же точки зрения придерживался и Эккардт, в книгах которого на рубеже 1870–1880-х гг. панславизм вновь предстал в качестве мощной динамичной силы, определяющей как внутреннюю политику России, так и ее курс на международной арене[28]. Популярность этой идеологии в российском обществе он объяснял не в последнюю очередь тем, что она предоставила образованным слоям уникальный шанс оказывать прямое влияние на государственную политику, впервые в истории участвовать в управлении страной[29].

Каковы были ключевые характеристики этого течения? Очевидно, что образ панславизма у Эккардта был негативным; выходец из остзейских губерний видел в нем в первую очередь силу, грозившую уничтожить дорогой его сердцу балтийско-немецкий мир. С его точки зрения, панславизм являлся ложной доктриной, не имевшей никакого рационального основания. В своих книгах Эккардт неоднократно подчеркивал это, характеризуя сторонников «национальной партии» как фанатиков: «национально-фанатичная клика»[30], «московские фанатики»[31], «славянские расовые фанатики»[32]. Гораздо реже можно встретить в его книгах более мягкую характеристику — «романтики»[33]. Коннотации, впрочем, оставались теми же: оторванность от реальности, химеричность взглядов панславистов.

Логично, что, по мнению Эккардта, панслависты терпели неудачу каждый раз, когда им представлялась возможность воплотить свои взгляды в жизнь. Их практическая деятельность неизменно заканчивалась провалом. Это показывала как попытка русифицировать Польшу в середине 1860-х гг., так и деятельность «славофилов» в Болгарии в конце 1870-х гг. Действия панславистских администраторов в Царстве Польском Эккардт характеризовал как хаотичные, бессистемные, совершенно бездарные и в итоге контрпродуктивные[34]. Польский вопрос так и остался для рассматриваемого движения квадратурой круга: без примирения с поляками достичь славянского единства было невозможно, но само это примирение российские панслависты считали допустимым только в виде безоговорочного подчинения поляков «старшему брату» — добровольного или под принуждением[35].

Что касается балканских сюжетов, то в книге «Россия до и после войны» Эккардт подробно описывал жизнь и деятельность князя В. А. Черкасского, назначенного в 1877 г. главой гражданской администрации Болгарии. Немецкий

публицист подчеркивал, что Черкасский презирал болгар, отказывал им в любой самостоятельности и пытался сделать их «правильными славянами», обращаясь с ними как с «безвольным стадом»[36]. В итоге он нанес очень серьезный удар популярности России у болгарского населения, добившись цели, прямо противоположной декларируемой. «Даже самые предвзятые и близорукие московские патриоты, — писал Эккардт, — вынуждены были сказать себе, что проводимая именем славянского дела политика насилия прямо противоречит как русским, так и славянским интересам»[37].

«Князь Черкасский не есть явление случайное, — завершал Эккардт свой рассказ. — Он типичный представитель того направления, которое, несмотря на все допущенные ошибки, надеется еще на некоторое время сохранить свое влияние на российское общество»[38]. Панслависты «закончили тем, что видят свою ближайшую практическую задачу в насилии над родственными славянскими племенами и именем российской государственности преграждают путь свободному развитию тех, кого мнили освободить»[39]. На «славофилов» Эккардт также возлагал ответственность за существовавшие в российском обществе завышенные ожидания относительно плодов русско-турецкой войны — и, соответственно, последовавшее восприятие Берлинского конгресса как тяжелого поражения. В результате Россия оказалась поставлена на международной арене в крайне сложное и опасное положение[40].

Разрыв между декларируемыми идеалами и реальными результатами касался, с точки зрения Эккардта, и внутренней политики. Подчеркивая свою верность русской традиции и самодержавному монарху, панслависты на самом деле дестабилизировали ситуацию в стране. Хорошим примером являлась их деятельность в остзейских губерниях: пытаясь уничтожить самостоятельность и силу немецкой элиты, «славофилы» тем самым, по мнению Эккардта, лишали российскую монархию ее самой надежной несущей опоры[41]. Более того, рассматривая простой народ в качестве носителя истинно русских ценностей и стремясь к повышению его роли в государстве, они фактически работали на слом всей сложившейся социальной структуры. Поэтому Эккардт время от времени называл «славофилов» либералами[42] — не в смысле западноевропейского либерализма, а как сторонников «освобождения» народа от гнета импортированных институтов и прозападных элит — и даже «социалистами», поскольку они отстаивали общинную собственность на землю[43]. С точки зрения немецкого публициста, именно панслависты во многом несли ответственность за внутриполитический кризис, разразившийся в России рубежа 1870–1880-х гг. и завершившийся убийством Александра II[44].

Несмотря на эту антисистемную составляющую, «славофилы» смогли занять сильные позиции в рядах правящей элиты Российской империи. Проникновение панславистских идей в правящие круги осуществлялось, согласно Эккардту, тремя возможными путями. Первым из них являлось поступление ведущих панславистов на государственную службу. В качестве характерных

примеров можно назвать уже упомянутого выше князя В. А. Черкасского, а также Ю. Ф. Самарина. Именно Самарин, по словам Эккардта, являлся первым, кто постарался внедрить идеи оппозиционных «славофилов» в государственную идеологию и практику[45]. Второй путь был прямо противоположным: по мере роста популярности панславизма в российском обществе государственные деятели, не испытывавшие изначально никаких симпатий к «славофильским» идеям, склонялись в их сторону исходя из чисто прагматических соображений. Классический пример такого рода деятеля у Эккардта — российский канцлер А. М. Горчаков[46]. Наконец, третью категорию составляли представители военно-политической элиты, поддерживавшие панславизм отчасти исходя из искренних личных убеждений, отчасти из карьерных соображений. В роли таковых на страницах книг Эккардта выступают великий князь Константин Николаевич, братья Н. А. и Д. А. Милютины, а также граф Н. П. Игнатьев — «крестный отец московского славофильства»[47].

Влиянию панславизма на российскую политику в изображении Эккардта весьма способствовала популярность этой идеи в придворных кругах. Как было часто принято в ту эпоху, неофициальное воздействие приписывалось в первую очередь женщинам: в качестве ключевой фигуры Эккардт называл графиню А. Д. Блудову, оказывавшую большое влияние на императрицу Марию Александровну и через нее — на Александра II[48]. Императрица, в свою очередь, поддерживала панславизм, искренне веря, что тем самым «оказывает существенную услугу интересам страны и правящей династии», поскольку общеславянскому делу принадлежит будущее[49].

По мнению Эккардта, было бы ошибкой изображать «славофилов» как единое сообщество с четкой идеологией. Как он писал в одной из своих книг, «национальная партия никогда не обладала общей программой, заслуживающей подобного названия»[50]. В начале 1880-х гг. он выделял в рядах «славофилов» три основных течения: консервативно-охранительское во главе с К. П. Победоносцевым, экспансионистско-панславистское во главе с М. Н. Катковым и «крестьянско-демократическое» во главе с И. С. Аксаковым[51]. Объединяет их, по мнению немецкого публициста, только одно: ненависть к разнообразным «западникам» и к немцам — как внутри страны, так и на международной арене.

Эту германофобскую составляющую российской «славофилии» Эккардт подчеркивал практически в каждом своем произведении. Он объяснял ее двумя фундаментальными факторами. Первым была присущая славянам зависть к более трудолюбивым, рациональным, а следовательно, успешным немцам[52]. Здесь Эккардт фактически повторял стереотип, широко распространенный в германском общественной сознании второй половины XIX в.: одной из ключевых черт национального характера славян, в том числе русских, является лень, неспособность к упорному конструктивному труду; русские по природе своей не могут добиваться таких же успехов, как немцы, и потому завидуют последним. Второй фактор — создание сильной Германской империи на западных

границах России; панславистами оно было воспринято как появление мощного барьера на пути реализации их планов по формированию общеславянского государства. Кроме того, московские «славофилы» искренне полагали, что Германия не сможет остаться в стороне и равнодушно наблюдать за уничтожением немецкой самобытности в остзейских провинциях России. Эта ненависть к Германии заставляла панславистов придерживаться в европейских делах профранцузской ориентации — еще в 1873 г. Эккардт писал о «панславистско-французской клике» в Петербурге[53].

Из этого со всей неизбежностью следовал вывод, который автор с конца 1870-х гг. неизменно представлял своим читателям: былая дружба между Россией и Германией окончательно и бесповоротно канула в прошлое. Немецкое общество, по его мнению, в недостаточной степени осознает это и позволяет убаюкивать себя воспоминаниями о былом[54]. Однако ситуация радикально и необратимо изменилась; российский император уже не является настоящим самодержцем, пресса и общественность приобрели значительную власть. Усиление панславистов в России, писал Эккардт, делает невозможными нормальные и равноправные отношения; Германия, с их точки зрения, должна выступать в роли вассала Петербурга или являться врагом[55]. Если немцы не готовы согласиться на первый вариант, они должны смириться со вторым и действовать соответственно, не питая никаких иллюзий насчет восточной соседки. Угроза со стороны России, по мнению Эккардта, значительно увеличивалась благодаря неспособности «славофилов» к конструктивной деятельности: потерпев неудачу внутри страны, они могут попытаться отвлечь внимание общества, провоцируя внешнеполитические кризисы[56]. Кроме того, общая ненависть к немцам рассматривается панславистами как объединяющий элемент, позволяющий, в частности, достичь желанного русско-польского примирения[57]. В одном из своих произведений немецкий публицист упоминал и якобы присущий русским «инстинкт, направленный на расширение находящегося под их властью пространства»[58].

Образ панславизма являлся, таким образом, одним из центральных элементов в произведениях Эккардта, посвященных Российской империи 1860–1880-х гг. Панславизм (или «славофилия») представал на их страницах в качестве иррациональной, агрессивной, разрушительной силы, уходившей своими корнями в русский национальный характер. Именно эта сила делала невозможными дружественные отношения между Россией и Германией — вывод, к которому Эккардт пришел задолго до того, как обе страны оказались в составе противостоящих друг другу военных союзов. Его тезисы, подававшиеся как экспертное знание, оказали значительное влияние и на немецкую общественность, и на военно-политическую элиту, и без того придерживавшуюся схожих представлений. В итоге тезис о неизбежном противоборстве России и Германии стал самосбывающимся пророчеством.

[1] *Цимбаев К. Н.* «Великая Германия». Формирование немецкой национальной идеи накануне Первой мировой войны. М., 2015.
[2] *Андреева Н. С.* В борьбе с «русской угрозой»: остзейская эмиграция в период Первой мировой войны // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Сер. 2. 2015. Вып. 4. С. 103.
[3] *Garleff M.* 1) Deutschbalten zwischen den Kulturen // Russen und Rußland aus deutscher Sicht. Bd. 4. 19./20. Jahrhundert: Von der Bismarckzeit bis zum Ersten Weltkrieg. München, 2000. S. 427–481; 2) Julius Eckardt in Deutschland // Zeitschrift für Ostforschung. 1984. Bd. 33. Nr. 4. S. 534–550; 3) Zum Rußlandbild Julius von Eckardts // Kieler Historische Studien. Bd. 22. Rußland und Deutschland. Stuttgart, 1974. S. 206–224.
[4] *Garleff M.* Deutschbalten zwischen den Kulturen. S. 459.
[5] *Garleff M.* Julius Eckardt in Deutschland. S. 538.
[6] *Pistohlkors G., von.* Deutsche Geschichte im Osten Europas. Baltische Länder. München, 1994. S. 383.
[7] General Fadejew über Russlands Kriegsmacht und Kriegspolitik. Leipzig, 1870.
[8] Aus der Petersburger Gesellschaft. Leipzig, 1873.
[9] Neue Bilder aus der Petersburger Gesellschaft. Leipzig, 1874.
[10] *Eckardt J.* Lebenserinnerungen. Bd. 1. Leipzig, 1910. S. 300.
[11] Russland vor und nach dem Kriege. Leipzig, 1879.
[12] Von Nicolaus I. zu Alexander III. St. Petersburger Beiträge zur neuesten Russischen Geschichte. Leipzig, 1881.
[13] Russische Wandlungen. Neue Beiträge zur Russischen Geschichte von Nicolaus I. zu Alexander III. Leipzig, 1882.
[14] Neue Bilder aus der Petersburger Gesellschaft. S. 95.
[15] *Eckardt J.* Jungrussisch und altlivländisch. Politische und culturgeschichtliche Aufsätze. Leipzig, 1871. S. 148.
[16] Ibid. S. 160.
[17] Ibid. S. 21.
[18] Ibid. S. 20.
[19] Russland vor und nach dem Kriege. S. 164.
[20] *Eckardt J.* Russlands ländliche Zustände seit Aufhebung der Leibeigenschaft. Leipzig, 1870. S. 37.
[21] *Eckardt J.* Jungrussisch und altlivländisch. S. 102.
[22] Aus der Petersburger Gesellschaft. S. 141.
[23] *Eckardt J.* Jungrussisch und altlivländisch. S. 197–271.
[24] Aus der Petersburger Gesellschaft. S. 163.
[25] Ibid. S. 41.
[26] *Eckardt J.* Jungrussisch und altlivländisch. S. 119.
[27] Denkwürdigkeiten des Botschafters General von Schweinitz. Bd. 2. Berlin, 1927. S. 91.
[28] Russland vor und nach dem Kriege. S. 328.
[29] Ibid. S. 322.
[30] Aus der Petersburger Gesellschaft. S. 134.
[31] Russland vor und nach dem Kriege. S. 375.
[32] Berlin — Wien — Rom. Betrachtungen über den neuen Kurs und die neue europäische Lage. Leipzig, 1892. S. 33.
[33] Aus der Petersburger Gesellschaft. S. 32.
[34] *Eckardt J.* Jungrussisch und altlivländisch. S. 121.
[35] Russland vor und nach dem Kriege. S. 178.
[36] Ibid. S. 204.
[37] Ibid. S. 206.
[38] Ibid. S. 208.
[39] Ibid. S. 210.
[40] Von Nicolaus I. zu Alexander III. S. 388

[41] Russland vor und nach dem Kriege. S. 290.
[42] *Eckardt J.* Russlands ländliche Zustände... S. 37.
[43] Ibid. S. 47.
[44] Von Nikolaus I zu Alexander III. S. 397.
[45] Russland vor und nach dem Kriege. S. 274.
[46] Aus der Petersburger Gesellschaft. S. 86–87.
[47] Von Nikolaus I zu Alexander III. S. 407.
[48] Aus der Petersburger Gesellschaft. S. 36.
[49] Aus der Petersburger Gesellschaft. Neue Folge. Leipzig, 1881. S. 352.
[50] Russische Wandlungen. S. 330.
[51] Ibid. S. 327.
[52] Berlin — Wien — Rom. S. 32.
[53] Aus der Petersburger Gesellschaft. S. 26.
[54] Berlin und Petersburg. Preussische Beiträge zur Geschichte der Russisch-Deutschen Beziehungen. Leipzig, 1880. S. 174.
[55] Berlin — Wien — Rom. S. 33.
[56] Russische Wandlungen. S. 405.
[57] Berlin und St. Petersburg. S. 100.
[58] Russland vor und nach dem Kriege. S. 209.

References

ANDREEVA N. S. *V bor'be s "russkoj ugrozoj": ostzejskaya emigraciya v period Pervoj mirovoj vojny* [In a struggle against "Russian menace": Baltic-Germans emigration during the World War I. In Russ.] // Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 2. 2015. Vyp. 4. P. 100–112.

Denkwürdigkeiten des Botschafters General von Schweinitz. Bd. 2. Berlin, 1927.

[ECKARDT J.] Aus der Petersburger Gesellschaft. Leipzig, 1873.

[ECKARDT J.] Aus der Petersburger Gesellschaft. Neue Folge. Leipzig, 1881.

[ECKARDT J.] Berlin — Wien — Rom. Betrachtungen über den neuen Kurs und die neue europäische Lage. Leipzig, 1892.

[ECKARDT J.] Berlin und Petersburg. Preussische Beiträge zur Geschichte der Russisch-Deutschen Beziehungen. Leipzig, 1880.

ECKARDT J. Jungrussisch und altlivländisch. Politische und culturgeschichtliche Aufsätze. Leipzig, 1871.

ECKARDT J. Lebenserinnerungen. Bd. 1. Leipzig, 1910.

[ECKARDT J.] Neue Bilder aus der Petersburger Gesellschaft. Leipzig, 1874.

[ECKARDT J.] Russische Wandlungen. Neue Beiträge zur Russischen Geschichte von Nicolaus I. zu Alexander III. Leipzig, 1882.

[ECKARDT J.] Russland vor und nach dem Kriege. Leipzig, 1879.

ECKARDT J. Russlands ländliche Zustände seit Aufhebung der Leibeigenschaft. Leipzig, 1870.

[ECKARDT J.] Von Nicolaus I. zu Alexander III. St. Petersburger Beiträge zur neuesten Russischen Geschichte. Leipzig, 1881.

GARLEFF M. Deutschbalten zwischen den Kulturen // Russen und Rußland aus deutscher Sicht. Bd. 4. 19./20. Jahrhundert: Von der Bismarckzeit bis zum Ersten Weltkrieg. München, 2000. S. 427–481.

GARLEFF M. Julius Eckardt in Deutschland // Zeitschrift für Ostforschung. 1984. Bd. 33. Nr. 4. S. 534–550.

GARLEFF M. Zum Rußlandbild Julius von Eckardts // Kieler Historische Studien. Bd. 22. Rußland und Deutschland. Stuttgart, 1974. S. 206–224.

General Fadejew über Russlands Kriegsmacht und Kriegspolitik. Leipzig, 1870.

PISTOHLKORS G., von. Deutsche Geschichte im Osten Europas. Baltische Länder. München, 1994.

TSIMBAEV K. N. "Velikaya Germaniya". Formirovanie nemeckoj nacional'noj idei nakanune Pervoj mirovoj vojny. ["Great Germany". Formation of the German national idea on the eve of the First World War. In Russ.]. Moscow, 2015.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Н. А. Власов. Образ российского панславизма в публицистике Юлиуса фон Эккардта // Петербургский исторический журнал. 2023. № 4. С. 53–63

Аннотация: Целью представленного исследования является реконструкция образа панславизма в текстах немецкого публициста остзейского происхождения Юлиуса фон Эккардта (1836–1908). Опубликовав в 1860–1880-е гг. множество статей и книг о России — некоторые из них стали в Германии бестселлерами — Эккардт оказал большое влияние на складывание в германском обществе негативного образа Российской империи. В том числе благодаря складыванию этого образа стало возможным резкое ухудшение российско-германских отношений в последней трети XIX в. При этом панславизм являлся в текстах Эккардта одним из ключевых элементов образа Российской империи, объяснявшим как ее внутреннее развитие, так и действия на международной арене. В результате проведенного исследования удалось выявить как характерные черты, так и эволюцию образа панславизма в книгах Эккардта. Последний отождествлял панславизм со славянофильством и российским национализмом и рассматривал его как мощную, иррациональную и деструктивную силу, угрожающую как внутренней стабильности Российской империи, так и европейскому миру. Панслависты на страницах книг Эккардта представали сборищем фанатиков с утопическими идеями, не имевших общей программы, но объединенных ненавистью к немцам и всему немецкому. Неспособные к продуктивной деятельности, они неизменно терпели неудачи на практике, но оказывали огромное влияние на российское общественное мнение и правящую элиту. Именно это, по мнению Эккардта, делало невозможным восстановление старых дружественных отношений между Россией и Германией.

Ключевые слова: Юлиус фон Эккардт, панславизм, российско-германские отношения, образ России, публицистическая литература, остзейцы, общественное мнение.

FOR CITATION

N. A. Vlasov. The image of Russian pan-slavism by Julius von Eckardt // Petersburg historical journal, no. 4, 2023, pp. 53–63

Abstract: The goal of the presented research is to reconstruct the image of pan-Slavism in the texts of the German essayist of Baltic German origin Julius von Eckardt (1836–1908). Having published many articles and books about Russia in the 1860s and 1880s — some of them became bestsellers in Germany — Eckardt greatly impacted the formation of a negative image of the Russian Empire in German society. This image, for its part, was an important factor in sharp deterioration of Russian — German relations during the last third of the 19th century. In Eckardt's texts pan-Slavism was one of the key elements of the image of the Russian Empire, used to explain both internal development of the country and its actions in the international arena. As a result, both the characteristic features and the evolution of the image of pan-Slavism in Eckardt's books were detected. Eckardt identified pan-Slavism with Slavophilia and Russian nationalism and considered it as a powerful, irrational and destructive force threatening both the internal stability of the Russian Empire and the European peace. The pan-Slavists on the pages of Eckardt's books appeared to be a bunch of fanatics with utopian ideas, who possessed no common program, but were united by hatred of the Germans and everything German. Incapable of productive activity, they always failed in practice, but exerted a huge influence on Russian public opinion and the ruling elite. This, according to Eckardt, made the restoration of the old friendly relations between Russia and Germany impossible.

Key words: Julius von Eckardt, pan-Slavism, Russian — German relations, the image of Russia, journalistic literature, Baltic Germans, public opinion.

Автор: **Власов, Николай Анатольевич** — к. и. н., доц. Санкт-Петербургского государственного университета.

Author: **Vlasov, Nikolay Anatolievich** — Candidate of science in history, Associate professor, Saint Petersburg State University.

E-mail: n.vlasov@spbu.ru

УДК 94(47).084+340.158
DOI: 10.51255/2311-603X_2023_4_64

Н. Н. Федосеенков

Дискуссии о праве и политическая реальность советского государства: от слома системы к «освоению классического наследия»

Система права и ее радикальные преобразования в первой половине XX в. выразительно демонстрируют тенденции государственной и общественной жизни, что позволяет ближе взглянуть на те перемены, которые определяли основу исторических процессов в России и в СССР от Гражданской войны до разгара «индустриализации, коллективизации и культурной революции», когда одной из основных задач было, по мысли большевика, в то время профессора правового отделения МГУ А. Г. Гойхбарга, стирание «грани между правом гражданским, частным и публичным... чтобы обуздать произвол, даваемый частной собственностью, чтобы ввести этот произвол в разумные, не выходящие за пределы поставленной цели, а потому и допустимые с точки зрения нашего правопорядка рамки»[1].

Исследование истории преобразований и эволюции системы правосудия, затрагивающее теоретические споры и противоречивую практику первых послереволюционных десятилетий, существенно дополняет наши представления о той переломной эпохе, дает возможность переосмыслить суть и последствия многих решений и фактов. И потому здесь необходим широкий исторический контекст, сопоставление общественных течений, которые повлияли на эту важную сферу политической жизни — в соответствии с принципами, кото-

рых придерживался В. О. Ключевский, считавший, что «исторический процесс вскрывается в явлениях человеческой жизни, известия о которых сохранились в исторических памятниках или источниках. Явления эти необозримо разнообразны»[2]. Это напрямую касается изучения эволюции отношения к праву, которое неотделимо от представлений о роли государства и гражданина, а значит — и от политической, а также повседневной жизни.

Первая четверть XX в. была в России временем радикального разрушения старых порядков. Вместе с тем имеет смысл проанализировать и те тенденции, связанные с традициями XVIII — начала XX в., которые оказались жизнеспособными и актуальными в новом — советском — контексте. Это касается и некоторых направлений классической юридической мысли, и элементов государственной практики, а также ярких пластов оппозиционной мысли, так называемой «революционной традиции».

К 1917 г. Россия подошла с развитой судебной системой, которая включала и образовательную составляющую. Судебная реформа, утвержденная в 1864 г., была одной из самых успешных в истории отечественных преобразований времен императора Александра II. Но идеализировать тогдашнюю ситуацию можно, только если рассматривать судебную систему изолированно от общественных движений, от экономических перекосов и политических процессов, которые привели к революционному слому исторического пространства и сложившегося уклада. В западноевропейском понимании юридические традиции в самодержавной России были слишком слабы и противоречивы, а «право представляло собой не выражение сознания и традиции народа, как в других странах Европы, а произвольное творение самодержавного властителя, привилегию буржуазии. Этот властитель был поставлен над законом. Юристы являлись скорее слугами царя и государства, чем слугами народа, им не хватало общего профессионального духа»[3]. Тезис спорный, но он дает представление о противоречиях, которые имели место в политической системе и в обществе.

Идеология Российской империи в XVIII и в начале XIX в. базировалась на ценностях европейского Просвещения, вместе с которыми среди образованных людей насаждалась вера в справедливость Фемиды, в необходимость равенства граждан (подданных) перед законом, в верховенство права во всех сферах жизни. На открытии Императорского Царскосельского лицея преподаватель нравственных, политических и юридических наук А. П. Куницын провозглашал: «Приуготовляясь быть хранителями законов, научитесь прежде сами почитать оные, ибо закон, нарушаемый блюстителем оного, не имеет святости в глазах народа»[4]. В этом видели основу основ для воспитания будущей просвещенной государственной элиты. Такие представления о правовой гармонии как основе «общественного блага» стали, в известном смысле, «светской религией». Не случайно А. С. Пушкин с благодарностью писал о своем учителе Куницыне: «Он создал нас, он воспитал наш пламень». Столь возвышенное отношение к роли права во многом сохранялось в университетской среде до 1917 г.

Все очевиднее становился конфликт между идейными установками и реальностью, между тенденциями разных эпох, сохранявших влияние в российской реальности. Чем выше общественные ожидания, тем болезненнее разочарования. На этом фоне закономерным стало укрепление позиций правового нигилизма, который традиционно объясняли (и в известной степени оправдывали) социально-политическими перекосами русской жизни. Здесь показательно рассуждение А. И. Герцена: «Полное неравенство перед судом убило в нем (в русском человеке. — *Н. Ф.*) в самом зародыше всякое уважение к законности. Русский, какого бы звания он ни был, обходит или нарушает закон всюду, где это можно сделать безнаказанно; и совершенно так же поступает правительство»[5]. Герцен (и мы попытаемся это доказать) абсолютизирует лишь одну из тенденций того и позднейшего времени, он выражает мнение непримиримой оппозиции своего времени. Но недооценивать эту точку зрения нельзя, как нельзя недооценивать и ее влияние на общественное мнение. Обвинение сложившейся в 1860-х гг. судебной системы в атавизмах неравенства станет оправданием революционного слома этой системы в 1917 г. и ранее — в теоретических штудиях, характерных для революционной среды. И здесь снова практика совпала с отдаленными от нее по времени идеями Герцена, который в слабости правовой системы видел перспективы для революционных изменений в России, которые он считал необходимыми: «В России за государством видимым нет государства невидимого, которое было бы апофеозом, преображением существующего порядка вещей, нет того недостижимого идеала, который никогда не совпадает с действительностью, хоть и всегда обещает стать ею. Ничего нет за этими заборами, где нас держит в осаде сила, превосходящая нашу. Вопрос о возможности революции в России сводится к вопросу о материальной силе. Вот почему, не считая иных причин, помимо упомянутых нами, эта страна становится почвой, наилучшим образом подготовленной для социального возрождения»[6]. Таким образом, предтеча российской социал-демократии считал, что отсталость крестьянской России по части распространения системы права дает некоторые преимущества для развертывания революционных преобразований.

Противник индивидуализма в европейском духе, А. И. Герцен, по мнению современного исследователя, был убежден, что «будущее социалистическое общество вырастет на основе и из духа русской общины»[7]. Герцен считал самым перспективным направлением для России развитие традиционного народного правосознания, которое несколько идеализировал. Он писал: «Есть факт, несомненный для всякого, кто близко познакомится с русским народом. Крестьяне редко обманывают друг друга; между ними господствует почти неограниченное доверие, они не знают контрактов и письменных условий. Вопросы о размежевании полос по необходимости бывают очень сложны при беспрестанных разделах земель по числу тягол; между тем дело обходится без жалоб и процессов. Помещики и правительство жадно ищут случая для вмешательства; но этот случай не представляется. Мелкие несогласия повергаются на суд старикам

или миру, и их решение беспрекословно принимается всеми»[8]. Такие представления А. И. Герцена оказали заметное влияние на несколько поколений участников революционного движения в России.

Огромный резонанс в предреволюционные десятилетия получила политическая философия Л. Н. Толстого, который стал, пожалуй, наиболее влиятельным критиком государства и права с этических позиций, во многом противоположных герценовским и оппозиционных по отношению к официальной идеологии. В 1909 г. Л. Н. Толстой опубликовал «Письмо студенту о праве», которое привлекло широкое общественное внимание, в том числе и в профессиональной юридической среде. «Письмо...» составлено в ответ на послание некоего студента, который попросил Толстого разъяснить его взгляды на право. Писатель представил концентрат собственных взглядов на эту тему, которые увлекли немало единомышленников. Это неудивительно, ведь писатель и мыслитель в то время был настоящим властителем духа, к каждому его слову — самому спорному — прислушивались. Пройдя сложную эволюцию отношения к праву, он включил юриспруденцию в число «лженаук» — наряду с богословием, философией, политической экономией. Отзвуки толстовского «антиюридизма» (в данном случае этот термин кажется точнее, нежели «правовой нигилизм») мы встречаем вплоть до нашего времени. Такова сила парадоксальной мысли Толстого, которого в то время воспринимали не только как писателя или публициста, но как учителя жизни, открывателя истины. Он стал последовательным критиком права и государства, утверждая, что «право государственное есть право отбирать у людей произведения их труда, посылать их на убийства, называемые войнами, а для тех, у кого отбирают произведения их труда и которых посылают на войны, право пользоваться теми произведениями своего труда, которые еще не отобраны от них, и не идти на войны до тех пор, пока их не посылают»[9]. Не менее категорично Толстой высказывался о гражданском и даже уголовном праве, подчеркивая неизбежно субъективную трактовку дел, как правило, нацеленную против личности и нравственности, которую он связывал с религиозным сознанием. Неприятие государства как такового в мировоззрении Л. Н. Толстого усиливалось с каждым десятилетием[10].

Толстой рассуждал не голословно, он изучал право в университете (подчас с увлечением), а позже часто посещал судебные заседания и даже участвовал в работе судов. В его дневнике нетрудно найти такие записи: «Пошел на суд. Заведение для порчи народа. И очень испорчен. Расчесывают болячки — вот суд»[11]. Конечно, это не первая попытка критики права в мировой практике. Но Толстой пошел гораздо дальше предшественников. Например, Ч. Диккенс также критиковал британскую правовую систему, но не решался (а возможно, и не намеревался) отрицать право и государство, подобно Толстому, объявившему эти феномены человеческими суевериями. Что же предлагал Л. Н. Толстой взамен государства, частной собственности и права? Вместо них он выстраивал некую моральную систему, никогда не существовавшую: «Все три

составляющие — последствия свойств человека: братство — это любовь. Только если мы будем любить друг друга, будет братство между людьми. Равенство — это смирение. Только если мы не будем превозноситься, а считать себя ниже всех, мы все будем равны. Свобода — это исполнение общего всем закона Бога. Только исполняя закон Бога, мы все, наверное, будем свободны»[12]. Знаменательна готовность Л. Н. Толстого к кардинальным переменам, к уничтожению значительной части того, что существовало веками. В начале XX в. такая убежденность одного из властителей дум стала важным фактором подготовки к будущим переменам, более того, после Л. Н. Толстого было непросто отрицать необходимость радикальных изменений. Дискуссия, которая возникла вокруг Л. Н. Толстого и толстовства, стала важной ступенькой к кардинальным переменам 1905–1906 и 1917 гг.

Самую содержательную и эмоциональную (хотя исторически запоздалую) отповедь толстовской критике права дал И. А. Ильин в известной работе «О сопротивлении злу силою», написанной в 1925 г.: «Сентиментальный моралист не видит и не разумеет, что право есть необходимый и священный атрибут человеческого духа, что каждое духовное состояние человека есть видоизменение права и правоты и что ограждать духовный расцвет человечества на земле невозможно вне принудительной общественной организации, вне закона, суда и меча. Здесь его личный духовный опыт молчит, а сострадательная душа впадает в гнев и “пророческое” негодование. И в результате этого его учение оказывается разновидностью правового, государственного и патриотического нигилизма»[13]. Обратим внимание на время написания этой острой отповеди толстовству — 1925 г. Казалось бы, далеко не пик влияния на умы публицистики Л. Н. Толстого. Но для Ильина-публициста и идеолога, убежденного оппонента социал-демократов, первостепенное значение имело отношение к писателю как к «зеркалу русской революции» (определение В. И. Ленина). Философ, по-видимому, даже преувеличивал меру влияния толстовских идей на большевиков. Развенчание толстовства он считал политически актуальным, не замечая, как далеко большевики ушли от идей «писателя-идеалиста» к 1925 г. Главным объектом критики для И. А. Ильина была роль Л. Н. Толстого как предтечи революционного слома.

При этом необходимо иметь в виду, что «наивный идеализм» Л. Н. Толстого (определение И. А. Ильина) оказал существенное влияние на умы не только в России — прежде всего благодаря заостренному максимализму автора, который завоевал репутацию «пророка», будучи известнейшим писателем своего времени. А дискуссия по вопросу, кто из мыслителей оказался ближе к христианским идеалам, продолжается до нашего времени[14].

«Право — по преимуществу социальная система, и притом единственная социально-дисциплинирующая система. Русская интеллигенция никогда не уважала права, никогда не видела в нем ценности; из всех культурных ценностей право находилось у нее в наибольшем загоне»[15], — отмечал Б. А. Кистяковский

в фундаментальной работе, написанной в годы Первой мировой войны, непосредственно в преддверии революционных событий. Удивительно, что это сказано в те годы, когда в России работали такие крупнейшие правоведы, теоретики и практики, как П. И. Новгородцев, С. А. Котляревский и др. Современный исследователь истории права утверждает: «В начале XX века русская научная юриспруденция переживала пору расцвета. На это указывало не только количество выходивших в России книг по праву и юридических периодических изданий, но и высокое качество научных трудов российских правоведов»[16]. Но самосознание современников, тех, кто участвовал в переменах начала XX в. и наблюдал за ними изнутри, было иным. Они не могли не видеть разрыв между «гимназическими» идеалами просвещенной монархии, которые в теории оставались почти неизменными с XVIII в., и сложившейся реальностью.

Это сказалось в идейной дискуссии предреволюционных десятилетий. По мнению современного исследователя, историка К. А. Соловьева, концепт законности плохо сочетался с принципами самодержавия, которые сдали позиции в 1905 г., но сохраняли влияние: «...с 1906 по 1917 год политическая система Российской империи находилась в состоянии “сборки”. Она постоянно менялась. Новые порядки наслаивались на старые... По той же причине в Основных законах перестали называть монарха “неограниченным”, но продолжали именовать “самодержавным”. Царь подчеркивал: все осталось словно бы как прежде, в то время как в действительности многое изменилось»[17]. Свое — скептическое — отношение к правовым приоритетам исповедовали социалисты, влияние которых росло в том числе и в среде студентов-юристов. В 1917 г. настало их время.

Время кардинальных перемен всегда трагично, ведь на этот период приходится хаотический слом привычных, сложившихся конструкций. Но именно в это время нередко рождаются обновленные формы, которые, не будучи оптимальными, заслуживают исследовательского внимания.

Революционные перемены (и это отразилось на февральском этапе Российской революции) изначально во многом связывались с торжеством права, с укреплением демократической процедуры, когда судьбу страны будет решать Учредительное собрание. Инициаторов первых событий 1917 г. не устраивали прежде всего законы, остальные факторы (военные неудачи, провалы в снабжении крупных городов и армии и т. п.) стали важным поводом для массового недовольства. Противоречия между этими настроениями оказались взрывоопасными. Можно только согласиться с выводом Ю. А. Петрова: «У российской интеллигенции начала XX века была розовая иллюзия относительно того, что революция спасет страну, что надо избавиться от монархии и тогда народ сможет зажить свободно и счастливо. Однако реальный ход событий показал, что революционный путь приводит к громадным жертвам, насилию, взаимоистреблению, что путь этот тупиковый. И главный, может быть, урок прошлого заключается в том, чтобы в сегодняшней ситуации учесть все, что

происходило сто лет назад, и не допустить раскола современного российского общества, чреватого крушением страны»[18]. Здесь речь идет о многофакторном процессе, в котором отношение к праву, к справедливости, к судебной практике было одним из нескольких значимых направлений.

Перемены коснулись в первую очередь органов защиты правопорядка. Были ликвидированы Отдельный корпус жандармов, Департамент полиции, а вместо них было учреждено Главное управление по делам милиции. Также уже в марте 1917 г. при Министерстве юстиции учредили Чрезвычайную следственную комиссию для расследования противозаконных по должности действий бывших министров, главноуправляющих и прочих высших должностных лиц как гражданского, так военного и морского ведомств (ЧСК). В ее работе принимали участие видные ученые, именитые адвокаты — такие как Н. С. Каринский и В. А. Жданов. Это был первый, но далеко не последний «чрезвычайный» следственный орган революционного времени, и широкое общественное внимание к его работе на первых порах неудивительно. В Зимнем дворце и Петропавловской крепости шли допросы царских управленцев и сановников. «Никогда еще история русского суда не знала процессов о носителях власти, столь высоко стоявших в иерархической лестнице, никогда суду не приходилось высказываться об уголовном значении целой системы управления»[19], — утверждал председатель Комиссии Н. К. Муравьев. Несмотря на либеральный настрой участников этой следственной комиссии, несмотря на то что ее работа не привела к серьезным приговорам, этот орган можно считать предтечей «рабочих и крестьянских революционных трибуналов для борьбы против контрреволюционных сил», которые были созданы 22 ноября 1917 г. и действовали до конца 1922 г., сыграв одну из ключевых ролей не только в создании новой правовой системы, но и в формировании идеологии и стратегии советского государства.

Тогда, уже на следующем — октябрьском — этапе революционного процесса и подходы, и проблематика ЧСК представлялись не только атавистическими, но и «контрреволюционными», направленными на то, чтобы оградить «деятелей царизма от подлинно революционного суда»[20], задачей которого было укреплять новую политическую систему и, по словам В. И. Ленина, «бороться против эксплуататоров и обеспечить строжайшее проведение дисциплины и самодисциплины трудящихся»[21].

В 1917 г., в особенности после октябрьских событий, отношение к праву резко поменялось. Оно перестало быть приоритетным для политической власти, а «нигилистические» тенденции, которые прежде были достаточно распространенными, но не определяли магистрального развития государственной системы, заметно укрепились. Пик этих тенденций пришелся на первые годы после Октября. Это объяснимо для времени, когда основной задачей власти стал слом прежних порядков. Но и позже, когда перед советской властью встали новые задачи, требовавшие измененной, но отлаженной системы правосудия, «правовой нигилизм» долго не сдавал позиций. Его проявления мы замечаем

до середины 1930-х гг. — и в теоретических дискуссиях, и в практике работы институтов судебной и политической власти.

Отметим также, что значительная часть интеллигенции, принявшей активное участие и на февральском, и на октябрьском этапе Русской революции 1917 г., имела прямое отношение к юридическому сообществу. Таким образом, очевиден конфликт двух полярных точек зрения как на роль права, так и на его восприятие и перспективы в российском обществе. От самых радужных надежд до принципиального отрицания, из которого нередко вытекало отрицание государства и стремление к его отмиранию как к близкой перспективе. Этот конфликт надолго стал одним из ключевых для идейной борьбы 1920–1930-х гг., которая тесно связана и с исторической практикой тех лет. А именно — с возникновением новых институтов власти (в том числе судебной), нового отношения к праву, к гражданственности и к государству в целом. С одной стороны, трудно было отмахнуться от марксистской доктрины, которая в крайнем выражении сформулирована в «Манифесте Коммунистической партии»: «Ваше право есть лишь возведенная в закон воля вашего класса»[22]. К этой формуле, как мы увидим, относились крайне серьезно, выстраивая не ее основе новые правовые институты. С другой стороны, очень скоро большевики сделали ставку не на упразднение, а на усиление государства, управление которым они взяли на себя. И их задачей стало создание нового, советского права, которое, как показала практика, не могло обойтись без исторического контекста, без многих наработок прошлых эпох, как и без старых кадров. Аналогичные процессы шли в то время и в других сферах жизни, подведомственных другим наркоматам. При этом советское право оставалось специфическим, во многом его принципиальные положения отличались как от отечественных, так и от зарубежных традиций — прежде всего из-за приоритетов классовой теории и российских интерпретаций марксизма.

Известно, что первые декреты большевиков после захвата власти не касались судебной системы. Это дало повод ряду исследователей утверждать, что «изначально большевики не предусматривали модернизацию юстиции»[23], а народный комиссариат юстиции не рассматривался как один из ключевых.

Действительно, первый декрет советской власти, посвященный судебной системе, был опубликован 7 декабря (24 ноября) 1917 г., а принят на заседании Совнаркома за два дня до этого. То есть почти через месяц после провозглашения советской власти. Отметим, что сообщение о разработке данного декрета появилось в газете «Правда» на 10 дней раньше. Можно ли считать эту паузу достаточно долгой? Вопрос, на который можно ответить, только проанализировав основные цели большевиков накануне октября 1917 г., главной из которых был пересмотр отношения к частной собственности, прежде всего на средства производства. Эта политика прослеживается во многих ранних декретах советской власти, и вряд ли она могла оказаться хотя бы частично успешной без кардинальной перекройки судебной системы и самого отношения к праву.

Поэтому декрет «О суде» на заседаниях Совнаркома обсуждался с первых дней после захвата власти и, по воспоминаниям активного участника этой дискуссии П. И. Стучки[24], не встретил единодушного одобрения. Детали тогдашних споров нам неизвестны, но сам факт напряженных прений и переносов решения этого вопроса говорит о том, что к преобразованиям судебной системы не относились как к чему-то второстепенному. В пользу противоположной гипотезы говорит тот факт, что до Октября в программе РСДРП радикальное переустройство судебной системы действительно не предполагалось. Но летом и осенью 1917 г. политическая ситуация в стране быстро менялась, и партия не успевала отразить новое положение в программных документах.

Декрет (и это стало одним из важнейших его последствий) легализовал революционные трибуналы, вызывавшие ассоциации с французским революционным опытом (во Франции аналогичный чрезвычайный судебный орган был создан летом 1792 г.). Трибуналы должны были рассматривать дела, связанные с «контрреволюцией», но это понятие включало широкий спектр деяний — от проявлений коррупции до терроризма. По разным причинам трибуналы нередко рассматривали и уголовные преступления. Председатель Верховного трибунала на протяжении всей его истории Н. В. Крыленко называл трибуналы органом самообороны революции, призванным бороться и с уголовной преступностью[25]. Дела особой важности рассматривал революционный трибунал при ВЦИК РСФСР, в 1919 г. переименованный в Верховный революционный трибунал при ВЦИК.

Теоретические дискуссии — как первоначально казалось, самые далекие от реальности — быстро находили воплощение в реальности. Конечно, это были не точные воспроизведения теории на практике; многое расходилось с первоначальными положениями, но быстрые изменения, позволявшие экспериментировать, располагали к реализации (и — нередко — столь же быстрой отмене) теоретических положений. В положениях, посвященных революционным трибуналам, отразились (конечно, в измененном виде) еще предреволюционные теоретические наработки В. И. Ленина о классовой борьбе после победы пролетарской революции. Верховный революционный трибунал просуществовал сравнительно недолго, но разъяснительных дискуссий о его работе было немало и в годы существования трибунала, и после. Показателен взгляд А. Эстрина, который в 1922 г., во время упразднения Верховного трибунала, решительно выступал против объявления этого органа внесудебным. Эстрин признавал, что трибунал «в условиях революционной борьбы» не мог дать обвиняемым гарантий, сравнимых с тем, что предоставляли народные суды. Но трибунал выполнял свою главную роль — он обеспечивал укрепление власти большевиков (а следовательно, пролетариата) и стал важным фактором в классовой борьбе, а, по Эстрину, «элементарнейшим и совершенно бесспорным для каждого марксиста является положение, что всякий суд есть суд классовый, то есть орудие классовой борьбы в руках того класса, который стоит у власти»[26].

По судьбе и эволюции воззрений Н. В. Крыленко (он был, пожалуй, самым важным действующим лицом в истории революционных трибуналов) можно судить о требованиях, которые предъявлялись к первым советским обвинителям. Потомственный социалист, сын ссыльного, он окончил люблинскую классическую гимназию, учился на историко-филологическом факультете Петербургского университета, считается большевиком с 1904 г., активно участвовал в событиях 1905 г. Профессиональный революционер, Н. В. Крыленко проявил себя и как теоретик, пытавшийся критически осмыслить марксистское наследие[27]. В 1914 г. экстерном окончил юридический факультет Харьковского университета. Не раз подвергался аресту, несколько лет провел в эмиграции. В 1916 г. был мобилизован в действующую армию. Активно участвовал в событиях октября 1917 г. и в организации Красной гвардии. Стал широко известен, когда его — прапорщика — назначили главнокомандующим Российской армией. Этот пост занимал четыре месяца, а с марта 1918 г. работал в Наркомате юстиции РСФСР. До этого времени юридической практики не имел. Н. В. Крыленко сочетал черты, необходимые для правовой деятельности на раннем этапе советского государства: был достаточно образован, в том числе по юридической части, работоспособен, пользовался доверием как революционер, считавший своей задачей разрушение буржуазных порядков. «Руководствуясь ленинскими положениями, Н. В. Крыленко вместе с П. И. Стучкой, Д. И. Курским работает над созданием единой советской судебной системы, основанной на строжайшем соблюдении принципа классового построения советского суда, классового содержания всей судебной практики»[28], — констатировала историк М. Н. Симонян в апологетической монографии об отце-революционере. Наряду с другими «старыми большевиками» он, независимо от занимаемых должностей, стал одним из организаторов советской юриспруденции. Любопытна и биография упомянутого первого советского генерального прокурора Д. И. Курского, который, в отличие от Н. В. Крыленко, мог похвастать не только дипломом, но и работой в московской адвокатуре еще в 1900-е гг. Но в остальном его судьба схожа с судьбой Крыленко: член РСДРП с 1904 г., участник событий 1905–1906 гг., не раз был арестован. Такие люди и попытались создать новую, революционную систему правосудия.

Особенности работы советских трибуналов — широкие полномочия, упрощенное судопроизводство, публичные судебные заседания. «Приговоры Революционных Трибуналов являются окончательными и обжалованию в апелляционном порядке не подлежат. Копия приговора вручается осужденным не позднее 24-х часов после вынесения приговора. В кассационном порядке приговоры могут быть обжалованы, кроме приговоров Верховного Трибунала при ВЦИК и приговоров Военных Трибуналов и Трибуналов, приравненных к ним, в том числе военно-железнодорожных»[29]. То есть обжаловать решение трибунала было непросто, а Верховный трибунал пребывал на вершине пирамиды раннего советского правосудия, и его приговоры, как правило, незамедлительно

приводились в исполнение. «Верховный Трибунал имел право толкования законов и определения направлений карательной политики независимо от Наркомюста. Компетенция трибуналов была практически неограниченна. Они могли принимать к производству любые дела, в которых усматривались признаки опасности для РСФСР или порядков, в ней установленных»[30], — так определял Н. В. Крыленко полномочия этого чрезвычайного судебного органа. Вскоре систему дополнили Военно-революционный трибунал, Главный революционный железнодорожный трибунал, Военно-промышленный трибунал, которые, в теории, напрямую курировал наркомат юстиции, а на практике, как отмечал Н. В. Крыленко, — тот же Верховный трибунал до его упразднения: «Он был фактически независим от Наркомюста, поддерживал с ним только личную связь через своего председателя. Военные и военно-железнодорожные трибуналы являлись его органами и были ему подотчетны и подконтрольны. Наконец, тот же Верховный трибунал осуществлял надзор над внесудебными полномочиями ЧК»[31].

Отметим, что эта иерархия чрезвычайных судебных инстанций, направленных на преследование политических противников советской власти, начала складываться до начала Гражданской войны, что, впрочем, логично вытекало из программы большевиков. Крайним и вместе с тем упрощенным выражением этой доктрины можно считать слова Г. Е. Зиновьева: «Революция есть кровь, огонь, есть железо, и хорошо, что настала эта эпоха, хорошо, что мы с оружием в руках и грудь с грудью боремся со своими врагами, хорошо, что не живем больше в этой гнилой атмосфере учредилок-удавилок»[32]. Такая стратегия требовала карательных механизмов, и система трибуналов с формальной выборностью членов была наиболее легитимным вариантом.

В целом в 1918–1920 гг. система работала в чрезвычайном режиме, по существу — без законодательства. Шла напряженная борьба за власть. Эпиграфом к рассуждениям о первых годах советского правосудия можно было бы поставить крылатые слова Сергея Есенина из поэмы «Ленин»:

Еще закон не отвердел,
Страна шумит, как непогода.

Юристы, идеологи, политики в том время и вплоть до конца 1920-х гг. не раз повторяли: «Верховным мерилом является революционная целесообразность»[33].

Конфликт между законностью и революционной целесообразностью стал определяющей приметой общественной жизни на несколько послереволюционных лет. На V Всероссийском Съезде Советов в июле 1918 г., принимая первую Конституцию РСФСР, В. И. Ленин предложил такую доктрину: «...плох тот революционер, который в момент острой борьбы останавливается перед незыблемостью закона. Законы в переходное время имеют временное значение. И если закон препятствует развитию революции, он отменяется или

исправляется»[34]. Логично предположить, что Конституция 1918 г. стала специфическим документом, поскольку не претендовала на правовой универсализм в духе конституционных мечтаний XIX в. И не только потому, что в ее основе лежал классовый принцип и в статье 65-й были перечислены граждане, лишенные избирательных прав. Многие исследователи замечали, что ряд ключевых положений Конституции 1918 г. сформулирован туманно. Ее целью было немедленное закрепление нового политического режима на неопределенный, но, по мнению большинства авторов той Конституции, недолгий переходный период, когда не могло идти речи о верховенстве закона. П. В. Крашенинников, размышляя об уроках первой отечественной Конституции, отметил: «В нем (речь идет о Конституции как о первом правовом документе РСФСР. — *Н. Ф.*) не было и речи об оснащении Конституции системным законодательством, без которого любой документ такого рода остается пустой декларацией»[35]. Характерно и такое высказывание В. И. Ленина: «...революционная диктатура пролетариата есть власть, завоеванная и поддерживаемая насилием пролетариата над буржуазией, власть, не связанная никакими законами»[36]. Эти слова воспринимались как директива, серьезной оппозиции таким принципам в системе власти в то время не было, а юристы, сотрудничавшие с советским государством, были вынуждены теоретически обосновывать такой подход. Но здесь следует напомнить, что период «диктатуры пролетариата» изначально предполагался временным, особым режимом.

Принцип целесообразности касался не только политических дел: любое уголовное, даже бытовое преступление в сложившейся неопределенной ситуации могло трактоваться как контрреволюция. В то же время этот принцип нельзя абсолютизировать, воспринимать как некую константу советского права — даже в понимании 1918–1919 гг. Чрезвычайный период «революционной диктатуры пролетариата» не предполагался как длительный, после чего прогнозировались и намечались принципиальные изменения. И у В. И. Ленина в более позднее время можно найти директивы, в которых речь идет уже о «незыблемости закона», утверждения, что «законность должна быть одна, и основным злом во всей нашей жизни и во всей нашей некультурности является попустительство исконно русского взгляда и привычки полудикарей, желающих сохранить законность калужскую в отличие от законности казанской»[37].

Рефлексии, связанные с осмыслением понятия законности в новых условиях, мы находим во многих резонансных художественных произведениях того времени, написанных в том числе сторонниками советской власти — такими как А. И. Тарасов-Родионов, выпускник Казанского университета, активный участник революционных событий 1917 г. Позже он работал следователем в Верховном революционном трибунале. Показательна его повесть «Шоколад», опубликованная в 1922 г. и ставящая вопросы законности террора и этической чистоты чекиста. Тарасов-Родионов показывает службу на страже революционной законности «как морально тяжелое и жестокое дело, которое накладывает

роковой отпечаток на характер и судьбу человека, порождает его духовную драму». Подспудно в повести ставится вопрос о необходимости закона, который встанет выше революционной целесообразности и других субъективных ценностей. Предполагалось, что в будущем революционная сознательность станет питательной средой для создания новых — универсальных — законов, в идеале соответствующих принципам воспитания коммунистического человека. Надо признать, что революционная идеология оказалась не монолитной и способной к изменениям. Соответственно, и правовая система сначала приспосабливалась к реальности нэпа, а с начала 1930-х — к усилению позиций государства.

Целесообразность определялась, как правило, с помощью таких субъективных инструментов, как классовое чутье. Скептики предупреждали, что выстраивать устойчивую и долговременную конструкцию на столь зыбкой почве не представляется возможным — и, как мы увидим, практика доказала правоту этого предположения. Продолжая слом пережитков прежнего права, система тянулась к более стабильным ориентирам, чем те, что работали в 1917–1920 гг. Как следствие, сразу после завершения Гражданской войны политическая система, которая сумела себя защитить, занялась систематизацией права. Создавались политические институты с обоснованной (как показала практика) претензией на устойчивость. Б. Н. Земцов, проанализировав зарубежные источники, отметил: «Парадоксально, но даже западные правоведы признают, что в Советском Союзе строгое соблюдение принципа социалистической законности, поддержание правопорядка являлось абсолютными императивами, что уважение к праву носило более категорический характер, чем в буржуазных странах и что имелись гарантии для того, чтобы принцип социалистической законности (за исключением периода сталинизма) воплощался в жизнь»[38]. Здесь речь идет о системе, сложившейся в середине 1930-х. Но началом этого противоречивого процесса можно считать судебную реформу, стартовавшую в ноябре 1922 г., когда ВЦИК принял «Положение о судоустройстве РСФСР»[39]. Трибуналы (кроме специализированных) упразднялись, создавалась единая трехзвенная система судебных органов: народные суды, губернские суды, Верховный суд Республики. Реформа, с одной стороны, ликвидировала «трибунальное правосудие», т. е. чрезвычайные органы, наделенные особыми функциями и правами, с другой — упорядочила и на практике усилила партийно-государственный контроль над судами в условиях одновременно нэпа и однопартийности. В основу попытки создать новую систему правосудия лег все тот же принцип «революционной целесообразности» — с опорой на большинство трудящихся, в соответствии с классовой теорией. Иначе это воспринималось бы как капитуляция, отступление от стратегических целей революции. Идеологи того времени утверждали, что «революционный класс приносит с собой новое правосознание, предчувствие новых юридических отношений и форм, находящихся в соответствии с новыми условиями жизни, несет новую судейскую совесть, новые представления о добре и зле»[40]. Очень точное понятие — «предчувствие».

Уничтожая прежнюю систему правосудия, которая, по твердому убеждению большевиков, служила эксплуататорским классам, устроители нового государства, по крайней мере декларативно, надеялись на широкое участие масс в новых органах правосудия, поскольку «суд есть орган привлечения именно бедноты поголовно к государственному управлению»[41]. В этом видели внутреннюю легитимность создававшейся системы, и председатель Совнаркома настойчиво упоминал об этом, определяя «очередные задачи советской власти».

Идеологи заговорили о «революционном праве», пытаясь дать ему внятное теоретическое обрамление в широком историческом контексте, с опорой на марксистскую доктрину и с прицелом на актуальность в течение долгого времени, а не только кратковременного революционного слома. Но это понятие с трудом поддавалось определениям и имело гораздо большее отношение к политике, чем к правовой практике, хотя сказывалось на ней. Несколько монографий посвятил этой теме Н. В. Крыленко — один из основоположников советской юстиции, попытавшийся не только на эмоциональном уровне разъяснить, чем буржуазное право отличается от той реальности, которая складывается в Советском Союзе, почему оно несовместимо с «социалистическим строительством», с зарождающимся советским укладом жизни. Наиболее интересен труд, который Крыленко издал в 1934 г., когда можно было применить методы исторического анализа, анализируя путь, пройденный советским государством за неполные 17 лет, в том числе за 10 лет после смерти В. И. Ленина, на труды которого автор часто ссылается. Крыленко признавал, что в первые послереволюционные годы «сопротивление бывших эксплуататорских классов требовало максимального напряжения революционной энергии, заставляло направлять эту энергию в первый период большею частью не на созидательную, а на разрушительную работу. Это, конечно, не способствовало мирному строительству»[42]. Это был важный риторический маневр, оправдывавший многие перегибы не только времен Гражданской войны, но начала 1920-х и объяснявший переход от революционной законности к другим ценностям, в которых более важную роль играла стабильность системы правосудия и в теории, и на практике. Кроме того, Крыленко воспринимал юридическую сферу только в широком контексте — политическом и экономическом. Крыленко (во многом вопреки своим же прежним представлениям) объявляет предрассудком (т. е. вредным явлением) представления о неправовом характере революционной реальности. Но отношение к закону и норме меняется в зависимости от того, на каком этапе развития находится революционное государство. Сначала следовало уничтожить «органы угнетения народа», но потом неизбежен переход к «строительству социализма и переходу к руководству непролетарскими слоями населения»[43].

Показательно, что Крыленко не раз варьировал свои публичные представления о развитии советского права. Это касалось и самых фундаментальных принципов, связанных с идеологией. В этом смысле его можно считать характерной

фигурой, за спиной которой — опыт первых советских управленцев. В его метаморфозах можно проследить важную для первого десятилетия истории советского государства тенденцию: постепенный переход от атаки на государство, которое, в соответствии с положениями Ленина, воспринимали как «машину для поддержания господства одного класса над другим»[44] до представлений о новом, социалистическом государстве, которое на практике оказалось более централизованным, нежели Российская империя, хотя и построенным на других принципах.

Таким образом, несколько лет основной задачей государства и его правовой системы было упразднение дореволюционной практики. Но с переходом к основательному государственному строительству понадобился пересмотр такого отношения; и в дореволюционном, и в классическом мировом наследии стали искать образцы для подражания — разумеется, в редуцированном, сильно измененном виде. Подобные процессы с разной степенью активности происходили во всех областях гуманитарной мысли. Один из ярких примеров этого «освоения классического наследия» — обращение к речам русских адвокатов дореволюционной пореформенной поры. С 1930-х гг. их стали упоминать, цитировать. Реалии, с которыми связаны их выступления, сильно отличались от советских, они, как правило, были связаны с сословным укладом, с частной собственностью, часто имели отношение к деловому миру (купечеству) и революционному подполью. Но риторическое мастерство, высокий уровень критического мышления этих мастеров стали эталонными для советских адвокатов, судей и прокуроров. При этом подчеркивалось (как правило, с преувеличениями) критическое отношение к самодержавию таких правоведов, представителей либеральной мысли, как П. А. Александров, В. Д. Спасович, А. Ф. Кони, Ф. Н. Плевако. Речи советских признанных юристов воспринимались как продолжение и развитие этого наследия на новом, более высоком политическом уровне. Событием стало издание в 1956 г. фундаментального сборника «Судебные речи известных русских юристов», составленного Е. М. Ворожейкиным под редакцией М. М. Выдри[45]. Канонизация (конечно, избирательная) юридического наследия пореформенной России стала результатом перехода от противоречивых революционных преобразований к укреплению государства, которое потребовало и более широких идеологических опор, не только узкомарксистских. Это сказалось и на правовой культуре, и на повседневной жизни граждан. Но «внедрение классического наследия» проходило драматически, не только с дискуссиями, но и со взаимными обвинениями оппонентов, многие из которых не избежали репрессий. Эта тема требует отдельного рассмотрения.

1 *Гойхбарг А. Г.* Основы частного имущественного права. М., 1924. С. 52.
2 *Ключевский В. О.* Сочинения: в 9 т. М., 1989. Т. 1. С. 34.

[3] *Рене Д.* Основные правовые системы современности / Пер. с фр. и вступ. ст. В. А. Туманова. М., 1988. С. 157–158.
[4] Наставления воспитанникам, читанные Александром Куницыным, адъюнкт-профессором нравственных наук // Речи, произнесенные при открытии императорского Царскосельского лицея в присутствии е. и. в. и августейшей фамилии. Октября 19 дня 1811. СПб., 1811. С. 13.
[5] *Герцен А. И.* Собрание сочинений: в 30 т. Т. 7. М., 1956. С. 251.
[6] Там же.
[7] *Исаев И. А.* Умом Россию не понять?.. // История государства и права. 2009. № 16. С. 18.
[8] *Герцен А. И.* Собрание сочинений: в 30 т. Т. 7. М., 1956. С. 66.
[9] *Толстой Л. Н.* Полное собрание сочинений: в 90 т. Т. 38. М., 1936. С. 55.
[10] Суждения Л. Н. Толстого о государстве аргументированно оспорил современный исследователь В. А. Томсинов в статье «Размышления по поводу “Письма студенту о праве” Льва Николаевича Толстого»: «Лев Толстой имел все основания считать государство злом. Но он почему-то не принял во внимание, что государство — зло особенное. Оно — зло НЕОБХОДИМОЕ, НЕИЗБЕЖНОЕ. Без государства людская жизнь не только не становится счастливой, но превращается в настоящее бедствие» (http://tomsinov.com/russia_contemp/tomsinov_v.a-razmyshlenija_po_povodu_pisma_student.pdf).
[11] *Толстой Л. Н.* Собрание сочинений: в 22 т. М., 1978–1985. Т. 17. С. 336.
[12] Там же. Т. 22. С. 231–232.
[13] *Ильин И. А.* Основы христианской культуры. М., 2011. С. 78.
[14] См., например: *Троицкий К. Е.* Сопротивление злу силою Ивана Ильина как «духовный имморализм» // Вопросы философии. 2017. № 2. С. 154–165.
[15] *Кистяковский Б. А.* Социальные науки и право. М., 1916. С. 616.
[16] *Томсинов В. А.* Российские правоведы XVIII–XX веков: Очерки жизни и творчества: в 3 т. М., 2015. Т. 1. С. 10.
[17] *Соловьев К. А.* Самодержавие и конституция. Политическая повседневность в 1906–1917 годах. М., 2019. С. 224–225.
[18] *Петров Ю. А.* Великая Российская революция 1917 года: уроки истории // Научные труды Вольного экономического общества России. М., 2017. С. 189.
[19] ГА РФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 10. Л. 82.
[20] *Аврех А. Я.* Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства: замысел и исполнение // Исторические записки. М., 1990. Вып. 118. С. 97.
[21] *Ленин В. И.* Очередные задачи советской власти // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. М., 1969. Т. 36. С. 137.
[22] *Маркс К., Энгельс Ф.* Манифест Коммунистической партии // Маркс К, Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 4. М., 1955. С. 443.
[23] *Верещагина А. В.* Декрет №1 о суде: история подготовки и его содержание.
[24] *Стучка П. И.* Пять лет революции права // Еженедельник советской юстиции. 1922. № 44–45. С. 2.
[25] *Крыленко Н. В.* Судоустройство РСФСР. М., 1924. С. 2.
[26] *Эстрин А.* Единая судебная система и марксистская теория права // Еженедельник советской юстиции. 1922. № 29–30. С. 5, 6.
[27] См. брошюру, изданную Н. В. Крыленко под псевдонимом А. Брам: *Брам А.* В поисках ортодоксии. СПб., 1909.
[28] *Симонян М. Н.* Его профессия — революция. Документальный очерк о жизни и деятельности Н. В. Крыленко. М., 1985. С. 106.
[29] СУ РСФСР. 1920. № 22–23. Ст. 115.
[30] *Крыленко Н. В.* Судоустройство РСФСР. М., 1924. С. 144–145.
[31] Там же. С. 145.
[32] ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 10. Л. 5.
[33] *Архипов К. А.* Закон в советском государстве. М., 1926. С. 45.
[34] *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. Т. 36. С. 504.

[35] *Крашенинников П. В.* О верховенстве закона в Конституции 1918 года речи не шло // Российская газета. 2018. № 147.
[36] *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. Т. 37. С. 245.
[37] Там же. Т. 45. С. 198.
[38] *Земцов Б. Н.* «Правовой нигилизм» большевиков // Ленинградский юридический журнал. 2017. № 4 (50). С. 30.
[39] См.: Положения о судоустройстве РСФСР 1922 г. // СУ РСФСР. 1922. № 69.
[40] *Луначарский А. В.* Революция и суд // Материалы НКЮ. М., 1918. № 2. С. 12.
[41] *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. Т. 36. С. 197.
[42] *Крыленко Н. В.* Ленин и Сталин о революционной законности. М., 1934.
[43] Там же. С. 19.
[44] *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. Т. 39. С. 73.
[45] Судебные речи известных русских юристов: сборник. М., 1956.

REFERENCES

ARKHIPOV K. A. The Law in the Soviet State [In Russ.]. Moscow, 1926.

BONDARENKO A. V. *Judicial system of the RSFSR in the conditions of NEP* [In Russ.] // Actual Problems of Russian Law. 2009. No. 1.

DRYZHAKOVA E. N. Alexander Herzen in the West: in the Labyrinth of Hope, Glory and Renunciations [In Russ.]. Moscow, 1999.

ESTRIN A. *Single judicial system and Marxist theory of law* [In Russ.] // Weekly of Soviet Justice. 1922. No. 29–30.

GOIKHBARG A. G. Fundamentals of Private Property Law [In Russ.]. Moscow, 1924.

ILYIN I. A. Fundamentals of Christian Culture [In Russ.]. Moscow, 2011.

KRYLENKO N. V. Lenin and Stalin on Revolutionary Legality [In Russ.]. Moscow, 1934.

KRYLENKO N. V. The Judicial System of the RSFSR [In Russ.]. Moscow, 1924.

KURSKY D. I. Selected Articles and Speeches [In Russ.]. Moscow, 1958.

PETROV Yu. A. *The Great Russian Revolution of 1917: Lessons of History* [In Russ.] // Scientific works of the Free Economic Society of Russia. Moscow, 2017.

PORTNOV V. P., SLAVIN M. M. The formation of justice in Soviet Russia [In Russ.]. Moscow, 1990.

RENE D. The main legal systems of our time [In Russ.]. Moscow, 1988.

SIMONYAN M. N. His profession is revolution. Documentary essay on the life and work of N. V. Krylenko [In Russ.]. Moscow, 1985.

SOLOVIEV K. A. Autocracy and the Constitution: Political Everyday Life in Russia in 1906–1917 [In Russ.]. Moscow, 2019.

SOLOVIEV K. A. Liberal opposition in Russia at the beginning of the 20th century [In Russ.]. Moscow, 2021.

STUCHKA P. I. Selected works on the Marxist-Leninist theory of law [In Russ.]. Moscow, 1964.

TOLSTOY L. N. Complete Works: in 90 vols. [In Russ.]. Moscow, 1936. Vol. 38.

TOMSINOV V. A. Russian jurists of the 18th–20th centuries: essays on the life and creativity: in 2 vols. [In Russ.]. Moscow, 2015.

TOMSINOV V. A. *Andrey Yanuarievich Vyshinsky* (*1883–1954*), *statesman and legal scholar* [In Russ.]. Zakonodatelstvo. 2017. No. 8–12; 2018. No. 1–12; 2019. No. 1–12; 2020. No. 1–12; 2021. No. 1–12; 2022. No. 1–12; 2023. No. 1–4.

ZEMTSOV B. N. Methodology of the historical analysis of public systems [In Russ.]. Moscow, 1993.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Н. Н. Федосеенков. Дискуссии о праве и политическая реальность советского государства: от слома системы к «освоению классического наследия» // Петербургский исторический журнал. 2023. № 4. С. 64–81

Аннотация: В истории революционных перемен слом старой системы права часто рассматривается в отрыве от широкого исторического контекста. Автор анализирует идейные истоки, а также социально-политические последствия этих процессов, заявляет проблему метаморфозы советской системы в 1930-х гг. в связи с дискуссией о буржуазном и революционном, советском праве.

Ключевые слова: Просвещение, судебная реформа, Русская революция, правовые системы, В. И. Ленин, Н. В. Крыленко, Л. Н. Толстой, Верховный революционный трибунал, чрезвычайное правосудие, народовластие, Гражданская война, РСДРП(б).

FOR CITATION

N. N. Fedoseenkov. Legal debates and the Soviet state political reality. From scrapping the system to "mastering the classical heritage" // Petersburg historical journal, no. 4, 2023, pp. 64–81

Abstract: In the history of revolutionary changes, an old legal system collapse is often considered out of the broad historical context. The author analyzes the ideological origins, as well as the social and political consequences of these processes, states the problem of the Soviet system metamorphosis in the 1930s in connection with the discussion of bourgeois and revolutionary baselines and the Soviet law.

Key words: Enlightenment, judicial reform, Russian Revolution, legal systems, V. I. Lenin, N. V. Krylenko, L. N. Tolstoy, Supreme Revolutionary Tribunal, emergency justice, democracy, Civil War, Russian Social Democratic Labour Party (RSDLP(b)).

Автор: **Федосеенков, Николай Николаевич** — директор ФГБУ «Издательство "Наука"», член Российского исторического общества.

Author: **Fedoseenkov, Nikolay Nikolaevich** — Director, Nauka Publishers, member of the Russian Historical Society.

E-mail: e.uskova@naukapublishers.ru

УДК 94(569.4)«1917/1948»
DOI: 10.51255/2311-603X_2023_4_82

Л. А. Герд

Русские имущества в Палестине в 1920-е годы (по материалам британских архивов)

До Первой мировой войны России в Палестине принадлежало большое число участков, на которых были построены здания подворий для приема паломников и монашеские обители. Владельческие права на эти участки и строения были зарегистрированы за Русской духовной миссией (далее — РДМ) в Иерусалиме, Императорским Православным Палестинским обществом (далее — ППО), русским консульством, частными лицами. Финансирование за счет пожертвований и поддержка со стороны государства позволяли учреждениям осуществлять масштабную работу по приему тысяч паломников, а также культурно-просветительскую, научную и учебную деятельность[1].

С началом Первой мировой войны прекратился поток русских паломников в Палестину; прекратилось и финансирование русских учреждений[2]. Часть сотрудников уехали в Египет и в Россию, оставшиеся мужчины были депортированы турецкими властями в восточную Турцию, а женщины, которые остались в Иерусалиме, терпели крайнюю нужду и голод[3]. 9 декабря 1917 г. британские войска вошли в Иерусалим; в Палестине был установлен военный оккупационный режим, который действовал до вступления в силу мандата на управление Палестиной (выдан Лигой Наций 24 июля 1922 г.; действовал до 14 мая 1948 г.). Судьба русских имуществ в Палестине в период с 1919 до 1948 г. до сих пор не становилась предметом исчерпывающего сводного исследования. Большее внимание уделялось истории РДМ и ее собственности в период мандата[4]. Документы по истории ППО и его имуществ из государственного архива Израиля публиковались в статьях священника Д. В. Сафонова[5]; небольшая работа аме-

риканского историка Стивена Баталдена представляет обзор истории русских имуществ на основании документов Национального архива Великобритании[6].

Настоящая статья имеет целью исследовать судьбу собственности русских учреждений в Святой Земле в 1920-е гг. на основании документов, хранящихся в двух британских архивах: Национальном архиве (фонды Иностранного и Колониального отделов — МИД и Министерства колоний) и архиве Ламбетского дворца (фонд архиепископа Кентерберийского).

***

В июле 1919 г. в Иерусалим возвратился Николай Романович Селезнев и возобновило свою деятельность Управление подворьями Палестинского общества. Селезнев, старый сотрудник ИППО, был направлен с полномочиями от верховного правителя А. В. Колчака членом Совета Палестинского общества А. А. Нератовым. По приезде он принял имущество общества от К. Н. Петропуло, который временно заведовал делами во время войны. Селезнев составил подробные отчеты о состоянии подворий в 1919–1920 гг. Сергиевское подворье было занято англичанами с первого дня их появления в Иерусалиме, в Елизаветинском и Николаевском подворьях квартировались британские войска, Мариинское было обращено в гражданскую тюрьму. Движимое имущество всех подворий, кроме Александровского, расхищено турецкими войсками[7]. Хотя Селезнев получил разрешение прибыть в Палестину как управляющий подворьями от британской военной миссии юга России, губернатор Иерусалима Р. Сторрс не торопился признать его официальный статус. Поддержал Селезнева испанский консул Пабло Жорьетта; именно к нему тот обратился 15 ноября 1920 г. с просьбой помочь восстановить права собственности, а также содействовать обществу в сдаче помещений в аренду[8]. В 1920 г. британские власти сдали в аренду здания, принадлежащие русским учреждениям. Плата за аренду зданий Палестинского общества и РДМ передавалась комитету при испанском консуле и расходовалась для ремонта и охраны зданий и для содержания духовенства, сотрудников учреждений и неимущих русских женщин, а деньги от аренды русского консульства хранились в кассе палестинских властей.

С самого начала своего управления британские власти в Палестине были вынуждены балансировать между многочисленными противоборствующими религиозными, национальными и политическими группами[9]. В вопросах русских имуществ они декларировали свою позицию как хранителей вверенной им собственности и подчеркивали отсутствие стремлений воспользоваться этой собственностью в своих целях. Это соответствовало цели мандата как временного управления, долженствующего подготовить страну к самостоятельной жизни. При этом британцы использовали опыт колониальной администрации в Азии и Африке, где они максимально использовали те общественные

структуры и категории собственности, которые застали. Принцип сохранения status quo и ограждения неприкосновенности собственности неукоснительно соблюдался ими в отношении русских имуществ на протяжении всего периода мандата. До 1923 г. вопрос о правах собственности на русскую недвижимость в британском МИД почти не обсуждался.

4 марта 1921 г. Герберт Самюэль (верховный комиссар Палестины в 1920–1925 гг.) докладывал о том, что большие пустующие здания, принадлежащие РДМ и ППО в Иерусалиме, Назарете, Яффе, Иерихоне и Тивериаде, заняты британской администрацией «за отсутствием подходящих правительственных зданий и невозможностью в настоящее время построить новые». Он высказал пожелание поставить дело на более правильное основание[10].

24 июля 1922 г. Лига Наций утвердила мандат на британское управление Палестиной[11]. В сентябре того же года британским правительством была предпринята попытка создания комиссии по урегулированию вопроса о Святых Местах Палестины с учетом интересов всех христианских конфессий, а также евреев и мусульман; эта комиссия была предусмотрена статьями 13 и 14 мандата. Проект был, однако, отвергнут католиками, которые желали иметь первенствующее место в комиссии. Тогда власти мандата заявили, что не заинтересованы в создании какой-либо комиссии и начали применять к Палестине опыт управления религиозными учреждениями, который ранее практиковался на Цейлоне или Кипре[12].

Нота Л. Б. Красина 1923 г. о русских имуществах и ее последствия

По окончании Гражданской войны Великобритания заключила с Советской Россией торговое соглашение (16 марта 1921 г.), являвшее признанием de facto Советского государства[13]. Речь в нем шла только о собственности России в Великобритании и британской собственности в России (статья 10). Вопрос о русских имуществах в Палестине был поднят два года спустя. 18 мая 1923 г. Л. Б. Красин передал в Форин Офис ноту об имуществе русских учреждений в Палестине, которое Советская Россия желала получить в качестве правопреемницы царского правительства[14]. Этот документ был составлен на фоне обострения советско-британских отношений: 2 мая 1923 г. британское правительство подало в Москве через своего представителя Р. Ходжсона меморандум с рядом требований: прекращение поддержки национально-освободительных движений на Ближнем Востоке, прекращение преследования священнослужителей в СССР и выплата денежной компенсации семьям британских подданных, пострадавших в годы революции. Ответная нота Чичерина была составлена 11 мая. Л. Б. Красин вылетел в Лондон, и 17 мая состоялась его встреча с министром иностранных дел Дж. Н. Керзоном. Кризис был урегулирован,

и советский представитель, по сути ничего не добившийся, дал обещание, что советская сторона не будет предпринимать действий, которые могут быть поняты Великобританией как враждебные[15].

Английское правительство было вынуждено поставить дело о русских имуществах на строго документальную почву. Неприятие режима большевиков было для Лондона главным мотивом; однако отказать советскому правительству напрямую было невозможно, да и нежелательно, так как с подписанием торгового договора 1921 г. оно было de facto, а 2 февраля 1924 г. уже официально признано Великобританией. Уже в первых записках после получения ноты Красина отмечалось, что Палестинское общество являлось частной организацией, никогда не принадлежавшей ни царскому, ни временному правительству. Следовательно, на него не распространялась статья 10 англо-советского торгового соглашения, а вопрос о праве собственности может быть решен только в судах той страны, где оно находится; то же самое касается собственности РДМ. Обсуждению подлежит только собственность бывшего российского МИД[16]. Независимо от того, кто находился у власти в России, англичане понимали, что в силу временного характера мандата им придется отвечать перед будущим российским правительством за то, как они сохраняли имущества русских учреждений. На протяжении трех десятилетий британское правительство всячески тормозило решение вопроса с признанием владельческих прав на русские имущества: ведь на права собственности предъявляли претензии не только советское правительство, но и враждующие между собой эмигрантские учреждения.

Первым из них было Палестинское общество в эмиграции, от лица которого в Иерусалиме действовал Н. Р. Селезнев. Летом 1923 г. администрация мандата, желая разобраться в юридической стороне вопроса, запросила доказательства на право владения имуществами ППО. 17 августа 1923 г. Селезнев отправился в Европу с целью заручиться поддержкой влиятельных представителей русской эмиграции и получить дополнительные документы[17]. В Париже он познакомился с юристом Б. Э. Нольде[18]. 1 октября 1923 г. Нольде сделал заключение о юридическом праве ППО на владение имуществом в Палестине. Встречался Селезнев и с митрополитом Евлогием Георгиевским, заявлявшим о правах церкви на ППО и его собственность. Селезнев считал, что стремление иерархов Русской церкви осуществлять контроль над ППО лишь ухудшит положение общества и увеличит опасность захвата имуществ большевиками; потому от них он всячески отмежевывался. В Лондоне он заключил договор о защите прав ППО с юристом В. Н. Айдельсоном. По возвращении Селезнев представил верховному комиссару пространное изложение истории создания общества и его деятельности[19]: «В настоящее время члены общества, оставшиеся в России, на 2/5 священнослужители, подвергаются преследованиям, пребывают в нужде и лишены минимальных прав, предоставленных другим российским гражданам»[20]. В Палестине же, продолжал он, восстановлено

Управление имуществами общества силами шести старых его сотрудников, а поскольку Россия находится в состоянии анархии и под тираническим управлением, ППО просит признания его британской администрацией законным учреждением. Селезнев отрицал юридическую основу существования общества в Советской России, следовательно, и само существование там общества в настоящий момент. Вопрос будет решен, «когда русские люди освободятся от ига коммунизма»[21]. Представители ППО в Палестине являются законными хранителями его собственности до этого ожидаемого в будущем момента. Он прилагал ряд документов, подтверждающих статус ППО и его личность как официального уполномоченного общества: доверенность от председателя ИППО А. А. Ширинского-Шихматова, которой он утвердил Н. Р. Селезнева в должности уполномоченного (от 12 февраля 1920 г.)[22]; сертификат, изданный русским консулом в Египте А. Смирновым (4 августа 1923 г.); английский перевод нескольких дореволюционных документов из архива ППО, касающихся его имуществ[23].

Среди документов особенный интерес представляет экспертное заключение Б. Э. Нольде. «Устав ИППО не содержит никаких указаний касательно места функционирования центральных органов организации. Тот факт, что в настоящее время Совет общества собрался, и его председатель находится за пределами России, нисколько не делает недействительными решения Совета общества и его председателя, следовательно, правомочность этих решений зависит не от места, где они приняты, но от их соответствия уставу общества»[24]. В ноте Красина говорится, что декретом Совета народных комиссаров от 23 января 1918 г. ППО ликвидировано и все его имущества, как движимые, так и недвижимые, объявлены собственностью Российского государства. Декрет носит название «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» и касается учреждений культа. Ни под одну из категорий, перечисленных в документе, ППО не попадает. Следовательно, советская власть не имела права ни ликвидировать общество, ни национализировать его собственность[25].

В защиту имуществ ППО и РДМ выступили главы Русской церкви в эмиграции митрополит Антоний Храповицкий и Евлогий Георгиевский, которые просили британский МИД и архиепископа Кентерберийского не удовлетворять требования советского правительства, а сохранить имущества как собственность Русской церкви[26]. В 1924 г. митрополит Антоний неоднократно обращался с просьбой о защите русских имуществ в МИД, к архиепископу Кентерберийскому и канонику Дж. Дугласу[27]. Беспокойство Антония вызывала как перспектива передачи имуществ СССР, так и необходимость спасения РДМ, которая к концу 1923 г. имела долги, доходившие до 10 тыс. фунтов стерлингов. Продажа части ее имуществ предотвратила бы насильственную продажу их с аукциона по требованию кредиторов.

Ни документы, представленные Селезневым, ни письма русских иерархов не имели значения для принятия решений британским МИД, они даже не об-

суждались: в 1923–1924 гг. поражение Белого движения стало общепризнанным фактом; европейские страны одна за другой установили с СССР дипломатические отношения, а русские организации за рубежом перешли в статус частных негосударственных обществ.

«Российское Палестинское общество — это искусственное юридическое лицо, — писал юрисконсульт МИД А. Бертрам 24 августа 1923 г. — Иностранные корпорации признаются в других странах по международному соглашению. Если такая корпорация была распущена в своей стране, то она прекратит свое существование и за ее пределами. У нее не будет юридического статуса в судах иностранного государства <...> Члены общества, которые будут пытаться основать или возобновить общество за пределами России, не будут иметь права распоряжаться его имуществами. Покупатель, который будет приобретать имущество у такого лица, рискует остаться без купчего документа. Мне кажется крайне нежелательным, чтобы такие покупки подлежали рассмотрению», — заключал он[28].

В октябре 1923 г. Г. Самюэль составил подробное изложение об имуществах «обоих русских обществ»[29]. Посредство испанского консула было, на его взгляд, удобно тем, что через специально нанятых людей осуществлялась помощь более чем 500 обездоленным русским, а также выплата долгов и зарплаты сотрудникам, содержание зданий. Поскольку есть соперники, которые претендуют на то, чтобы быть представителями обществ, то администрация таким образом избегает иметь с ними дело[30]. Для земель, которые были при османской власти вакфом, действует запрет на отчуждение. Однако они были куплены на частное лицо и потом перешли в руки монахов, поэтому могут быть проданы как мири. Самюэль видел свою задачу в том, чтобы воспрепятствовать разным лицам, заявляющим себя агентами общества, распоряжаться имуществами[31].

Русские имущества в Палестине после установления дипломатических отношений между Великобританией и СССР. 1924 г.

22 января 1924 г. на выборах в парламенте победила лейбористская партия. 1 февраля 1924 г. правительство Великобритании официально признало СССР[32]. Это открыло новую страницу в советско-британских отношениях и потребовало незамедлительного принятия решений в отношении российских имуществ в Палестине. Советское полпредство находилось в крайне неблагоприятных условиях: из-за оппозиции со стороны королевского дома советский представитель действовал в ранге поверенного в делах, а не посла; советских дипломатов игнорировали на дипломатических приемах и других официальных мероприятиях[33]. В начале июня 1924 г. советская дипломатическая миссия обратилась в МИД с вопросом, может ли быть допущен представитель

в Палестину для ознакомления с состоянием имуществ. Вопрос был задан неофициально, чтобы при положительном ответе была составлена официальная нота. Допуск представителя Советского Союза был сочтен нежелательным[34].

К началу 1924 г. у британского МИД и палестинской администрации были на руках все документы, касающиеся статуса русских имуществ. В меморандуме от 22 апреля 1924 г.[35] было принято решение ответить советской стороне, что правопреемство Советского государства на имущества бывшего царского правительства в Палестине должно стать предметом судебного разбирательства. Особое внимание обращалось на опасность секуляризации имущества РДМ. К собственности ППО было решено применить британский устав о благотворительных обществах. Русским учреждениям в Палестине предложили принять статус общественных организаций, что не давало им права распоряжаться собственностью, но давало право подавать в суд иски по поводу имущества[36]. В качестве образца приводился институт общественных попечителей, который практиковался британской администрацией на Цейлоне и Фуджи[37].

Этот меморандум послужил основой для совместного заседания МИД и министерства колоний 23 мая 1924 г. Члены заседания пришли к выводу, что безусловное принятие решения суда может быть рискованным; на суд может быть оказано давление. Переговоры с большевиками отложили до принятия окончательного решения. Испанскому консулу объявили, что раз советское правительство заявило претензии на эти имущества, то его полномочия как представителя царского правительства прекращаются[38]. Подчеркивалось, что до назначения консульского агента от советского правительства крайне желательно, чтобы администрация мандата взяла на себя управление всеми русскими имуществами[39].

С ноября 1924 г. управление русскими имуществами перешло к районным губернаторам района Иерусалима-Яффы и Северного района соответственно[40]. Этими управляющими были назначены Р. Сторрс для Иерусалимско-Яффского округа и лейтенант-полковник Г. С. Саймс для северного округа[41]. Вопрос казался на время улаженным, а собственность — защищенной.

Заявления советской дипломатии 1925–1926 гг.

В апреле 1925 г. полпред в Англии Х. Г. Раковский поднял вопрос о русских имуществах в разговоре с министром иностранных дел О. Чемберленом, заявив, что советское правительство готово восстановить права на британскую собственность (здание посольства в Ленинграде), если СССР будут восстановлены права на русскую собственность в Палестине. Чемберлен возражал, что в Палестине собственность церковная, а у англичан в России принципиально другая. Раковский был вынужден согласиться и даже выразил готовность участвовать в судебном иске, но сказал, что не имеет на руках всех архивных

документов[42]. 17 июля 1925 г. Раковский сделал официальный запрос, приняты ли верховным комиссаром меры по защите имущества советского правительства от отчуждения. Он также задал вопрос о делегировании в Палестину представителя СССР для принятия мер по охране этой собственности. В ответе (от 24 октября) советскую сторону заверяли, что в Палестине не было совершено никаких сделок по собственности и есть указания таких сделок не производить. Далее повторялись разъяснения о разных категориях собственности[43].

Советская миссия вернулась к вопросу об имуществах в 1926 г.[44] 9 марта 1926 г. поверенный в делах И. М. Майский писал о функциях лица, которое должно быть делегировано в Палестину: это лицо должно будет исследовать «злоупотребления» в отношении собственности, которая была зарегистрирована на имя российского правительства, а также защитить ее от «дальнейшего разграбления» и незаконных сделок, заключенных в прошлом. Это заявление было снова парировано британскими властями, которые настойчиво требовали от советской стороны доказать в суде свои права на собственность. Л. Б. Красину была отправлена нота, в которой было решительно отказано в допуске какого-либо советского представителя в Палестину; советскому правительству предлагали предоставить любую информацию, какую оно запросит. Красин заявил, что подобным отказом британское правительство возлагает на себя ответственность за весь материальный ущерб, который может потерпеть имущество СССР, и угрожал, что британским властям придется платить компенсацию. Ответа на ноту не последовало.

Действия по сохранению имущества русских учреждений в 1927–1929 гг.

Ухудшение англо-советских отношений в 1927 г., закончившееся дипломатическим разрывом 28 мая[45], оставляло мало места для переговоров по вопросу палестинских имуществ. Между тем к концу 1926 г. положение РДМ стало критическим: расходы не покрывались или едва покрывались доходами с аренды зданий, а долги росли. Кредиторы в судах потребовали продажи имуществ с молотка. Горячим защитником церковной собственности стал Э. Кейт-Роуч (губернатор Иерусалима в 1926–1945 гг.). Он состоял в постоянном контакте с архиепископом Анастасием Грибановским (наблюдающим за делами РДМ в 1924–1935 гг.) и стал свидетелем вопиющей нужды монахинь и паломниц. За судьбу последних, число которых в тот момент превышало 350 человек, он себя считал лично ответственным.

В письме к главному секретарю министерства колоний от 16 февраля 1927 г. он указывал, что годовой доход миссии (по-видимому, в 1926 г.) составил 1981 фунт, расход 2721 фунт. Разница была покрыта из средств ППО. Общий долг РДМ составлял 13 тыс. фунтов. 8 августа 1923 г. был заключен договор

об аренде места под строительство с неким господином Барзекяном, конечный доход от которого мог составить 5,5 тыс. фунтов (500 из них уже выплачены). Однако выяснилось, что Барзекян не вполне надежен. Первая срочная мера, которая может быть принята, по мнению Кейт-Роуча — наложение моратория на продажу имуществ[46]. Вопрос может быть также решен продажей одной единицы собственности и покрытием дефицита в бюджете из средств ППО[47].

Ввиду критической ситуации с кредиторами в марте 1928 г. РДМ был предварительно одобрен заем в 6 тыс. фунтов в банке Barklay's, из которых 2 тыс. было выдано немедленно. При этом долг банку можно было погасить только через разрешение продажи земли[48]. По всей видимости, полный объем займа так и не был утвержден и получен, так как эта идея встретила возражения: выдача подобного займа могла вызвать аналогичные требования со стороны Иерусалимского патриархата[49].

С марта по май 1928 г. архиепископ Кентерберийский неоднократно осведомлялся о том, какое решение вынесет МИД. Наконец 11 мая секретарь МИД по ближневосточным делам Дж. Шаксбург дал детальный ответ, в котором нашли отражение все колебания министерства, доводы «за» и «против» предоставления РДМ займа[50]. Финансовые обстоятельства РДМ не имеют перспективы исправиться, писал он, так как нет помощи из России. По этой причине наложить мораторий не представляется возможным; долгосрочный заем от банка под гарантию колониальной администрации представляется затруднительным по той же причине. Продажа собственности затрудняется тем, что большинство имуществ было куплено на имя царского правительства или членов императорской семьи, на которые может снова заявить свои претензии советское правительство. Ему был дан отпор, но пока будет сохраняться риск со стороны СССР заявлений о своих правах на имущества, продажа или сдача в аренду имущества на длительный период будут нежелательны.

В начале лета Кейт-Роуч вернулся ненадолго в Англию. Он был принят в Ламбетском дворце и по просьбе архиепископа Кентерберийского 8 июля 1928 г. написал обстоятельное письмо о положении дел РДМ. Многие из членов русской общины живут только с небольшим количеством хлеба и оливкового масла; сам же архиепископ Анастасий согласен на годичную стипендию в 4 фунта[51]. Дело получило широкую огласку: член парламента Бенджамин Рилей выступил с предложением организовать благотворительный сбор от имени архиепископа Кентерберийского в размере 8 тыс. фунтов. Кейт-Роуч считал это единственным способом «спасти церковь и сохранить от голода пожилых женщин»[52]. Реакция МИД была сдержанной, категорически отвергалась мысль, чтобы архиепископ Кентерберийский возглавил сбор пожертвований[53]. Тогда Кейт-Роуч раскрыл детали управления имуществами, которые представляли власти мандата не в самом выгодном свете[54].

В своем изложении он подчеркнул заниженные цены аренды. До 23 ноября 1923 г. имуществами ведал не верховный комиссар, а испанский консул.

В 1923 г. была назначена комиссия по делам этих имуществ, в которой не участвовали представители ни РДМ, ни ППО. То, что правительство само сдает в аренду имущество, принадлежащее другим лицам за назначенную им же цену, считал Кейт-Роуч, это вопиющее беззаконие. Он подчеркивал, что по требованию собственников администрацией мандата ранее были освобождены дома Р. Сторрса, Н. Бентвича, и издержки по содержанию этих домов не были возмещены. Далее он требовал, чтобы за 290 комнат собственности ППО была поднята годичная арендная плата с 2723 до 4690 фунтов стерлингов (т. е. с 9 до 16 фунтов за помещение); за 50 комнат РДМ с 686 фунтов стерлингов до 1200 (т. е. с 13 до 24 фунтов за помещение).

В 1929 г. отношения Великобритании и СССР были восстановлены[55]. Однако в 1930-е гг. британские власти продолжали полностью распоряжаться русскими имуществами и их финансами. Представитель советского правительства до начала Второй мировой войны так и не получил разрешения приехать в Палестину для ознакомления с положением имуществ.

Заключение

Британская администрация в 1920-е гг. выступила хранителем русских имуществ в Палестине, стремясь сохранить довоенный status quo. Управление имуществами осуществлялось исходя из опыта управления религиозными учреждениями в британских колониях и на основе Устава о благотворительных организациях. Сохранение неприкосновенности имуществ ППО и РДМ диктовалось необходимостью противостоять претензиям на эти имущества со стороны советского правительства. Основными доводами британских властей были религиозный характер русских учреждений и негосударственный статус большинства объектов собственности. Палестинское правительство не признавало юридическими лицами церковных и светских представителей русской эмиграции, которые также заявляли свои претензии на владельческие права. Таким образом, правительство мандата осуществляло полный контроль над русскими имуществами и их финансами. Анализ документов позволяет согласиться с выводом о том, что действия британских властей не только сохранили русские имущества, но и во многом подготовили их национализацию в послевоенные годы. Документы показывают несостоятельность мнений о желании англичан воспользоваться русской собственностью в своих целях; нельзя согласиться также с тем, что в межвоенный период они действовали в пользу русских эмигрантских учреждений. Скорее наоборот, вопреки своей неприязни к правительству большевиков, британские политики предвидели тот момент, когда им придется возвратить имущества русскому правительству. В целом же политика британского МИД и министерства колоний в отношении русской собственности в 1920-е гг. была выжидательной и оставалась в рамках мандата как временного управления, призванного подготовить страну к самостоятельной жизни.

[1] *Staurou T. G.* Russian Interests in Palestine, 1882–1914. Thessalonike, 1963; *Hopwood D.* The Russian Presence in Syria and Palestine, 1843–1914: Church and Politics in the Near East. Oxford: Clarendon Press, 1969; *Дмитриевский А. А.* Императорское Православное Палестинское общество и его деятельность за истекшую четверть века (1882–1907). М., 1907; *Лисовой Н. Н.* Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX — начале XX века. М.: Индрик, 2006; *Astafieva E.* La Russie en Terre Sainte: le cas de la Société Impériale Orthodoxe de Palestine (1882–1917) // Christianesimo nella storia. 2003. No. 1; Россия в Святой Земле. Документы и материалы / Изд. подг. Н. Н. Лисовой. Т. I–II. М.: Международные отношения, 2000; *Грушевой А. Г.* Из истории русских школ на Ближнем Востоке. СПб.: Контраст, 2016; Россия в Святой Земле / Изд. подг. Н. Н. Лисовой. Т. II. М.: Индрик, 2017.

[2] *Юшманов Н. В.* 1) Российские учреждения в Палестине и Сирии перед началом войны с Турцией // Сообщения Императорского Православного Палестинского Общества. 1914. Т. 25. С. 436–464; 2) Русские учреждения в Палестине и Сирии во время войны с Турцией // Там же. 1915. Т. 26. С. 147, 181, 373–408; 1916. С. 267–288.

[3] Подробнее см.: *Герд Л. А.* Императорское Православное Палестинское общество в 1910–1920-е годы// Православный Палестинский сборник. 2022. Т. 120. С. 103–125.

[4] *Алехина Л. И.* «Когда нет более православной России, особенно тяжел крест начальника миссии» // Святая Земля. Историко-культурный иллюстрированный альманах. К 165-летию Русской духовной миссии в Иерусалиме. Вып. 1. Ч. 2. Иерусалим, 2012. С. 6–29; *Клементьев А. К.* 753 дня архимандрита Киприана: дни и дела начальника Русской Духовной миссии в Иерусалиме: 1928–1930 // Там же. С. 50–54; *Богданова Т. А.* «Нас 2-4 человека, бьемся как рыбы об лед» // Там же. С. 76–84.

[5] *Сафонов Д. В., свящ.* 1) Поездка Н. Р. Селезнева в 1923 г. в Европу // Иерусалимский вестник Императорского Православного Палестинского общества. 2012. Вып. 2. Иерусалим, 2012. С. 175–186; 2) Деятельность Н. Р. Селезнева в документах Государственного Архива Израиля // Там же. 2014. Вып. 3–4. Иерусалим, 2013. С. 113–216; 3) Деятельность управления подворьями ППО в годы его возглавления В. К. Антиповым (1925–1948) // Там же. 2014. Вып. 5–6. С. 127–192; 4) Русские люди и русское имущество на Святой Земле в документах управляющего подворьями Православного Палестинского Общества в Иерусалиме (1919–1925 гг.) // Христианство на Ближнем Востоке. 2017. № 4. С. 4–84.

[6] *Баталден С.* Судьба русского землевладения в Иерусалиме во время Палестинского мандата. URL: https://www.ippo.ru/historyippo/article/sudba-russkogo-zemlevladeniya-v-ierusalime-vo-vrem-201658 (дата обращения 13.06.2023).

[7] Н. Р. Селезнев — А. А. Нератову, 22 ноября 1919 г. Цит. по: *Сафонов Д. В.* Русские люди и русское имущество на Святой Земле в документах управляющего подворьями Православного Палестинского Общества в Иерусалиме (1919–1925 гг.). С. 16–20.

[8] Там же. С. 41–42.

[9] *Antonius G.* The Arab Awakening. The Story of the Arab National Movement. London; New York: Routledge, 2010. (1st ed.: 1938); *Hurewitz J. C.* The Struggle for Palestine. New York: Shocken Books, 1950; *Tsimhoni D.* The British Mandate and the Arab Christians in Palestine, 1920–1925: PhD dissertation. London: University of London, 1976; *Porath Y.* The Emergence of the Palestinian-Arab National Movement, 1918–1929. London: Frank Cass, 1974; The Palestinian National Movement: From Riots to Rebellion. Vol. 2: 1929–1939. London: Frank Cass, 1977; *Haiduc-Dale N.* Arab Christians in British Mandate Palestine: Communalism and Nationalism 1917–1948. Edinburgh: University Press, 2013; *Robson L.* Colonialism and Christianity in Mandate Palestine. Austin: University of Texas Press, 2011. См. также: *Кудрявцев А. В.* Исламский мир и палестинская проблема. М., 1990.

[10] Депеша № 115 от 4 апреля 1921 г. // The National Archives. Colonial Office (далее — CO). 733/1. 1921. F. 249–251.

[11] *Десятсков С. Г., Судейкин А. Г.* Английская политика в Палестине в 1917–1939 гг. // Проблемы британской истории. М., 1982. С. 27–48; *Шаповалов М. С.* «Либеральный курс»

британской политики в Палестине в 1922–1928 годах // Исторический ежегодник. 2009. С. 243–257. См. также: *Сакер Г. М.* История Израиля. Т. 1. Иерусалим, 1992.

[12] Интервью архиепископа Кентерберийского Р. Дэвидсона с секретарем министерства колоний по Ближнему Востоку Г. Янгом 14 августа 1923 г. // Lambeth Palace library. R. T. Davison. Vol. 399.

[13] История внешней политики СССР. 1917–1985 / Под ред. А. А. Громыко, Б. Н. Пономарева. Т. 1. М.: Наука, 1986. С. 123–126.

[14] L. Krassin — G. Curzon, LK /5841, 18 мая 1923 г. // The National Archives, Public Record Office, Foreign Office (далее — FO) 371/9370. F. 141–143; копия: CO 733/56. Ff. 35–36. В ней также высказывались опасения, что русское имущество может быть распродано. Ультиматум опирался на декрет об отделении Церкви от государства и национализации церковных имуществ от 23 января 1918 г., а также статью 10 торгового соглашения 1921 г. (о праве Советского государства на имущество царского правительства).

[15] История внешней политики СССР. Т. 1. С. 177–178; *Сергеев С. Ю.* Ультиматум Керзона Советской России 1923 г.: новая интерпретация // Вестник РГГУ. Сер. Политология. История. Международные отношения. 2015. С. 97–105.

[16] E. Ovey — W. Ormsby-Gore, 10 июля 1923 г. // № 4560/4560/36. FO 371/9370, f. 146–148.

[17] *Сафонов Д. В.* Поездка Н. Р. Селезнева в 1923 г. в Европу. URL: http://jerusalem-ippo.org/sv_z/vestnik/2/ii/2/#_ftnref1 (дата обращения 17.06.2023).

[18] CO 733/51. F. 310–319 (= FO 371/10491 N. F. 208–218). Борис Эммануилович Нольде (1876–1948), российский юрист, юрисконсульт МИД в 1907–1914 гг., товарищ министра иностранных дел П. Н. Милюкова. В 1919 г. эмигрировал; был одним из организаторов русского отделения в Сорбонне, преподавал в различных учебных заведениях.

[19] CO 733/62. 1923. F. 312–329.

[20] Ibid. F. 318.

[21] CO 733/62. 1923. F. 323.

[22] Копия доверенности от А. А. Ширинского-Шихматова (французский перевод): Берлин, 5/18 ноября 1920 г. CO 733/62. 1923. F. 299–299v. Нотариально заверенный английский перевод: F. 300–300v. Селезнев представлял эту доверенность неоднократно: Самуэль имел ее на руках еще до возвращения Селезнева из Европы.

[23] N. Selezneff — E. Crowe, November 2, 1923; N. Selezneff — W. Ormsby-Gore. November 2, 1923 // Ibid. F. 339, 340. Селезнев также представил письмо на имя испанского консула от 23 октября 1920 г. (Ibid. F. 342); указ Николая II от 14 октября 1909 г. о назначении вице-председателем ИППО А. А. Ширинского-Шихматова (Ibid. F. 343, 344); выдержки из устава ИППО 1882 г. (Ibid. F. 347–349, 350–352). Прилагался список имуществ ИППО (Ibid. F. 356–357).

[24] CO 733/51. F. 315.

[25] Ibid. F. 316–317.

[26] Митрополит Антоний — S. Baldwin, Сремски Карловцы, 6/19 июля 1923 г. // № 666. FO 371/9370. F. 162–162v; Митрополит Евлогий — архиепископу Р. Дэвидсону, Париж, 19 сентября 1923 г. // № 1037. FO 371/9370. F. 199–199v.

[27] Митрополит Антоний Храповицкий — архиепископу Р. Дэвидсону. Сремски Карловцы, 20 марта / 2 апреля 1924 г. // № 1510. Lambeth Palace. R. T. Davison. Vol. 477. F. 192–193 (оригинал). Копия: FO 371/10514. N. F. 22–24. Митрополит Антоний — архиепископу Р. Дэвидсону. Иерусалим, 23 августа 1924 г. // Lambeth Palace. R. T. Davison. Vol. 477. F. 199–201 (рукописная копия). Копия меморандума, адресованного палестинскому правительству 5 июля 1924 г.: Ibid. F. 203–207. Митрополит Антоний — Дж. Дугласу (J. A. Douglas), 7/20 июля 1924 г. // Ibid. F. 210–212.

[28] A. Bertram — H. Young, August 24, 1923 // CO 733/56. F. 72–75 (рукописный оригинал).

[29] 26 октября 1923 г. // CO 733/50. F. 403–413; копия: FO 371/10491 N. F. 189–206.

[30] 6 марта 1924 г. поступил ответ (телеграмма от гос. секретаря колоний Томаса) на телеграмму № 60 от 29 февраля 1924 г. о том, чтобы арендная плата за русские имущества продолжала поступать испанскому консулу (CO 733/79. F. 381).

[31] Те же вопросы были кратко заданы в следующем письме Самюэля, от 22 ноября 1922 г.: CO 733/51. F. 309. № 965; F. 403–412, списки участков собственности в приложениях: F. 414–420.
[32] История внешней политики СССР. Т. 1. С. 181–186.
[33] *Майский И. М.* Воспоминания советского дипломата. М.: Международные отношения, 1987. С. 25–28.
[34] Отпуск письма G. Mounsey от 10 июня 1924 г. // FO 371/10491. F. 264–264v.
[35] CO 733/70. F. 227–240; копия: FO 371/10514 N. F. 32–33v.
[36] Черновик письма из МИД к Г. Самюэлю от февраля 1924 г.: CO 733/63.
[37] H. Samuel — J. Thomas, March 21, 1924, № 434 // FO 371/10111. F. 51; устав о благотворительных фондах: Ibid. F. 52–71.
[38] Bush — H. Young, August 26, 1924 // CO 733/70. F. 218–219v.
[39] J. Shuckbourgh — C. Hurst, no. 32351, 23 July 1924 // CO 733/70. F. 242; Письмо к Дж. Томасу, 27 июня 1924 г. № 965 // CO 733/70. F. 220–224.
[40] R. Storrs — P. Jaurietta, November 25 1924. № 965 // CO 733/76. F. 86.
[41] Указ Г. Самюэля б. д. // CO 733/76. F. 88–88v.
[42] A. Chamberlain — R. Hodgson, April 1, 1925. Копия: FO 371/10836. E 2435/236. F. 39–39v.
[43] Ibid. F. 36–37.
[44] Справка МИД, 1939 г.; нота Л. Б. Красину № 5521/1604/65 // FO 371/23249. F. 185–186v.
[45] История внешней политики. Т. 1. С. 228–239.
[46] E. Keith-Roach — L. Amery, February 16, 1927, № 2585/3 // CO 733/134/9. F. 13–14 (машинописная копия).
[47] CO 733/134/9. F. 15. Идея моратория была отвергнута в МИД при предварительном обсуждении (FO-CO, 17 January 1927, No. E 41/41/65 // CO 733/134/9. F. 19).
[48] H. Ch. Plumer — M. S. Amery, April 11, 1928, № 4824/28 // CO 733/149/1. F. 41–45. См. также записку A. Harduig, 25 апреля 1928 г. // CO 733/149/1. F. 3–3v.
[49] Записка J. Lloyd, July 19, 1928 // Ibid. F. 5.
[50] J. Shuckbourgh — Archbishop Davidson, May 11, 1928 // Lambeth Palace. R. T. Davison. Vol. 477. F. 263–266 (= CO 733/149/1. F. 33–37 (отпуск, правленная машинопись)).
[51] CO 733/149/1. F. 20–24v. (автограф); F. 25–27 (машинописная копия).
[52] E. Keith-Roach — J. Shucksbourgh, 14 July 1928 // CO 733/149/1. F. 17–19v.
[53] J. Shucksbourgh — E. Keith-Roach, July 20, 1928 // Lambeth Palace. R. T. Davison. Vol. 399. F. 383–384; J. Shuckbourgh — E. Keith-Roach, July 26, 1928, draft // CO 733/149/1. F. 12–12v; J. Shuckbourgh — Archbishop R. Davidson, August 20, 1928 // Lambeth Palace. R. T. Davison. Vol. 399. F. 372–373.
[54] Изложение от 26 сентября 1928 г. // Lambeth Palace. R. T. Davison. Vol. 399.
[55] История внешней политики СССР. Т. 1. С. 246–247.

References

ALIOHINA L. I. "*Kogda net bole pravoslavnoi Rossii, osobenno tiazhel krest nachal'nika missii*" // Sviataia Zemlia. Istoriko-kul'turnyi al'manakh. K 165-letiiu Russkoi Duhovnoi missii v Ierusalime ["When Orthodox Russia does not Exist, the Cross of the Head of the Mission is Especially Heavy" // The Holy Land. Historical and Cultural Illustrated Miscellany. For the 165th Anniversary of the Russian Ecclesiastical Mission in Jerusalem. In Russ.]. Vol. 1. Part 2. Jerusalem, 2012. P. 6–29.

ANTONIUS G. The Arab Awakening. The Story of the Arab National Movement. London; New York: Routledge, 2010. (1st ed.: 1938).

ASTAFIEVA E. *La Russie en Terre Sainte: le cas de la Société Impériale Orthodoxe de Palestine* (*1882–1917*) // Christianesimo nella storia. 2003. No. 1. P. 41–68

BOGDANOVA T. A. "*Nas 2–4 cheloveka, i b'emsia kak ryby ob l'ed*" // Sviataia Zemlia. Istoriko-kul'turnyi al'manakh. K 165-letiiu Russkoi Duhovnoi missii v Ierusalime ["We Are 2–4 Persons, Struggling Hard" // The Holy Land. Historical and Cultural Illustrated Miscellany. For the 165th Anniversary of the Russian Ecclesiastical Mission in Jerusalem. In Russ.]. Vol. 1 Part 2. Jerusalem, 2012. P. 76–84.

DESIATSKOV S. G., SUDEIKIN A. G. *Angliiskaia politika v Palestine v 1917–1939 gg.* [The English policy in Palestine in the 1917–1939. In Russ.] // Problemy britanskoi istorii. Moscow, 1982. P. 27–48.

DMITRIEVSKII A. A. Imperatorskoe Pravoslavnoe Palestinskoe Obshestvo i ego deiatel'nost' za istekshuiu chetvert' veka (1882–1907) [The Imperial Orthodox Palestine Society and its Activities for the Last 25 Years. In Russ.]. St. Petersburg: V. F. Kirshbaum, 1907.

GERD L. A. *Imperatorskoe Pravoslavnoe Palestinskoe Obshestvo v 1910–1920-e gody* [The Imperial Orthodox Palestine Society in the 1910–1920s] // Pravoslavnyi Palestinskii Sbornik. 2022. T. 120. P. 103–125.

GRUSHEVOI A. G. Iz istorii russkih shkol na Blizhnem Vostoke [From the History of Russian Schools in the Middle East. In Russ.]. St. Petersburg: Kontrast, 2016.

HOPWOOD D. The Russian Presence in Syria and Palestine, 1843–1914: Church and Politics in the Near East. Oxford: Clarendon Press, 1969.

HAIDUC-DALE N. Arab Christians in British Mandate Palestine: Communalism and Nationalism 1917–1948. Edinburgh: University Press, 2013.

HUREWITZ J. C. The Struggle for Palestine. New York: Shocken Books, 1950.

Istoriia vneshnei politiki SSSR, 1917–1985 [History of the Foreign Policy of the USSR. 1917–1985. In Russ.] / Ed. by A. A. Gromyko, B. N. Ponomariev. Vol. I. Moscow: Nauka, 1986.

JUSHMANOV N. V. *Russkie uchrezhdenia v Palestine i Sirii pered nachalom voiny s Turtsiei* [The Russian Institutions in Palestine and Syria Before the Beginning of the War with Turkey. In Russ.] // Soobsheniia Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo Obshestva. 1914. Vol. 25. P. 436–464.

JUSHMANOV N. V. *Russkie uchrezhdeniia v Palestine i Sirii vo vremia voiny s Turtsiei* [The Russian Institutions in Palestine and Syria During the War with Turkey. In Russ.] // Soobsheniia Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo Obshestva. 1915. Vol. 26. P. 147, 181, 373–408; Vol. 27. 1916. P. 267–288.

KLEMENT'EV A. K. *753 dnia archimandrita Kipriana: dni i dela nachal'nika Russkoi Duhovnoi Missii v Ierusalime: 1928–1930* // Sviataia Zemlia. Istoriko-kul'turnyi al'manakh. K 165-letiiu Russkoi Duhovnoi missii v Ierusalime [753 Days of Archimandrite Kyprian: the Works and Days of the Chief of the Russian Ecclesiastical Mission in Jerusalem: 1928–1930 // The Holy Land. Historical and Cultural Illustrated Miscellany. For the 165th Anniversary of the Russian Ecclesiastical Mission in Jerusalem. In Russ.]. Vol. 1. Part 2. Jerusalem, 2012. P. 50–54.

KUDRIAVTSEV A. V. Islamskii mir i palestinskaia problema [The Islamic World and the Palestine Problem. In Russ.]. Moscow: Nauka, 1990.

LISOVOI N. N. Russkoe duhovnoe i politicheskoe prisutstvie v Sviatoi Zemle i na Blizhnem Vostoke v XIX — nachale XX veka [Russian Spiritual and Political Presence in the Holy Land and the Middle East in the 19th and Beginning of the 20th Century. In Russ.]. Moscow: Indrik, 2006.

MAISKII I. M. Vospominaniia sovetskogo diplomata [Memories of the Soviet Diplomat. In Russ.]. Moscow: Mezhdunarodnye Otnosheniia, 1987.

PORATH Y. The Emergence of the Palestinian-Arab National Movement, 1918–1929. London: Frank Cass, 1974.

ROBSON L. Colonialism and Christianity in Mandate Palestine. Austin: University of Texas Press, 2011.

Rossiia v Sviatoi Zemle. Documenty i materialy [Russia in the Holy Land. Documents and Materials. In Russ.] / Ed. N. N. Lisovoi. Vols. I–II. Moscow: Mezhdunarodnye Otnoshenia, 2000.

Rossiia v Sviatoi Zemle [Russia in the Holy Land. In Russ.] / Ed. N. N. Lisovoi. Vol. II. Moscow: Indrik, 2017.

SAKER G. M. Istoriia Izrail'a [The History of Israel]. Moscow: Knizhniki, 2011.

SAFONOV D. V. *Poezdka N. R. Selezneva v 1923 g. v Evropu* [The Voyage of N. R. Selezniev to Europe in 1923. In Russ.] // Ierusalimskii Vestnik Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo Obshestva. 2012. No. 2. P. 175–186.

SAFONOV D. V. *Deiatel'nost' N. R. Selezneva v documentah Gosudarstvennogo Archiva Izrail'a* [The Activities of N. R. Selezniev in the Documents of the State Archives of Israel. In Russ.] // Ierusalimskii Vestnik Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo Obshestva. 2013. No. 3–4. P. 113–216.

SAFONOV D. V. *Deiatel'nost' upravleniia podvor'ami PPO v gody vozglavleniia V. K. Antipovym* (*1925–1948*) [The Activities of the Administration of the Dependencies of the Orthodox Palestine Society under V. K. Antipov. In Russ.] // Ierusalimskii Vestnik Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo Obshestva. 2014. No. 5–6. P. 127–192.

SAFONOV D. V. *Russkie liudi i russkoe imushestvo na Sviatoi Zemle v documentah upravliaiushchego podvor'ami Pravoslavnogo Palestinskogo Obshestva v Ierusalime* (*1919–1925*) [The Russian People and Russian Properties in the Holy Land in the Documents of the Administrator of the Orthodox Palestine Society in Jerusalem (1919–1925). In Russ.] // Hristianstvo na Blizhnem Vostoke. 2017. No. 4. P. 4–84.

SERGEEV D. Ju. *Ul'timatum Kerzona Sovetskoi Rossii 1923: novaia interpretatsiia* [The Ultimatum of Kurzon to Soviet Russia, 1923: a New Interpretation. In Russ.] // Vestnik RGGU. Seriia: Politologia. Istoria. Mezhdunarodnye otnosheniia. 2015. P. 97–105.

SHAPOVALOV M. S. "*Liberal'nyi kurs*" *britanskoi politiki v Palestine v 1922–1923 godah* ["The Liberal Course" of British Policy in Palestine in 1922–1923. In Russ.] // Istoricheskii Ezhegodnik. 2009. P. 243–257.

STAUROU T. G. Russian Interests in Palestine, 1882–1914. A Study of Religious and Educational Enterprise. Thessalonike: Institute for Balkan Studies, 1963.

The Palestinian National Movement: From Riots to Rebellion. Vol. 2: 1929–1939. London: Frank Cass, 1977.

TSIMHONI D. The British Mandate and the Arab Christians in Palestine, 1920–1925: PhD dissertation. London: University of London, 1976.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Л. А. Герд. Русские имущества в Палестине в 1920-е годы (по материалам британских архивов) // Петербургский исторический журнал. 2023. № 4. С. 82–96

Аннотация: Имущества русских учреждений в Палестине (Императорского Православного Палестинского общества и Русской духовной миссии) после Первой мировой войны находились в управлении британской администрации мандата. Права на эту собственность неоднократно заявляли как советское правительство, так и русские эмигрантские организации, однако никто из них не имел успеха. Британские власти годами откладывали признание за кем-либо юридических прав на владение русскими имуществами, сохраняли их в статусе собственности благотворительных религиозных учреждений и предотвратили их продажу и конфискацию. Систематический анализ неизданных архивных документов британских архивов позволяет проследить детали переговоров и сделать выводы о характере политики в отношении имуществ и их положении в 1920-е гг.

Ключевые слова: Императорское Православное Палестинское общество, Палестина, британский мандат, Русская духовная миссия в Иерусалиме, внешняя политика России, англо-советские отношения, Русская православная церковь.

FOR CITATION

L. A. Gerd. Russian property in Palestine in the 1920s (based on British archives) // Petersburg historical journal, no. 4, 2023, pp. 82–96

Abstract: The properties of the Russian institutions in Palestine (the Imperial Orthodox Palestine Society and the Russian Ecclesiastical mission) after the First World War were under the administration of the British Mandate. The Soviet government and the Russian organizations abroad constantly claimed for the rights on the properties, but equally did not succeed. The British authorities for years postponed the recognition of the legal rights for ownership, and preserved the properties in the status of charitable religious organizations. Thus, they prevented their confiscation or sale. The systematic analysis of inedited documents from the British archives helps to trace the details of the negotiations and to make conclusions concerning the motives of the British administration and the state of the properties during the 1920s.

Key words: Imperial Orthodox Palestine Society, Palestine, British Mandate, Russian Ecclesiastical Mission in Jerusalem, Russian foreign policy, Soviet-British relations, Russian Orthodox church.

Автор: **Герд, Лора Александровна** — д. и. н., в. н. с. Санкт-Петербургского института истории РАН.

Author: **Lora Gerd** — Dr. Hist., chief researcher of St. Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences.

E-mail: loragerd@gmail.com

УДК 94(47).084.8
DOI: 10.51255/2311-603X_2023_4_97

А. Н. Чистиков

Ленинградская почта в 1943 г.: кадровые проблемы

Активное изучение кадровых вопросов как части крупной научной проблемы «Власть и управление в Ленинграде в 1941–1945 гг.» началось в 1990-х гг., после того как историки получили доступ к ранее засекреченным документам. К настоящему времени опубликован ряд работ, авторы которых исследовали кадровый состав различных властных и управленческих органов, действовавших в Ленинграде военной поры[1]. В данной статье предполагается проанализировать ситуацию с кадрами в ленинградской почтовой службе в 1943 г.

Весна 1943 г. ознаменовалась для почтамта сменой его руководителя и начальников некоторых районных контор связи (РКС). Этому предшествовало расследование, проведенное сотрудниками Управления НКВД СССР по Ленинградской области и г. Ленинграду. В Управление поступили сведения о расхищении почтовыми работниками части денежных переводов. Проверка выявила хищение 897 переводов из 20 тыс. на сумму 391 152 руб., а также иные нарушения. К уголовной ответственности, писал начальник Управления П. Н. Кубаткин А. А. Жданову 13 марта, были привлечены 16 служащих, укравших денежные переводы на сумму 254 тыс. руб. В тот же день Жданов наложил на документе резолюцию: «Надо обсудить и провести ряд мер в отношении гнусного грабежа наших граждан со стороны отдельных работников связи»[2].

В постановлении «О злоупотреблениях в почтовых отделениях г. Ленинграда», принятом на заседании бюро горкома ВКП(б) 5 апреля, директор почтамта С. В. Чернышёв, его заместитель Ш. Е. Прусс и начальники районных

контор связи были обвинены в преступной халатности и беспечности. Бюро сняло Чернышёва как не справившегося с работой и предложило военному прокурору Ленинграда А. И. Панфиленко «привлечь к уголовной ответственности лиц, допустивших своей преступной халатностью мародерство и грабеж трудящихся»[3]. Речь шла в данном случае не о самих преступниках, а о руководителях некоторых почтовых подразделений.

В этом же документе отмечалось, что Чернышёву не раз указывали на неудовлетворительную работу почтамта и даже принимали об этом решения на бюро горкома партии. Действительно, 28 января 1942 г. бюро ГК ВКП(б) совместным постановлением с исполкомом Ленгорсовета предупредило Чернышёва, что «если он не наладит в ближайшие дни бесперебойное снабжение населения почтовой связью, он будет снят с работы и привлечен к строгой партийной ответственности»[4]. Через месяц с небольшим — 9 марта — «почтовый вопрос» вновь возник на заседании бюро горкома партии. Раскритиковав Чернышёва за невыполнение постановления от 28 января, собравшиеся тем не менее вновь пригрозили директору почтамта снятием с работы и уже не партийным взысканием, а отдачей под суд[5]. Больше своих претензий местные партийные органы не высказывали до весны 1943 г.

Однако это не означало, что деятельность Чернышёва удовлетворяла всех. 12 мая 1943 г. наркому связи СССР И. Т. Пересыпкину была направлена справка от уполномоченного Наркомата связи СССР по Ленинграду и Ленинградской области А. Г. Смирягина «О мерах, принятых по Ленпочтамту». Немалая часть документа была посвящена критике работы Чернышёва. Смирягин отрицал заслуги директора в улучшении деятельности почтамта в первой половине 1942 г., указывал на ухудшение работы в последующие месяцы, прямо связывая их с руководством Чернышёва. «Тов. Чернышёв по своим личным качествам человек упрямый (но не настойчивый в проведении нужных мероприятий) со слабой инициативой, — отмечал Смирягин, — и в условиях, когда нужно быстро находить выход из положения, работать плодотворно не может». По утверждению автора справки, он — не посвящая в свои действия Пересыпкина — дважды согласовывал вопрос о снятии Чернышёва «с горкомом и Ленсоветом (с т. Капустиным и т. Попковым), последний раз в присутствии начальника особого отдела при т. Жданове — т. Кузнецова А. Н.». Однако собеседники не соглашались со Смирягиным, указывая на отсутствие «явных проступков, а также подходящего кандидата».

О выявившихся хищениях Смирягин доложил Пересыпкину, и 31 марта дал свое заключение (вероятно, о необходимости снятия Чернышёва) Капустину. По мнению Смирягина, именно жесткая резолюция Жданова на сообщении Кубаткина ускорила рассмотрение персонального дела Чернышёва на заседании бюро ГК ВКП(б), отчего с Пересыпкиным этот вопрос не только не согласовали, но даже не известили о нем[6]. Приказ наркома связи СССР о снятии Чернышёва и о снятии с работы и привлечении к суду начальников контор связи

Дзержинского, Красногвардейского, Октябрьского и Петроградского районов Ленинграда был издан только 6 мая[7].

Решение бюро горкома о привлечении директора почтамта к суду не было выполнено, так как, по признанию Смирягина, он дал прокурору Панфиленко письменное заключение, что «снятие с работы явится достаточным наказанием»[8]. Не был наказан и Прусс, ставший с 29 апреля директором почтамта вместо Чернышёва, отбывшего в распоряжение Наркомата связи СССР. Хотя, как сообщал Смирягин наркому, с Пруссом «разбираются итоги дня» и дается рекомендация на следующий день, замена оказалась не очень удачной, и Смирягин просил «ускорить назначение энергичного и знающего дело директора почтамта»[9]. Более того, уже 20 мая Смирягин приказал освободить Прусса от исполнения обязанностей директора почтамта[10]. Вероятно, приказ по каким-то причинам не был исполнен. А с 1 июля директором стал А. Г. Крапивин, обладавший большим опытом работы в почтовых органах и до назначения в Ленинград бывший заместителем начальника Сталинградского областного управления связи[11]. Петербургский историк К. А. Болдовский отметил, что это был один из двух случаев, когда в блокадном Ленинграде на свободные должности, входящие в номенклатуру ЦК ВКП(б), назначался работник из другого региона, и высказал предположение, что в городе в то время «не нашлось подходящих кандидатов, которые могли бы включиться в конкретную работу немедленно»[12]. Это допущение подкрепляется не только прибытием иногороднего руководителя, но и явной неспособностью к самостоятельной работе исполнявшего обязанности директора Прусса.

Бюро горкома партии на заседании 5 апреля потребовало привлечь к суду лиц, халатность которых привела к мародерству и грабежу трудящихся. В приказе И. Т. Пересыпкина назывались уже конкретные фамилии руководителей четырех РКС Ленинграда. Однако требование партийного органа и наркомата не было учтено. 20 мая Смирягин издал свой приказ («во исполнение приказа... Пересыпкина от 6 мая»), в котором провинившиеся начальники В. С. Тимофеев, И. Д. Игнатов, Н. Д. Васильева и Г. Ф. Иванов просто переводились на рядовую работу. Ни об увольнении, ни — тем более — об отдаче под суд речи уже не велось. На их места назначались два начальника других РКС и два начальника почтовых отделений[13]. Невыполнение решения руководящего городского партийного органа военного времени и игнорирование приказа наркома могло быть вызвано, на наш взгляд, только одной причиной — дефицитом кадров, в том числе и руководителей среднего звена. Вполне возможно, что изменение степени наказания было в устной или письменной форме согласовано и в бюро горкома, и в наркомате. Главное, что к этому подталкивали объективные обстоятельства.

Рядовая работа как минимум для одного бывшего начальника РКС оказалась недолгой. В июле 1943 г. в новый состав партбюро почтамта вошла Н. Д. Васильева, работавшая заведующей отделом кадров организации[14]. В течение года

еще несколько человек, пониженных в должности за халатность, вновь вернулись на руководящие должности[15].

Дефицит кадров явственно ощущался и на исполнительском уровне. Штатное расписание почтамта в мае 1943 г. включало 3262 чел.[16] На 1 января 1943 г. на почтамте работали 2673 чел., а к 1 января 1944 г. — 2073 чел.[17] За вторую половину года уменьшение составило 600 чел. Одной из причин было проведенное сокращение штатов. Именно им директор почтамта А. Г. Крапивин объяснял снижение списочного состава почтальонов и доставщиков по сравнению с 1942 г.[18] По всей видимости, часть работников органов связи была направлена на другие производства, согласно постановлению бюро горкома ВКП(б) от 23 июля 1943 г. «Об укреплении рабочей силой наиболее важных отраслей народного хозяйства г. Ленинграда», нацеливавшего руководителей на использование внутренних источников, «не прибегая к завозу рабочей силы извне»[19].

Не меньшей проблемой оставалась текучесть кадров. За 1943 г. почтальонов, доставщиков телеграмм, сортировщиков, почтовых агентов (кассиров), телеграфистов и прочих специалистов увольнялось больше, чем было принято: 945 против 568. По сути дела, повторилась ситуация 1942 г., за исключением доставщиков телеграмм[20]. Причины увольнения в отчете почтамта не указывались, однако можно предположить, что, кроме сокращения штатов, к ним относились тяжелые условия труда, переход на работу в другие учреждения. Вероятно, не всех устраивал уровень оплаты труда, хотя среди ушедших были стахановцы и ударники (около 100 чел.), имевшие более высокие, чем остальные работники, заработки. Зато в число основных причин уже не попадали массовая смертность и эвакуация, характерные для 1942 г.

Колоссальная текучесть отрицательно сказывалась на качестве работы. В этой связи примечательна реплика руководителя 3-й почтовой экспедиции Козлова на одном из партийных собраний: «Борьба начальников за каждого хорошего работника объясняется тем, что людей не хватает, а их всюду требуют»[21]. Большое внимание поэтому приходилось уделять подготовке кадров в виде индивидуально-бригадного ученичества или переквалификации и повышения квалификации служащих. В 1943 г. около 220 чел. обучались индивидуально или в составе бригад, 636 — в кружках по повышению квалификации, 625 — в стахановских школах, а 353 — овладевали смежными профессиями[22]. Одновременно выполнялась задача подготовки резерва для РКС и почтамта: руководителей, почтовых агентов, сортировщиков и работников телеграфа. В ноябре 1943 г. бюро Октябрьского райкома партии признало решение этой задачи неудовлетворительным[23], но к концу года ситуация выправилась и сверх плана удалось подготовить по городу 152 чел. вместо 120, а по почтамту — 28 вместо 15[24].

Подготовка квалифицированных кадров являлась одной из главных задач, стоявших перед промышленностью, городским хозяйством, различными ленинградскими организациями и учреждениями в 1943 г., и в этом отноше-

нии деятельность дирекции почтамта отражала общую тенденцию. Дефицит рабочей силы тоже не отделял почтовую службу от большинства организаций города, однако колоссальная текучесть личного состава уже становилась ее характерной особенностью. А замена директора на иногороднего специалиста создала почти уникальную ситуацию, нарушив сложившуюся в годы войны традицию замещения ленинградских руководителей местными кадрами.

---

1 См., например: *Ежов М. В.* Местное самоуправление Ленинграда в годы Великой Отечественной войны: опыт, проблемы, уроки. М., 1993; *Подольский С. И.* Трансформация управленческой вертикали в экстремальных условиях: аппарат уполномоченного Госплана СССР в блокадном Ленинграде (1941–1943) // Великая Отечественная война в памяти поколений: Сб. науч. тр. СПб., 2015. С. 48–55; *Твердюкова Е. Д.* Штаты управленческого аппарата Ленинграда в годы блокады (1941–1944) // Ленинградская битва в Великой Отечественной войне. Материалы Всероссийской науч. конф., посвященной 75-летию Победы в Великой Отечественной войне. СПб., 2020. С. 117–122; *Твердюкова Е. Д.* Депутатский корпус районных Советов Ленинграда в годы Великой Отечественной войны: состав и деятельность // Genesis: исторические исследования. 2021. № 11. С. 72–81; *Болдовский К. А.* Партийный аппарат Ленинграда как элемент управленческой структуры города периода блокады // Петербургский исторический журнал. 2020. № 3. С. 201–215; *Болдовский К. А.* Руководящие кадры блокадного Ленинграда в номенклатуре ЦК ВКП(б) // Новейшая история России. 2022. Т. 12. № 4. С. 840–852.

2 Спецсообщение П. Н. Кубаткина А. А. Жданову. 13 марта 1943 г. // Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (далее — ЦГАИПД СПб). Ф. Р-25. Оп. 2-3. Д. 4716. Л. 19–20. В сборнике «Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. 1941–1944 гг. Постановления бюро ленинградских горкома и обкома ВКП(б), стенограммы заседаний» (Ч. 3. СПб., 2022. С. 299, прим. 1) вместо слова «обсудить» стоит «проверить».

3 Блокада в решениях... Ч. 3. С. 298–299.

4 Блокада в решениях... Ч. 1. СПб., 2019. С. 577.

5 Там же. С. 607.

6 Справка А. Г. Смирягина И. Т. Пересыпкину. 12 мая 1943 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 6519. Л. 41 об. — 43. Благодарю А. Ю. Стефаненко, обратившего мое внимание на этот документ.

7 Приказ наркома связи СССР И. Т. Пересыпкина. 6 мая 1943 г. // Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (далее — ЦГА СПб.). Ф. Р-947. Оп. 5. Д. 93. Л. 16.

8 Справка А. Г. Смирягина И. Т. Пересыпкину. 12 мая 1943 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 6519. Л. 43.

9 Там же. Л. 40 об., 43.

10 Приказ Уполномоченного Наркомата связи СССР по Ленинграду и Ленинградской области А. Г. Смирягина. 20 мая 1943 г. // ЦГА СПб. Ф. Р-947. Оп. 5. Д. 93. Л. 18.

11 Крапивин Александр Георгиевич. Справка. 6 октября 1943 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 2. Д. 4820. Л. 12. На бюро горкома партии А. Г. Крапивин был утвержден лишь 9 октября 1943 г. (См.: Блокада в решениях... Ч. 3. С. 794).

12 *Болдовский К. А.* Руководящие кадры блокадного Ленинграда... С. 846.

13 Приказ Уполномоченного Наркомата связи СССР... // ЦГА СПб. Ф. Р-947. Оп. 5. Д. 93. Л. 18.

[14] Протокол № 1 партийного собрания Ленинградского почтамта. 28 июля 1943 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1052. Оп. 2. Д. 8. Л. 31 об.

[15] Протокол № 2 заседания партийного бюро Ленинградского почтамта. 2 февраля 1943 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1052. Оп. 2. Д. 7. Л. 3; Протокол № 16 заседания партийного бюро... 30 декабря 1943 г. // Там же. Л. 54.

[16] В справке А. Г. Смирягина наркому И. Т. Пересыпкину от 12 мая 1943 г. указывалось, что некомплект в почтамте составлял 424 чел. (13 % от штата) // ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 6519. Л. 41 об. Следовательно, штатное расписание включало 3262 штатные единицы.

[17] Отчет о производственной деятельности Ленинградского почтамта за 1943 г. 26 января 1944 г. // ЦГА СПб. Ф. Р-947. Оп. 5. Д. 97. Л. 31.

[18] Там же. Л. 36.

[19] Блокада в решениях... Ч. 3. С. 544–545.

[20] Отчет о производственной деятельности... // ЦГА СПб. Ф. Р-947. Оп. 5. Д. 97. Л. 33.

[21] Протокол № 9 партийного собрания... 24 мая 1943 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1052. Оп. 2. Д. 8. Л. 16.

[22] Отчет о производственной деятельности... // ЦГА СПб. Ф. Р-947. Оп. 5. Д. 97. Л. 37–38.

[23] Протокол № 8 партийного собрания... 19–20 ноября 1943 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1052. Оп. 2. Д. 8. Л. 57.

[24] Справка «Выполнение мероприятий, принятых коллективом Ленпочтамта в связи с задачами, вытекающими из доклада и приказа № 309 тов. Сталина». [28 декабря 1943 г.] // ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1052. Оп. 2. Д. 8. Л. 67.

References

BOLDOVSKIJ K. A. *Partijnyj apparat Leningrada kak element upravlencheskoj struktury goroda perioda blokady* [Leningrad party apparatus during the Blockade: the key element of the city management system. In Russ.] // Peterburgskij istoricheskij zhurnal. 2020. No. 3. S. 201–215.

BOLDOVSKIJ K. A. *Rukovodyashchie kadry blokadnogo Leningrada v nomenklature CK VKP(b)* [The Cadres of Besieged Leningrad on the Nomenclature Lists of the Central Committee of the ACP(b). In Russ.] // Novejshaya istoriya Rossii. 2022. T. 12. No. 4. S. 840–852.

EZHOV M. V. *Mestnoe samoupravlenie Leningrada v gody Velikoj Otechestvennoj vojny: opyt, problemy, uroki* [Local self-government of Leningrad during the Great Patriotic War: experience, problems, lessons. In Russ.]. Moscow, 1993.

PODOL'SKIJ S. I. *Transformaciya upravlencheskoj vertikali v ekstremal'nyh usloviyah: apparat upolnomochennogo Gosplana SSSR v blokadnom Leningrade* (*1941–1943*) [Transformation of the management vertical in extreme conditions: the office of the Authorized Gosplan of the USSR in besieged Leningrad (1941–1943). In Russ.] // Velikaya Otechestvennaya vojna v pamyati pokolenij: Sb. nauch. tr. St. Petersburg, 2015. S. 48–55.

TVERDYUKOVA E. D. *Shtaty upravlencheskogo apparata Leningrada v gody blokady* (*1941–1944*) [The staff of the Leningrad administrative apparatus during the blockade (1941–1944). In Russ.] // Leningradskaya bitva v Velikoj Otechestvennoj vojne. Materialy Vserossijskoj nauch. konf., posvyashchyonnoj 75-letiyu Pobedy v Velikoj Otechestvennoj vojne. St. Petersburg, 2020. S. 117–122.

TVERDYUKOVA E. D. *Deputatskij korpus rajonnyh Sovetov Leningrada v gody Velikoj Otechestvennoj vojny: sostav i deyatel'nost'* [Deputy Corps of Leningrad district Councils during the Great Patriotic War: composition and activities. In Russ.] // Genesis: istoricheskie issledovaniya. 2021. No. 11. S. 72–81.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

А. Н. Чистиков. Ленинградская почта в 1943 г.: кадровые проблемы // Петербургский исторический журнал. 2023. № 4. С. 97–103

Аннотация: Статья посвящена изучению кадровых проблем ленинградской почты в 1943 г. Опираясь на неопубликованные источники, автор исследует случай смены директора почтамта, его кадровый состав, деятельность руководства по подготовке квалифицированного персонала и приходит к следующим выводам. Подготовка квалифицированных кадров являлась одной из главных задач, стоявших перед промышленностью, городским хозяйством, различными ленинградскими организациями и учреждениями в 1943 г., и в этом отношении деятельность дирекции почтамта отражала общую тенденцию. Дефицит рабочей силы сближал почтовую службу с большинством организаций города, однако колоссальная текучесть личного состава уже становилась ее характерной особенностью. А замена директора на иногороднего специалиста создала почти уникальную ситуацию, нарушив сложившуюся в годы войны традицию замещения ленинградских руководителей местными кадрами.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Ленинград, блокада, связь, кадровый вопрос.

FOR CITATION

A. N. Chistikov. Leningrad post office in 1943: personnel problems // Petersburg historical journal, no. 4, 2023, pp. 97–103

Abstract: The article is devoted to the study of personnel problems of the Leningrad post in 1943. Relying on unpublished sources, the author examines the case of the change of the post office director, his staff, the activities of the management for the training of qualified personnel and comes to the following conclusions. The training of qualified personnel was one of the main tasks facing industry, urban economy, various Leningrad organizations and institutions in 1943, and in this respect the activities of the Directorate of the post office reflected the general trend. The shortage of labor brought the postal service closer to most organizations of the city, but the colossal turnover of personnel was already becoming its characteristic feature. And the replacement of the director with a nonresident specialist created an almost unique situation, breaking the tradition of replacing Leningrad managers with local personnel that had developed during the war years.

Key words: The Great Patriotic War, Leningrad, blockade, communications, personnel issue.

Автор: **Чистиков, Александр Николаевич** — д. и. н., ведущий научный сотрудник, Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук.

Author: **Chistikov, Aleksandr Nikolaevich** — Dr. of Historical Sciences, Leading Researcher, St. Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences.

E-mail: tchistikov@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-1223-0546

УДК 94(44).02
DOI: 10.51255/2311-603X_2023_4_104

В. В. Шишкин

Французская историография XVII в. об Анне Ярославне: рождение мифа*

Несмотря на многочисленные работы о древнерусской княжне Анне Ярославне (после 1025 — после 1075), ставшей женой Генриха I (1031–1060) и королевой Франции в середине XI в., которые появились в отечественной и западной историографии в последнее десятилетие, с сожалением приходится видеть в них повторяющиеся мифологические сюжеты и факты, равно как констатировать появление новых[1]. Эта историческая мифология об Анне, конечно, родилась не в одночасье, связанная прежде всего с состоянием исторического знания в прошлые эпохи, а в настоящее время она обрела к тому же политический оттенок[2]. Если франки и французы в Средние века и в эпоху Возрождения видели королеву Анну как мудрую советницу своего мужа и сына, короля Филиппа I, набожную и благочестивую даму, покровительницу и защитницу церкви[3], то историография XVII в. и в целом раннего Нового времени дала королеве иные оценки. Взгляд на основные работы французских историков позволит ответить на вопрос, какие именно современные мифы об Анне Ярославне были придуманы и растиражированы именно в это время и почему они оказались так устойчивы спустя несколько веков, дожив до наших дней.

К концу XVI в. во французском интеллектуальном сообществе уже были известны все ключевые вехи биографии Анны Ярославны, а также установлено

* Статья подготовлена при поддержке гранта РНФ «Двор русских княгинь в системе властных структур Древней Руси и Западной Европы в период Средневековья и раннего Нового времени (XI–XVI вв.)» № 19-18-00247-П.

ее происхождение от правителей Древнерусского государства — «королевства Русь», династии Рюриковичей[4]. Основными источниками информации по-прежнему были «Большие французские хроники» конца XIII в., сочинения хронистов и анналистов, равно как королевские грамоты, сохранившиеся в оригиналах или копиях в так называемой «Сокровищнице хартий» — главном королевском архивохранилище, а также в богатых монастырских библиотеках. Однако детали всех этих источников зачастую разнились, что создавало почву для интерпретаций и домыслов, а также сомнений. XVII столетие было уже временем становления профессионального исторического сообщества Франции, когда светские историки занимались своей работой, будучи на регулярном жаловании короля или официальных институтов, выделяя себя в отдельное сообщество и активно разрабатывая принципы и приемы критической работы с историческими источниками[5]. От них не отставали и церковные интеллектуалы, по сути основавшие источниковедение, оказавшее влияние на всю историческую науку[6].

Создатель авторитетной и впоследствии многотомной энциклопедии «Генеалогическая и хронологическая история королевского дома Франции» (первое издание: 1674 г.), монах-августинец о. Ансельм де Гибур в статье об Анне Ярославне попытался собрать воедино все, что было известно о королеве на тот момент[7]. Прежде всего он обратил внимание, что ее имя в доступных ему источниках фигурировало в двух вариантах — Анна и Агнесса. Но если имя Анна присутствует в каноническом тексте «Больших французских хроник», то откуда взялась Агнесса?

Ни в одной из средневековых хроник или анналов такое имя Анны Ярославны не встречается. Впервые оно появилось в книге каноника Клода Парадена в 1561 г., посвященной генеалогии и гербам королевского дома: «Анна или Агнесса, дочь Георгия Славянина, короля России или Московии, жена короля Генриха Первого»[8]. Известно, что К. Параден поддерживал отношения с Жаном Дю Тийе, хранителем «Сокровищницы хартий», а через него имел возможность знакомиться с архивными документами, королевскими актами и грамотами, в которых он, вероятно, и встретил иное имя королевы, приведя оба варианта. Не исключено также, что помимо королевского архивного собрания у него как у духовного лица был доступ в провинциальные монастырские архивы и библиотеки[9].

В свою очередь о. Ансельм был тесно связан с монахами-эрудитами из бенедиктинского монастыря Сен-Мор (св. Мавра), мавристами, основателями «Библиотеки авторов по истории Франции», т. е. серии публикаций старинных текстов[10]. Мавристы, видимо, и предоставили соответствующие сведения об Анне для его статьи, в которых королева также упоминалась как Агнесса. Можно предположить, что в руках этих монахов оказались две грамоты Филиппа I, где она значится как свидетельница их подписания и которые могли стать источником сомнений для о. Ансельма. До настоящего времени дошли

только копии этих документов, сделанные как раз переписчиками из Сен-Мора в конце XVII в.: в этампской грамоте Филиппа I от 25 ноября 1060 г. Анна Ярославна действительно значится как *Agnetis* — латинская вариация женского имени Agnes, Агнессы, в родительном падеже, а в санлисской грамоте от 27 мая 1061 г. — в именительном падеже, *Agnes*[11]. Однако хорошо известно, что при переписывании старинных грамот монахи-клерки делали ошибки в транскрипции и, скорее всего, встретив в трудно разбираемом и ветхом тексте написание *Agnę*, они приняли ее за Агнессу.

Именование Анны Ярославны как *Agnę* действительно фигурирует в иной, оригинальной санлисской грамоте Филиппа I второй половины 1060 г., указывая на родительный падеж женского греческого имени Agna, где буква *ę* (*e* с седилью) означает дифтонг *ae*[12]. Можно предположить, что современники Анны Ярославны, для которых восточное имя Анна было необычным — ранее франкские королевы его не носили — могли также называть ее Агна, как нечто среднее между непривычной им Анной и привычной Агнессой.

Получив от коллег интересующие его выписки, о. Ансельм, хорошо знакомый со старинными хрониками, где королева значилась исключительно как Анна, в итоге в своем труде решил привести оба имени, правда, в отличие от К. Парадена, поставив на первое место Агнессу. Тем самым было положено начало мифу о настоящем имени королевы, поскольку к словарю о. Ансельма обращались и обращаются практически все историки Франции. К сожалению, этот миф оказался живуч, и даже сейчас в электронных справочниках можно встретить Анну-Агнессу, что дает повод отдельным исследователям даже говорить о перемене имени «православной» принцессы при прибытии во Францию, чего не было на деле[13]. В момент появления Анны во Франции (весна 1051 г.) христианский мир был еще един.

Перед о. Ансельмом встала еще одна проблема: некий аббат де Кан (abbé de Camps) начал утверждать, что Анна не могла добраться до Франции из столь далекой восточной страны, с которой не было никаких связей и общих интересов, и по его мнению название страны, *Russie*, откуда княжна была родом, является вариантом слова *Roucy* — Руси, родового имени знатной французской семьи, созвучного со старофранцузским написанием Руси — *Rousie, Roucie*. На всякий случай приведя это мнение в своем словаре, о. Ансельм отметил, что такая версия маловероятна хотя бы потому, что семья Руси была в близком родстве с Капетингами, и вряд ли Генрих I решился бы пойти против церковных предписаний[14].

Присваивая Анне Ярославне имя «Агнесса или Анна Русская», о. Ансельм также опирался на труды королевских историографов конца XVI — первой половины XVII в., братьев Луи и Сцеволы де Сент-Март. Для них королева была только «Анной Русской» — именно так впервые в 1619 г. они назвали ее в своей «Генеалогической истории дома Франции», специально оговорив, что называть ее Агнессой ошибочно. Братья, принадлежавшие к кругу знаменитого истори-

ка Жака-Огюста де Ту, впервые отождествили имя отца Анны, великого князя Киевского Ярослава Мудрого — *Iaroslaus* — с его средневековыми именами из французских хроник — «Юрисклод» или «Юлий Клодий» (видимо, искаженное Ярослав), и «Георгий» (крестильное имя), а также согласились с выводом своих предшественников XVI в., Жана Дю Тийе и придворного историографа Никола Винье, об отождествлении современной им Московии и Древней Руси[15].

О. Ансельм, называя Ярослава Владимировича «королем Руси [России; *Roy de Russie*]», как он именуется в главном летописном своде Франции «Больших французских хрониках», приводит его имя как *Iaroslas* и также оговаривается, что некоторые авторы его также называют *Ladislas.* Последнее указывает на знакомство о. Ансельма с комментарием фламандского ученого, монаха-болландиста Годфруа Геншена (1601–1681) к книге «Чудес св. Бенедикта» Рауля Тортера (1658), где также упомянута Анна Ярославна: «Анна, дочь Ладисласа, внучка святого Владимира, герцога Киевского»[16]. В свою очередь имя Ладислас(в) явно указывает на польско-литовское историописание, с которым был знаком Г. Геншен.

Характерно, что официальная французская историография в лице придворных историков — Сципиона Дюплеи и Франсуа-Эда де Мезере, говорила только о «Георгии, короле Руси [России; Russie]» или «короле Русских [Russiens]»[17], в то время как источниковеды — ученые-церковники, предпочитали славянское имя правителя Древней Руси. Так, иезуит Филипп Лаббе в своих «Генеалогических таблицах королевского дома Франции» (1649) называл Ярослава *Iaroslau*[18], а отец-основатель дипломатики, маврист Бернар де Монфокон, младший современник о. Ансельма, в своих «Памятниках французской монархии» (1729) повторил его версию имени — *Iaroslas*[19].

Мифом стали также настоящие причины и время сватовства короля Генриха I, поскольку авторы XVII в. так и не смогли до конца разобраться в политических и дипломатических комбинациях XI в. и объяснить своим читателям, зачем король франков отправил посольство за невестой в такую далекую страну. О. Ансельм решил, что Генриху I было важно жениться на внучке византийской принцессы, чтобы на равных вести разговор с императорами Священной Римской империи, политическими соперниками, и поэтому он специально упоминает о происхождении «бабушки» Анны Ярославны, жены Владимира I Святославича, «Анне, дочери Романа, императора Константинопольского»[20]. У братьев де Сент-Март он взял и ошибочную дату возможного замужества Анны Ярославны — 1044 г., правда, оговорив в примечании, что Анжуйская и Вандомская хроники указывают 1051 г., что на деле и является верной датой. Предположение братьев де Сент-Март, видимо, строилось на том, что сразу после смерти первой жены Генриха I, Матильды Фризской, последовавшей как раз в 1044 г., король женился на Анне.

Сципион Дюплеи (1569–1661) и Франсуа-Эд де Мезере (1610–1683) — придворные историографы Людовика XIII и Людовика XIV и, несомненно, самые

известные и именитые французские историки XVII в., также повторили 1044 г. как год вероятного бракосочетания, что впоследствии воспроизводилось в иных сочинениях. Ф.-Э. де Мезере предположил также, что «Генрих I, дабы избежать опасности заключения близкородственного брака, стал искать супругу вплоть до Руси или Московии»[21]. Таким образом, во французской историографии до наших дней утвердилось мнение о двух причинах женитьбы Генриха I, связанных с его желанием стать вровень с императором и найти принцессу из семьи, с которой Капетинги еще не были в родстве[22]. На деле мотивы короля Франции для заключения этого брака были гораздо глубже и связаны с необходимостью организации международной коалиции против императора, нормандского герцога и короля Англии[23].

Ф.-Э. де Мезере оказался настоящим мифотворцем в отношении Анны Ярославны, во многом исказив и придумав ее биографию. Он исходил из того, что все его предшественники — королевские историографы, архивисты, космографы и анналисты — опирались на средневековое историописание, сухое и статичное. Он намеренно, в духе литературного и секуляризованного XVII в., стал романизировать свои исторические сочинения, используя модные и обсуждаемые в литературных салонах сюжеты. В его сочинениях прослеживается также несомненная мизогиния, что отмечали уже его современники, связанная с желанием угодить своему покровителю кардиналу де Ришелье, который не любил женщин[24]. Так, в своей «Истории Франции» (1643) и затем в «Краткой хронологии французской истории» (1667) — самых читаемых исторических книгах во Франции того времени, Мезере утверждал, что Анна Ярославна в течение многих лет не могла забеременеть и вызвала неудовольствие и отдаление короля — очевидный намек на отношения Людовика XIII и Анны Австрийской, большая часть совместной жизни которых прошла без детей[25]. Очевидно также, что такой вывод он сделал, сопоставив ложную дату замужества, 1044 г., и дату рождения первенца Филиппа, 1052 г. И далее якобы поэтому Анна Ярославна основала монашескую обитель в Санлисе, вознося молитвы о рождении наследника трона св. Викентию. Миф о мизогинии Генриха I до сих пор повторяется во французской историографии, равно как ставится под сомнение благополучие его супружеских отношений[26]. На деле все было с точностью наоборот: за девять лет их брака родилось трое или четверо детей; Анна принимала участие в работе королевского совета и была вовлечена в государственные дела уже при жизни мужа, а обитель она основала спустя несколько лет в память о своем покойном супруге, о чем и свидетельствует ее грамота об основании монастыря 1065 г.[27]

Однако главный акцент Ф.-Э. де Мезере сделал на обстоятельствах второго замужества Анны Ярославны: «После смерти мужа она удалилась в Санлис, откуда ее похитил граф Валуа, не знаю, с ее ли согласия, но она еще пребывала в возрасте 34 или 35 лет, когда можно дарить любовь»[28]. В момент, когда историк писал эти строки, в начале 1640-х гг., во французской литературе одним

из излюбленных сюжетов было похищение девиц и дам их возлюбленными, которые в силу разницы в положении не могли претендовать на их руку обычным путем. Версия о похищении королевы или имитации этого похищения влиятельным графом Раулем была подхвачена и стала самым устойчивым мифом в биографии королевы, который даже вошел в отдельные энциклопедии[29]. Этот миф обрастал со временем иными подробностями и, похоже, в него начал верить сам его создатель, который позднее написал, что Анна изначально не была против ухаживаний графа Валуа[30]. Наконец уже в XX в. небезызвестный Морис Палеолог, бывший французский посол при царском дворе, в своей статье «Русская королева Франции», утверждал, развивая мифы Ф.-Э. де Мезере, что ее похищение состоялось на охоте, поскольку санлисские угодья использовались королями именно с этой целью[31].

Конечно, в действительности второе замужество Анны Ярославны было результатом непростого политического торга между северофранцузскими баронами и регентом Франции при малолетнем Филиппе I графом Бодуэном Фландрским. В обмен на мирное взаимодействие с регентом предводитель баронов граф Валуа продолжил быть членом королевского совета, равно как и его третья спутница жизни, королева Анна. Для последней было важно гарантировать безопасность ее детей и обеспечить продолжение династии. Покровительство графа Валуа, чьи владения и богатства превосходили королевские, в противовес официальному регенту и распорядителю королевских доходов, графу Фландрии, было верным политическим решением[32]. Разумеется, ни один из исторических источников не говорит ни о каком похищении, тем более на охоте. Более того, Анна и не жила постоянно в Санлисе: ее итинерарии 1060-х гг. показывают регулярные перемещения королевской семьи по домениальным владениям, без долгой задержки в каком-либо одном месте[33]. В грамотах она продолжала титуловаться королевой, и это говорит о том, что граф Рауль был только спутником ее жизни, не официальным мужем, которого признавала бы церковь.

Согласно дальнейшим фантазиям Ф.-Э. де Мезере, ее фактическое второе замужество даже разожгло гражданскую войну, но это также не подтверждается документально: период 1060-х гг. оказался одним из самых мирных в истории Франции XI в. В предприятии герцога Нормандского Вильгельма в Англию 1066 г. ни Филипп I, ни графы Валуа и Фландрский не участвовали[34].

Недостаток сведений о каком-либо важном для французской истории сюжете или персонаже Ф.-Э. де Мезере обычно компенсировал не только заимствованиями из похожих сюжетов литературных произведений, но также из современных ему общественно-политических представлений, считая справедливым такой метод исторической интерпретации[35]. Так, говоря о последних днях Анны Ярославны, он писал: «Овдовев во второй раз, лишенная поддержки и презираемая французами, она удалилась в свои края, где прожила еще семь или восемь лет»[36]. Очевиден намек на бывшую регентшу Франции Марию Медичи,

поссорившуюся с сыном, Людовиком XIII, и вынужденную уехать из Франции в 1631 г. Эту же фразу историка почти дословно в завершении своей статьи повторил о. Ансельм, добавив от себя, что якобы по требованию папы Александра II Рауль был вынужден расстаться с Анной в 1066 г.[37]

В действительности только один старофранцузский источник, и то в виде предположения, говорит, что бывшая королева вернулась на Русь[38]. Место смерти Анны Ярославны неизвестно, но скорее всего, это аббатство св. Викентия в Санлисе, монахи которого 5 сентября каждого года молились за упокой души их основательницы, вплоть до Революции 1789 г. Известно, что граф Рауль счастливо прожил с Анной вплоть до своей смерти в 1074 г., после чего король Филипп пригласил мать вернуться ко двору. Из грамоты короля 1075 г. известно, что Анна находилась в его дворце в Париже и продолжила принимать участие в его делах[39].

О. Ансельм, утверждая вслед за Ф.-Э. де Мезере, что мнение о возвращении Анны на Русь «является общепринятым», упоминает также об одной курьезной статье в «Журнале ученых», принадлежащей перу иезуита о. Менестрие. Этот монах утверждал в июне 1682 г., что в церкви аббатства Вилье ордена цистерцианцев, недалеко от Ла Ферте-Але (Иль-де-Франс) он нашел надгробную плиту Анны Ярославны с латинской надписью: «Здесь пребывает госпожа Агнесса, жена покойного короля Генриха»[40]. Статья вызвала интерес прежде всего у ученых церковников, которые быстро выяснили, что надгробие действительно существует, но вторую часть фразы Менестрие придумал: никакой «жены покойного короля Генриха» на деле не было. Сенсации не состоялось, однако и миф о возвращении королевы Анны на Русь получил дополнительное подкрепление[41].

Таким образом, если средневековое историописание и историография эпохи Возрождения пытались сохранить образ Анны Ярославны как благочестивой и мудрой королевы, во имя прославления Французского королевского дома Капетингов-Валуа, то профессиональные историки на службе у новой династии Бурбонов отошли от этой традиции. Обмениваясь сведениями и черпая информацию друг у друга, не стесняясь компиляций, и светские, и церковные историки и эрудиты, с одной стороны, стремились не упустить ни один сколько-нибудь важный факт из жизни королевы, с другой — с охотой верили и воспроизводили мнения и сведения из трудов своих авторитетных предшественников и современников, плотно перемежая мифы и достоверные данные. С легкой руки историков XVII в. Анна Ярославна встала в ряд авантюрных государынь, своим поведением чуть ли не предавших интересы королевского дома. Французская историография раннего Нового времени, в целом критичная к коронованным женщинам разного времени, в то же время была сосредоточена только на прославлении царствующего короля и его непосредственных предков — потомков Людовика IX Святого. Остальных монархов можно было приводить в пример как отрицательных персонажей.

До сих пор во французской современной историографии нет однозначно сложившегося мнения об Анне Ярославне, в том числе из-за груза неразвенчанных мифов, ставших частью национального сознания французов. Похищение королевы на охоте романтично во все времена. По-прежнему в чести сочинения о. Ансельма и Франсуа-Эда де Мезере, которые успешно поддерживают сложившиеся исторические мифы. Однако Анна Ярославна, несомненно, заслуживает своей новой, настоящей биографии и важного места в истории Древней Руси, которой она принадлежит в такой же мере, как и истории Франции.

---

1 *Сдобнова Ю. Н., Манухина А. О.* Истоки связей России и Франции: о роли Анны Ярославны в диалоге культур // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 13 (868). С. 157–162; *Мартен Э., Менан Ф., Мердриньяк Б., Шавен М.* Капетинги. История династии (987–1328). СПб., 2017. С. 52; *Мусин А. Е.* Анна Киевская: между историографией и историей // Княжа доба: історія і культура. 2014. Вип. 8. С. 145–172; *Zajac T.* 'Gloriosa Regina' or "Alien Queen"? Some reconsiderations on Anna Yaroslavna's Queenship (r. 1050–1075) // Royal Studies Journal. 2016. No. 1 (3). P. 58–63.

2 *Delorme P.* Anne de Kiev, épouse de Henri Ier. Paris, 2015.

3 *Шишкин В. В., Шмидт Г.* Анна Ярославна во французской историографии позднего Средневековья (по материалам Отдела рукописей Российской национальной библиотеки) // Палеоросия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2022. Вып. 2 (18). С. 83–93; *Шишкин В. В.* Анна Ярославна во французской литературе эпохи Возрождения (вторая половина XV — XVI в.). Рождение Анны Русской // Древняя Русь. 2021. Вып. 3 (85). Сентябрь. С. 60–74.

4 *Шишкин В. В., Шварц И.* Французское королевство и Русское государство в XI–XVI вв. СПб., 2021. С. 22–24.

5 *Паламарчук А. А., Терентьева Е. А., Федоров С. Е.* Рождение национального историописания в Англии и Франции. СПб., 2021. С. 169–263.

6 *Добиаш-Рождественская О. А.* Культура западноевропейского Средневековья. М., 1987. С. 52–92.

7 *Anselme de Guibours.* Histoire généalogique et chronologique de la maison royale de France. T. I. Paris, 1725. P. 73.

8 *Paradin C.* Alliances généalogiques des rois et princes de Gaule. Lyon, 1561. P. 63.

9 *Mounier P.* Lyon et l'histoire régionale. Les chroniques de G. Paradin et J. Chaumeau // Revue de l'Enssib. 2014. No. 2. P. 1–22.

10 *Чугунова Н. В.* Историко-просветительская деятельность конгрегации св. Мавра в XVII–XVIII веках в Западной Европе // История. Историки. Источники: электронный научный журнал. 2018. № 1. С. 88–94.

11 *Шишкин В. В.* Грамоты Анны Ярославны, королевы Франции (1051/55–1075) // Средние века. Вып. 81 (3). М., 2020. С. 34–35.

12 Там же. С. 32–33.

13 *Zajac T.* Regina Binomia: Re-Examining the Evidence for Re-Baptism and Renaming of Latin Christian Brides in Pre-Mongol Rus' // Byzantinoslavica: Revue internationale des études byzantines. 2019. Vol. 77. No. 1–2. P. 264–290.

14 *Anselme de Guibours.* Histoire généalogique et chronologique de la maison royale de France. T. I. P. 73.

[15] *Шишкин В. В.* Анна Ярославна во французской литературе эпохи Возрождения (вторая половина XV — XVI в.). Рождение Анны Русской. С. 60–74.
[16] *Tortarius Rodulphus Floriacensis.* Miracula sancti Benedicti. Patrologiae cursus completus. Latina T. 160 / Éd. J. P. Migne. Paris, 1844. P. 1211–1212.
[17] *Dupleix S.* Traité de la majorité des nos rois et des régences du Royaume. Paris, 1655. P. 50; только в одном случае Мезере назвал Ярослава Юрисклодом: *Mezeray F.-E.* Abregé chronologique de l'histoire de France. Première partie. T. II. Amsterdam, 1696. P. 499–500.
[18] *Labbé P.* Tableaux généalogique de la maison royale de France. La Haye, 1654. P. 25.
[19] *Montfaucon, dom Bernard de.* Les monumens de la monarchie Françoise. T. I. Paris, 1729. P. 368–369.
[20] *Anselme de Guibours.* Histoire généalogique et chronologique de la maison royale de France. T. I. P. 73.
[21] *Mezeray F.-E.* Abregé chronologique de l'histoire de France. Première partie. T. II. P. 499–500.
[22] *Bautier R.-H.* Anne de Kiev, reine de France, et la politique royale au XIe siècle: étude critique de la documentation // Revue des études slaves. T. 57. Fasc. 4. 1985: Aspects des relations intellectuelles entre la France, la Russie et l'U.R.S.S. / Sous la dir. de R.-H. Bautier. P. 539–564.
[23] *Мусин А. Е.* Брачный союз Генриха Капетинга и Анны Ярославны: причины, обстоятельства, последствия // Древняя Русь и средневековая Европа: возникновение государств. М., 2010. С. 172–184.
[24] *Арьес Ф.* Время истории. М., 2011. С. 130–138, 203.
[25] *Mezeray F.-E.* Histoire de France. T. I. Paris, 1643. P. 399.
[26] *Zajac T.* 'Gloriosa Regina' or "Alien Queen"? Some reconsiderations on Anna Yaroslavna's Queenship (r. 1050–1075). P. 58–63.
[27] *Шишкин В. В.* Грамоты Анны Ярославны, королевы Франции (1051/55–1075). С. 43–44.
[28] *Mezeray F.-E.* Histoire de France. T. I. P. 399.
[29] *Closson M.* "Les filles enlevées" (1643) du sieur Du Bail // Rapts. Réalité et imaginaire du Moyen Âge aux Lumières / Éds. G. Vickermann-Ribémont, M. White-Le Goff. Paris, 2014. P. 105–123.
[30] *Mezeray F.-E.* Abregé chronologique de l'histoire de France. Première partie. T. II. P. 499–500.
[31] *Paléologue M.* Une russe, reine de France // Historia. 1954. № 86. Janvier. S. p.
[32] *Шишкин В. В., Шварц И.* Французское королевство и Русское государство в XI–XVI вв. С. 44–48.
[33] *Шишкин В. В.* Итинерарии Анны Ярославны во Франции (1051–1075) // Вестник Пермского университета. История. 2023. № 61 (2). С. 26–35.
[34] *Bates D.* Guillaume le Conquérant. Paris, 2018. P. 269–301.
[35] *Козлов С. Л.* Имплантация. Очерки генеалогии историко-филологического знания во Франции. М., 2020. С. 60.
[36] *Mezeray F.-E.* Abregé chronologique de l'histoire de France. Première partie. T. II. P. 500.
[37] *Anselme de Guibours.* Histoire généalogique et chronologique de la maison royale de France. T. I. P. 73.
[38] Ex Historiae Franciae fragment // Recueil des historiens des Gaules et de la France. T. XI. Paris, 1767. P. 161.
[39] *Шишкин В. В.* Грамоты Анны Ярославны, королевы Франции (1051/55–1075). С. 41.
[40] *Ménestrier C.-F.* Nouvelles découvertes pour l'histoire de France // Journal des Savants. 1682. 22 Juin. P. 188.
[41] *Мусин А. Е.* Анна Киевская: между историографией и историей. С. 150–151.

REFERENCES

ANSELME DE GUIBOURS. Histoire généalogique et chronologique de la maison royale de France. T. I. Paris, 1725.

ARIÈS F. Vremya istorii [History time. In Russ.]. Moscow, 2011.

BATES D. Guillaume le Conquérant. Paris, 2018.

BAUTIER R.-H. *Anne de Kiev, reine de France, et la politique royale au XI*e *siècle: étude critique de la documentation* // Revue des études slaves. T. 57. Fasc. 4. 1985: Aspects des relations intellectuelles entre la France, la Russie et l'U.R.S.S. / Sous la dir. de R.-H. Bautier. P. 539–564.

CHUGUNOVA N. V. *Istoriko-prosvetitel'skaya deyatel'nost' kongregacii sv. Mavra v XVII–XVIII vekah v Zapadnoj Evrope* [Historical and educational activities of St. Maurus congregation in the 16th–18th centuries in Western Europe. In Russ.] // Istoriya. Istoriki. Istochniki: elektronnyj nauchnyj zhurnal. 2018. No. 1. P. 88–94.

CLOSSON M. "*Les filles enlevées*" (*1643*) *du sieur Du Bail* // Rapts. Réalité et imaginaire du Moyen Âge aux Lumières / Éds. G. Vickermann-Ribémont, M. White-Le Goff. Paris, 2014. P. 105–123.

DELORME P. Anne de Kiev, épouse de Henri Ier. Paris, 2015.

DOBIASH-ROZHDESTVENSKAYA O. A. Kul'tura zapadnoevropejskogo Srednevekov'ya [The culture of Middle ages in Western Europe. In Russ.]. Moscow, 1987.

DUPLEIX S. Traité de la majorité des nos rois et des régences du Royaume. Paris, 1655.

Ex Historiae Franciae fragment // Recueil des historiens des Gaules et de la France. T. XI. Paris, 1767. P. 161.

KOZLOV S. L. Implantaciya. Ocherki genealogii istoriko-filologicheskogo znaniya vo Francii [Implantation. Essays on the genealogy of historical and philological knowledge in France. In Russ.]. Moscow, 2020.

LABBÉ P. Tableaux généalogique de la maison royale de France. La Haye, 1654.

MARTIN H., MENANT F., MERDRIGNAC B., SHAUVIN M. Kapetingi. Istoriya dinastii (987–1328) [The Capetiens. History of dinasty. In Russ.]. St. Petersburg, 2017.

MÉNESTRIER C.-F. *Nouvelles découvertes pour l'histoire de France* // Journal des Savants. 1682. 22 Juin. P. 188.

MEZERAY F.-E. Abregé chronologique de l'histoire de France. Première partie. T. II. Amsterdam, 1696.

MEZERAY F.-E. Histoire de France. T. I. Paris, 1643.

MONTFAUCON, DOM B. de. Les monumens de la monarchie Françoise. T. I. Paris, 1729.

MOUNIER P. *Lyon et l'histoire régionale. Les chroniques de G. Paradin et J. Chaumeau* // Revue de l'Enssib. 2014. No. 2. P. 1–22.

MUSIN A. E. *Anna Kievskaya: mezhdu istoriografiej i istoriej* [Anna of Kiev between historiography and history. In Russ.] // Knyazha doba: istoriya i kul'tura. 2014. No. 8. P. 145–172.

MUSIN A. E. *Brachnyj soyuz Genriha Kapetinga i Anny Yaroslavny: prichiny, obstoyatel'stva, posledstviya* [The marriage of Henri I and Anna Yaroslavna: reasons, circonstances, consequenses. In Russ.] // Drevnyaya Rus' i srednevekovaya Evropa: vozniknovenie gosudarstv. Moscow, 2010. P. 172–184.

PALAMARCHUK A. A., TERENT'EVA E. A., FEDOROV S. E. Rozhdenie nacional'nogo istoriopisaniya v Anglii i Francii [The naissance of the national historiography in England and in France. In Russ.]. St. Petersburg, 2021.

PALÉOLOGUE M. *Une russe, reine de France* // Historia. 1954. No 86. Janvier. S. p.

PARADIN C. Alliances généalogiques des rois et princes de Gaule. Lyon, 1561.

SDOBNOVA YU. N., MANUKHINA A. O. *Istoki svyazej Rossii i Francii: o roli Anny Yaroslavny v dialoge kul'tur* [The origins of the relations between Russia and France: Anna Yaroslavna's role in the dialoque of cultures. In Russ.] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2022. No. 13 (868). P. 157–162.

SHISHKIN V. V., SCHMIDT G. *Anna Yaroslavna vo francuzskoj istoriografii pozdnego Srednevekov'ya* (*po materialam Otdela rukopisej Rossijskoj nacional'noj biblioteki*) [Depictions of Anna Yaroslavna in Late Medieval French Historiography. The Evidence of the Manuscripts from the National Library of Russia. In Russ.] // Paleorosiya. Drevnyaya Rus': vo vremeni, v lichnostyah, v ideyah. 2022. No. 2 (18). P. 83–93.

SHISHKIN V. V. *Anna Yaroslavna vo francuzskoj literature epohi Vozrozhdeniya* (*vtoraya polovina XV — XVI v.*). *Rozhdenie Anny Russkoj* [Anna Yaroslavna in the French Renaissance literature (the second half of the 15th — 16th century): birth of Anna of Russia. In Russ.] // Drevnyaya Rus'. 2021. No. 3 (85). September. P. 60–74.

SHISHKIN V. V. *Gramoty Anny Yaroslavny, korolevy Francii* (*1051/55–1075*) [The charters of Anna Yaroslavna, Queen of France. In Russ.] // Srednie veka. 2020. No. 81 (3). P. 34–35.

SHISHKIN V. V., SCHWARCZ I. Francuzskoe korolevstvo i Russkoe gosudarstvo v XI–XVI vv. [French kingdom and Russian state in XIth–XVIth centirues. In Russ.]. St. Petersburg, 2021.

TORTARIUS RODULPHUS FLORIACENSIS. Miracula sancti Benedicti. Patrologiae cursus completus. Latina. T. 160 / Éd. J. P. Migne. Paris, 1844. P. 1211–1212.

ZAJAC T. 'Gloriosa Regina' or "Alien Queen"? Some reconsiderations on Anna Yaroslavna's Queenship (r. 1050–1075) // Royal Studies Journal. 2016. No. 1 (3). P. 58–63.

ZAJAC T. Regina Binomia: Re-Examining the Evidence for Re-Baptism and Renaming of Latin Christian Brides in Pre-Mongol Rus' // Byzantinoslavica: Revue internationale des études byzantines. 2019. Vol. 77. No 1–2. P. 264–290.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

В. В. Шишкин. Французская историография XVII в. об Анне Ярославне: рождение мифа // Петербургский исторический журнал. 2023. № 4. С. 104–114

Аннотация: Статья касается вопроса об истоках и причинах мифологизации в исторической литературе XVII в. фигуры средневековой королевы франков Анны Ярославны (после 1025 — после 1075), дочери Ярослава Мудрого, великого князя Киевского, и супруги короля Генриха I из рода Капетингов. Подчеркивается, что историки периода первых Бурбонов порвали со средневековой апологетической традицией французского историописания представлять своих монархов безупречными и героическими персонажами. При оценке деятельности коронованных женщин прошлого применялись принципы мизогинии, подчеркивающие рациональность и правильность применения салического закона, что особенно очевидно в работах С. Дюплеи и Ф.-Э. де Мезере. Эти историки предпочли использовать общественно-политические представления французского общества XVII в. применительно к Анне Ярославне, создав ключевые мифы вокруг ее имени, исказив исторические события и ее роль во французской истории. Научные поиски ученых-монахов этого времени, мавристов и болландистов ввиду несовершенства применяемых ими методов работы с историческими источниками также способствовали упрочению этих мифов вокруг княжны из Древней Руси.

Ключевые слова: История Франции, Анна Ярославна, Генрих I, французская историография XVII в.

FOR CITATION

V. V. Shishkin. French historiography of the 17th century about Anna Yaroslavna: the birth of the myth // Petersburg historical journal, no. 4, 2023, pp. 104–114

Abstract: The article touches the question of the origins and causes of mythologization in the historical literature of the 17th century of the medieval queen of Franks Anna Yaroslavna (after 1025 — after 1075), daughter of Yaroslav the Wise, Grand Duke of Kiev, and the wife of King Henry I of the Capetian family. It is emphasized that historians of the first Bourbon period broke with the medieval apologetic tradition of French historiography to present their monarchs with impeccable and heroic characters. When assessing the activities of crowned women of the past, the principles of misogyny were applied, emphasizing the rationality and correctness of the application of Salic law, which is especially obvious in the works of S. Dupleix and F.-E. de Mezeray. These historians chose to use the social and political ideas of the French society of the 17th century in relation to Anna Yaroslavna, creating key myths around her name, distorting historical events and her role in the French history. The scientific searches of monk scientists of this time, the Mauristes and Bollandists, due to the imperfection of the methods of working with historical sources used by them, also contributed to the strengthening of these myths around the princess from Ancient Russia.

Key words: History of France, Anna Yaroslavna, Henry I, French historiography of the 17th century.

Автор: **Шишкин, Владимир Владимирович** — ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН, профессор кафедры общественных наук СЗИУ РАНХиГС.

Author: **Shishkin, V. V**. — Senior researcher, Saint-Petersburg institute of history of Russian academy of sciences.

E-mail: VladimirGenghis@mail.ru

ORCID: 0000-0002-5163-5474

УДК: 94:327(73+4)
DOI: 10.51255/2311-603X_2023_4_115

О. Г. Лекаренко

Реакция администрации Р. Никсона на вступление Великобритании в ЕЭС

В начале 1960-х гг. Великобритания радикально изменила свою политику в отношении европейской интеграции и решила добиваться членства в европейских сообществах (Европейское экономическое сообщество — ЕЭС, Общий рынок; Европейское объединение угля и стали — ЕОУС; Европейское сообщество по атомной энергии — Евратом). В основе данного решения лежали представления о том, что вступление в ЕЭС будет способствовать росту британской экономики и большему влиянию Великобритании на политические процессы в Западной Европе. Последнее могло быть полезным для укрепления «особых» отношений Великобритании с Соединенными Штатами. Британские политики понимали, что чем раньше Великобритания вступит в ЕЭС, тем проще ей будет интегрироваться в единую Европу. Поскольку ЕЭС находилось в стадии формирования, нахождение внутри Сообщества предоставило бы британским политикам шанс влиять на его развитие в выгодном для них направлении. Однако желание Великобритании вступить в ЕЭС натолкнулось на упорное сопротивление французского лидера Ш. де Голля, который дважды использовал свое право вето.

После того как в конце 1967 г. Франция во второй раз заблокировала начало переговоров о вступлении Великобритании в ЕЭС, лейбористское правительство Г. Вильсона решило придерживаться тактики «не принимать “нет” за ответ»[1]. Встречаясь с американским президентом Р. Никсоном в ходе его европейского турне (конец февраля — начало марта 1969 г.), премьер-министр

Г. Вильсон подтвердил, что Великобритания по-прежнему твердо намерена вступить в ЕЭС[2]. Однако реальная возможность для этого появилась только после отставки Ш. де Голля и прихода к власти во Франции президента Ж. Помпиду. Новое французское правительство усматривало выгоду от вступления Великобритании в ЕЭС в создании противовеса Германии и расширении сбыта французской сельскохозяйственной продукции на британском рынке, особенно в свете ослабления связей Великобритании с Содружеством (изначально Британское Содружество наций).

Долгожданное согласие Франции было получено в ходе саммита ЕЭС в Гааге в декабре 1969 г. Решение гаагского саммита, созванного по инициативе Ж. Помпиду, означало не просто приглашение начать новый раунд переговоров о вступлении Великобритании (а вместе с ней Ирландии, Дании и Норвегии) в ЕЭС, но и появление реальных шансов на их успешный исход, так как «инициатива на этот раз исходила от самой Франции, чья позиция была главным препятствием на пути приема Великобритании в Общий рынок»[3]. Расширение Сообщества устраивало и правительство ФРГ, которое понимало, что другие страны не были заинтересованы в установлении немецкого лидерства в ЕЭС, а также рассчитывало на получение новых рынков сбыта для своих промышленных товаров и уменьшение размера взносов в общий бюджет Сообщества. Еще одним фактором в позиции западногерманского руководства являлось начало проведения «новой политики» в отношении восточных соседей ФРГ. Канцлер В. Брандт полагал, что вступление Великобритании в ЕЭС и формирование общей внешней политики Сообщества значительно облегчат осуществление его «новой восточной политики»[4].

27 января 1970 г. в ходе визита Г. Вильсона в Вашингтон британский премьер-министр информировал своих американских коллег об успешных шансах для начала переговоров с ЕЭС и намерении британского правительства сконцентрировать свое внимание на решении четырех-пяти ключевых вопросов[5]. Администрация Р. Никсона поддерживала стремление Великобритании присоединиться к ЕЭС, что позволило бы укрепить единство стран Западной Европы и преодолеть невыгодный в условиях холодной войны раскол континента на две экономические группировки (ЕЭС и Европейская ассоциация свободной торговли — ЕАСТ). Однако, опасаясь новых обвинений в том, что Великобритания станет «троянским конем» США в Сообществе (выражение де Голля, использованное им во время первого вето), Г. Вильсон и другие британские чиновники просили своих американских коллег пока не делать официальных заявлений в поддержку вступления Великобритании в ЕЭС. Вместо этого они предлагали демонстрировать общее положительное отношение к расширению Сообщества на двусторонних переговорах с правительствами стран «шестерки», особенно ФРГ[6]. В Вашингтоне разделяли точку зрения о том, что Соединенным Штатам следует оставаться в тени и не подчеркивать лишний раз свою заинтересованность во вступлении Великобритании в ЕЭС

и наличие «особых» англо-американских отношений, чтобы не провоцировать Францию[7].

Правительство Р. Никсона, в отличие от своих предшественников, отказалось от активной поддержки процесса европейской интеграции. В секретном меморандуме Совета национальной безопасности (СНБ) «Обзор американской политики в отношении Европы», составленном в январе 1970 г. для советника президента по национальной безопасности Г. Киссинджера, говорилось, что вопрос о том, как Европа будет организована политически и экономически, должен решаться самими европейцами. Авторы меморандума подчеркивали, что попытки предыдущих администраций повлиять на страны Западной Европы привели к непредсказуемым и нежелательным последствиям. По мнению СНБ, американское воздействие на процесс европейской интеграции могло быть конструктивным только при условии, что оно будет оказано правильным образом и в правильный момент. На данном этапе рекомендовалось демонстрировать общее благожелательное отношение к европейской интеграции, чтобы европейцы не сомневались в том, что США по-прежнему выступают за создание единой Европы[8]. В соответствии с рекомендациями, в первом ежегодном докладе президента Конгрессу по внешней политике (февраль 1970 г.) Р. Никсон сделал акцент на американской поддержке расширения и углубления европейской интеграции[9]. Пассивная американская поддержка курса Великобритании на присоединение к европейским сообществам выражалась в том, что Вашингтон не собирался выдвигать никаких инициатив по укреплению атлантической солидарности прежде завершения переговоров Великобритании с ЕЭС.

В июне 1970 г. с небольшим перевесом победу на парламентских выборах в Великобритании одержала консервативная партия, правительство возглавил Э. Хит. Администрация Р. Никсона была довольна результатами выборов и рассчитывала на конструктивное сотрудничество с британскими консерваторами[10]. Э. Хит являлся сторонником вступления Великобритании в ЕЭС с самого начала своей политической карьеры. Он позитивно отреагировал на выдвижение плана Шумана (об учреждении ЕОУС), входил в организованный Ж. Монне Комитет борьбы за Соединенные Штаты Европы, возглавлял британскую делегацию на первых переговорах Великобритании с ЕЭС[11].

В начале 1970-х гг. позиции Великобритании были более прочными, чем во время второй попытки вступить в ЕЭС. После проведенной в 1967 г. девальвации британской валюты позиции фунта окрепли, что способствовало улучшению торгового баланса страны. В политическом истеблишменте лишь немногие считали наличие Содружества проблемой для вступления в ЕЭС. Национальный союз фермеров признал потенциальные выгоды членства в Сообществе[12]. В ходе избирательной кампании 45 % депутатов от консервативной партии, 61 % от лейбористской и 7 % от либеральной партии имели возражения или были твердо настроены против вступления Великобритании в ЕЭС,

однако лидеры всех политических партий поддерживали идею вступления, таким образом дальнейшая политическая борьба развернулась вокруг конкретных условий вхождения в ЕЭС[13]. Э. Хит еще до прихода к власти придерживался точки зрения, что вступление Великобритании в Сообщество возможно только на приемлемых для нее условиях.

В отношениях со своим заокеанским партнером правительство Э. Хита стремилось убедить Вашингтон в том, что вступление Великобритании в ЕЭС соответствует американским интересам, так как оно будет способствовать либерализации торговой политики Сообщества (а значит, расширит возможности для американского экспорта) и укреплению политического единства западноевропейских стран. В свою очередь правительство Р. Никсона понимало британскую дилемму установления сбалансированных отношений с США и ЕЭС в ходе переговорного процесса и следовало тактике «руки прочь». Первая встреча Р. Никсона и Э. Хита была отложена, чтобы не вызвать у Франции и других членов ЕЭС опасений по поводу наличия особых англо-американских отношений и не навредить переговорам Великобритании с Общим рынком[14].

США поощряли Великобританию в ее намерении вступить в ЕЭС больше по политическим соображениям, связанным с развитием европейской интеграции и укреплением единства западного блока. С экономической точки зрения создание крупной торговой зоны в Европе было чревато для США сокращением американского экспорта в западноевропейские страны и усилением конкуренции с ЕЭС на мировых рынках[15]. Политика США в отношении расширения ЕЭС обсуждалась в комитетах СНБ с участием представителей госдепартамента, министерств финансов и сельского хозяйства. Эти же ведомства были вовлечены в торговые переговоры с Великобританией, в то время как Р. Никсон и Г. Киссинджер определяли общее направление американской политики в Европе. В ее задачи входило укрепление НАТО и трансатлантических отношений, в том числе через поддержку европейской интеграции.

Еще в октябре 1969 г. Р. Никсон поручил СНБ подготовить меморандум о политике США в связи с расширением ЕЭС[16]. Составлением меморандума занималась специальная группа под руководством госдепартамента, в которую также входили представители министерств торговли, финансов и сельского хозяйства, а также офиса специального представителя президента по торговым переговорам. В ходе обсуждения мнения участников разделились. Госдепартамент, руководствуясь в первую очередь политическими соображениями, выступал в поддержку европейской интеграции. В дипломатическом ведомстве считали, что единая Европа могла взять на себя большую ответственность за оборону свободного мира и играть большую роль в мировых делах, а также должна была обеспечивать рамки, внутри которых ФРГ могла выстраивать новые отношения со странами Восточной Европы. По мнению госдепартамента, вступление Великобритании в ЕЭС должно было придать новый импульс дальнейшему развитию европейской интеграции. В дипломатическом ведомстве

надеялись, что членство Великобритании, Дании, Норвегии и Ирландии в ЕЭС усилит либеральную экономическую ориентацию сообщества.

В свою очередь экономические министерства и офис специального представителя были настроены скептически и подготовили отдельные заявления, отличающиеся от позиции госдепартамента. В них говорилось, что расширение приведет к увеличению экономической мощи ЕЭС и заденет долгосрочные внешнеэкономические интересы США. По оценкам экспертов, промышленный экспорт США в Европу должен был пострадать незначительно, за исключением отдельных отраслей. Основной ущерб ожидался для экспорта американской сельскохозяйственной продукции, особенно зерновых, соевых бобов и табака. Экономические министерства критиковали правительство за то, что в своей оценке европейской интеграции оно долгое время уделяло внимание достижению лишь политических выгод. Они считали, что политические и экономические факторы нельзя больше отделять друг от друга и призывали правительство США более настойчиво защищать американские экономические и торговые интересы. Данную точку зрения разделяли и протекционистские группы в Конгрессе США[17].

Госдепартамент выступил против таких крайних мер, как защита американских интересов всеми доступными средствами, включая вмешательство в процесс переговоров Великобритании с ЕЭС. Вместо этого представители дипломатического ведомства предлагали постараться минимизировать последствия расширения ЕЭС для американской торговли следующими способами:

- реализация своих прав в Генеральном соглашении по тарифам и торговле (ГАТТ);
- соблюдение ранее заключенных соглашений (например, соглашения по соевым бобам);
- двусторонние и многосторонние дипломатические меры (например, в рамках Организации экономического сотрудничества и развития — ОЭСР) с целью воздействия на будущую торговую политику сообщества;
- организация после завершения переговоров стран-кандидатов с ЕЭС нового раунда переговоров в ГАТТ о сокращении сельскохозяйственных пошлин и нетарифных барьеров[18].

Администрация Р. Никсона была вынуждена считаться с мнением экономических министерств и ведомств и давлением сельскохозяйственного лобби в конгрессе США. Несмотря на то что Г. Киссинджер довольно прохладно относился к процессу европейской интеграции, он был заинтересован в том, чтобы примирить позиции разных ведомств. В мемуарах он пишет: «В то время, когда проект вступления Великобритании в ЕЭС был так близок к завершению, вызов неожиданно пришел не из Франции, а от экономического сегмента в правительстве США»[19]. Г. Киссинджер полагал, что наихудшим сценарием для США было бы усиление экономической интеграции

западноевропейских стран без одновременного движения в сторону большего политического объединения.

На заседании рабочей группы СНБ 13 мая 1970 г. он отмечал, что главный вопрос заключался в том, как согласовать американскую заинтересованность в политическом единстве Европы с экономическими проблемами, которые создает расширение. Он считал, что США должны заплатить некоторую, но не слишком высокую цену за объединение Европы[20]. По мнению Г. Киссинджера, создание более сильной Европы было невозможным без участия Великобритании. Его тактика заключалась в том, чтобы дать экономическому блоку донести свое мнение до президента, но в конечном итоге рассматривать вопрос не как экономический, а как внешнеполитический, опираясь на поддержку госдепартамента. На международном уровне неблагоприятные последствия расширения следовало решать путем переговоров с ЕЭС, во время которых высказать свои опасения.

После длительных дебатов 3 июля 1970 г. СНБ утвердил меморандум «Политика США в отношении Европейского сообщества». В нем говорилось, что при проведении политики в отношении расширения ЕЭС правительство США:

1) будет поддерживать процесс европейской интеграции;
2) готово принять некоторые, но не чрезмерные экономические издержки, размер которых будет оцениваться по ходу переговоров стран-кандидатов с ЕЭС;
3) оставляет за собой право напомнить странам, ведущим переговоры, что они должны принимать во внимание права и интересы третьих стран в целях поддержания многосторонней торговой системы;
4) готово защищать свои экономические интересы соответствующими мерами, главным образом через ГАТТ[21].

Незадолго до подачи правительством Великобритании официальной заявки на вступление в ЕЭС британский посол в США Дж. Фримен докладывал в Лондон, что правительство Р. Никсона поддерживает расширение ЕЭС, исходя из политических и стратегических мотивов, но предупреждал, что США намерены защищать свои экономические интересы, что может вылиться во вмешательство в переговоры через американское представительство в ЕЭС, американского посла в Великобритании или посредством ГАТТ, с тем чтобы американские торговые интересы были приняты во внимание. Дж. Фримен рекомендовал Э. Хиту акцентировать политические аспекты вступления Великобритании в Общий рынок, связанные с укреплением Атлантического альянса, признать обоснованную обеспокоенность США экономическими последствиями расширения ЕЭС и поддержать начало нового раунда многосторонних торговых переговоров в ГАТТ[22].

Проделанная лейбористами работа во время второй попытки Великобритании присоединиться к ЕЭС позволила Э. Хиту оформить новую заявку всего через двенадцать дней после вступления в должность. Переговоры начались

30 июня 1970 г. Возглавлявший британскую делегацию А. Барбер заявил о том, что Великобритания полностью принимает Римские договоры 1957 г., включая Общую сельскохозяйственную политику (ОСП). Он также выразил особую поддержку тем инициативам, от которых Великобритания могла выиграть, таким как помощь развитию регионов и формирование общей внешней политики, что могло усилить голос Великобритании в мировых делах. Успех переговоров, по мнению Э. Хита, зависел от способности британского правительства убедить Францию в том, что Великобритания является европейской страной (а не островом у берегов Европы) и не будет использовать членство в ЕЭС для подрыва или размывания Сообщества[23].

Так как правительство Э. Хита принимало Сообщество таким, каким оно было, переговоры Великобритании с ЕЭС должны были носить чисто технический характер. Тем не менее они задевали такие чувствительные вопросы, как будущее отношений Великобритании со странами Содружества, переходный период, в том числе для британского сельского хозяйства, размер взносов в бюджет ЕЭС, постепенное внедрение в Великобритании законодательства и практик Сообщества. После вступления в ЕЭС Великобритания должна была отказаться от импорта продовольствия из стран Содружества в пользу более дорогостоящей сельскохозяйственной продукции из Сообщества, что особенно задевало интересы производителей из Новой Зеландии, стран Карибского бассейна и Фиджи. В ходе переговоров с ЕЭС Э. Хит был намерен защищать традиционные торговые связи Великобритании со странами Содружества.

Поскольку оба вопроса — преференциальные соглашения ЕЭС со странами Содружества и общая сельскохозяйственная политика сообщества — задевали американские торговые интересы, это вызвало трения в экономических отношениях между Великобританией и США. Введение таможенных сборов на сельскохозяйственную продукцию в качестве первого шага на пути перехода к ОСП поставило Великобританию в самый центр торгового конфликта между США и ЕЭС. В плане подготовки к вступлению в ЕЭС британское правительство решило постепенно вводить в Великобритании сельскохозяйственную систему Сообщества. 26 октября 1970 г. британское правительство объявило о намерении с весны 1971 г. отказаться от мер поддержки сельского хозяйства путем прямого субсидирования фермеров в пользу мер, принятых в странах ЕЭС, что означало повышение цен на сельскохозяйственную продукцию и введение подвижных импортных сборов. Таким образом правительство рассчитывало повысить производительность сельского хозяйства, сократить государственные расходы на поддержание фермеров и защитить их от внешнего демпинга[24].

Обеспокоенная последствиями таких изменений, коалиция двенадцати основных фермерских объединений США обратилась к президенту с требованием противостоять британской политике. 4 ноября 1970 г. госдепартамент сделал заявление, что новая сельскохозяйственная политика Великобритании задевает интересы американских экспортеров. Заявление не было согласовано

с СНБ и озвучено в неудачное время — незадолго до намеченного на декабрь 1970 г. визита Э. Хита в США. Госдепартамент информировал британское правительство и посольство Великобритании в Вашингтоне об опасениях американских производителей и экспортеров зерна и намерении правительства США защищать американские экспортные интересы всеми соответствующими способами[25]. В краткосрочной перспективе экономический ущерб для США от введения подвижных сборов был незначительным, но отсутствие реакции со стороны исполнительной власти могло усилить протекционистские настроения в Конгрессе. В долгосрочной перспективе повышение цен должно было привести к сокращению потребления в Великобритании и вследствие этого сокращению импорта. В министерстве сельского хозяйства США считали, что Великобритания должна изменить свою политику, и сомневались в том, что ее вступление в ЕЭС приведет к либерализации торговой политики сообщества.

В подготовленном в ноябре 1970 г. для Р. Никсона меморандуме Г. Киссинджер отмечал деликатность данного вопроса, который имел прямое отношение к вступлению Великобритании в ЕЭС. Он пояснял, что после вступления в ЕЭС Великобритания в любом случае должна будет принять правила и нормы ОСП, чему США не могут помешать. По мнению Г. Киссинджера, мягкий ответ на политику Великобритании был невозможен ввиду сильного и обоснованного давления со стороны американских фермеров, а жесткий ответ мог вызвать сомнения у англичан относительно американской поддержки вступления Великобритании в ЕЭС. Г. Киссинджер рекомендовал президенту одобрить совместные рекомендации госдепартамента и министерства сельского хозяйства. Они заключались в том, чтобы постараться убедить правительство Великобритании отложить введение новой системы до вступления в ЕЭС, в противном случае Соединенным Штатам следовало заявить о своем несогласии и защищать свои права в соответствии с нормами ГАТТ и по действующему до 1 июля 1971 г. пятистороннему соглашению по зерновым[26]. По правилам ГАТТ, США могли наложить вето на повышение цены, по зерновому соглашению — требовать компенсации. Рекомендации были одобрены президентом[27].

Во время визита Э. Хита в Вашингтон (16–18 декабря) британский премьер постарался объяснить Р. Никсону стратегию, которой придерживалось британское правительство. Он отметил, что намерен сначала ввести Великобританию в ЕЭС, а уже затем действовать исходя из общих американо-британских интересов. Э. Хит ясно дал понять, что прежде вступления в Общий рынок Великобритания не пойдет ни на какие уступки США, так как не хочет выглядеть американским «троянским конем». Великобритания сможет защищать американские интересы, пояснял британский премьер, только находясь внутри Сообщества. Он позволил себе напомнить Р. Никсону, что Великобритания стремилась в ЕЭС больше по политическим, чем по экономическим причинам и что США поддержали ее в этом[28].

Рост конкуренции с ЕЭС и нарастание недовольства экономического блока в американском правительстве стали причиной того, что во втором послании к конгрессу по вопросам внешней политики 25 февраля 1971 г. Р. Никсон подтвердил американскую поддержку расширения ЕЭС, но в то же время отметил нарастание торгового и валютного соперничества между США и странами Западной Европы[29]. США и Великобритания смогли остановить назревающий торговый конфликт. В марте 1971 г. стороны заключили соглашение об импорте зерна, согласно которому пошлины на сорго отменялись, ввоз кукурузы для промышленных целей освобождался от импортных сборов, минимальные импортные цены снижались. Минимальная импортная цена на зерно в 1971 г. устанавливалась на уровне в 3,5 фунта стерлингов за тонну (вместо 7 фунтов), в 1972 г. цена должна была повыситься не более чем до 6 фунтов. Соглашение было подписано на неопределенный срок и могло быть отменено по заявлению одной из сторон[30]. Правительство Великобритании с пониманием отнеслось к внутренним дискуссиям в администрации Р. Никсона и снизило цены, но в то же время избегало давать обещания, что, получив членство в ЕЭС, будет работать над изменением сельскохозяйственных цен Сообщества[31].

Другая группа противоречий между Великобританией и США, а также Великобританией и ЕЭС была связана с попытками Великобритании добиться ассоциации стран Содружества с ЕЭС и сохранить в силе соглашение по сахару со странами Карибского бассейна. В послевоенный период доля Содружества в общем объеме британской торговли неуклонно снижалась, но данный вопрос занял центральное место на переговорах с ЕЭС. Ввиду изменения характера отношений Великобритании с Содружеством в повестке дня ее переговоров с ЕЭС осталось только два основных вопроса: молочные продукты из Новой Зеландии и сахар из стран Карибского бассейна (для некоторых стран сахар был главным предметом экспорта). Великобритания просила для данных стран привилегированный доступ на рынок Сообщества, что могло составить конкуренцию французским продуктам.

Между США и Общим рынком усиливалась борьба за доступ на рынки развивающихся стран. Отношения ЕЭС с развивающимися странами, бывшими европейскими колониями, регулировались Яундскими конвенциями (1964–1969 и 1971–1975 гг.), которые ставили американских экспортеров в невыгодное положение. Согласно конвенциям, не только развивающиеся страны получали преференциальный доступ на рынок ЕЭС, но и товары из ЕЭС поступали на рынки развивающихся стран на льготных условиях (обратные преференции). С включением стран Содружества в данные соглашения, что являлось частью британской переговорной стратегии, число ассоциированных с ЕЭС стран могло увеличиться в четыре раза. По мере продвижения переговоров Великобритании с ЕЭС американские чиновники проявляли все бóльшую активность, чтобы донести свои опасения до Великобритании и ЕЭС и заставить их признать американские экономические интересы. В свою очередь правительство

Э. Хита старалось успокоить американцев, убеждая, что членство Великобритании в ЕЭС сделает Сообщество более ориентированным вовне[32].

Поскольку аргументы британской стороны казались Вашингтону неубедительными, 30 декабря 1970 г. госдепартамент официально представил свои возражения против соглашений об ассоциации со странами Содружества. Таким образом, возникла реальная угроза американского вмешательства в ход переговоров Великобритании с ЕЭС, чего так опасались британские чиновники[33]. Ситуация разрешилась после того, как англичане в терминах холодной войны объяснили Вашингтону, что последствием исключения стран Карибского бассейна из соглашений об ассоциации станет появление «новых Куб у берегов США», после чего госдепартамент снял свои возражения.

Помимо торговли со странами Содружества, в ходе переговоров Великобритании с ЕЭС обозначились такие проблемы, как ее финансовый вклад в общий бюджет Сообщества, роль фунта стерлингов как резервной валюты и наличие стерлинговых запасов. Франция настаивала на уплате Великобританией полной суммы взноса в бюджет ЕЭС и отказе от особого положения британской валюты, который мог стать препятствием для присоединения Великобритании к обсуждавшимся в Сообществе планам создания Экономического и валютного союза. Отказ фунта стерлингов от статуса ключевой валюты устраивал министерство финансов США, которое было настроено снять с себя обязательства по поддержанию британской валюты, вытекающие из Базельского соглашения 1968 г., и уступить роль гаранта ЕЭС.

Спорные вопросы были разрешены в результате неофициальных франко-британских переговоров. Решающая встреча Э. Хита и Ж. Помпиду состоялась 19–21 мая 1971 г. в Париже. В итоге Великобритания перестала настаивать на преференциях со своими бывшими колониями, обещала в будущем отказаться от роли фунта стерлингов в качестве резервной валюты и установить предел для официальных стерлинговых резервов в странах Содружества в качестве первой меры в направлении свертывания своих заморских финансовых обязательств[34]. Стороны договорились об установлении пятилетнего переходного периода для британской промышленности и сельского хозяйства. Было найдено решение в отношении гарантий для молочных продуктов из Новой Зеландии (90% масла и 80% сыра которой шло на британский рынок) в виде заключения с ней торговых соглашений и поэтапного снижения Великобританией импорта масла и сыра из данной страны. Был решен вопрос экспорта тростникового сахара из стран Содружества путем заключения данными странами соглашения об ассоциации с ЕЭС, либо прямых торговых соглашений. Великобритания заявила о готовности присоединиться к планам построения Экономического и валютного союза[35].

В ходе переговоров Великобритании с ЕЭС в отношении британских взносов в бюджет Сообщества было принято решение, что взносы будут увеличиваться постепенно в течение 5 лет. В итоге к 1977 г. Великобритания должна

была оплачивать 19% бюджета ЕЭС. Как с технической, так и с политической точки зрения наиболее комплексным вопросом являлась защита интересов стран Содружества, что было связано с разным уровнем развития данных стран и различиями между торговыми практиками в Великобритании и ЕЭС. Чтобы договориться об ассоциации стран Содружества с ЕЭС, можно было использовать часть 4 Римского договора или Яундскую конвенцию. По итогам переговоров было найдено следующее решение:

- девять стран не включались в ассоциацию с ЕЭС (Канада, Австралия, Новая Зеландия, Индия, Пакистан, Цейлон, Малайзия, Сингапур и Гонконг) — либо это были развитые страны, либо их экономики были менее зависимыми от британского рынка; в течение переходного периода в торговле с данными странами следовало перейти на общий внешний тариф ЕЭС;
- шестилетнее переходное соглашение для Новой Зеландии гарантировало доступ сыра и масла на европейский рынок;
- все британские зависимые территории, кроме Гонконга и расположенных в Европе территорий, получили статус ассоциированных по части 4 Римского договора;
- европейские территории получили полную ассоциацию по статье 227 Римского договора;
- независимые члены Содружества в Африке, Карибском бассейне, Индийском и Тихом океанах могли получить ассоциацию при перезаключении Яундской конвенции в 1975 г. (известна как Ломейская) или заключить двусторонние торговые соглашения с ЕЭС. После вступления Великобритании в ЕЭС и до перезаключения Яундской конвенции торговые соглашения между Великобританией и данными странами Содружества оставались в силе[36].

Договор о вступлении Великобритании, Дании, Ирландии и Норвегии в ЕЭС был подписан 22 января 1972 г. в Брюсселе. Договор предусматривал принятие Великобританией и другими странами прав и обязанностей Общего рынка с 1 января 1973 г. Полному членству в ЕЭС должен был предшествовать переходный период (1973–1977 гг.). Предполагалось, что за это время в основном произойдет приспособление экономик стран, вступивших в ЕЭС, к условиям хозяйствования в Общем рынке. Договор был вынесен на обсуждение в британском парламенте. Короткие шестидневные дебаты в палате общин закончились 28 октября 1972 г. Большинство депутатов поддержало условия, на которых Великобритания должна была вступить в ЕЭС. С 1 января 1973 г. Великобритания официально стала членом Сообщества.

Поскольку к началу 1970-х гг. ЕЭС уже представляло собой сформировавшееся экономическое сообщество, на правила игры в котором Великобритания уже не могла оказать решающего воздействия, она должна была принять институты и общий курс «шестерки» таковыми, какими они были на момент

вступления. Лондон рассчитывал нажить себе политический капитал в Сообществе через активное участие в процессе формирования общей внешней политики ЕЭС. Э. Хит считал, что без единой внешней и торговой политики Общий рынок не сможет противостоять другим центрам силы — США, СССР, Китаю или Японии[37].

Фактически Великобритания стала членом ЕЭС в первые же месяцы после подписания договора, не дожидаясь 1 января 1973 г., и даже до окончания дебатов в парламенте, что выражалось в участии английских представителей в работе Совета министров и Политическом комитете ЕЭС («комитет Давиньона»). В октябре 1972 г. недавно вступившие страны (кроме Норвегии, которая решила не ратифицировать договор в связи с отрицательными результатами референдума) приняли участие в Парижском саммите ЕЭС, на котором обсуждались вопросы создания валютного союза, региональной и социальной политики сообщества. Несмотря на протесты Вашингтона, в октябре 1972 г. Комиссия Европейских сообществ предложила гармонизировать все соглашения со странами Средиземноморья и подтвердить принцип обратных преференций.

В декабре 1972 г. Центральное разведывательное управление (ЦРУ) представило обзор, в котором анализировались последствия расширения ЕЭС для американо-западноевропейских отношений. Эксперты ЦРУ отмечали рост торговли между странами Западной Европы в ущерб их торговле с Соединенными Штатами (см. табл.). Они предупреждали, что число преференциальных соглашений ЕЭС с третьими странами будет расти за счет ряда европейских стран (Швейцария, Финляндия, Исландия, Норвегия, Швеция, Португалия) и некоторых стран Содружества[38], что приведет к значительному росту дискриминации американского экспорта. В обзоре говорилось, что Вашингтону не стоит в ближайшее время рассчитывать на сокращение единого внешнего тарифа и изменения в Общей сельскохозяйственной политике Сообщества. Эксперты отмечали, что Великобритания, которая могла бы выиграть от снижения цен, принимала ОСП как цену за вступление в ЕЭС, и не собиралась ничего делать, рассчитывая компенсировать расходы за счет развития промышленной и региональной политики сообщества[39].

Торговля отдельных стран с США и ЕЭС в составе 9 стран (1971 г.)[40]

Страна	Экспорт в США (в %)	Импорт из США (в %)	Экспорт в ЕЭС (в %)	Импорт из ЕЭС (в %)
ЕЭС («девятка»)				
ФРГ	10	13	47	57
Италия	10	9	49	47
Франция	6	10	61	59
Бельгия-Люксембург	7	6	73	70
Нидерланды	4	10	72	60
Великобритания	12	11	29	30

Страна	Экспорт в США (в %)	Импорт из США (в %)	Экспорт в ЕЭС (в %)	Импорт из ЕЭС (в %)
Дания	8	8	42	45
Ирландия	11	9	64	50
Остальные члены ЕАСТ				
Австрия	4	4	8	64
Финляндия	5	5	46	43
Исландия	37	10	31	50
Норвегия	7	6	54	43
Португалия	10	7	43	46
Швеция	7	8	51	55
Швейцария	9	7	47	69
Другие страны				
Испания	15	16	47	42

Избранная правительством Р. Никсона тактика отстраненности в ходе переговоров Великобритании с ЕЭС, несомненно, сыграла положительную роль и помогла британским политикам довести их до успешного завершения. Правительство Р. Никсона поддержало вступление Великобритании в ЕЭС главным образом по политическим соображениям, полагая что «британский глобальный опыт и прагматический стиль»[41] смогут направить политику Сообщества в более приемлемое для Вашингтона русло. Однако к тому времени, как Великобритания стала членом ЕЭС, перед американским правительством остро встал вопрос об экономических издержках процесса расширения.

Ожидания политических дивидендов от вступления Великобритании в ЕЭС в виде влияния на политику Сообщества также оказались несколько преувеличенными. После вступления в Общий рынок Великобритания стала пользоваться привилегиями членства в Сообществе и демонстрировать лояльность по отношению к его политике. В течение пятилетнего переходного периода ей предстояло постепенно выровнять свои сельскохозяйственные цены с ценами в Содружестве, перейти на принятую в сообществе систему поддержки фермеров с помощью пороговых и интервенционистских цен, ввести единый внешний тариф в торговле с третьими странами. Несмотря на связи с Содружеством и мировые интересы, она не спешила начинать борьбу за изменение ОСП[42]. В Вашингтоне сетовали на то, что Великобритания предпочла «особым отношениям» членство в ЕЭС, что она следует политике Сообщества и не хочет ничего менять.

Как отмечают современные британские историки, американским политикам было трудно приспособиться к реалиям британского членства в ЕЭС. Они ожидали от англичан в первый год нахождения в Сообществе гораздо большего, чем те могли добиться. В Вашингтоне слишком медленно происходило

осознание того, что с вступлением в ЕЭС началась новая эпоха в истории Великобритании и новая глава в американо-британских отношениях, в которой «прежнее интимное качество дипломатического диалога между Лондоном и Вашингтоном было нарушено разделением лояльности и новыми приоритетами Великобритании, вызванными вступлением в ЕЭС»[43]. Лондон столкнулся с реальными трудностями в балансировании между европейскими обязательствами и «особыми» отношениями. Э. Хит честно предупреждал Р. Никсона, что он принимает американские интересы во внимание, но связан политикой Сообщества[44].

Именно «разделенная лояльность» стала причиной прохладного отношения британского премьера к выдвинутой Г. Киссинджером в апреле 1973 г. инициативе по укреплению трансатлантических отношений (предложение объявить 1973 г. «годом Европы»). Однако охлаждение в американо-британских отношениях оказалось недолгим. Уже в 1974 г., после смены лидеров в Лондоне и Вашингтоне (Р. Никсон был вынужден покинуть свой пост в связи с Уотергейтским скандалом, в Великобритании после поражения консерваторов Э. Хита сменил Г. Вильсон) союзники вернулись к прежнему уровню доверия. При лейбористах усилилось критическое отношение к Общему рынку вплоть до требования пересмотреть условия членства Великобритании в ЕЭС. Одновременно с этим выросло стремление к проведению политики, основанной на сотрудничестве и консультациях с Соединенными Штатами.

---

1 *Wilson H.* The Labour Government 1964–1970: a Personal Record. L.: Weidenfeld and Nicolson, 1971. P. 394.

2 Foreign Relations of the United States (FRUS). 1969–1976. Vol. 41. Western Europe; NATO, 1969–1972. Washington: US Government Printing Office (GPO), 2012. P. 950.

3 *Липкин М. А.* Британия в поисках Европы: долгий путь в ЕЭС, 1957–1974 гг. М.: Алетейя, 2009. С. 154.

4 Там же. С. 166; *Heath E.* The Course of My Life: My Autobiography. London: Hodder & Stoughton, 1998. P. 361.

5 FRUS. 1969–1976. Vol. 41. P. 971–972.

6 *Pine M.* Britain, Europe, and the "Special Relationship": Finding a Role 1967–1972 // Beyond the Customs Union: the European Community's Quest for Deepening, Widening and Completion, 1969–1975 / Ed. by J. van der Harst. Baden-Baden: Bruylant / Nomos, 2007. P. 127–129.

7 FRUS. 1969–1976. Vol. 41. P. 484–485.

8 Цит. по: *Guderzo M.* The US Perception of EC Enlargement: Cold War Constraints and Empire-Building, 1962–73 // The External Relations of the European Union: Historical and Contemporary Perspectives / Ed. by P. Winand, A. Benvenuti, M. Guderzo. Brussels: P. I. E Peter Lang, 2015. P. 250.

9 First Annual Report to the Congress on United States Foreign Policy for the 1970's. February 18, 1970 // Public Papers of the Presidents of the United States: Richard Nixon. 1970. Washington: US GPO, 1971. P. 127.

[10] FRUS. 1969–1976. Vol. 41. P. 982.
[11] *George S.* An Awkward Partner: Britain in the European Community. New York: Oxford University Press, 1996. P. 49.
[12] *Young J. W.* Britain and the European Unity 1945–1999. Basingstoke: Macmillan Press, 2000. P. 101.
[13] *Brummer J. A.* Anglo-American Relations and the EC Enlargement, 1969–1974: PhD dissertation. London: University College, 2012. P. 52.
[14] Ibid. P. 10, 97–98.
[15] FRUS. 1969–1976. Vol. 3. Foreign Economic Policy; International Monetary Policy, 1969–1972. Washington: US GPO, 2001. P. 69.
[16] FRUS. 1969–1976. Vol. 41. P. 968.
[17] Летом 1970 г. в Конгресс был внесен торговый билль об увеличении барьеров против импорта, особенно обуви и текстиля. Билль, направленный против стран Западной Европы и Японии, продвигал влиятельный председатель бюджетной комиссии палаты представителей У. Милл.
[18] FRUS. 1969–1976. Vol. 41. P. 129–133.
[19] *Kissinger H.* The White House Years. London: Simon & Schuster, 1979. P. 427–428.
[20] FRUS. 1969–1976. Vol. 41. P. 135.
[21] Ibid. P. 179.
[22] *Brummer J. A.* Anglo-American Relations and the EC Enlargement, 1969–1974. P. 96.
[23] *Heath E.* The Course of My Life. P. 363–364.
[24] *Brummer J. A.* Anglo-American Relations and the EC Enlargement, 1969–1974. P. 133–134.
[25] Department of State Bulletin. November 30, 1970. P. 667. Сумма экспорта американского зерна в Великобританию в 1969 г. составила 100 млн долларов.
[26] Соглашение (1968–1971 гг.), устанавливающее гарантированный доступ на британский рынок, было заключено Великобританией с США, Канадой, Аргентиной и Австралией. Введение пошлин требовало перезаключения соглашения, так как иначе вступали в силу правила ГАТТ о компенсации. См.: *Brummer J. A.* Anglo-American Relations and the EC Enlargement, 1969–1974. P. 136.
[27] FRUS. 1969–1976. Vol. 41. P. 991–994.
[28] Ibid. P. 998–999.
[29] Second Annual Report to the Congress on United States Foreign Policy. February 25, 1971 // Public Papers of the Presidents of the United States: Richard Nixon. 1971. Washington: US GPO, 1972. P. 229–233.
[30] FRUS. 1969–1976. Vol. 41. P. 1012–1013; *Brummer J. A.* Anglo-American Relations and the EC Enlargement, 1969–1974. P. 142.
[31] *Brummer J. A.* Anglo-American Relations and the EC Enlargement, 1969–1974. P. 227.
[32] *Pine M.* Britain, Europe, and the "Special Relationship": Finding a Role 1967–1972. P. 126.
[33] *Brummer J. A.* Anglo-American Relations and the EC Enlargement, 1969–1974. P. 151.
[34] С уходом фунта стерлингов в свободное плавание в июне 1972 г. стерлинговая зона постепенно разрушалась, хотя проблема запасов фунтов существовала до конца 1970-х гг.
[35] Более подробно о переговорах Великобритании с ЕЭС см.: *Липкин М. А.* Британия в поисках Европы. С. 167–174.
[36] From the Six to the Twelve: the Enlargement of the European Communities / Ed. by F. Nicholson and R. East. Harlow: Longman, 1987. P. 69–70.
[37] *Heath E.* The Course of My Life. P. 392.
[38] В июле 1973 г. девять стран ЕЭС и страны Африки, Карибского бассейна и Тихого океана (АКТ) начали переговоры о перезаключении Яундской конвенции. 28 февраля 1975 г. они подписали Ломейскую конвенцию, которая отменила обратные преференции, таким образом уменьшив конфликт в американо-европейских торговых отношениях. В подписании конвенции участвовали 46 стран АКТ, из которых 22 страны являлись членами Содружества.
[39] FRUS. 1969–1976. Vol. 41. P. 358–365.

[40] Ibid. P. 361.
[41] *Kissinger H.* The White House Years. P. 938.
[42] From the Six to the Twelve... P. 69.
[43] *Jones M.* "A Man in a Hurry": Henry Kissinger, Transatlantic Relations, and the British Origins of the Year of Europe Dispute // Diplomacy & Statecraft. 2013. Vol. 24. P. 78.
[44] *Spelling A.* Edward Heath and Anglo-American Relations 1970–1974: a Reappraisal // Diplomacy & Statecraft. 2009. Vol. 20. P. 647.

References

BRUMMER J. A. Anglo-American Relations and the EC Enlargement, 1969–1974: PhD dissertation. London: University College, 2012.

From the Six to the Twelve: the Enlargement of the European Communities / Ed. by F. Nicholson and R. East. Harlow: Longman, 1987.

GEORGE S. An Awkward Partner: Britain in the European Community. New York: Oxford University Press, 1996.

GUDERZO M. *The US Perception of EC Enlargement: Cold War Constraints and Empire-Building, 1962–73* // The External Relations of the European Union: Historical and Contemporary Perspectives / Ed. by P. Winand, A. Benvenuti, M. Guderzo. Brussels: P.I.E Peter Lang, 2015. P. 250.

JONES M. "*A Man in a Hurry*": *Henry Kissinger, Transatlantic Relations, and the British Origins of the Year of Europe Dispute* // Diplomacy & Statecraft. 2013. Vol. 24. P. 78.

LIPKIN M. A. Britaniya v poiskah Evropy: dolgii put v EEC, 1957–1974. Moscow: Aleteiya, 2009.

PINE M. *Britain, Europe, and the "Special Relationship": Finding a Role 1967–1972* // Beyond the Customs Union: the European Community's Quest for Deepening, Widening and Completion, 1969–1975 / Ed. by J. van der Harst. Baden-Baden: Bruylant / Nomos, 2007. P. 127–129.

SPELLING A. *Edward Heath and Anglo-American Relations 1970–1974: a Reappraisal* // Diplomacy & Statecraft. 2009. Vol. 20. P. 647.

YOUNG J. W. Britain and the European Unity 1945–1999. Basingstoke: Macmillan Press, 2000. P. 101.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

О. Г. Лекаренко. Реакция администрации Р. Никсона на вступление Великобритании в ЕЭС // Петербургский исторический журнал. 2023. № 4. С. 115–131

Аннотация: В статье рассматривается отношение правительства Р. Никсона к заявке и переговорам о вступлении Великобритании в Европейское экономическое сообщество (ЕЭС). На основе опубликованных документов госдепартамента США и мемуаров американских и британских политических деятелей анализируются причины поддержки администрацией Р. Никсона третьей заявки Великобритании на вступление в ЕЭС, а также оценка последствий расширения ЕЭС для политических и экономических отношений США с Великобританией и Сообществом. Рассматриваются внутренние политические дискуссии в США по вопросу о последствиях расширения ЕЭС, развернувшиеся между госдепартаментом и экономическим блоком: министерства торговли, финансов и сельского хозяйства, офис специального представителя президента по торговым переговорам. Правительство Р. Никсона учло ошибки своих предшественников и отказалось от активной демонстрации поддержки членства Великобритании в ЕЭС, что положительно сказалось на ходе переговоров. Во время переговоров Великобритании с ЕЭС были задеты чувствительные для внешнеэкономических интересов США вопросы — переход Великобритании к нормам Общей сельскохозяйственной политики ЕЭС и поддержка интересов стран Содружества путем заключения преференциальных соглашений о торговле — которые едва не привели к торговому конфликту между Вашингтоном и Лондоном. Правительство Р. Никсона

встало перед дилеммой — как согласовать американскую заинтересованность в политическом единстве Европы с экономическими проблемами, которые создает расширение. После вступления Великобритании в ЕЭС британское правительство демонстрировало лояльность политике Сообщества, что стало причиной временного короткого охлаждения в американо-британских отношениях.

Ключевые слова: американо-британские отношения, Великобритания, Г. Вильсон, внешняя политика США, европейская интеграция, Европейское экономическое сообщество, Г. Киссинджер, Р. Никсон, расширение ЕЭС, Э. Хит.

FOR CITATION

Oksana G. Lekarenko. Reaction of the R. Nixon administration to the Great Britain's entry into the EEC // Petersburg historical journal, no. 4, 2023, pp. 115–131

Abstract: The article examines the attitude of the R. Nixon government to the application and negotiations on the Great Britain's entry into the European Economic Community (EEC). On the basis of published documents and memoirs of American and British politicians, the paper analyzes the reasons for the Nixon administration's support for the third application of Great Britain to join the EEC, as well as an assessment of the consequences of the EEC enlargement for the US political and economic relations with Great Britain and the Community. The internal political discussions in the United States on the issue of the consequences of the enlargement of the EEC, which unfolded between the Department of State and the economic bloc: the Ministries of Trade Finance and Agriculture, the Office of the Special Representative of the President for trade negotiations, are considered. R. Nixon government took into account the mistakes of its predecessors and refused to demonstrate active support for Britain's membership in the EEC, which had a positive effect on the course of negotiations. During the negotiations between Great Britain and the EEC, issues sensitive to US foreign economic interests were touched upon — the transition of Great Britain to the norms of the Common Agricultural Policy of the EEC and support for the interests of the Commonwealth countries through the conclusion of preferential trade agreements — which almost led to a trade conflict between Washington and London. R. Nixon government faced the dilemma of how to reconcile American interest in the political unity of Europe with the economic problems that enlargement creates. After the entry of Great Britain into the EEC, the British government demonstrated loyalty to the policy of the Community, which caused a temporary short cooling in the US-British relations.

Key words: US-British relations, Great Britain, H. Wilson, US foreign policy, European integration, European Economic Community, H. Kissinger, R. Nixon, EEC enlargement, E. Heath.

Автор: **Лекаренко, Оксана Геннадьевна** — д. и. н., доц., заведующая кафедрой новой, новейшей истории и международных отношений Национального исследовательского Томского государственного университета.

Author: **Lekarenko, Oksana G.** — Dr. of Sciences (History), Chair of the Department of Modern and Contemporary History and International Relations, National Research Tomsk State University.

E-mail: olekarenko@gmail.com

УДК 904+908+91
DOI: 10.51255/2311-603X_2023_4_132

И. Н. Юркин

Петровские опыты картографирования верховья Дона и вопрос о его истоке

Представления европейской географической науки об истоке Дона долгое время оставались смутными[1]. С античной эпохи, от Геродота, прослеживается версия, согласно которой река Танаис вытекает из большого озера[2]. Наряду с ней существовала и другая точка зрения, согласно которой исток Дона находился в горах. Некоторые авторы (из наиболее известных — Страбон) выбирали осторожную позицию: ограничивались констатацией того, что исток Танаиса неизвестен[3]. Озерная и горная версии долго сосуществовали; их отражения можно встретить в географических сочинениях Средневековья и раннего Нового времени. Одним из сторонников озерной версии был С. Герберштейн. Служащее источником Дона большое озеро нередко видим на европейских картах даже XVIII в. При этом сведения о посещениях этого района путешественниками в западноевропейской литературе того времени отсутствуют. Вытекающим из озера представляли Дон и ранние русские картографы. В «Книге Большому чертежу» читаем: «Река Дон вытекла из озера, от Дедилова верст с 30, и потекла под Епифань; да ис тово же Иваня озера потекла река Шат и пала в реку в Упу»[4].

Первые попытки картографирования местности, в которой находился исток Дона, относятся ко времени строительства Ивановского канала — водного транспортного пути, который должен был соединить верховье Дона с реками Шат и Упа бассейна Оки. К реализации этого амбициозного проекта приступили летом 1701 г. Строительство продолжалось около 20 лет, но завершено

не было. Царь посетил канал по меньшей мере дважды: до начала строительства (вероятно, в июне 1701 г.[5]), а также в феврале 1703 г., когда уже были построены первые шлюзы.

Трасса водного пути протянулась приблизительно на 220 верст. Примерно на ее середине, на границе Веневского и Епифанского уездов (современная Тульская область), располагалось упомянутое Иван-озеро, из которого, как по меньшей мере со времени «Книги Большому чертежу» считали в Московском государстве, вытекал Дон. (В одном из списков «Книги...» вместо процитированного выше отрывка, упоминающего об истоке Дона, присутствует другой, на первый взгляд ему противоречащий: сказано, что «река Дон вытекла ис чистово поля»[6]. Оба варианта могут отражать один объект в разном его состоянии. В засушливые годы небольшое и мелкое Иван-озеро частично высыхало, частично превращалось в болото, с края которого из-за высокой растительности зеркала открытой воды не было видно.)

Проектная документация по каналу, которая должна была включать план местности вокруг Иван-озера, не сохранилась или не выявлена. Однако она, несомненно, существовала, и строители ею располагали. Заключаем это из слов руководившего работами стольника князя М. П. Гагарина, присутствующих в его письме главе Разрядного приказа боярину Т. Н. Стрешневу. В октябре 1701 г. князь писал, что «зачел делать конал против чертежа, какову ему быть ради судового ходу»[7].

По инструкции, полученной при отправлении Гагарина к месту работ, какие-то измерения он должен был производить еще в дороге. Данное ему задание требовало осуществить «меру и осмотр воденого пути», в чем городовым воеводам предписывалось Гагарину помогать. Любопытно, что требование содействовать было послано из Разрядного приказа в города не только тех уездов, через которые позднее прошел канал. В список рассылки были включены еще два уезда, Алексинский и Данковский, примыкавшие к началу и концу канала. Исток Дона и его верховье находились в самой середине этой длинной ленты.

Неизвестно, занимался ли направлявшийся к Иван-озеру Гагарин, кроме осмотра местности, еще и, как ему предписывалось, измерением «воденого пути». Впрочем если и занимался, едва ли получил больше того, что можно было снять на проселочной дороге с помощью мерного колеса. Гагарин спешил и специально задерживаться ради измерений, полагаем, не стал бы. Если он все же успел что-то измерить, то эти измерения могли быть в дальнейшем использованы при создании карт.

Существуют данные, позволяющие не гадательно, а вполне предметно говорить о картографировании наиболее интересной части его маршрута — района истока Дона. Они относятся к октябрю 1701 г. и отражают географическую ситуацию, какой она сложилась по истечении примерно двух месяцев строительных работ у Иван-озера. Довольно подробные сведения о сделанном за это время дают два столбца, сохранившиеся в фонде Разрядного приказа, который

осуществлял организационно-техническое обеспечение этих работ. Преимущественно из них и почерпнут излагаемый далее материал[8].

Строительство воднотранспортного пути началось с расчистки и углубления озера и отходивших от него водотоков: рек Дона, Шата и Урванки. Тогда же были отрыты первые выемки, которым предстояло стать руслом судоходного канала. Одновременно строились «хоромы» — деревянный путевой дом для собиравшегося приезжать государя. С самого начала работа пошла бойко, в связи с чем Гагарин то и дело обращался в Разрядный приказ за помощью, требуя людей и материалы. Однако о состоянии дел перед приказом так долго не отчитывался, что это обеспокоило последний.

Можно предположить следующее объяснение поведению Гагарина. По состоянию на 1701 г. его контакты с Петром были ограничены — в ближний круг царя он не входил, переписки у них не было. Поручение строить канал князь воспринял, вероятно, как удачу — успешное его выполнение открывало возможность карьерного роста. Скорее всего, Гагарин получил задание лично от Петра. Иное нам кажется невозможным — слишком масштабным по затратам ресурсов был этот проект, чтобы инструктировать руководителя через указ и посредников. Если так, то возможно, что Гагарин надеялся, пользуясь случаем, установить прямой контакт с царем, для чего о положении дел отчитывался (или рассчитывал отчитываться) перед ним лично. Но ресурсами стройку обеспечивал Разрядный приказ. Его руководство, расходовавшее их и не получавшее сведений, насколько эффективны траты, такое положение не устраивало. С целью прояснить ситуацию 30 сентября 1701 г. к Гагарину из приказа был отправлен инспектор — подьячий Петр Поликострицкий. Ему предстояло выяснить, какое у озера поставлено «хоромное» строение (т. е., по сути, готов ли объект к его посещению царем), а также «сколько зделано перекопного дела и чего не доделано». Кроме того, Поликострицкому поручили потребовать, чтобы Гагарин постройки и «перекопное дело» описал, а также «тому всему» изготовил чертеж со всякою подлинною ведомостью». Сообщив, «вскоре ль... перекопное дело зделано будет», он должен был отослать свой чертеж с Поликострицким в Москву. Подьячему полученные материалы (отписку, описание и чертеж с ведомостью) надлежало доставить в приказ[9].

Во исполнение этих требований по прибытии Поликострицкого к озеру здесь приступили к изготовлению географического чертежа, фиксировавшего состояние местности после начала гидротехнических работ. Чертеж создавался с участием местного управленческого персонала. Заключаем это из того, что сделать его было поручено, как мы помним, М. П. Гагарину, а тот мог выполнить задание, только перепоручив его кому-то из подчиненных. Сам Гагарин, предваряя возможные претензии, связанные с качеством созданного под его руководством плана, в упомянутом письме Т. Н. Стрешневу винился: «...чертежа, государь, написать лутче того было некому; написал великим неучением потому, государь, что место пустынное».

Хотя качественно чертить и рисовать было некому, чертеж был изготовлен и через Поликострицкого доставлен в Разрядный приказ. Скорее всего, как и проектные материалы, он не сохранился. Однако его географическое содержание, как установлено нами, нашло отражение в других документах, благодаря чему может быть частично восстановлено.

Основными источниками для восстановления служат два документа.

Первый — приказная выписка, излагающая содержание документов, полученных от М. П. Гагарина, а в ней та ее часть, которая начинается словами «По тому чертежу, каков прислал в Разряд князь Матвей Гагарин перекопному делу октября в 14 числе 1701-го года»[10]. Дальше описано содержание чертежа с прибавлением данных о размерных характеристиках объектов и расстояниях между ними. В выписке сообщены размеры и глубина Иван-озера: в длину 96 саженей, поперек 64 сажени, глубина 3 сажени. Мы уже обращали внимание на эти цифры, интересные уже тем, что они отражают результат первого в истории точного измерения водоема, упомянутого Геродотом[11].

Далее выписка сообщает протяженность и характеристики расчищенных участков русел трех естественных водотоков этого района. Шат и Урванка были расчищены на участке в 15 саженей, Дон — 10 саженей. Расчищенные участки имели одинаковую ширину (3 сажени) и глубину (1 сажень 2 чети). Кроме расчищенных естественных русел, к этому времени уже существовали несколько искусственных водотоков (каналов). Один, узкий, длиной 1620 саженей, тянулся от озера к Дону. Его ширина по подошве составляла 6 аршин, а глубина в большей его части — 3 аршина, в меньшей (230 саженей) — 5 аршин. Кроме того, велась выборка грунта для второго, более широкого (24 аршина) канала. На момент измерения он тянулся от Дона уже на 300 саженей (при стандартной глубине в 3 аршина) и продолжал строиться. Дальше, от расчищенного старого русла Дона или от канала (что вероятнее), донская вода уходила в естественное русло реки («И от того места потекла свободно река Дон»).

Обратим внимание на то, что созданные строителями на донском участке канальные выемки имели разную ширину: существовал длинный узкий канал и еще один, более короткий (он строился), в четыре раза более широкий, чем предыдущий. Этому факту могут быть даны различные объяснения. Одно из них предполагает разное назначение каналов: широкий могли предназначать для судоходства, тогда как узкому отводили вспомогательную роль — создавали, например, в качестве деривационного для отвода воды в ходе строительства или во время весеннего половодья.

В существовании разноширокого каналов можно усмотреть и свидетельство корректировки проекта в ходе работ. К подобным корректировкам прибегали, когда по ходу строительства изменялось положенное в основу проекта техническое задание (требования к нему). Такое случалось, если исходные требования оказывались недостаточно продуманными, или уже в процессе работы возникали решения, стоившие того, чтобы переделать уже сделанное.

Известный пример — изменения в планировке и застройке Васильевского острова петровского времени. По рассказу Я. Штелина, «государь позабыл точно назначить ширину улиц и каналов или предоставил сие благоразумию тех, которым поручено было строение, думая, что они сообразно главного намерению сего дела не преминут назначить ширину каналов». По возвращении из-за границы он сел в шлюпку и отправился на Васильевский остров. «Там приказал государь вымерять ширину некоторых из первых каналов и улиц и, нашедши, что улицы по обе стороны канала вместе с самым большим каналом едва были не у́же одного амстердамского канала без улиц, весьма разгневался, вскричал “Все испорчено!” — и возвратился во дворец»[12]. Если сосуществование у Иван-озера каналов разной ширины объясняется сходной причиной, то видим, что на момент составления чертежа здесь на уничтожение построенного не решились.

Помимо описания гагаринского чертежа, существует еще один документ, отразивший его содержание, и он, вполне согласуясь с первым, обогащает представление о недоступном прямому изучению памятнике новыми данными. Его появление связано с тем, что в Разрядном приказе при анализе привезенного чертежа возникли вопросы по его содержанию. Прояснить их попросили побывавшего у озера подьячего В. Поликострицкого. Запись устных его пояснений — и есть второй документ, дополняющий информацию об отсутствующем чертеже[13]. Он начинается с перечня выявленных неясностей: «По чертежу в скольких саженях от перекопного дела и от Ивановского озера государевы хоромы не написано, и через конал дорога написана, и в том месте как ездят, по мосту ль, не подписано, и речка Урванка в Ывановское озеро как впала».

Цитированный текст и комментарий к чертежу, полученный от Поликострицкого, во-первых, подтверждает то, что нам было известно о топографическом содержании чертежа, — что на нем были изображены озеро, каналы и дорога, пересекавшая один из них (в описании: «...от дороги, что через канал ездят до рубежа веневского»). Полагаем, на нем были показаны и уже построенные к этому времени на берегу озера государевы хоромы — иначе было бы спрошено, где они находятся, а не уточнялась подразумевающая их деталь: на каком расстоянии от озера и канала они расположены. Обратим внимание и на то, что сразу за описанием гидрографической ситуации в выписке следует подробная характеристика «хоромного строения» — полагаем близость этих разделов не случайной.

Во-вторых, ответы Поликострицкого упоминают о деталях чертежа, в первом документе не отмеченных. Так, выясняется, что на одном из каналов существовало «некопоное место» (земляная перемычка, дамба) шириною в сажень. Ее назначение было двояким: по ней через канал ходили работные люди, кроме того, она запирала озерную воду, чтобы та «коналом не шла, и чтоб озеро водою не оскудело». В конце абзаца Поликострицкий привязывает эти сведения к вопросу про переправу через канал. Создатели чертежа, по-видимому, затруд-

нились с отображением на чертеже такого редкого объекта, как земляная перемычка, и решили не изображать ничего. «И потому, — объясняет он, — некопоному месту в том месте нет».

В-третьих, источник (комментарий Поликострицкого) позволяет судить о способе отображения информации. Из того, что по чертежу было невозможно определить расстояние между объектами, заключаем, что созданный под началом Гагарина план местности был выполнен в традиции древнерусского географического чертежа, метричностью не обладавшего.

Особый интерес представляют вопрос и ответ, касающиеся устья речки Урванки. Напомним, что Поликострицкого спросили, как она впала в Иван-озеро. Он понял его в смысле указания на первоначальное, до начала работ, положение устья. «А речка Урванка, — ответил он, — до перекопного места в Ыановское ль озера шла или нет — про то не ведает». Свою некомпетентность информатор объяснил тем, что «от Ы[ва]новского озера перекопное дело до него зделано», подразумевая, что земляные работы изменили рельеф местности. К тому времени, когда он прибыл, старого устья уже не существовало. Урванка впадала в Дон, а Дон вытекал из озера. Как видим, уже в первые месяцы работ естественные водотоки на трассе водного пути на отдельных участках могли претерпеть существенные изменения.

Возможный перенос устья Урванки интересен не только тем, что указывает на трансформации рельефа и, шире, ландшафта, происходившие в данном районе. Они самым непосредственным образом связаны с, казалось бы, давно закрытым вопросом об истоке Дона. Как было установлено в середине 1890-х гг. трудами гидротехнического отдела Экспедиции для исследования источников главнейших рек Европейской России, исток речки Урванки, первого правого притока Дона, лежит выше горизонта вод Иван-озера, в связи с чем именно Урванку следует считать началом Дона, а ее исток — истоком Дона[14]. Данное положение стало общепринятым, и мы по отношению к нашему времени, когда Дон отрезан от Шатского водохранилища (поглотившего Иван-озеро) железной дорогой, не собираемся его оспаривать.

В обсуждаемом документе фигурирует вариант смыкания водотоков, который с этим представлением расходится. Вслушаемся в вопрос, заданный Поликострицкому в Разрядном приказе: «...речка Урванка в Ыановское озеро как впала?» Его спросили о том, *как* (т. е. по какому руслу, в каком месте), а не о том, *куда*. Последнее спрашивающему ясно, он прямо объявил об этом в самом вопросе — в Иван-озеро. Поликострицкий с ним не согласился, но и не опроверг. Имеет ли смысл придавать значение мнению неизвестного сотрудника приказа? Во всяком случае, обратить на него внимание стоит. Уже из того, что при чтении чертежа проявился интерес к крошечному, длиной около 5 км, водотоку, говорит о том, что спрашивавший что-то о нем уже знал и, задавая вопрос Поликострицкому, пытался свои знания расширить (именно так, а не исправить).

Итак, Урванка первоначально могла впадать не в Дон, а в Иван-озеро. Из данного факта можно вывести интересные следствия, позволяющие по-новому взглянуть на вопрос об истоке Дона.

Полевые исследования 1895 г. Экспедиции для исследования источников главнейших рек показали, что из Иван-озера в меженный период ручья по долине Дона не вытекает, соответственно, что озеро его не питает. Причина этого состоит в слишком малом падении (уклоне) долины Дона — по измерениям, выполненным в том году, всего 12 саженей на участке от озера до Епифани. Вся озерная вода уходила в Шат, долина которого имела, вероятно, больший уклон. Соответственно, если Урванка до 1701 г. впадала в озеро, ее воды также должны были уходить в Шат, в связи с чем считать ее исток истоком Дона нельзя. Что же тогда считать его истоком? Вероятно, какие-то слабые ключи вдоль собственной его долины в ее начале. Кроме того, как полагали составители отчета Экспедиции, избыток вешних вод также мог направляться в долину Дона[15]. Поскольку установить места слабо сочащихся ключей в покрытой густой растительностью долине невозможно, по состоянию на XVII в. и раньше полагаем допустимым считать, что источником реки являлось Иван-озеро, подпитывавшее Дон временными водными потоками.

Этот вывод, сделанный благодаря привлечению вводимого в оборот документа (см. Приложение 2), неожиданен. При этом важно, если вспомнить, что вопрос об истоке Дона занимал умы географов с античной эпохи и лишь сравнительно недавно, в конце XIX в., получил разделяемое всеми решение — что истоком Дона является исток Урванки. Не стремясь к этому и этого не ожидая, для допетровской эпохи мы вернулись к варианту, закрепленному старейшей историографической традицией.

На наш взгляд, умозаключения и вывод из них логически корректны. К сожалению, изучением речной сети в нынешнем ее состоянии подтвердить этот вывод невозможно. Строители петровского канала необратимо изменили гидрографию участка местности в районе нижней Урванки и верховья Дона, а водохранилище, созданное в начале 1930-х гг., еще и затопило значительную его часть.

Итак, чертежа верховья Дона петровского времени в нашем распоряжении нет. Но за короткое время, в течение которого он гарантированно существовал (был создан и использовался), этот документ успел оставить отчетливый и информационно емкий отпечаток. Выполненный в архаичной технике, он все же был продуктом новой, петровской эпохи. Чертеж верховья Дона 1701 г. возник в ходе реализации масштабного проекта, воплощавшегося в реальность в местах, еще не изученных географической наукой. Строители канала, не ставя перед собой научных задач, тем не менее сделали первый шаг в направлении этих задач решения.

В заключение отметим некоторое сходство описанной ситуации с той, которая сложилась в отношении Большого чертежа Московского государства годуновского времени. Тот чертеж был утрачен, но осталось его описание 1627 г.,

само по себе представляющее собой ценнейший памятник истории географических знаний. Отраженный описанными текстами след нашего картографического памятника — чертежа 1701 г. местности в районе истока Дона — содержит неизмеримо меньше географической информации. Однако, учитывая особое значение местности, которую он отобразил, важен и он. Ценность возрастает, если учесть, что, хотя более ранние опыты создания планов этого района, возможно, предпринимались (в частности, при подготовке к строительству канала), о них ничего не известно.

Приложение

1. 1701 г., октября до 14. — **Выписка с описанием чертежа, полученного Разрядным приказом от М. П. Гагарина** (*отрывок*)

По тому чертежу, каков прислал в Разряд князь Матвей Гагарин, перекопному делу октября в 14 числе 1701-го года:

К Ивановскому озеру реки Шату росчищено 15 сажен шириною 3-х сажен, глубиною 1 аршин 2 чети.

Ивановского озера длина 96 саж[е]н, поперег 64 сажени, глубина 3 сажен.

Из Ывановского озера речки Урванки росчищено до каналу 15 сажен шириною 3 сажен, глубиною 1 аршин 2 чети.

А от того места к реке Дону коналу копано 1620 сажен, шириною того коналу по подошве 6 аршин глубиною 3-х аршин.

А от дороги, что через канал ездят да рубежа веневского, на 230 саженях копано глубины по 5 аршин.

Зачат конал от реки Дону в 300-х саженях шириною 24 аршин глубиною 3-х аршин.

Реки Дону росчищено 10 сажен шириною 3-х сажен, глубиною в 1 аршин 2 чети.

И от того места потекла свободно река Дон.

РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. Д. 790. Л. 167–169.

2. 1701 г., октября после 14. — **Сказка подьячего П. Поликострицкого с пояснениями к чертежу, привезенному им с Иван-озера**

По чертежу в скольких саженях от перекопного дела и от Ивановского озера государевы хоромы, не написано, и через конал дорога написана, и в том месте как ездят, по мосту ль, не подписано, и речка Урванка в Ывановское озеро как впала — о том розрядной подьячей Петр Поликастрицкой, которой с тем чертежем приехал, сказал:

Хоромы де великого государя от Ивановского озера в 50 саженях и больши и от перекопного дела, построены на горе; да у того ж озера с приезду

по Московской дороге село Ивановское Юрьи Федорова сына Лодыженского, церковь Иоанна Предтеча от государевых хором саженях в 50 ж или больши, что он не мерял, а до крестьянских дворов от церкви с полтораста и больши.

А через конал ездят работные люди *в табор, а сме... оставлено некопоного места с сажень, чтоб ис Ывановскаго озера вода*[16] коналом не шла и чтоб озеро водою не оскудело, и потому некопоному месту в том месте нет.

А до веневского рубежа копоно глубе канал в 5 аршин для того, что в том месте была земля выше Ивановского озера.

А коналу, которой зачал шириною в 24 аршина, а в трех аршинною сажень будет 8 сажень, зделано длиною на 50 сажен, а другую 50 сажень при нем зачал делать.

А речка Урванка до перекопного места в Ывановское ль озера шла или нет, про то не ведает, что от Ыновского озера перекопное дело до него зделано.

А ныне де пущена она в конал, что от Ывановского озера выше перемычки.

А коналом от озера до перемычки и от перемычки до речки Дону ездили они в ушколе свободно.

А Шат река от Ивановского озера куды пала, того де он не ведает.

РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. Д. 790. Л. 204 — 204 об.

---

1 *Юркин И. Н., Калита С. П.* В поисках истока Дона: от античных географов до авторов первого его изображения // Вестник Академии наук Чеченской республики. 2019. № 2 (45). С. 120–125.

2 Река Танаис «течет сверху, беря начало из большого озера, и впадает в еще большее озеро под названием Меотида» (*Геродот*. История: в 9 кн. Л., 1972. С. 207). По мнению современного комментатора, под Танаисом Геродот подразумевал современный Донец (Там же. С. 522).

3 *Страбон*. География: в 17 кн. Л., 1964. С. 468.

4 Книга Большому чертежу. М.; Л., 1950. С. 77.

5 Возможно, имел место еще один предшествовавший началу строительства его приезд на Иван-озеро.

6 Книга Большому чертежу. М.; Л., 1950. С. 77.

7 РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. Д. 790. Л. 167.

8 Более подробно обстоятельства создания чертежа рассмотрены в работе: *Юркин И. Н.* Географический чертеж 1701 г. — первый план местности в районе истока Дона // Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова. Годичная науч. конф., 2010. М., 2011. С. 415–418. Главный для настоящей статьи вопрос об истоке Дона в ней не обсуждался.

9 РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. Д. 790. Л. 157, 158.

10 Там же. Л. 167–169.

11 *Юркин И. Н.* Географический чертеж 1701 г... // Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова. Годичная науч. конф., 2010. М., 2011. С. 417.

12 Петр Великий. Воспоминания. Дневниковые записи. Анекдоты. Париж; М.; Нью-Йорк, 1993. С. 348. Та же история, но короче, присутствует в собрании А. К. Нартова (Там же. С. 283).

[13] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. Д. 790. Л. 204 — 204 об.
[14] Труды Экспедиции для исследования источников главнейших рек Европейской России, изд. начальником Экспедиции, генерал-лейт. А.А. Тилло. Бассейн Дона. Исследования Гидротехнического отдела 1895 г. Бассейн верховьев р. Дона до устья р. Непрядвы, бассейн р. Непрядвы и бассейн верховьев р. Красивой Мечи до устья р. Гоголя. СПб., 1897. С. 6–7.
[15] Там же. С. 2.
[16] В рукописи часть текста, ограниченная звездочками, содержит сложную правку; прочтение допускает варианты.

References

GERODOTUS. *Istoriya*: v 9 kn. [History: in 9 books. In Russ.]. Leningrad, 1972.

Kniga Bol'shomu chertezhu [Book of the Big Drawing. In Russ.]. Moscow; Leningrad, 1950.

STRABO. *Geografiya*: v 17 kn. [Geography: in 17 books. In Russ.]. Leningrad, 1964.

Trudy Ekspedicii dlya issledovaniya istochnikov glavnejshih rek Evropejskoj Rossii, izd. nachal'nikom Ekspedicii, general-lejt. A. A. Tillo. Bassejn Dona. Issledovaniya Gidrotekhn. otdela 1895 g. Bassejn verhov'ev r. Dona do ust'ya r. Nepryadvy, bassejn r. Nepryadvy i bassejn verhov'ev r. Krasivoj Mechi do ust'ya r. Gogolya [Proceedings of the Expedition to study the sources of the main rivers of European Russia, published by the head of the Expedition, Lieutenant General A. A. Tillo. Don River drainage basin. Research by the Hydrotechnical Department in 1895. The drainage basin of the upper reaches of the Don River to the mouth of the Nepryadva River, the drainage basin of the Nepryadva River and the basin of the upper reaches of the Beautiful Sword River to the mouth of the Gogol River. In Russ.]. St. Petersburg, 1897.

Petr Velikij. Vospominaniya. Dnevnikovye zapisi. Anekdoty [Peter the Great. Memories. Diary entries. Jokes. In Russ.]. Paris; Moscow; New York, 1993.

YURKIN I.N. *Geograficheskij chertezh 1701 g. — pervyj plan mestnosti v rajone istoka Dona* [Geographical drawing of 1701 — the first plan of the area near the source of the Don. In Russ.] // Institut istorii estestvoznaniya i tekhniki im. S.I. Vavilova. Godichnaya nauchnaya konferentsiya, 2010. Moscow, 2011. P. 415–418.

YURKIN I.N. *Petr ZHeleznyj* (*Petr Velikij i tul'skij kraj: fakty, gipotezy, dokumenty*) [Peter Iron (Peter the Great and the Tula region: facts, hypotheses, documents)]. St. Petersburg, 2012.

YURKIN I. N., KALITA S. P. *V poiskah istoka Dona: ot antichnyh geografov do avtorov pervogo ego izobrazheniya* [In search of the source of the Don: from ancient geographers to the authors of its first image. In Russ.] // Vestnik Akademii nauk Chechenskoj respubliki. 2019. No. 2 (45). P. 120–125.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

И. Н. Юркин. Петровские опыты картографирования верховья Дона и вопрос о его истоке // Петербургский исторический журнал. 2023. № 4. С. 132–142

Аннотация: В «Истории» Геродота, наиболее раннем источнике, содержащем сведения о Танаисе (Доне), сообщается, что его истоком является большое озеро. В древнерусской традиции («Книга Большому чертежу») также считалось, что Дон вытекает из некого «Иваня-озера». Экспедиционные исследования конца XIX в. установили, что из Иван-озера постоянного стока в Дон нет, а истоком Дона является исток реки Урванка. В настоящее время этот взгляд является общепринятым. Но из этого не следует, что так было всегда. Автор статьи привлек документы Разрядного приказа, касающиеся строительства Ивановского канала — крупнейшего гидротехнического проекта петровской эпохи. Они содержат описание географического чертежа района Иван-озера, составленного под руководством М. П. Гагарина в 1701 г., через несколько месяцев после начала работ. На основании анализа этих документов автор высказал предположение, что до начала строительства канала река Урванка впадала не в Дон, а в Иван-озеро. Большая часть озерной воды и сейчас и прежде стекала в Шат, туда же уходили

воды Урванки. В этом случае для периода до начала строительства канала истоком Дона правильнее считать Иван-озеро, поскольку во время половодья избыток воды из него уходил в долину Дона. Соответственно в допетровский период более вероятной представляется идущая от Геродота «озерная» версия истока Дона. Возможно, строительство канала при Петре I, изменив устье Урванки, изменило при этом и исток Дона.

***Ключевые слова*:** Петр I, М. П. Гагарин, географический чертеж, Иван-озеро, Дон, Шат, Урванка, Ивановский канал, исток Дона, Разрядный приказ.

FOR CITATION

I. N. Yurkin. Peter's experiments in mapping the upper reaches of the Don and the question of its source // Petersburg historical journal, no. 4, 2023, pp. 132–142

Abstract: In the "History" of Herodotus, the earliest source containing information about Tanais (Don), it is reported that its source is a large lake. In the ancient Russian tradition (*Book of the Big Drawing*) it was also believed that the Don flows from a certain Ivan-ozero ("Ivan-lake"). Expeditionary research of the late 19th century found that there is no constant flow from Ivan-ozero to the Don, and the source of the Don is the source of the Urvanka River. This view is currently generally accepted. But this does not mean that it has always been so. The author of the article drew documents from the Discharge Order concerning the construction of the Ivanovsky Canal, the largest hydrotechnical project of the Petrine era. They contain a description of the geographical drawing of the Ivan-lake region, compiled under the direction of M. P. Gagarin in 1701, a few months after the start of work. Based on the analysis of these documents, the author suggested that before the start of construction, the Urvanka river did not flow into the Don, but into Ivan-ozero. Most of the lake water now and before flowed into the Shat, and the waters of Urvanka also went there. In this case, for the period before the start of the construction of the canal, it would be more correct to consider Ivan-ozero as the source of the Don, since during the flood, excess water from it went into the Don valley. Accordingly, in the pre-Petrine period, the "lake" version of the source of the Don, coming from Herodotus, seems more likely. It is possible that the construction of the canal under Peter I, having changed the mouth of the Urvanka, also changed the source of the Don.

***Key words*:** Peter I, M. P. Gagarin, geographical drawing, Ivan-ozero, Don, Shat, Urvanka, Ivanovsky Canal, source of the Don, Razryadnyy prikaz.

Автор: **Юркин, Игорь Николаевич** — д. и. н., доц., главный научный сотрудник Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН.

Author: **Yurkin, Igor Nikolaevich** — Dr. of Historical Sciences, Associate Professor, Chief Researcher of the Institute of the History of Natural Science and Technology named after S. I. Vavilov RAS.

E-mail: ig-yurkin@yandex.ru

УДК 94(47).063
DOI: 10.51255/2311-603X_2023_4_143

Е. С. Стецкевич

«Королевский географ», механик, камнерез: Исаак Брукнер (1686–1762) на службе в Российской империи

Исаак Брукнер (Bruckner) жил в Российской империи с 1733 по 1748 г., работая первоначально в Императорской Академии наук и художеств в Санкт-Петербурге (далее — Академия наук), а затем в Кабинете Ее Императорского Величества (далее — Кабинет Е. И.В.). До настоящего времени биография Брукнера не получила полного освещения в научной литературе, хотя его имя упоминается специалистами в области научного приборостроения[1] и исследователями искусства художественной обработки камня в России[2]. До сих пор отсутствует полный список российских учеников Брукнера, не составлен исчерпывающий перечень его работ, не описаны детали его службы в Российской империи. Целью данной публикации является изучение деятельности мастера в России и прежде всего — анализ его вклада в развитие камнерезного художества.

Исаак Брукнер родился в Базеле (Швейцария) в семье протестантского священника Иоганна Генриха Брукнера в 1686 г. Он начал свою профессиональную деятельность в качестве гравера и резчика медалей, вступив в соответствующую гильдию в 1712 г.[3] Исаак по своим интересам оказался близок к когорте швейцарских ученых, математиков и механиков, наиболее авторитетным из которых являлся Иоганн I Бернулли (1647–1748).

В 1722 г. Брукнер создал свой первый глобус, а затем в 1722–1725 гг. сконструировал удобную поворотную стойку для него, улучшив предыдущее

жесткое крепление. Вследствие этого он получил европейскую известность. В 1725 г., имея рекомендацию от Бернулли, он прибыл в Париж, где в Академии наук представил земной глобус, впоследствии преподнесенный королю Людовику XV. Брукнер был удостоен титула «Королевский географ» и избран 3 февраля 1725 г. в члены-корреспонденты Парижской академии наук[4].

В свидетельстве Парижской академии мастер был аттестован как географ, ведущий переписку «о географических материях» с астрономом Ж. Кассини (1677–1756) и обещающий впредь «сообщать свои открытия и обсервации» для «любопытства ученых»[5]. Это свидетельство являлось предметом гордости, гарантом научного статуса, обеспечивая определенный доход. Президент шведской Академии наук К. Р. Берк, пребывавший в Петербурге в 1735–1736 гг., счел необходимым отметить: Брукнер «благодаря механическим изобретениям заслужил себе во Франции доброе имя и пенсию, которую будет получать, пока может удостоверять своими аттестатами, что еще жив»[6].

После 1725 г. Брукнер приобрел европейскую известность как человек сведущий в географии, точных науках и инструментальный мастер. В российской Академии наук в это время уже работали несколько швейцарских механиков, физиков и математиков — Я. Герман (1678–1733), Д. Бернулли (1700–1782), Л. Эйлер (1707–1783), активно подыскивавших достойные кандидатуры для службы в Петербурге. Так, Эйлер высоко ценил работы Брукнера по географии и хвалил его за умение делать географические карты и оптические инструменты. Первую попытку переехать в Россию механик предпринял в 1727 г., но только в 1733 г. получил приглашение поступить на академическую службу на основании рекомендаций соотечественников[7].

Первый контракт был заключен с Брукнером 8 октября 1733 г. сроком на 4 года с обязательством выполнять все, что «до географии и механики касается»[8]. В академическом штате он числился механиком и обучал учеников механическому художеству, имея годовое жалованье в 500 руб.[9] В 1735 г. он фактически возглавлял Инструментальную палату[10].

Художественные палаты (мастерские) появились в составе Академии наук на рубеже 1720–1730-х гг. для создания научных приборов, рисунков, иллюстраций, оформления географических карт и книг, обеспечения шрифтами типографии. Исследователи выделили 13 мастерских, существовавших в первой половине XVIII в. — Словолитная, Пунсонная, Переплетная, Рисовальная, Гравировальная, Ландкартная, Фигурная (Типография гравированных фигур), Камнерезная, Резная (или Скульптурная), Столярная, Инструментальная, Токарная и Оптическая палаты[11].

В Инструментальной палате Брукнер изготавливал астролябии, солнечные часы-глобусы, компасы; изобретал новые инструменты; занимался починкой инструментов; принимал участие в экспертизах машин и механизмов (например, корильонов); писал трактаты[12]. Берк свидетельствовал, что «фабрикой геометрических и астрономических инструментов управляет г-н Брюкнер...

Мастера, работающие у него, — немцы, но подмастерья и ученики — русские; среди них есть уже люди с хорошими навыками»[13]. В России сохранились подписные инструменты, изготовленные швейцарцем при участии русских мастеров. Это универсальные солнечные часы-глобус, поднесенные Академией наук императрице Анне Иоанновне в 1735 г. (ныне в собрании Государственного Эрмитажа), и такой же прибор, подаренный императрице Елизавете Петровне в 1746 г. (ныне в собрании Оружейной палаты Московского Кремля). Исследователи отмечают высокое качество изготовления приборов, подчеркивая, что Брукнер был первоклассным гравером и покрывал поверхность земных глобусов точными картами[14]. Аналогичный прибор без подписи мастера находится в собрании МАЭ РАН (Кунсткамера)[15].

Интересы Брукнера не ограничивались только географией и инструментальным художеством. В декабре 1734 г. он предложил Академии купить у него минералы, инструменты для их обработки и обучать учеников-камнерезов. Таким образом, он фактически положит начало Камнерезной мастерской и возглавит ее. Пока не удалось установить, какой именно породы были эти минералы, однако солидное вознаграждение в размере 241 руб. 50 коп. свидетельствует о том, что как они, так и инструменты были хорошего качества[16]. Предложение Брукнера, несомненно, явилось ответом на растущий интерес русского императорского двора к разработке месторождений агата и яшмы в России и их использованию при оформлении дворцов, парков, создании предметов декоративно-прикладного искусства. В 1735 г. Академия наук была даже вовлечена в поиски за границей искусных каменотесов для российских месторождений, поскольку отечественных мастеров еще не хватало[17].

Для обработки минералов в первой половине XVIII в. использовали пильные и полировальные мельницы, одна из которых с петровских времен существовала в Петергофе[18]. Эта мельница сгорела в 1731 г., но на этом же месте была построена новая. 2 июня 1735 г. Анна Иоанновна издала именной указ о постройке водяной мельницы «для шлифования и полирования при Академии наук всяких найденных в здешнем государстве ясписовых (яшмовых. — *Е. С.*) и прочих камней»[19]. Строительство мельницы, изготовление и оборудование механизмами, найм рабочего персонала, закупка материалов осуществлялись Канцелярией от строений по указаниям, полученным из Академии наук и составленным на основе рекомендаций Брукнера.

Возведение мельницы датировано А. И. Богдановым 1736 г.[20] Однако работы начались лишь весной 1737 г., когда Брукнер указал потребные материалы, механизмы и перечислил необходимых мастеровых[21]. На Сестрорецких заводах под контролем мастера и находившегося при нем слесаря П. Веэра были изготовлены три железные машины для шлифования и полирования камней[22]. Для проживания Брукнера около мельницы был отведен двор и построен дом[23]. В Петергофе вместе с механиком трудился полировальных и шлифовальных дел мастер Л. Дисель[24].

В новом контракте Брукнера, заключенном в 1738 г. на последующие четыре года, мастеру вменялось в обязанность иметь дирекцию и «окончить» мельницу, а также прилежно обучать данных учеников. С этого года сам мастер проживает в Петергофе, выставив на продажу свой дом в Петербурге[25]. Уже в мае к Брукнеру на мельницу отправляют солнечные часы для починки и академических учеников[26].

Минералы для экспертизы и обработки поступали в Академию достаточно регулярно. 1 марта 1737 г. Брукнер получил камни, присланные в Петербург статским советником И. К. Кирилловым, начальником Оренбургской экспедиции в 1734–1737 гг.[27] Вероятно, именно о них упоминал Берк при описании Академии: «Было также положено начало гравированию на камне. Мне показали кусок превосходного агата, привезенного статским советником Кириловым из Бухарской области на Каспийском море; на камень была нанесена мелкая травчатая резьба. Были еще представлены образцы красивых сортов мрамора из той же страны, и поэтому туда отправили камнетесов с заданием наломать мрамор и проверить, годится ли он для нового дворца и Петергофа»[28].

Затем минералы присылали из Кабинета Е. И. В., куда они поступали от В. К. Татищева, возглавлявшего Оренбургскую экспедицию в 1737–1739 гг. В Академию в 1739 г. были доставлены на четырех возах яшмовые камни «трех колеров»: красный, красный с зеленым, печеночный с красным[29]. Оценку минералов и возможности их использования производил Брукнер. По окончанию строительства мельницы крупные камни из Петербурга перевозили в Петергоф, что требовало больших физических, временных и финансовых затрат.

Петергофская мельница стала первой в России, на которой обрабатывали минералы твердых пород — гранит, яшму, агат, хрусталь. Опись минералов 1740 г. дает нам представление о том, какие виды работ выполнялись на мельнице: «2 больших агатовых камня, из которых надлежало сделать тарелки»; 70 шт. отполированных яшмовых и агатовых камней; не до конца отполированные «малой и большой руки» мраморные камни; «14 недоделанных досок... ясписовых и агатных табакерошных с крышками»; заготовки для ясписовых овальных рам к зеркалам; печатки, табакерки; большой агат, из которого начали точить блюдо; «рюмка с подносом ясписовая, недоделанная». На двух камнях были начаты портреты недавно почившей императрицы Анны Иоанновны— один на зеленой яшме, второй на красном агате[30]. Документы свидетельствуют о том, что на мельнице в 1739 и 1741 гг. сам Брукнер работал над агатом и большой зеленой яшмой[31].

Академия истратила на заведение мельницы, перевозку минералов и поездки мастеров огромную сумму — 616 руб. 26 коп.[32] В октябре 1740 г. в Кабинет Е. И. В. было подано прошение о передаче мельницы из Академии в Канцелярию от строений, имевшее положительное решение. В прошении отмечалось, что посредством трудов Брукнера мельница приведена в такое состояние, что на ней можно «всяких сортов каменья, сосуды и прочее... шлифовать и оную

ко всяким в сем художествам потребностям употреблять»[33]. Однако осмотр мельницы, осуществленный в мае 1741 г. комиссией, состоявшей из резного дела мастера К. Оснера, инспектора Т. Фонармуса (Д. Ван Аммерс старший) и мельничного мастера Я. К. Кейзера, показал, что машины, приводившиеся в движение водой и предназначенные для распиловки и полирования больших экземпляров минералов, все еще не готовы. На малых ручных машинах можно было шлифовать небольшие камни на портреты и табакерки; вырезать нутро табакерок; распиливать, шлифовать и полировать мелкие камни на печати и табакерки; производить огранку мелких камней, изготавливать блюда и тарелки[34]. Таким образом сполна обнажились главные недостатки построенной мельницы — на ней не столько использовалась водяная сила, сколько ручной труд, а зимой она была непригодна для работы[35].

После передачи мельницы в Канцелярию от строений ученики Брукнера были разделены на две части[36]. Трое — С. Бабаев (Бабачев), К. Плотников, В. Павлов, обученные «работать на малых ручных машинах» и способные «к гранильному и шлифовальному делам», в январе 1741 г. были переведены на службу в Канцелярию от строений[37].

Пятеро других остались в штате Академии наук. С мая 1738 г. на мельнице «для обучения резанию на камнях» находились ученики рисовального художества Ф. Я. Краюхин (1724–1778), И. С. Романов (1724–?) и «резного дела ученик» А. С. Спиридонов (?–?)[38]. Позже к ним присоединились М. Шматинин (?–?) и Михаил (по другим данным Семен) Никитин[39]. Академические ученики Брукнера были выделены в отдельную категорию — «каменорещики», а сами себя они аттестовали как в «камнях резного художества ученики»[40].

В марте 1742 г. Брукнер одновременно со многими другими служащими художественных палат был уволен из Академии наук по причине перерасхода денежных средств[41]. Но в июне 1744 г. он снова поступил на службу для окончательного, до «совершенства», обучения своих воспитанников. Мастер вновь занимался изготовлением и починкой инструментов, а также при необходимости работал с минералами. Например, в феврале 1745 г. ему было поручено распилить «большой камень томпас (топаз — *Е. С.*) в мелкие штуки» для «вырезывания на оных императорской фамилии»[42].

Академические воспитанники Брукнера достигли значительных успехов, приобретя широкую палитру навыков. Спиридонов в 1744 г. был удостоен звания подмастерья «резного на камне художества»[43]. Краюхин и Романов в 1745 г. перечислили все умения, полученные от Брукнера: камнерезное художество, «резьба по стали, меди и кости», мастерство «в стали и меди портреты и прочие дела резать и на воску пуссировать»[44]. Они были обучены сталь делать такой мягкой, как олово, а также «выливать» стеклянные портреты. Однако они показали, что медальерному делу обучились «не до совершенства»[45]. Шматинин, описывая свои навыки, указал, что освоил мастерство изготовления табакерок, набалдашников для тростей,«овалистых и треугольных печатей по присланным

образцам», мог «фурмовать и выливать из стекла» разные портреты[46]. Впоследствии Краюхин и Романов продолжили обучение у мастера Пунсонной палаты И. Купи (1686–1759[47]). Романов с 1757 г. служил в Монетной канцелярии. Краюхин в 1756 г., получив звание мастера «медальерного, пунсонного и камнерезного художеств», возглавил Пунсонную палату Академии. Под его началом продолжили службу Шматинин и Спиридонов [48].

В апреле 1745 г. Брукнер был окончательно уволен из Академии наук и перешел на службу в Кабинет Е. И.В. Контракт был заключен 1 мая 1745 г. на 3 года с годовым жалованьем в 600 руб. Брукнер брал на себя обширные обязательства: «Полировать крепкие каменья... на разные штуки, а особливо карнизы и прочие надобности... резную работу на тех же крепких камнях с ревностью... исправлять». Мастер был готов выполнять «модели новейшим и полезнейшим машинам»; изготовить компасные стрелы из магнита; привести в совершенство «якорную машину»; предъявить квадрант для измерения «высоты градусов на море»; показать более совершенный способ «морские карты сочинять»; сделать и установить универсальные солнечные часы, такие же как уже были изготовлены в 1735 г.; учить астрономической географии и некоторым «прочим математическим искусствам» учеников, «в том числе и в изготовлении инструментов». Механик не отказывался и от возможной поездки на места месторождений минералов, чтобы там отбирать пригодные к полированию камни и на месте их «пиловать в пристойные штуки»[49].

На постоянной основе Брукнер проживал в Петербурге и в домашней мастерской немедленно приступил к изготовлению обещанного экземпляра универсальных солнечных часов, смонтированных на глобусе, в дар императрице Елизавете Петровне. Всю необходимую помощь в материалах, инструментах и помощниках оказала Академия наук[50]. После подписания контракта развернулась служебная переписка о необходимых починках на Петергофской мельнице, закупках наждака для распиловки камней[51], о возвращении в подчинение Брукнера трех прежних учеников — Бабаева, Павлова и Плотникова[52]. Документы свидетельствуют о том, что в 1746 г. механик вместе с учениками полировал красного цвета сердолики для изготовления табакерок, гранил хрусталь для украшения пряжек[53]. Большие минералы обрабатывали на мельнице, а с мелкими он предпочитал работать в столице на ручных машинах[54].

В 1747 г. из Оренбурга на мельницу доставили большую партию минералов: «большие камни красные... с зелеными и с белыми травами, а иные дымчатые... порфир»; средней величины «с разными травами»; «оренбургский камень желтой яшмы»; «самарские агатовые разных цветов»[55]. Об интенсивности производимых работ свидетельствует значительное число учеников, находившихся при Брукнере. С ним вместе работали «для обучении разрезки и шлифования камней» Плотников, Бабаев, Павлов; два солдата, ранее присланные из Оренбурга «с каменьями», — А. Угоревский и П. Щеглов, а также семеро подростков: «школьники из каменщичьих детей» —Ф. Москвин, М. Максимов, И. Иванов,

А. Михайлов; «Стрельнинской мызы садовых учеников дети» — И. Бибиков, С. Лукин, И. Завалеников. Для проживания Брукнера возле мельницы вновь были отстроены жилые двухкомнатные покои[56]. Мастер «трудился неотлучно» для Кабинета Е. И.В.[57], часть работ выполнялась для «прочих придворных команд» и Канцелярии от строений[58].

В июне 1748 г. Брукнер получил отставку и был волен свободно выехать за границу или остаться в России[59]. Его место занял англичанин, мастер гранения алмазов и бриллиантов И. Боттом (1711–1778), открывший новый этап развития камнерезного искусства в России[60].

Брукнер возвратился в Европу в 1748 г. В Пруссии, продемонстрировав свои глобусы Фридриху Великому и Прусской академии наук, он был должен изготовить земной глобус для прусского короля[61]. Начальнику прусской земельной геодезии графу С. фон Шметтау мастер посвятил атлас, изданный в Берлине и состоявший из 12 морских карт[62]. В 1749 г. Брукнер побывал в Голландии, Англии и Франции. Для штатгальтера Нидерландов Вильгельма IV Оранского он изготовил серебряный земной глобус. С февраля 1751 г. Брукнер жил на родине в Базеле, где по заказу Городского совета в 1754–1755 гг. совместно с Д. Бернулли создал земной глобус из позолоченной меди. С 1753 г. до своей кончины Брукнер читал лекции по географии, механике и геометрии, используя глобус и модели в Базельском университете. Три глобуса, изготовленные Брукнером, ныне хранятся в Базельском историческом музее[63].

Таким образом, в биографии Брукнера отражены важные черты эпохи европейского Просвещения: открытость границ, уважение научных знаний при дворах европейских монархов, тесный союз науки и художеств. Мастер имел в России значительное число учеников в инструментальном и камнерезном художествах. Созданные им научные приборы хранятся в крупнейших музейных собраниях Европы. С именем швейцарского механика связаны первые опыты по художественной обработке южно-уральских минералов на Петергофской шлифовальной мельнице, становление Камнерезной палаты в Академии наук и начальный этап развития камнерезного искусства в России.

---

1 *Майстров Л. Е.* Научные приборы исторического значения. М., 1968. С. 22, 28–29; *Бренева И. В.* История Инструментальной палаты Петербургской Академии наук. СПб., 1999. С. 49–51; *Лупанова Е. М.* «Человек излишний и держать его не подлежало...»? Исаак Брукнер и солнечные часы-глобус его работы в МАЭ РАН (Кунсткамере) // Кунсткамера. 2019. № 3 (5). С. 76–84.

2 *Пронина И. А.* Декоративное искусство в Академии художеств. Из истории русской художественной школы XVIII— первой половины XIX века. М., 1983. С. 31; *Мавродина Н. М.* Искусство русских камнерезов XVIII–XIXвеков: каталог коллекции. СПб., 2007.С. 27–28.

[3] *Schneewind W.* Der Basler Globenmacher Isaak Bruckner (1689–1762) // Der Globusfreund. 1953. No. 2 (Oktober). P. 23.
[4] Ibid. P. 24.
[5] РГИА. Ф. 468. Оп. 36. № 187. Л. 14.
[6] *Беспятых Ю. Н.* Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. СПб., 1997. С.189.
[7] *Мументалер Р.* Швейцарские ученые в Санкт-Петербургской Академии наук. XVIII век. СПб., 2009. С. 28–30.
[8] Материалы для истории Императорской Академии наук (далее — Материалы). СПб., 1885–1900. Т. 1–10. Т. 2. С. 391–392.
[9] Там же. С. 502, 611.
[10] *Бренева И. В.* История Инструментальной палаты Петербургской Академии наук. С. 49–51.
[11] Гравировальная палата Академии наук XVIII века. Сборник документов / Сост.: М. А. Алексеева, Ю. А. Виноградов, Ю. А. Пятницкий. Л., 1985. С. 12; *Бренева И. В.* История Инструментальной палаты Петербургской Академии наук. С. 6; *Суслова Е. Н.* Михаил Павлович Павлов — скульптор XVIII века. М.; Л., 1957. С. 11. Ср.: *Малиновский К. В.* Художественные связи Германии и Санкт-Петербурга в XVIII веке. СПб., 2007. С. 220; использованное И. А. Прониной название «палата пунсонного и резного дела» не встречается в академических документах, см.: *Пронина И. А.* О преподавании декоративно-прикладного искусства в XVIII веке // Русское искусство XVIII века. Материалы и исследования. М., 1973. С. 81.
[12] *Лупанова Е. М.* «Человек излишний и держать его не подлежало...»? С. 81–82.
[13] *Беспятых Ю. Н.* Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. С.189.
[14] *Майстров Л. Е.* Научные приборы исторического значения. С. 22, 28–29; *Матвеев В. Ю.* Солнечные, звездные и лунные часы в собрании Государственного Эрмитажа. СПб., 2018. С. 17, 142.
[15] См.: *Лупанова Е. М.* «Человек излишний и держать его не подлежало...»? Автор безоговорочно, опираясь на аналоги, описывает прибор как творение Брукнера, не приводя документальных подтверждений. Однако для точного определения авторства необходима дальнейшая работа с источниками.
[16] Материалы. Т. 4. С. 473.
[17] Там же. Т. 2. С. 75.
[18] *Шарубин Н. Г.* Очерки Петергофа и его окрестностей. СПб., 1868. С. 49–50; *Ардикуца В. Е.* Одна из первых гранильных фабрик России // Советские архивы. 1970. № 4. С. 108–110; *Кальницкая Е. Я.* Начиналось в Петергофе // Опыт сохранения культурного наследия: проблемы реставрации камня: Сб. материалов межд. науч.-практ конференции. ГМЗ «Петергоф», 17–19 сентября 2014 г. СПб., 2014. С. 17.
[19] *Гейрот А. Ф.* Описание Петергофа. 1501–1868. СПб., 1868. С. 62.
[20] *Богданов А. И.* Историческое, географическое и топографическое описание Санктпетербурга: От начала заведения его, с 1703 по 1751 год. СПб., 1779. С. 135.
[21] Материалы. Т. 3. С. 387–388.
[22] Там же. С. 195.
[23] Там же. С. 151, 160
[24] Там же. Т. 4. С. 652.
[25] Санкт-Петербургские ведомости. 1738. 1 августа.
[26] Материалы. Т. 3. С. 702–703.
[27] Там же. С. 351.
[28] *Беспятых Ю. Н.* Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. С. 189.
[29] РГИА. Ф. 468. Оп. 36. № 187. Л. 18.
[30] Материалы. Т. 4. С. 520–522.
[31] Там же. С. 253–254, 265–266, 727.
[32] Только одна поездка Брукнера в Петергоф и обратно обходилась в 2 руб. (Материалы. Т. 4. С. 473–477).

[33] РГИА. Ф. 490. Оп. 1. № 65. Л. 5.
[34] Материалы. Т. 4. С. 648–657.
[35] Очевидно, что такой же недостаток был присущ и пильной мельнице в Адмиралтействе, возведенной по проекту Брукнера в 1739 г. (Материалы. Т. 4. С. 222–223, 236, 395–396).
[36] В дореволюционной и современной научной литературе повторяются сведения о четырех учениках, работавших на мельнице в конце 1730-х гг. — трех обученных гранению и одного — полированию и шлифованию. См.: *Шарубин Н. Г.* Очерки Петергофа и его окрестностей. С. 50; Императорская Петергофская гранильная фабрика // История уделов за столетие их существования. 1797–1897. С. 584; *Мавродина Н. М.* Искусство русских камнерезов XVIII–XIX веков. С. 27. Однако комплекс документов Академии наук свидетельствует о наличии существенно большего числа воспитанников, см.: Материалы. Т. 7. С. 221.
[37] Там же. Т. 4. С. 548.
[38] Там же. Т. 3. С. 702–703.
[39] Там же. Т. 2. С. 705; *Ровинский Д. А.* Подробный словарь русских граверов XVI–XIX вв. Т. 1–2. СПб., 1895. Т. 1. Стб. 207–208.
[40] Материалы. Т. 3. С. 550–551; Т. 7. С. 221.
[41] Там же. Т. 5. С. 64–66.
[42] Там же. Т. 7. С. 280–281.
[43] Там же. С. 86; Т. 8. С. 556.
[44] Пуссировать, боссировать (от франц. bosse) — срисовывать или лепить с боса (в данном случае — модель из воска или гипса для уроков рисования, лепки).
[45] Материалы. Т. 7. С. 353–354, 390.
[46] Там же. С. 354.
[47] Даты жизни И. Купи впервые установлены на основе архивных документов, см.: СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 7. № 65. Л. 19, 57.
[48] Там же. Л. 11, 19.
[49] РГИА. Ф. 468. Оп. 36. № 187. Л. 19 — 20 об.
[50] Там же. Л. 18; Материалы. Т. 7. С. 447.
[51] РГИА. Ф. 490. Оп. 1. № 65. Л. 9 — 9 об.
[52] Там же. Л. 4, 4 об.
[53] РГИА. Ф. 468. Оп. 32. № 914. Л. 1 об., 3.
[54] Там же. Л. 3, 11–13, 18–19; Ф. 468. Оп. 36. № 187. Л. 33–40.
[55] Там же. Ф. 490. Оп. 1. № 338. Л. 4.
[56] Там же. Л. 6, 21, 21 об.
[57] Материалы. Т. 8. С. 5.
[58] РГИА. Ф. 490. Оп. 1. № 282. Л. 23.
[59] Там же. Ф. 468. Оп. 36. № 187. Л. 45.
[60] Там же. Оп. 32. № 914. Л. 39; *Мавродина Н. М.* Искусство русских камнерезов XVIII–XIX веков. С. 28–29.
[61] *Schneewind W.* Der Basler Globenmacher Isaak Bruckner (1689–1762). P. 25.
[62] *Brouckner I.* Nouvel Atlas de Marine. Composé d'une Carte Generale, et de XII Cartes Particulieres, qui Representent Le Globe Terrestre jusqu'au 82e Degré du Coté du Nord, et jusqu'au 60e. du Coté du Sud. Berlin, 1749. Подробнее об истории атласа см.: *Багров Л.* История русской картографии. М., 2005. С. 433–434.
[63] *Schneewind W.* Der Basler Globenmacher Isaak Bruckner (1689–1762). P. 26–28.

References

ARDIKUCA V. E. *Odna iz pervyh granil'nyh fabrik Rossii* [One of the first lapidary factories in Russia. In Russ.] // Sovetskie arhivy. 1970. No. 4. P. 108–110.

BAGROV L. Istoriya russkoj kartografii [The history of Russian cartography. In Russ.]. Moscow, 2005.

BESPYATYH YU. N. Peterburg Anny Ioannovny v inostrannyh opisaniyah. [Anna Ioannovna's Petersburg in foreign descriptions. In Russ.]. St. Petersburg, 1997.

BOGDANOV A. I. Istoricheskoe, geograficheskoe i topograficheskoe opisanie Sanktpeterburga: Ot nachala zavedeniya ego, s 1703 po 1751 god. [Historical, geographical and topographic description of St. Petersburg: From the beginning of his establishment, from 1703 to 1751. In Russ.]. St. Petersburg, 1779.

BRENEVA I. V. Istoriya Instrumental'noj palaty Peterburgskoj Akademii nauk. [History of the Instrumental Chamber of the St. Petersburg Academy of Sciences. In Russ.]. St. Petersburg, 1999.

BROUCKNER I. Nouvel Atlas de Marine. Composé d'une Carte Generale, et de XII Cartes Particulieres, qui Representent Le Globe Terrestre jusqu'au 82e Degré du Coté du Nord, et jusqu'au 60e du Coté du Sud. [New Marine Atlas. Composed of a General Map, and XII Particular Maps, which Represent The Terrestrial Globe up to the 82nd Degree on the North Side, and up to the 60th on the South Side. In French]. Berlin, 1749.

GEJROT A. F. Opisanie Petergofa. 1501–1868 [Description of Peterhof. 1501–1868. In Russ.]. St. Petersburg, 1868.

Graviroval'naya palata Akademii nauk XVIII veka. Sbornik dokumentov [The Engraving Chamber of the Academy of Sciences of the 18th century. Collection of documents. In Russ.] / Sost.: M. A. Alekseeva, Yu. A. Vinogradov, Yu. A. Pyatnickij. Leningrad, 1985.

Imperatorskaya Petergofskaya granil'naya fabrika [Imperial Peterhof Lapidary Factory. In Russ.] // Istoriya udelov za stoletie ih sushchestvovaniya. 1797–1897. P. 584–602.

KAL'NICKAYA E. YA. Nachinalos' v Petergofe [Was beginning in Peterhof. In Russ.] // Opyt sohraneniya kul'turnogo naslediya: problemy restavracii kamnya. Sb. materialov mezhd. nauch.-prakt konferencii. GMZ "Petergof", 17–19 sentyabrya 2014 g. St. Petersburg, 2014. P. 16–22.

LUPANOVA E. M. "Chelovek izlishnij i derzhat' ego ne podlezhalo..."? Isaak Brukner i solnechnye chasy-globus ego raboty v MAE RAN (Kunstkamere) ["The person is superfluous and it was not subject to..."? Isaac Bruckner and the sundial-the globe of his work in the MAE RAS (Kunstkamera). In Russ.] // Kunstkamera. 2019. No. 3 (5). P. 76–84.

MAVRODINA N. M. Iskusstvo russkih kamnerezov XVIII–XIX vekov: katalog kollekcii [The art of Russian stonecutters of the 18th–19th centuries: collection catalog. In Russ.]. St. Petersburg, 2007.

MAJSTROV L. E. Nauchnye pribory istoricheskogo znacheniya [Scientific instruments of historical significance. In Russ.]. Moscow, 1968.

MALINOVSKIJ K. V. Hudozhestvennye svyazi Germanii i Sankt-Peterburga v XVIII veke [Artistic relations of Germany and St. Petersburg in the 18th century. In Russ.]. St. Petersburg, 2007.

Materialy dlya istorii Imperatorskoj Akademii Nauk [Materials for the History of the Imperial Academy of Sciences. In Russ.]. St. Petersburg, 1885–1900. T. 1–10.

MATVEEV V. YU. Solnechnye, zvezdnye i lunnye chasy v sobranii Gosudarstvennogo Ermitazha [Solar, starry and lunar clocks in the collection of the State Hermitage Museum. In Russ.]. St. Petersburg, 2018.

MUMENTALER R. Shvejcarskie uchenye v Sankt-Peterburgskoj Akademii nauk. XVIII vek [Swiss scientists at the St. Petersburg Academy of Sciences. 18th century. In Russ.]. St. Petersburg, 2009.

PRONINA I. A. *O prepodavanii dekorativno-prikladnogo iskusstva v XVIII veke* [On teaching decorative and applied art in the 18th century. In Russ.] // Russkoe iskusstvo XVIII veka. Materialy i issledovaniya. Moscow, 1973. P. 76–89.

PRONINA I. A. Dekorativnoe iskusstvo v Akademii hudozhestv. Iz istorii russkoj hudozhestvennoj shkoly XVIII — pervoj poloviny XIX veka [Decorative art at the Academy of Arts. From the history of the Russian art school of the 18th — first half of the 19th century. In Russ.]. Moscow, 1983.

ROVINSKIJ D. A. Podrobnyj slovar' russkih graverov XVI–XIX vv. [Detailed dictionary of Russian engravers of the 16th–19th centuries. In Russ.]. T. 1–2. St. Petersburg, 1895. T. 1. Stb. 207–208.

Sankt-Peterburgskie Vedomosti [St. Petersburg Vedomosti. In Russ.]. 1738. 1 avgusta.

SCHNEEWINDW. *Der Basler Globenmacher Isaak Bruckner (1689–1762)* [The Basel globe maker Isaak Bruckner (1689–1762). In German] // Der Globusfreund. 1953. No. 2 (Oktober). P. 22–29.

SHARUBIN N. G. Ocherki Petergofa i ego okrestnostej [Essays of Peterhof and its environs. In Russ.]. St. Petersburg, 1868.

SUSLOVA E. N. Mihail Pavlovich Pavlov — skul'ptor XVIII veka [Mikhail Pavlovich Pavlov — sculptor of the 18th century. In Russ.]. Moscow; Leningrad, 1957.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Е. С. Стецкевич. «Королевский географ», механик, камнерез: Исаак Брукнер (1686–1762) на службе в Российской империи // Петербургский исторический журнал. 2023. № 4. С. 143–153

Аннотация: Исаак Брукнер (1686–1762), уроженец Базеля (Швейцария), служил в России с 1733 по 1748 г. До прибытия в Россию прославился как гравер, географ и создатель глобусов. В 1725 г. был избран членом-корреспондентом Парижской академии наук и получил от Людовика XV титул «королевский географ». Работал в Императорской Академии наук и художеств в Петербурге с 1733 по 1745 г. с небольшим перерывом как механик, изобретатель и мастер научных инструментов, имея русских учеников в области приборостроения. С 1734 г. занимался художественной обработкой минералов. С именем Брукнера связаны строительство Петергофской шлифовальной и полировальной мельницы, а также открытие в Академии наук Камнерезной мастерской. Он обучал камнерезному художеству служащих Академии наук и Канцелярии от строений. В России создал два экземпляра универсальных солнечных часов для императриц Анны Иоанновны (1735) и Елизаветы Петровны (1746). С 1745 по 1748 г. работал в Кабинете Ее Императорского Величества в области художественной обработки камня. После возвращения в Европу преподавал географию, механику и геометрию в Базельском университете, создавал глобусы. Биография Брукнера отразила важные черты эпохи европейского Просвещения: открытость границ, уважение научных знаний при дворах европейских монархов, тесный союз науки и художеств.

***Ключевые слова*:** И. Брукнер, Императорская Академия наук и художеств в Петербурге, Петергофская шлифовальная и полировальная мельница, Камнерезная палата, художественная обработка камня.

FOR CITATION

E. S. Stetskevich. “Royal Geographer”, mechanic, stonecutter: Isaac Bruckner (1686–1762) in the service of the Russian Empire// Petersburg historical journal, no. 4, 2023, pp. 143–153

Abstract: Isaac Bruckner (1686–1762), a native of Basel (Switzerland), served in Russia from 1733 to 1748. Before arriving in Russia, he became famous as an engraver, geographer and creator of globes. In 1725, he was elected a corresponding member of the Paris Academy of Sciences and received the title of “Royal Geographer” from Louis XV. He worked at the Imperial Academy of Sciences and Arts in St. Petersburg from 1733 to 1745 with a short break as a mechanic, inventor and master of scientific instruments, having Russian students in the field of instrumentation. Since 1734 he has been engaged in artistic processing of minerals. Bruckner’s name is associated with the construction of the Peterhof grinding and polishing mill, as well as the opening of a Stonecutting workshop at the Academy of Sciences. He taught stonecutting art to the employees of the Academy of Sciences and the Office of the buildings. In Russia, he created two copies of a universal sundial for empresses Anna Ioannovna (1735) and Elizabeth Petrovna (1746). From 1745 to 1748 he worked in the Cabinet of Her Imperial Majesty in the field of artistic stone processing. After returning to Europe, he taught geography, mechanics and geometry at the University of Basel, created globes. Bruckner’s biography reflected important features of the era of the European Enlightenment: openness of borders, respect for scientific knowledge at the courts of European monarchs, a close union of science and the arts.

***Key words*:** I. Bruckner, Imperial Academy of Sciences and Arts in St. Petersburg, Peterhof Grinding and Polishing mill, Stone Cutting Chamber, artistic stone processing.

Автор: **Стецкевич, Елена Сергеевна** — к.и.н, доц., доц. кафедры общественных наук Северо-Западного института управления РАНХиГС.

Author: **Stetskevich, Elena Sergeevna** — PhD (History), Associate professor, Associate professor of the Chair of social sciences, North-West Institute of Management of RANEPA.

E-mail: stetskevich-es@ranepa.ru

ORCID: 0000-0002-7369-9081

УДК 9.929.5
DOI: 10.51255/2311-603X_2023_4_154

А. В. Морохин

«Блюментрос старый и его дети»: династия придворных медиков на службе в России в конце XVII — первой четверти XVIII в.

Князь Б. И. Куракин, приступая к написанию «Гистории о царе Петре Алексеевиче», составил «Введение о нужных именах к Гистории». В этом списке, включающем 250 имен и фамилий, отдельно отмечены «Блюментрос старой и его дети»[1]. Данный факт может свидетельствовать о том, что современники считали представителей династии придворных медиков Блюментростов заметными фигурами в окружении Петра I. Некоторые аспекты деятельности представителей этого семейства уже обращали на себя внимание исследователей[2]. Между тем ряд новых источников, впервые вводимых в научный оборот, позволяет более детально реконструировать труды Блюментростов в России, в том числе и связанные с реформаторской деятельностью Петра I.

Лоуренс Блюментрост (1619–1705), которого в России называли Лаврентием Алферьевичем, стал доктором медицины в 1648 г., защитив в Йенском университете диссертацию «De scorbuto» («О скорбуте»). После этого он служил в имперском вольном городе Мюльхаузене, где занимал ряд должностей и имел неплохую практику при дворе герцога Саксен-Веймарского. В 1660-е гг. царь Алексей Михайлович просил саксонского курфюрста Иоганна-Георга прислать в Россию «дохтура» и «знатных рудознатцев», и в 1668 г. пасынок Блюментроста, пастор из Немецкой слободы И. Г. Грегори, через своего покровителя генерала Н. Баумана, служившего в «полках нового строя», добился места лейб-медика для своего отчима, который «у саксонского курфиста... надо

всеми дохтуры началной человек и судья города Милингузена» и имел репутацию человека «в учении лекарственном... добра и зело похвалена». Н. Бауман, в свою очередь, представил письменное прошение в Пушкарский приказ боярину Ю. И. Ромодановскому, который принял это ходатайство, и в результате врач был приглашен в Россию, получив рекомендации саксонского курфюрста[3]. В мае 1668 г. «по призывной грамоте» Лаврентий Алферьевич приезжает с семьей в Москву. Сохранились биографические сведения о враче, сообщенные им при приезде в Россию «в распросе»: «Родом он Цесарские земли города Менгауса люторские веры, от роду 50 лет... а отец был у него дохтур и умре лет с 40. А учился он, дохтур Лаврентий, дохтурскому делу Бранденбурские земли в городе Альштат у дохтуров у Таплов да у Косдрикке 2 года, да в городе Любке у дохтура Ягана Михиля по 2 года да в городе Енах у дохтура Ролфин 4 года и в том городе учинен он, Лаврентей, дохтуром»[4].

С самого начала карьера Л. А. Блюментроста в России складывалась весьма непросто. Первоначально предполагалось, что прибывший в Москву медик станет врачом царя Алексея Михайловича, которому Лаврентий Алферьевич был лично представлен уже через месяц после своего приезда, 26 июня 1668 г. Однако из-за интриг противников Н. Баумана из среды служилых иноземцев при дворе пошли разговоры о том, что Блюментрост профнепригоден и даже не умеет говорить по-латыни. В итоге врач был вынужден доказывать знание латыни в присутствии полиглота — епископа Паисия Лигарида. Несмотря на успешно сданный экзамен, Лаврентий Алферьевич не получил места главного царского врача, которое занял шведский врач И. К. фон Розенбург. В итоге в течение некоторого времени медику пришлось доказывать свое врачебное искусство[5]. Только почти через год, в апреле 1669 г., царь распорядился Блюментросту «быть в Оптекарском приказе у государева дела дохтуром»[6]. Этот факт подтверждается и другими источниками. Так, в одной из своих челобитных конца 1684 г. Лаврентий Алферьевич писал: «...служу со всяким моим усердием верно и праведно шестнадесять лет, а в докторском художестве пребываю вящше четыредесяти лет...»[7].

Уже в первые годы своей жизни в Москве Блюментрост, надо полагать, проявил свои неординарные организаторские способности. По некоторым данным, именно он считается основателем Аптекарского сада[8]. Видимо, инициативы врача-иностранца при дворе Алексея Михайловича пришлись по душе далеко не всем: уже в июне 1672 г. влиятельный руководитель Аптекарского приказа А. С. Матвеев, с которым у медика отношения не сложились, отправил Л. А. Блюментроста в отставку. Врач был вынужден искать защиты у царя и в августе 1673 г. был вновь зачислен в штат Аптекарского приказа, но при этом долгое время не получал жалования[9].

Став одним из лечащих врачей Алексея Михайловича, Блюментрост оказывал медицинские услуги и другим членам правящей династии. Так, 11 февраля 1676 г. он принял участие в консилиуме докторов для определения диагноза

болезни юного царя Федора Алексеевича и разработки методов его лечения[10]. Именно Блюментрост наряду с С. Фунгадановым и И. Гутменшем составлял рецепты для больного царя вплоть до последних дней его жизни[11]. В сентябре 1685 г. он же сопровождал Петра I в поездке на богомолье в Савво-Сторожевский монастырь[12]. Судя по отрывочным данным, врач принимал участие и в лечении сводных сестер Петра I: известно, например, что в 1684 и 1686 гг. он прописывал лекарства царевне Евдокии Алексеевне[13]. Сохранились сведения о том, что в июне 1683 г. Лаврентий Алферьевич был «послан наскоро» в Троице-Сергиев монастырь, видимо, для сопровождения одного из членов царской семьи, часто совершавших паломнические поездки в эту обитель[14].

О росте авторитета Блюментроста среди других придворных докторов свидетельствует и факт регулярного повышения его жалования: если сразу после приезда в Россию Лаврентий Алферьевич стал получать жалование в размере 130 руб. в год, то уже в июне 1676 г. размер его зарплаты составлял 182 руб. в год, а в 1682 г. годичный оклад медика вместе со столовыми деньгами составлял уже 730 руб.[15] В последние годы жизни жалованье Блюментроста уменьшилось: в 1702 г. он получал уже 440 руб. в год[16]. Надо полагать, это было связано с тем обстоятельством, что с возрастом медицинские обязанности Лаврентия Алферьевича при дворе сократились, хотя он и продолжал работать: так, в марте 1703 г. врач осматривал своего коллегу Ивана Терманта[17].

Видимо, тесное общение медика с представителями царской семьи способствовало не только росту дальнейшей карьеры и авторитета Лаврентия Алферьевича, но и сохранению его жизни во время стрелецкого восстания 1682 г. Примечательно, что из трех медиков, лечивших царя Федора Алексеевича в последние месяцы его жизни, в ходе стрелецкого восстания выжил лишь один — Блюментрост. По одним данным, жизнь врачу спасла царевна Софья, по другим — его помиловали сами стрельцы[18].

При Петре I Лаврентий Алферьевич продолжал выполнять ряд ответственных поручений. Известно, что в 1703 г. он составил лечебник, названый им «Домовая и полная аптека или врачевание, как в нужде без дохтура... всяк себя может пользовати», адресованный царевичу Алексею Петровичу. В предисловии к книге Блюментрост отметил: «Как я химическую и аптекарскую науку из младых лет всегда чтился и на Воронеже за два года назад краткое описание тридесят правил ко здравию на словенском языце Его Царскому Величеству вручил, милостиво принял»[19]. Из этого явствует, что медик продолжал активно заниматься наукой и к началу XVIII столетия окончательно освоил русский язык. Факт пребывания Блюментроста в Воронеже в 1703 г., зафиксированный в предисловии, подтверждается и другими данными[20].

Уже вскоре после своего приезда в Москву Лаврентий Алферьевич стал заметной фигурой среди живших в столице иноземцев, среди которых он пользовался не только почетом и уважением, но и фактически был лидером общины местных лютеран. Некоторые современные исследователи даже отмечают, что

Блюментрост переехал из Германии в Россию в первую очередь по религиозным причинам, воспринимая свою поездку в Москву как «Божественное предназначение» для распространения здесь лютеранства[21]. Не случайно именно он являлся старостой кирхи в Немецкой слободе[22] и принимал самое деятельное участие в делах лютеранской общины Москвы. В частности, в мае 1678 г. медик подготовил проект «Церковного устава»[23]. Известно, что Лаврентий Алферьевич поддерживал дружеские отношения с известным французским путешественником Ж. Б. Таверньe, который благодаря его стараниям посетил Россию в 1689 г.[24] В декабре того же 1689 г. Блюментрост, действуя от имени лютеранской общины, добился от властей разрешения варить «безпошлинно и безъявочно» пиво для собственного домашнего обихода[25]. Об авторитете медика свидетельствует и тот факт, что в 1702 г. он заступился и взял на поруки воспитателя своих детей И. В. Пауса (1670–1735), выпускника Галльского университета, преподававшего сначала в церковно-приходской школе Немецкой слободы, а затем и в гимназии пастора Глюка, арестованного по подозрению в шпионаже и позднее получившего известность в качестве историка и переводчика[26]. Сам Блюментрост был неплохим поэтом, владел греческим языком и латынью. Некоторые исследователи считают, что Лаврентий Алферьевич мог быть соавтором пастора И. Г. Грегори в сочинении пьесы «Артаксерксово действо»[27]. Он же, по мнению С. К. Богоявленского, в ноябре 1676 г. участвовал в подготовке придворных актеров — иностранцев[28].

К концу своей жизни Блюментрост являлся одним из самых популярных врачей в Москве. Сохранились сведения о том, что по его рецептам в столице изготовляли лекарства и в конце XVIII столетия[29]. Неясным остается вопрос и о том, до какого времени медик, бывший к моменту своей смерти в 1705 г. весьма пожилым человеком, продолжал свою врачебную практику. По крайней мере известно, что в июне, июле и сентябре 1704 г. он осматривал стряпчего Я. А. Куцецкого, дворянина А. Шевелева и недоросля С. Акимова[30].

Все сыновья Лаврентия Алферьевича продолжили семейное дело и стали врачами. Старший, Иоганн Готфрид, после переезда отца в Россию продолжал жить в Германии, унаследовав от него должность главного городского врача и бургомистра в Мюльгаузене. Известно, что он сохранял связи с семьей и в 1677 г. приезжал в Россию[31]. Второй сын — Лаврентий Лаврентьевич — старший (Лаврентий Христиан) (1655–1707) получил известность благодаря своему активному участию в постановке первой театральной пьесы при царском дворе 17 октября 1672 г.[32] Ряд историков считает, что Лаврентий Христиан играл в пьесе роль Эсфири[33], по мнению других авторов, он исполнил роли Мардохея и одновременно «оратора царева, которому предисловие и скончание говорить»[34]. С юных лет Лаврентий Христиан помогал отцу и в мае 1680 г. был отпущен в Европу «для докторской науке»[35]. Получив образование в Европе, он вернулся в Россию и в 1685 г. стал придворным врачом. Так, например, в сентябре 1685 г. он вместе с отцом сопровождал Петра I в поездке

в Савво-Сторожевский монастырь[36]. Известно также, что в 1686 г. Лаврентий Лаврентьевич ездил в Европу, «за свейский рубеж»[37], но цели этого путешествия остаются неизвестными. Как и отец, он оставался человеком, весьма близким к царской семье. В 1687 г. Л. Л. Блюментрост-старший был назначен врачом при царевнах, получал жалование в размере 100 руб.[38] Одновременно с этим он продолжал оказывать медицинские услуги и Петру I. Так, 26 июля 1692 г. врач был с царем «в Переславском объезде Залеского»[39]. В конце XVII — начале XVIII в. Л. Л. Блюментрост был лечащим врачом сразу у нескольких царевен — у тетки Петра I Татьяны Михайловны и сестер царя Марфы Алексеевны и Натальи Алексеевны. Известно, например, что 17 января 1700 г. по царскому приказу были изготовлены лекарства «про обиход великие государыни благородные царевны и великие княжны Марфы Алексеевны в Александрову слободу», а уже на следующий день, 18 января 1700 г., Петр I распорядился отправить к находящейся в монастырском заключении в Александрове слободе царевне Марфе Алексеевне Л. Л. Блюментроста «и лекарства с ним отпустить из оптеки безденежно и без задержания»[40]. Кроме того, известно, что Л. Л. Блюментрост часто оказывал медицинскую помощь и царевичу Алексею Петровичу. Так, летом 1698 г. он сопровождал сына Петра I в его поездке в Троице-Сергиеву лавру[41]. Он же летом 1707 г. лечил царевича в Смоленске[42]. По некоторым данным, Л. Л. Блюментрост-старший скончался в Петербурге[43].

Наибольшую известность среди детей Л. А. Блюментроста получили следующие по старшинству сыновья — Иван Лаврентьевич и Лаврентий Лаврентьевич — младший, которые родились уже после приезда их отца в Россию.

И. Л. Блюментрост (1676–1756), получив медицинское образование в Кенигсберге и Галле, в 1702 г. вернулся в Россию и по семейной традиции стал придворным медиком[44]. Он сопровождает в поездках Петра I, затем становится лечащим врачом царицы Екатерины Алексеевны, во время отсутствия царской четы контролирует здоровье их детей. После кончины в 1718 г. лейб-медика Р. К. Арескина Иван Лаврентьевич фактически исполнял обязанности руководителя медицинского ведомства, а в феврале 1722 г. официально получает должность архиатера и возглавляет Медицинскую канцелярию, которой руководит вплоть до начала 1730-х гг.[45]

Л. Л. Блюментрост-младший (1692–1755) после учебы в Галле, Оксфорде и Лейдене получил степень доктора медицины, защитив диссертацию «De secretion animali». В Россию он возвращается летом 1713 г. и становится лечащим врачом сестры Петра I — царевны Натальи Алексеевны[46]. Затем он сопровождает Петра I в путешествии по Европе в 1716–1717 гг., выполняет различные поручения царя, связанные не только с лечением самодержца, но и, в частности, с приобретением знаменитой анатомической коллекции Ф. Рюйша.

Современники считали, что именно Лаврентий Лаврентьевич вышел с инициативой создания в Петербурге Академии наук[47], после чего Петр I приказал ему «во оную академию людей потребных сыскивать и нанимать»[48]. Благо-

даря этому распоряжению Блюментрост пригласил в Россию известных ученых — математика Я. Германа, биолога Л. Гейстера, механиков Я. Леупольда, И. Г. Доппельмейера и Н. Бернулли, астронома Ж.-Н. Делиля, философов Х. Вольфа и Х. Ф. Гросса, физиков Г. Б. Бильфингера и Х. Мартини, историка-богослова И. П. Коля и др. Не все из них согласились приехать, но Лаврентий Лаврентьевич впоследствии в одном из своих прошений совершенно справедливо отмечал, что он «по всемилостивейшему Его Императорского Величества указу собрал и учредил в Санктепербурхе академию наук и по совершенной оной учреждении... пожалован президентом той академии»[49].

При знакомстве с деятельностью Л. Л. Блюментроста-младшего в качестве руководителя Академии наук поражает обилие самых разных поручений и дел, которых ему приходилось выполнять и контролировать. Помимо подборки и ремонта помещений, выделенных новому учреждению, он контролировал прием оборудования, служителей, принимал участие и в академических диспутах, следил за гравировкой портретов. Занимался врач и редактурой «Похвального слова царю Петру I», написанного французом Б. Ле Бовье де Фонтенелем при подготовке перевода этого сочинения для Екатерины I. Некоторые поручения императрицы были весьма оригинальными. Так, 10 августа 1725 г. она поручила своему лейб-медику «освидетельствовать» умершую львицу. В другой раз по просьбе Екатерины I Лаврентий Лаврентьевич настойчиво уговаривал академика Х. Гольдбаха руководить обучением великого князя Петра Алексеевича[50]. Примечательно, что за все годы работы в Академии наук Л. Л. Блюментрост не получал жалования. Организуя Академию, Петр I «словесно» обещал своему лейб-медику прибавку к жалованию в размере тысячи рублей в год, но официального распоряжения так и не последовало[51].

Говоря о династии Блюментростов, необходимо отметить особую роль семьи в привлечении в Россию иностранных специалистов и ее широкие связи в интеллектуальных кругах Германии. Со времен приезда в Россию Л. А. Блюментроста и вплоть до 1720-х гг. члены этого клана активно способствовали притоку в Россию самых разных специалистов.

Всех представителей семьи Блюментростов отличала широта интересов, увлечение науками. Кроме того, новый, рационалистический образ власти в России в эпоху Петра I начинает базироваться на принципе ее полезности для «общего блага» и заботы о подданных. Отношения между монархом и элитой начинают основываться не на наследственном праве или личном договоре, а на обязанности служить интересам государства[52]. Наконец, с конца XVII в. наметился и процесс постепенной интернационализации российской элиты[53], что также не могло способствовать укреплению позиций семьи Блюментростов в правящих кругах России.

[1] Архив князя Ф. А. Куракина. Кн. 1. СПб., 1890. С. 97.

[2] См., напр.: *Рихтер В. М.* История медицины в России. Ч. 2. М., 1820. С. 242–259; Ч. 3. М., 1820. С. 108–112, 165–171; *Мирский М. Б.* Медицина России XVI–XIX веков. М., 1996. С. 29, 72–73, 85–92; *Ковригина В. А.* Немецкая слобода Москвы и ее жители в конце XVII — первой четверти XVIII века. М., 1998. С. 288–291; *Тункина И. В.* Лаврентий Лаврентьевич Блюментрост // Во главе первенствующего ученого сословия России. Очерки жизни и деятельности президентов Императорской Санкт-Петербургской академии наук. 1725–1917 гг. СПб., 2002. С. 13–28; *Нахапетов Б. А.* В попечении о государевом здравии (Лейб-медики российских императоров). М., 2003. С. 29–37; *Алексеев В. Н., Миклашевская Е. П., Цепляева М. С.* Немецкая слобода на Яузе. История в лицах. М., 2004. С. 88–95.

[3] Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 150. Оп. 1. Д. 3 (1667 г.). Л. 9–52. См. также: *Цветаев Д. В.* Протестантство и протестанты в России до эпохи преобразований. М., 1890. С. 102–106.

[4] Отдел письменных источников Государственного исторического музея. Ф. 375. Д. 3. Л. 4 — 4 об.

[5] *Цветаев Д. В.* Протестантство и протестанты в России до эпохи преобразований. С. 301.

[6] РГАДА. Ф. 143. Оп. 2. Д. 842. Л. 1.

[7] Там же. Оп. 3. Д. 143. Л. 1.

[8] *Миллер Г. Ф.* Сочинения по истории России. Избранное. М., 1996. С. 345.

[9] *Старостина Т. В.* Политическая борьба в начале царствования Федора Алексеевича и ссылка А. С. Матвеева в связи с сыскным делом 1676–1677 гг. о хранении заговорных писем // Ученые записки Карело-финского государственного университета. Петрозаводск, 1947. Т. 2. Вып. 1. С. 60.

[10] *Замысловский Е. Е.* Царствование Федора Алексеевича. Ч. 1. СПб., 1871. Приложение 1. С. I–III.

[11] РГАДА Ф. 143. Оп. 2. Д. 1372. Л. 4; Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 532. Оп. 2. Д. 4619. Л. 71.

[12] РГАДА. Ф. 143. Оп. 2. Д. 1380. Л. 12.

[13] Там же. Д. 1376. Л. 28 об.

[14] Там же. Оп. 3. Д. 103. Л. 1.

[15] Материалы для истории медицины в России. Вып. 3. СПб., 1884. С. 869.

[16] РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. Д. 3 (1702 г.). Л. 8.

[17] Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 2: (1702–1703). СПб., 1889. С. 489, 491, 492.

[18] *Цветаев Д. В.* Протестантство в России в правление Софьи // Русский вестник. 1883. № 11. С. 37–38; *Галанов М. М.* Политическая борьба в России в 1682 году: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2000. С. 145.

[19] *Змеев Л. Ф.* Русские врачебники. Исследование в области нашей древней врачебной письменности. СПб., 1895. С. 136; *Collis R.* A Royal Art? The Promotion of Alchemical Virtues in Peter I s Russia // Век Просвещения. Вып. 7: Петр I и «окно в Европу». М., 2021. С. 101–102, 109–113.

[20] РГАДА. Ф. 371. Оп. 2. Д. 834. Л. 68.

[21] В частности, это проявилось и в том, что врач выкупал пленных турок и татар для их последующего обращения в лютеранство. См.: *Dumschat S.* Ausländische Mediziner im Moskauer Rußland. Stuttgart, 2006. S. 122.

[22] РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. Д. 6 (1683 г.). Л. 8.

[23] *Цветаев Д. В.* Памятники к истории протестантства в России. Ч. 1 // ЧОИДР. 1884. Кн. 3. С. 189–195.

[24] *Токмаков И.* Материалы для биографии французского кругосветного путешественника Ж. Б. Тавернье: По русским архивным источникам 1677–1689 гг. // Библиограф: Вестник литературы, науки и искусства. 1885. № 2. С. 25–26.

[25] РГАДА. Ф. 143. Оп. 3. Д. 300. Л. 1.

[26] *Винтэр Э.* И. В. Паус о своей деятельности в качестве филолога и историка (1732) // XVIII век. Сб. 4. М.; Л., 1959. С. 314.
[27] *Кудрявцев И. М.* «Артаксерксово действо» — первая пьеса русского театра XVII в. // «Артаксерксово действо». Первая пьеса русского театра XVII в. / Подг. текста, ст. и коммент. И. М. Кудрявцева. М.; Л., 1957. С. 68.
[28] *Богоявленский С. К.* Московский театр при царях Алексее и Петре. М., 1914. С. XII, 51.
[29] *Ретлингер А. Р.* Исследования по истории медицины XVII века в России // Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины. 1906. № 7. С. 1060.
[30] *Новомбергский Н. Я.* Врачебное строение в допетровской Руси. Томск, 1907. С. 250.
[31] Материалы для истории медицины в России. Вып. 3. СПб., 1884. С. 910.
[32] *Тихонравов Н. С.* Жалостная комедия об Адаме и Еве. Начало русского театра // Летописи русской литературы и древности. М., 1861. Т. III. С. 7–47.
[33] *Цветаев Д. В.* 1) Первые немецкие школы в Москве и основание придворного немецко-русского театра // Варшавские университетские известия. 1889. № 8. С. 14; 2) Протестантство и протестанты в России до эпохи преобразований. М., 1890. С. 739.
[34] *Кудрявцев И. М.* «Артаксерксово действо». С. 72.
[35] Материалы для истории медицины в России. Вып. 3. СПб., 1884. С. 1219–1220.
[36] РГАДА. Ф. 143. Оп. 2. Д. 1380. Л. 12.
[37] Там же. Оп. 3. Д. 250. Л. 1–2.
[38] *Цветаев Д. В.* Памятники к истории протестантства в России. С. 83.
[39] РГАДА. Ф. 143. Оп. 2. Д. 1450. Л. 9.
[40] Там же. Оп. 3. Д. 467. Л. 1; № 468. Л. 1.
[41] Там же. Д. 392. Л. 1.
[42] Письма царевича Алексея Петровича к его родителю Петру Великому. Одесса, 1849. С. 13.
[43] Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого. Т. III. Кн. 1. СПб., 1887. № 18. С. 22.
[44] РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. Д. 12. Л. 1; Д. 35. Л. 2–4.
[45] РГАДА. Ф. 154. Оп. 2. Д. 175. Л. 1.
[46] РГАДА. Ф. 248. Кн. 25. Д. 49. Л. 375; Ф. 4. Оп. 1. Д. 3. Л. 102 — 102 об.
[47] Неистовый реформатор. М., 2000. С. 93.
[48] Архив князя Ф. А. Куракина. Кн. 1. СПб., 1890. С. 35; *Андреев А. И.* Основание Академии наук в Петербурге // Петр Великий: Сборник статей. М.; Л., 1947. С. 284–333.
[49] РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 699. Л. 6 — 6 об.
[50] Материалы для истории императорской Академии наук. Т. I: (1716–1730). СПб., 1885. С. 109–110, 114–116, 121, 129–130, 132, 135, 136, 172–175, 178–181, 185, 191–192, 203; РГАДА. Ф. 9. Оп. 5. Д. 5А. Л. 67 — 67 об., 68 об., 89.
[51] Материалы для истории Императорской Академии наук. Т. 2: (1731–1735). СПб., 1886. С. 340; Т. 3: (1736–1738). СПб., 1886. С. 712–713, 773, 797.
[52] *Уортман Р.* Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. М., 2004. Т. 1. С. 97.
[53] *Петрухинцев Н. Н.* Немцы в политической элите России в первой половине XVIII в. // «Вводя нравы и обычаи Европейские в Европейском народе». К проблеме адаптации западных идей и практик в Российской империи. М., 2008. С. 66–87.

References

ALEKSEEV V. N., MIKLASHEVSKAYA E. P., CEPLYAEVA M.S. *Nemeckaya sloboda na Yauze. Istoriya v licah* [German settlement on the Yauza. The story is in the faces. In Russ.]. Moscow, 2004.

ANDREEV A.I. *Osnovanie Akademii nauk v Peterburge* // Petr Velikij. Sbornik statej. [Foundation of the Academy of Sciences in St. Petersburg // Peter the Great. Collection of articles. In Russ.]. Moscow; Leningrad, 1947. P. 284–333.

Arhiv knyazya F.A. Kurakina. [Archive of Prince F.A. Kurakin. In Russ.]. St. Petersburg, 1890. Kn. 1.

BOGOYAVLENSKIJ S.K. *Moskovskij teatr pri caryah Aleksee i Petre* [Moscow theater under Tsars Alexei and Peter. In Russ.]. Moscow, 1914.

COLLIS *R. A Royal Art? The Promotion of Alchemical Virtues in Peter I s Russia* // Vek Prosveshcheniya. Vyp. 7: Petr I i "okno v Evropu" [The Age of Enlightenment. Iss. 7: Peter 1st and the Window to Europe. In Eng.]. Moscow, 2021. P. 99–132.

CVETAEV D.V. *Pervye nemeckie shkoly v Moskve i osnovanie pridvornogo nemecko-russkogo teatra* // Varshavskie universitetskie izvestiya [The first German schools in Moscow and the foundation of the German-Russian court theater // Warsaw University News. In Russ.]. 1889. No. 8. P. 1–24.

CVETAEV D.V. *Protestantstvo i protestanty v Rossii do epohi preobrazovanij* [Protestantism and Protestants in Russia before the era of transformation. In Russ.]. Moscow, 1890.

CVETAEV D.V. *Protestantstvo v Rossii v pravlenie Sof'i* // Russkij vestnik [Protestantism in Russia during the reign of Sophia // Russian Bulletin. In Russ.]. 1883. No. 11. P. 5–93.

Doklady i prigovory, sostoyavshiesya v Pravitel'stvuyushchem Senate v carstvovanie Petra Velikogo [Reports and verdicts held in the Governing Senate during the reign of Peter the Great. In Russ.]. St. Petersburg, 1887. T. III. Kn. 1.

DUMSCHAT S. Ausländische Mediziner im Moskauer Rußland [Foreign doctors in Moscow Russia. In Dsch.] Stuttgart, 2006.

GALANOV M.M. *Politicheskaya bor'ba v Rossii v 1682 godu. Dissertaciya kandidata istoricheskih nauk* [Political struggle in Russia in 1682. Dissertation of the Candidate of Historical Sciences. In Russ.]. St. Petersburg, 2000.

KOVRIGINA V.A. *Nemeckaya sloboda Moskvy i ee zhiteli v konce XVII — pervoj chetverti XVIII veka* [The German settlement of Moscow and its inhabitants at the end of the 17th — first quarter of the 18th century. In Russ.]. Moscow, 1998.

KUDRYAVCEV I.M. "*Artakserksovo dejstvo*" *— pervaya p"esa russkogo teatra XVII v. // Artakserksovo dejstvo. Pervaya p'esa russkogo teatra XVII v.* ["Artaxerxes action" is the first play of the Russian theater of the 18th century // Artaxerxes action. The first play of the Russian theater of the 18th century. In Russ.]. Moscow; Leningrad, 1957.

Materialy dlya istorii imperatorskoj Akademii nauk [Materials for the history of the Imperial Academy of Sciences. In Russ.]. St. Petersburg, 1885. T. I: (1716–1730).

Materialy dlya istorii imperatorskoj Akademii nauk [Materials for the history of the Imperial Academy of Sciences. In Russ.]. St. Petersburg, 1886. T. II: (1731–1735).

Materialy dlya istorii mediciny v Rossii [Materials for the history of medicine in Russia. In Russ.]. Vyp. 3. St. Petersburg, 1884.

MILLER G.F. *Sochineniya po istorii Rossii. Izbrannoe*. [Essays on the history of Russia. Favourites. In Russ.]. Moscow, 1996.

MIRSKIJ M.B. *Medicina Rossii XVI–XIX vekov* [Medicine of Russia of the 16th–19th centuries. In Russ.]. Moscow, 1996.

NAHAPETOV B.A. *V popechenii o gosudarevom zdravii* (*Lejb-mediki rossijskih imperatorov*). [In the care of the sovereign's health (Life doctors of the Russian emperors). In Russ.]. Moscow, 2003.

Neistovyj reformator [The Violent Reformer. In Russ.]. Moscow, 2000.

NOVOMBERGSKIJ N.Ya. *Vrachebnoe stroenie v dopetrovskoj Rusi* [Medical structure in pre-Petrine Russia. In Russ.]. Tomsk, 1907.

PETRUHINCEV N.N. *Nemcy v politicheskoj elite Rossii v pervoj polovine XVIII v.* // "Vvodya nravy i obycham Evropejskie v Evropejskom narode". K probleme adaptacii zapadnyh idej i praktik v Rossijskoj imperii [Germans in the political elite of Russia in the first half of the 18th century // "Introducing European customs and customs in the European people". On the problem of adaptation of Western ideas and practices in the Russian Empire. In Russ.]. Moscow, 2008. P. 66–87.

Pis'ma i bumagi imperatora Petra Velikogo [Letters and papers of Emperor Peter the Great. In Russ.]. St. Petersburg, 1889. T. 2: (1702–1703).

Pis'ma carevicha Alekseya Petrovicha k ego roditelyu Petru Velikomu [Letters of Tsarevich Alexei Petrovich to his parent Peter the Great. In Russ.]. Odessa, 1849.

RETLINGER A.R. *Issledovaniya po istorii mediciny XVII veka v Rossii* // Vestnik obshchestvennoj gigieny, sudebnoj i prakticheskoj mediciny [Studies on the history of medicine of the 17th century in Russia // Bulletin of public hygiene, forensic and practical medicine. In Russ.]. 1906. No. 7. P. 1056–1067.

RIHTER V. M. *Istoriya mediciny v Rossii* [History of Medicine in Russia. In Russ.]. Moscow, 1820. Part 2.

STAROSTINA T. V. *Politicheskaya bor'ba v nachale carstvovaniya Fedora Alekseevicha i ssylka A. S. Matveeva v svyazi s sysknym delom 1676–1677 gg. o hranenii zagovornyh pisem* // Uchenye zapiski Karelo-finskogo gosudarstvennogo universiteta [The political struggle at the beginning of the reign of Fyodor Alekseevich and the exile of A. S. Matveev in connection with the detective case of 1676–1677 on the storage of conspiracy letters // Scientific notes of the Karelo-Finnish State University. In Russ.]. Petrozavodsk, 1947. T. 2. Vyp. 1. P. 44–89.

TIHONRAVOV N. S. *Zhalostnaya komediya ob Adame i Eve. Nachalo russkogo teatra* // Letopisi russkoj literatury i drevnosti [A pathetic comedy about Adam and Eve. The beginning of the Russian theater // Chronicles of Russian Literature and Antiquity. In Russ.]. Moscow, 1861. T. III. P. 7–47.

TOKMAKOV I. *Materialy dlya biografii francuzskogo krugosvetnogo puteshestvennika Zh. B. Tavern'e: Po russkim arhivnym istochnikam 1677–1689 gg.* // Bibliograf: Vestnik literatury, nauki i iskusstva [Materials for the biography of the French world traveler J. B. Tavernier: According to Russian archival sources of 1677–1689 // Bibliographer: Bulletin of Literature, Science and Art. In Russ.]. 1885. No. 2. P. 25–26.

TUNKINA I. V. *Lavrentij Lavrent'evich Blyumentrost* // Vo glave pervenstvuyushchego uchenogo sosloviya Rossii. Ocherki zhizni i deyatel'nosti prezidentov Imperatorskoj Sankt-Peterburgskoj Akademii nauk. 1725–1917 gg. [Lavrenty Lavrentievich Blumentrost // At the head of the leading academic estate of Russia. Essays on the life and work of the Presidents of the Imperial St. Petersburg Academy of Sciences. In Russ.]. St. Petersburg, 2002. P. 13–28.

UORTMAN R. *Scenarii vlasti. Mify i ceremonii russkoj monarhii* [Scenarios of power. Myths and ceremonies of the Russian Monarchy. In Russ.]. Moscow, 2004. T. 1.

VINTER E. *I. V. Paus o svoej deyatel'nosti v kachestve filologa i istorika* (*1732*) // XVIII vek [I. V. Paus about his activity as a philologist and historian (1732) // 18th century. In Russ.]. Sb. 4. Moscow; Leningrad, 1959. P. 313–322.

ZAMYSLOVSKIJ E. E. *Carstvovanie Fedora Alekseevicha* [The reign of Fyodor Alekseevich. In Russ.]. St. Petersburg, 1871. Part 1.

ZMEEV L. F. *Russkie vrachebniki. Issledovanie v oblasti nashej drevnej vrachebnoj pis'mennosti* [Russian doctors. Research in the field of our ancient medical writing. In Russ.]. St. Petersburg, 1895.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

А. В. Морохин. «Блюментрос старый и его дети»: династия придворных медиков на службе в России в конце XVII — первой четверти XVIII в. // Петербургский исторический журнал. 2023. № 4. С. 154–164

Аннотация: Статья посвящена изучению различных аспектов деятельности в России представителей династии придворных медиков Блюментростов. В центре внимания — судьба основателя династии Л. А. Блюментроста, приехавшего в Москву в конце 1660-х гг. и прожившего здесь до своей смерти в 1705 г. В России Л. А. Блюментрост получил известность в качестве одного из лучших придворных врачей, участвовавшего в лечении царей Алексея Михайловича, Федора Алексеевича, Петра I и других членов царской семьи. В работе акцентируется внимание не только на профессиональной деятельности врача, обладавшего неординарными организаторскими способностями, но и рассматриваются его общественные инициативы в качестве одного из руководителей лютеранской общины Москвы. Выполнял лейб-медик и ряд других ответственных поручений. В статье уделено внимание и деятельности в России трех сыновей Л. А. Блюментроста, которые пошли по стопам отца и стали придворными медиками. Л. Л. Блюментрост-старший, рано ушедший из жизни, являлся лечащим врачом царевен — тетки и сводных сестер Петра I. И. Л. Блюментрост, начав карьеру в должности лейб-медика, в итоге возглавил медицинское ведомство в должности архиатера и сохранял свой пост вплоть до начала 1730-х гг. Л. Л. Блюментрост-младший получил известность не только как врач, но и как основатель Российской академии наук. Благодаря своим связям с интеллектуальными кругами Германии представители семьи Блюментростов приложили немало усилий для привлечения в Россию иностранных специалистов. Исследование базируется как на опубликованных, так и на впервые вводимых в научный оборот документах.

Ключевые слова: Блюментросты, придворная медицина, царская семья, Петр I, Академия наук, Россия, иностранные специалисты.

FOR CITATION

A. V. Morokhin. "Blumentros the Old and his children": a dynasty of court physicians in service in Russia at the end of the 17th — first quarter of the 18th centuries // Petersburg historical journal, no. 4, 2023, pp. 154–164

Abstract: The article is devoted to the study of various aspects of the activities of representatives of the Blumentrost dynasty of court physicians in Russia. The focus is on the fate of the founder of the dynasty, L. A. Blumentrost, who came to Moscow in the late 1660s and lived here until his death in 1705. In Russia, L. A. Blumentrost became famous as one of the best court doctors who participated in the treatment of tsars Alexei Mikhailovich, Fyodor Alekseevich, Peter I and other members of the royal family. The paper focuses not only on the professional activity of a doctor who possessed extraordinary organizational skills, but also examines his public initiatives as one of the leaders of the Lutheran community in Moscow. He also carried out a number of other responsible assignments. The article also pays attention to the activities in Russia of L. A. Blumentrost's three sons, who followed in their father's footsteps and became court physicians. L. L. Blumentrost Sr., who passed away early, was the attending physician of tsarinas — aunts and stepsisters of Peter I. I. L. Blumentrost, having started his career as a life doctor, eventually headed the medical department as an archiatrist and retained his post until the early 1730s. L. L. Blumentrost Jr. became famous not only as a doctor, but also as the founder of the Russian Academy of Sciences. Thanks to his connections with the intellectual circles of Germany, representatives of the family Blumentrost put a lot of effort to attract foreign specialists. The research is based on both published and newly introduced scientific documents.

Key words: Blumentrosts, court medicine, royal family, Peter I, Academy of Sciences, Russia, foreign specialists.

Автор: **Морохин, Алексей Владимирович** — к. и. н., доц. Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, научный сотрудник ИРИ РАН.

Author: **Alexey V. Morokhin** — PhD **(**History**)**., Associate Professor, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Institute of Russian History, Russian Academy of Science.

E-maile: alexmorohin@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-2000-3383

УДК 061.12(47)17
DOI: 10.51255/2311-603X_2023_4_165

Ю. А. Козлова

Становление академического образования в России от Петра I до Елизаветы Петровны

Становление академического образования в России было процессом сложным и долгим. Первая академия была известна в России еще в XVII в. Разумеется, речь идет о Славяно-греко-латинской академии: на практике она скорее была схожа с училищем, нежели чем с академией в прямом смысле этого слова[1]. Бесспорно, сюжет создания академии наук довольно полно изучен в отечественной историографии. Задача данной статьи — попытаться комплексно рассмотреть основные проблемы и модели академического образования более чем за двадцать лет.

Идея создания научного центра в России имеет два важных вектора направления. Во-первых, создание подспорья для реализации некой научной парадигмы, отвечающей всем существующим на тот период стандартам. Однако существует проблема: российская модель, в конечном счете, была более продуманной, так как содержала связь гимназии — университета — академии наук. Во-вторых, реализация замысла научного центра России гармонично вписывалась в идею регулярного государства Петра Великого. Ведь задача государя — создать государство для народа. И тут главный вопрос — что взять за основу благосостояния, поскольку исторические реалии начала XVIII в. не располагали к всеобщему благу. Нужно также учитывать, что понятие регулярного государства — не отвлеченная субстанция, а некая конкретная страна, в которой реализуется определенная модель управления[2]. На примере этой модели становится понятным, что именно можно воплотить в жизнь из множества идей, подчас очень спорных, касающихся регулярного государства. Создать центр науки и художеств — это, бесспорно, идея «блага» для страны. Наука и художества

будут важными инструментами, отводя монарху особенную роль в той управленческой модели, которую он пытается реализовать[3].

Именно поэтому первые робкие попытки Петра I создать научный центр в России обращены к одному из основоположников идей регулярного государства — Г. Лейбницу. Идеи, изложенные философом на бумаге или при личных встречах с царем, хорошо известны. Немецкий ученый предлагал учредить в России некую научную триаду: «...школы для детей, университеты для юношества и академии для взрослых людей, самостоятельно разрабатывающих науку»[4].

Первым пунктом была школа, которая подразумевала синтез теоретических и практических знаний. Огромное внимание уделялось изучению языков, нравственному воспитанию и обучению художествам. Следующая ступень по Г. В. Лейбницу — это университет. По мнению немецкого ученого, в университете должны давать знания не только по специальностям, но и общего или развивающего цикла[5]. Последняя ступень обучения — это академия наук. Под академией ученый понимал «научное учреждение, наделенное широкими правами и автономией». Между тем Г. Лейбниц рассуждал о связи академии наук и университета, подчеркивая преемственность между двумя этими звеньями. Именно эта идея связи академического образования практически была новшеством для европейского научного мира.

Для России научная модель должна была быть более прогрессивной. Вспомним слова Е. В. Анисимова: «...в конце XVII века в Англии уже были знакомы с механистической картиной мира И. Ньютона, а Петр I постигал азы арифметики»[6]. Это важно для понимания концепции, которую выстраивал монарх России в своем государстве. Это принципиальное замечание. У России не было времени пройти тот путь, который проходил Запад. Именно поэтому нужно было в кратчайшие сроки создать свой научный центр, который был более передовым, нежели европейский.

Таким образом, Великое посольство стало неким вектором направления, а Второе путешествие — продолжением знакомства Петра I с европейскими передовыми институтами.

Царь России смог воочию увидеть, как устроены академии Франции, Германии. Большое значение имела и Голландия, где не было академии наук, зато существовали частные собрания наподобие научного музея. Для царя России было важно связать идеи, которые уже существовали, с тем, что можно было бы воплотить в России.

Важным моментом в реализации идеи создания научного центра была взаимосвязь гимназии — университета — академии наук с научным музеем и даже обсерваторией. Для Петра это было важным компонентом взаимосвязи всех составляющих единого «живого организма». Если рассматривать данный проект с точки зрения доктрины этатизма, то государство должно стать основополагающим органом в управлении академией. Отсюда в идеале своего рода «государственный заказ» на научные изыскания и воспитание плеяды российских ученых.

Результатом размышлений Петра I и его окружения становится создание научного центра в 1724 г.[7] Однако, прежде чем перейти непосредственно к самому анализу академии наук, нам хотелось бы обозначить общие понятия — что может представлять собой академия наук. Под академией наук в широком смысле слова подразумевается два типа научного учреждения:

1. Академия наук — собрание ученых, которые занимаются научными изысканиями.
2. Академия наук — это система подготовки научных кадров. Изначально это предприятие мыслилось как именно учебное заведение. Однако вскоре эта модель была видоизменена и включила в себя все три ступени обучения[8].

Такого рода модель выявила как минимум две проблемы:

1. Откуда набирать научные кадры?
2. Как подготовить студентов?

С учеными выход был найден: их просто приглашали из других стран, преимущественно из Германии, Швейцарии, Франции, Голландии[9]. Вопрос о подготовке самих студентов представлялся наиболее острым, ведь начальное звено образования как таковое отсутствовало. И поэтому модель Г. Лейбница была передовой для того времени: на Западе связь между ступенями образования отсутствовала[10]. Россия же и сам Петр I были готовы учредить иную модель, где академия наук, как говорилось выше, была связана не только с университетом, но и с гимназией.

В проекте 1724 г. учреждается академия наук совместно с университетом и Академией художеств: «К розпложению художеств и наук употребляются обычайно два образа здания; первый образ называется универзитет, второй — Академия, или Социетет художеств и наук»[11]. При этом из устава мы видим следующее: автор предлагал создать учреждение, которое бы одно делало все то, что в Европе по отдельности делают три: гимназия, университет и академия[12]. В положении это звучит так: «И таким образом, одно здание с малыми убытками, но с великою пользою учреждено будет, что в других государствах три разные организации выполняют...»[13] Очевидно, что практичный Петр I думал и о финансовой стороне вопроса. Финансировать один орган куда более выгодно, нежели три. Таким образом это выглядело в положении, т. е. теоретически. Как же было практически?

Мы не будем подробно описывать строение Академии наук, членство в ней и т. д. Отметим лишь, что научное предприятие состояло из трех классов: математический, физический и гуманитарный. Во главе Академии наук стоял президент, функции которого были четко определены, как на Западе. Петр I считал, что президент должен быть выборной должностью, но, к сожалению, после смерти монарха пришлось пересмотреть этот пункт. Президента назначали последующие императоры.

Если Академия наук начинает свою работу в 1725 г. и туда приезжают именитые ученые, то с университетом и гимназией все обстоит намного сложнее.

Если проследить работу академического университета в период 1725–1747 гг., т.е. до учреждения нового регламента, то мы не увидим реальной работы по обучению. Да, разумеется, студенты были, но их количество было минимальным вплоть до 1747 г. А.Д. Толстой очень верно описал сложившуюся ситуацию: академики должны были преподавать в университете, где отсутствовали обучающиеся[14]. Известные ученые, которые откликнулись на призыв Петра Великого и приехали в Петербург, явно ожидали другого: большинство из них надеялось, что будут заниматься не только научными изысканиями, но и преподавать, как это было, например, в Германии.

По мнению Г.Ф. Миллера, который прибыл для работы в Санкт-Петербургскую академию наук, «требовались ученики, которые могли и желали бы извлекать пользу из сея учреждения; но ни того, ни другого не было, как иначе это и быть не могло»[15].

Из слов Г.Ф. Миллера очевидно, что связь между университетом и академией на практике отсутствует. Почему же так получалось?! Одной из основных причин мы видим нежелание, прежде всего, петровской элиты воспроизводить то обучение, которое было заведено в университете. Ведь преподавание велось на латинском языке, который большинство потенциальных слушателей не знало! Поэтому куда проще было получать образование не классическое, а военное. Благо светские школы (Артиллерийской школы и Инженерного шляхетного корпуса) этой проблемы не испытывали.

Как справедливо отмечает Ю.Х. Копелевич, «в период, когда поощрялись привилегированные дворянские училища и не поддерживалось присущее петровской эпохе стимулирование всеобщего образования, дворяне крайне неохотно отдавали детей в учебные заведения, а контингент молодых людей из имущих неподатных сословий, на который мог рассчитывать университет, был очень невелик»[16]. Таким образом, существующий устав не отвечал потребностям возвышающегося государства. Эпоха дворцовых переворотов до Елизаветы не способствовала расцвету академического образования в России. Сам термин «устав» означал свод правил, по которым будет функционировать Академия наук. Но он не являлся «регламентом», т.е. правовым актом. И вплоть до 1747 г. над этим вопросом никто не задумывался. Понимание того, что Академии наук нужен именно правовой статус, пришло в елизаветинский период. Меняется не только название Академии, но и отношение к тем проблемам, которые существовали в предыдущий период.

В 1747 г. выходит новый регламент, по которому мы наблюдаем существенные изменения: «Однако по сие время Академия наук и художеств плодов и пользы совершенной не произвела по тому только одному, что не положен был регламент и доброе всему определение и не сочинен был штат как должностей всех, так и их содержания, что намерен был не токмо сам государь император Петр Великий, но и государыня императрица Екатерина Алексеевна конечно учинить ежели бы смерть не застигла обоих сих монархов»[17].

То есть, по мнению составителей данного регламента, предшествующий устав не отвечал тем потребностям, которые могли бы на деле реализовать веяния «современной науки». Следующий крайне важный момент — четкое разграничение того, что есть академия наук, и того, что есть университет. Академики должны заниматься исключительно научной деятельностью: «Чего ради им времени мало останется на то, чтоб обучать других публично». В университете, если верить «Регламенту», «учить должны... о которых под учреждением университета определено будет». Однако в 36-й статье «Регламента» мы наблюдаем следующее: «А особливо что за первый случай учреждение академическое не может быть сочинено инако, как из иностранных по большой части людей; а впредь должно оно состоять из природных российских. Того ради к Академии другая ее часть присоединяется — университет»[18]. Из этой статьи можно сделать вывод о разграничении полномочий двух составляющих образования. Несмотря на то что регламент был выработан, прежние проблемы оставались до конца не решенными. Например, проблема финансирования. В 37-й статье «Регламента» говорится: «И оных определить при Академии, дав им жалование и квартиру такую, чтоб они все могли быть в одном доме. А чтоб впредь сие число студентов могло всегда наполняться, то учредить гимназию, при которой 20 человек молодых людей содержать на коште академическом...»[19] Правительство было озадачено таким небольшим количеством студентов. Поэтому студентов стали набирать из кадетского корпуса. Однако и этот факт не решал проблему с количеством обучающих. Сословная составляющая была расширена: учиться могли все сословия, кроме тех, кто платил подушную подать. Правительство готово было содержать студентов, лишь бы они учились. Однако и здесь существовала проблема, которая являлась следствием всего предприятия: государство не обеспечивало студентов «рабочими местами».

Наиболее талантливые выпускники занимались преподавательской деятельностью. В основном преподавание осуществлялось в академической гимназии, которая являлась начальной стадией обучения (описывать подробно все нюансы работы гимназии мы не будем, так как это довольно многогранно изученная тема).

В середине XVIII в. на проблемы академического образования устремил свой взор «светило отечественной науки» М. В. Ломоносов, предложив вернуться к изначальной модели академии на практике, уделив огромное внимание именно гимназиям и университету как будущему академическому образованию. В 1758 г. М. В. Ломоносова назначают ректором академической гимназии и университета. Президент Академии наук поручает новому ректору составить регламент, который не нравится ряду академиков, в том числе Фишеру»[20].

Действительно, Ломоносов рекомендовал передовые для того времени новшества. Так, ученый предлагал «набрать новых школьников и сделать порядок, «чтоб школьники под строгим контролем, а студенты волю пристойную имели»[21]. Автор выдвигал серьезные критерии для контроля обучающихся. Ломоносов считал, что обучаться могут все сословия без исключения, что,

разумеется, не могло не отразиться на восприятии противников регламента. Например, М. В. Ломоносов был за расширение сословной составляющей гимназии за счет податного сословия. Звучало это, мягко скажем, крайне прогрессивно для второй трети XVIII в. Если обратиться к исследованиям А. М. Феофанова, то мы увидим, что около двух тысяч студентов академической гимназии обучались в период с 1726 по 1765 г.[22] Дворянское происхождение было у 424 человек, а остальные учащиеся имели разное сословное происхождение[23].

Когда в 1760 г. руководство Академическим университетом и гимназией было передано М. В. Ломоносову, количество государственных стипендиатов возросло, был увеличен объем финансирования, дворянские привилегии профессоров и выпускников университета получили закрепленные законом гарантии. Эти неотложно проведенные меры способствовали поднятию статуса Академического университета и росту значения университетского образования. М. В. Ломоносов добился также важных организационных перемен — разделения университета на три факультета: юридический, философский и медицинский — с сосредоточением процесса управления просвещением в российской столице в Академии наук как единственном в империи научном центре[24].

К сожалению, М. В. Ломоносов столкнулся с рядом проблем, которые сделали работу университета несостоятельной. Во-первых, ученый видел, что зарубежная профессура не понимает нужд отечественного образования. Ведь именно М. В. Ломоносову принадлежит идея уделять огромное внимание именно русскому языку как основополагающему в академическом образовании России. Во-вторых, обострился конфликт между русским ученым и руководством университета по подготовке научных кадров. Таким образом, модель гимназия — университет — академия наук стала передовой не только для Российской империи, но и для Европы. Однако говорить о том, что научный центр России смог удовлетворить нужды государства в научных кадрах, конечно, преждевременно.

Если Академия наук еще справлялась со своей основной задачей, то академический университет переживал крайне тяжелые времена. Так, в 1766 г. его просто закрыли за отсутствием слушателей[25].

Надежды М. В. Ломоносова на то, что Академический университет мог бы дать за сорок лет своего существования не менее двухсот докторов, аптекарей, юристов, механиков, не оправдались[26]. Увы, к концу XVIII в. университет перестал существовать. Тем не менее передовая идея связи всех звеньев академического образования принесла свои плоды, но позже. Российская наука органично вошла в мировое научное содружество благодаря своим фундаментальным открытиям, которые стали возможны именно в петровский период. Что касается академического университета, то идеи, которые пытался воплотить Ломоносов, также не пропали даром. В 1755 г. был основан Московский университет — полноправный преемник академического университета в Петербурге. Именно этому учебному заведению была уготована участь кузницы по подготовке целой плеяды выдающихся ученых, работающих и прославляющих свое Отечество.

[1] *Андреев А. И.* Основание Академии наук в Петербурге // Петр Великий. Сборник статей. М.; Л., 1947. Т. 1. С. 284–285.
[2] *Козлова Ю. А.* К проблеме построения регулярного государства при Петре I // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2022. Т. 12, № 4. С. 19–20.
[3] Там же. С. 19–20.
[4] *Герье В. И.* Отношения Лейбница к России и Петру Великому: по неизданным рукописям Лейбница в Ганноверской библиотеке // Лейбниц и его век. 1871. Т. 2. С. 191.
[5] Там же. С. 192.
[6] *Анисимов Е. В.* Петр и рождение русской науки // Петр I и становление российской науки: Материалы международной научной конференции. Санкт-Петербург, 3–5 октября 2022 г. / Отв. ред. Т. А. Базарова. СПб., 2022. С. 5.
[7] История Академии наук СССР. М.; Л., 1958. Т. 1. С. 130.
[8] Там же. С. 130.
[9] *Смагина Г. И.* Организационная модель Петербургской Академии наук как синтез европейского опыта начала XVIII века в российских условиях // Проблемы деятельности ученого и научных коллективов. 2017. № 3 (33). С. 10.
[10] *Козлова Ю. А.* Путешествие Петра I в Западную Европу. 1716–1717 годы. М., 2020. С. 163.
[11] Проект положения об учреждении Академии наук и художеств, 1724 г. // Уставы Академии наук. М., 1975. С. 31.
[12] *Смагина Г. И.* Организационная модель Петербургской Академии наук как синтез европейского опыта начала XVIII века в российских условиях. С. 11–12.
[13] Проект положения об учреждении Академии наук и художеств, 1724 г. С. 31.
[14] *Толстой А. Д.* Академический университет в XVIII столетии по рукописным документам архива Академии наук. СПб., 1885. С. 15.
[15] *Пекарский П. П.* История Императорской Академии наук в Петербурге. СПб., 1870. Т. 1. С. 34.
[16] *Копелевич Ю. Х.* Основание Петербургской академии наук. Л., 1977. С. 188.
[17] Регламент Академии наук и художеств в Санкт-Петербурге, 1747 г. // Уставы Академии наук. М., 1975. С. 2.
[18] Там же. С. 14.
[19] Там же.
[20] *Толстой А. Д.* Академический университет в XVIII столетии по рукописным документам архива Академии наук. С. 50–51.
[21] *Ломоносов М. В.* Полное собрание сочинений. М; Л., 1957. Т. 10. С. 29.
[22] *Феофанов М. А.* Воспроизводство элиты и Академическая гимназия 1724–1765 гг. // Вестник Православно-Тихоновского гуманитарного университета. 2018. Сер. 2. Вып. 83. С. 61.
[23] Там же. С. 61.
[24] *Новиков М. В., Перфилова Т. Б.* Становление университетского образования в России // Ярославский педагогический вестник. 2011. Т. 1. № 4. С. 9.
[25] Там же. С. 10.
[26] Там же.

References

ANISIMOV E. V. *Petr i rozhdenie russkoj nauki* // Petr I i stanovlenie rossijskoj nauki [Peter 1st and the formation of the Russian nation. In Russ.]: Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Sankt-Peterburg, 3–5 oktyabrya 2022 g. / Otv. red. T. A. Bazarova. St. Petersburg, 2022.

FEOFANOV M. A. *Vosproizvodstvo jelity i Akademicheskaja gimnazija v 1724–1765 godax* [Reproduction of the elite in the Academic gymnasium in 1724–1765. In Russ.] // Vestnik Pravoslavno-Tihonovskogo Gumanitarnogo Universiteta. 2018.Vol. 83. P. 59–65.

GER'E V. I. *Otnoshenija Lejbnica k Rossii i Petru Velikomu: po neizdannym rukopisjam Lejbnica v Gannoverskoj biblioteke* [Leibniz's relations to Russia and Peter the Great according to the unpublished manuscripts of the Leibniz Hanoverian Library. In Russ.] // Lejbnic i ego vek. St. Petersburg: Pechatnya V. I. Golovina, 1871. Vol. 2.

Istorija Akademii nauk SSSR [Historia of Academy of Science USSR. In Russ.]. Moscow; Leningrad: Izdatel`stvo Akademii nauk SSSR, 1958. Vol. 1.

KOPELEVICH Ju. H. Osnovanie Peterburgskoj Akademii nauk [Foundation of the St. Petersburg Academy of Sciences. In Russ.]. Leningrad: Nauka, 1977.

KOZLOVA Ju. A. *K probleme postroeniya regulyarnogo gosudarstva pri Petre I* [On the problem of building a regular state under Peter I. In Russ.] // Iz istorii i kul`tury narodov Srednego Povolzhya. 2022. Vol. 12, no.4. P. 19–20.

KOZLOVA Ju. A. Puteshestvie Petra I v Zapadnuju Evropu. 1716–1717 gody [Peter's journey to Western Europe. 1716–1717. In Russ.]. Moscow: Lomonosov, 2020.

LOMONOSOV M. V. Polnoe sobranie sochinenij [The complete works. In Russ.]. Moscow; Leningrad: Izdatel`stvo Akademii nauk SSSR, 1957. Vol. 10.

NOVIKOV M. V., PERFILOVA T. B. *Stanovlenie universitetskogo obrazovanija v Rossii* [Formation of university education in Russia. In Russ.] //Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2011. No. 4. Vol. 1. P. 7–19.

PEKARSKIJ P. P. Istorija imperatorskoj Akademii Nauk v Peterburge [History of the imperial Academy of Sciences in Saint Petersburg. In Russ.]. St. Petersburg: Izdanie otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Imperatorskoj akademii nauk, 1870. Vol. 1.

Proekt Polozhenija ob Uchrezhdenii Akademii Nauk i Hudozhestv, 1724 god [Draft regulations on the establishment of the Academy of Sciences and Arts, 1724 year. In Russ.] // Ustavy Akademii nauk. Moscow, 1975. P. 31–39.

Reglament Akademii Nauk i Hudozhestv v Sankt-Peterburge, 1747 god [Regulations of the Academy of Sciences and Arts in Saint Petersburg, 1747 year. In Russ.] // Ustavy Akademii nauk. Moscow, 1975. P. 40–46.

SMAGINA G. I. *Organizacionnaja model' Peterburgskoj Akademii nauk kak sintez evropejskogo opyta nachala XVIII veka v rossijskih uslovijah* [The organizational model of the St. Petersburg Academy of Sciences as a synthesis of the European experience of the early 18th century in Russian conditions. In Russ.] // Problemy dejatel'nosti uchenogo i nauchnyh kollektivov. 2017. No. 3 (33). P. 9–21.

TOLSTOJ A. D. Akademicheskij universitet v XVIII stoletii po rukopisnym dokumentam arhiva Akademii nauk [Academic university in the 18th century according to the handwritten documents of the archive of the Academy of Sciences. In Russ.]. St. Petersburg: Tipografiya Imperatorskoj Akademii nauk, 1885.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Ю. А. Козлова. Становление академического образования в России от Петра I до Елизаветы Петровны // Петербургский исторический журнал. 2023. № 4. С. 165–173

Аннотация: Статья посвящена становлению академического образования в России от Петра I до Елизаветы Петровны. Автор попытался комплексно рассмотреть основные проблемы и модели академического образования. Комплексный подход к рассмотрению основных проблем учреждения научного центра России позволил автору попытаться связать идею создания новой академической триады с идеей регулярного государства Петра I, где государство выступало основным механизмом, регулирующим научную жизнь. Именно поэтому научный центр России включал в себя как уже существующие научные идеи организации академического образования, так и передовые для того периода.

Ключевые слова: Академия наук, Петр I, устав, регламент, Елизавета Петровна, М. В. Ломоносов, Г. В. Лейбниц, регулярное государство, научный центр.

FOR CITATION

Yu. A. Kozlova. The formation of academic education in Russia from Peter I to Elizabeth Petrovna // Petersburg historical journal, no. 4, 2023, pp. 165–173

Abstract: The article is devoted to the formation of academic education in Russia from Peter I to Elizabeth Petrovna. The author tried to comprehensively consider the main problems and models of academic education. An integrated approach to the consideration of the main problems of the establishment of the scientific center of Russia allowed the author to try to link the idea of creating a new academic triad with the idea of the regular state of Peter I, where the state acts as the main mechanism regulating scientific life. That is why the scientific center of Russia included both existing scientific ideas of the organization of academic education and advanced ones for that period.

Key words: Academy of Sciences, Peter I, charter, Elizaveta Petrovna, M. V. Lomonosov, G. V. Leibniz, regular state, scientific center.

Автор: **Козлова, Юлия Алексеевна** — к. и. н., доцент кафедры гуманитарных и экономических дисциплин Московского автомобильно-дорожного государственного технического университета (Бронницкий филиал).

Author: **Kozlova, Yulia Alekseevna** — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Humanities and Economic Disciplines of the Moscow Automobile and Road Construction State Technical University (Bronnitsky Branch).

E-mail: Sakylina77@mail.ru

ORCID: 0000-0002-5208-8767

УДК 37(09) (470.24)
DOI: 10.51255/2311-603X_2023_4_174

Н. В. Салоников, К. В. Суториус

Новгородская архиерейская школа и образовательные проекты архиепископа Феодосия (Яновского)

В истории образования петровского времени Новгородская архиерейская школа занимает особое место. Открытая Новгородским митрополитом Иовом (1697–1716) и реализованная с помощью братьев Лихудов и их учеников, школа была направлена не только на обучение, но и на переводческую и книгоиздательскую деятельность[1]. Образование в Новгородской школе было многоуровневым, сочетая начальное (рудиментарное) обучение и преподавание грамматики, риторики и пиитики. Начальное обучение, характерное для традиционной православной образовательной модели, включало «словесное и письменное правильное учение, то есть букварь, в котором содержится азбука, законное десятословие, молитву Господню, Символ веры и десять блаженств Евангельских с толкованием, по нем Часослов, Псалтырь и писать»[2]. Обучение «книгочтению», Псалтири и Часослову было достаточным основанием для того, чтобы дети духовенства, после успешного прохождения испытаний, получали ставленические грамоты и отправлялись на приходы. Учеба в Новгородской школе давала ее выпускникам образование более широкое, чем начальное. В школе преподавались грамматика церковнославянского языка, языки греческий и латинский, а также риторика[3]. Успешная деятельность школы, а также активная позиция новгородских владык, их место и роль в церковной иерархии сделали ее образцом для других епархиальных школ России, оказали влияние на формирование

законодательных норм в области образования петровского и послепетровского времени.

Исследования по истории Новгородской архиерейской школы немногочисленны. В дореволюционной историографии можно выделить только статью Е. М. Прилежаева[4]. Автор, используя полный комплекс доступных ему источников, описал историю школы за первые двадцать лет ее существования, выделив ключевые эпизоды — обучение в школе дворянских недорослей и учеников из других епархий, создание партикулярных и епархиальных школ, открытие цифирной школы в Новгороде. Начало возрождения исследовательского интереса к истории школы приходится на конец советского периода. Первой после длительного перерыва стала статья О. Б. Страховой, в которой автор, следуя за Е. М. Прилежаевым и ссылаясь на опубликованные источники, во многом повторяет выводы своего предшественника[5]. Некритическое отношение к публикациям источников сохранится в отечественной историографии и на рубеже XX–XXI столетий, когда появится ряд специальных работ, посвященных истории школы и определению ее типологии[6]. Исследования последних десятилетий связаны с введением в научный оборот и публикацией новых источников по истории школы, а также изучением на основе их анализа отдельных эпизодов ее истории[7]. Выявление значительного комплекса документов открывает перед исследователями возможности для реконструкции повседневной жизни школы, уточнения ее типологии, места и значения в истории отечественного образования петровского времени.

Создание системы регулярного школьного образования для детей духовенства — сложный процесс, зафиксированный в царских указах и в указах, выпущенных из канцелярии Синода. Первые попытки ввести обязательное школьное обучение для детей, подчиненных духовному ведомству, мы встречаем в указах Петра I, изданных в 1708 и 1710 гг. Окончательно положение об обязательном обучении детей духовенства было закреплено в Духовном регламенте, изданном в 1721 г. Этот документ обязывал епископов открывать в своих епархиях школы для обучения детей, затрагивал вопросы их управления и содержания. Однако решение, принятое на законодательном уровне, не всегда успешно реализовывалось на практике. Свидетельством этого являются повторные указы об обязательном обучении детей духовенства, изданные в 1722, 1723 и 1731 гг. Открытию и успешному функционированию епархиальных школ в России препятствовал ряд факторов, среди которых и отсутствие педагогических кадров, и недостаток финансирования. Одной из главных проблем было нежелание духовенства отдавать своих детей в школы. Школа как институт вступала в противоречие с традиционной моделью обучения, когда учить детей «книгочтению» родители могли дома или при церквах. По этой причине создание системы регулярного школьного образования в петровское время — это прежде всего процесс изменения менталитета церковнослужителей, выработка

в их сознании представления о необходимости «правильного» образования, оформление этих представлений в законодательную норму. К сожалению, указы петровского времени не смогли решить эти задачи. Только в конце 1730-х гг. с возникновением сети школ (семинарий) в России начинается широкое распространение образования среди духовенства[8]. В этой связи особый интерес представляет деятельность Новгородской архиерейской школы при архиепископе Феодосии (Яновском), пытавшемся реализовать в Новгородской епархии ряд образовательных проектов, которые могли изменить сложившуюся в первой половине 1720-х гг. ситуацию.

Историю Новгородской архиерейской школы в первой трети XVIII в. условно можно разделить на три периода по времени правления новгородских владык: школа при митрополите Иове — 1706–1716 гг., при архиепископах Феодосии (Яновском) — 1721–1725 гг. и Феофане (Прокоповиче) — 1725–1736 гг. Каждый из этих периодов в истории школы имеет свои особенности и специфику. Это связано прежде всего с разным отношением к школе новгородских архиереев, которые привносили в ее деятельность свое ви́дение того, какой она должна быть.

Если митрополит Иов рассматривал школу как часть своего образовательного проекта, неотделимую от переводческого центра и скриптория, то архиепископ Феодосий (Яновский) в большей степени заботился о распространении результатов ее деятельности по всей России. Будучи поборником правильного грамматического образования, владыка предпринял практические шаги, а также выступил в Синоде с рядом законодательных инициатив. Прежде всего архиепископ Феодосий увеличил количество школ, открыв новые школы в разных местах Новгородской епархии. Были созданы две партикулярные школы в Новгороде — Знаменская и Розважская, по одной епархиальной школе в Бежецке, Валдае, Великих Луках, Каргополе, Олонце, Старой Руссе, Тихвине, Торжке, Устюжне и на Петровских заводах. Школы не возникли одновременно. Первые четыре школы были открыты в 1721 г., остальные открывались постепенно на протяжении трех лет вплоть до 1724 г. Открытие этой сети школ давало возможность детям духовенства Новгородской епархии учиться в непосредственной близости от родительского дома. Учителями в партикулярные и епархиальные школы были посланы ученики, учившиеся в Новгороде у Лихудов и их новгородского ученика Федора Максимова. Обучение было организовано по образу Новгородской архиерейской школы. После обучения букварю ученики «по желанию своему приходили до грекославенския школы ко обучению грамматики и протчих наук»[9].

В одном ряду с созданием партикулярных и епархиальных школ следует рассматривать открытие Феодосием (Яновским) школы в Александро-Невском монастыре. 25 октября 1721 г. он велел учредить в монастыре «славенскую школу, в которой как того монастыря служителских детей, так и сирот, не имеющих родителей и своего препитания, и посторонних, кто кого отдать похо-

щет, принимая от пяти до тринатцати лет, учить славенскаго чтения и писания по новопечатным букварям, а потом и грамматики»[10]. Учителем в новую школу был назначен подьяк, ученик Новгородской архиерейской школы Иродион Тихонов. В августе 1723 г. в Александро-Невский монастырь был направлен еще один ученик Новгородской школы — Андрей Тишин, который должен был в качестве учителя помогать Иродиону Тихонову в преподавании названных в указе предметов, а также учить учеников школы греческому языку[11].

Расширение Феодосием (Яновским) сети школ в Новгородской епархии, с одной стороны, было реализацией положения Духовного регламента, а с другой — свидетельством наличия у новгородского архиерея материальных и кадровых ресурсов для осуществления такого масштабного проекта. В 1724 г. в архиерейской школе, кроме греко-славянского класса (также назывался «школой»), был открыт латинский класс. Фактически Новгородская школа была превращена в славяно-греко-латинскую. Но в этом статусе она просуществовала недолго. Через два года, при архиепископе Феофане (Прокоповиче), латинская и славянская школы были закрыты, а осталась только греческая.

Помимо расширения сети школ и возможно большего охвата числа учеников, архиепископ Феодосий заботился и о качестве образования. 22 августа 1722 г. он поставил в Синоде вопрос о необходимости провести аттестацию учителей «духовного и мирского чина», обучающих детей в Санкт-Петербурге. Поводом к этому послужило большое число учителей, учивших в столице детей «книгочтению», но не имевших для этого должной квалификации. Проведение аттестации было поручено учителю Иродиону Тихонову[12]. Результаты проверки были предсказуемы: большинство аттестованных учителей оказались малограмотными и решением Синода были отстранены от обучения детей, им было предписано учиться самим[13]. Считать проведенную в Петербурге аттестацию столкновением нового «грамматического учения» с традиционной моделью образования, как это делает Е. И. Кислова, вряд ли уместно[14]. Тем более что грамматическое знание было лишь первой ступенькой, которая возвышалась над начальным образованием, и средством для изучения языков, а затем и высших наук начиная с риторики[15]. Вряд ли архиепископ Феодосий (Яновский) стремился разрушить традиционную модель обучения, его задача была более прагматичной — распространить правильное грамматическое обучение церковнославянскому языку, выявив среди учителей невежд и заменив их обученными «грамматистами».

Свидетельством этой деятельности владыки были меры, направленные им на борьбу с невежеством как среди духовенства, так и среди светских лиц. 20 августа 1723 г. по Новгородской епархии был разослан архиерейский указ об обучении в школах попов и диаконов, поставленных на священнические места в период между смертью митрополита Иова в 1716 г. и рукоположением на новгородскую кафедру Феодосия в 1721 г. В документе отмечалось, что «поставленных между архиерейства в Новгородскую епархию попов и дьяконов

для свидетельства в священнослужении и получении благословенных от его преосвещенства грамот» следует высылать в Петербург, «куда должни они приходить с показанием совершеннаго во звании своем обучения». И перед отправлением в Петербург обучать их «во учрежденных по разным Новгородской епархии городам школах, дабы правильно и безгрешно читать знали, и о том совершенно обучившимся давать от школ учащим грамматистам свидетельствующия то учение листы <...>, а без таких листов отнюдь не приходить, ибо оное в Санкт-Питербурхе свидетельство чинить определено не невеждам, но совершенно обученным, которые при том свидетельстве должны присматриваться и навыкать лутшаго церковных церемоний благочиния, а не читать учится <...>»[16].

Накануне, 19 августа 1723 г., архиепископ Феодосий выступил в Синоде с предложением, чтобы «как в Великом Новеграде, так и во всей ево епархии у оного детей учения быть однем точию грамматистом, которые во обретающейся при доме ево школе славенскую грамматику учением окончали, а невежд до такова детей учения, которое яко невежеское неполезно есть, допущать не велено, и весьма им в том запрещено по силе онаго Духовнаго регламента <...>». Здесь же владыка предложил новгородским грамматистам обучать не только детей духовенства, для которых обучение было обязательным, но и «разночинцов, в свецкой команде обретающыхся»[17]. Спустя несколько дней, а именно 27 августа, Синод, рассмотрев это предложение, согласно приговорил: о правильном грамматистами в Новгородской епархии «светских людей, а имянно шляхетских и приказных и купецких и протчих чинов детей учении, дабы объявленным во оном доношении невеждам не полезное оных детей учение весьма было запрещено, указ учинить в правительствующем Сенате»[18]. Сенат, рассмотрев это предложение Синода об обучении детей светских чинов в архиерейских школах Новгородской епархии, указал, что проект совместного обучения представителей разных сословий уже существует — это цифирные школы. И предложил Синоду объединить архиерейские школы с цифирными.

Первым указом Петра I от 28 февраля 1714 г. об открытии цифирных школ предписывалось: «Во всех губерниях дворянских и приказного чина дьячих и подьяческих детей от десяти до пятнатцати лет, опричь однодворцов, учить цыфири и некоторую часть геометрии, и для того учения послать матиматических школ учеников по несколько человек в губернию к архиереом и в знатные монастыри. И в архиерейских домех и в монастырех отвести им школы и во время того учения тем учителям давать кормовых по три алтына по две деньги на день из губернских доходов»[19]. Практически это была попытка внедрить в масштабах всей страны обязательное начальное образование сначала для детей двух социальных категорий — дворян и подьячих, позднее к ним были добавлены посадские дети и дети духовенства[20]. К сожалению, этот указ, как и многие указы петровского времени, был плохо проработан и содержал в себе противоречия, которые пришлось исправлять в последующем. В общей

сложности в царствование Петра I было издано семь указов о цифирных школах[21]. Приказывая открыть цифирные школы при архиерейских домах и монастырях, Петр принял компромиссное решение, по которому часть расходов на содержание светских учебных заведений фактически перекладывалась на плечи церкви. Это не могло не вызвать напряженности в отношениях между светской и духовной властью.

История цифирной школы в Новгороде начинается в 1716 г., когда в город прибыл навигатор Василий Залуцкий. Организация обучения арифметике и геометрии в Новгороде, как и в других городах России, оказалась делом непростым. Учителя цифирных школ сталкивались как с открытым нежеланием церковных властей исполнять указы, так и с бездействием властей светских, которые должны были оказывать им содействие. Перипетии открытия цифирной школы в Новгороде сохранилась в переписке Новгородского архиерейского дома со светскими властями.

Викарий Новгородской епархии епископ Корельский и Ладожский Аарон (Еропкин) на все требования об исполнении царского указа об открытии цифирных школ, присылаемые из Санкт-Петербурга через Новгородскую приказную палату, отвечал, что «тот его царского величества указ приличествует к таким городам, в которых школ не учреждено, а в Великом Новегороде собственная онаго учения школа обретается, в которой напред сего дворянские дети вышеозначенной науки и учены, а в архиерейском доме содержатся школы других греко-славенска диалекта наук. И за таким тех школ содержанием оной цыфирнаго и геометрическаго учения школ быть в архиерейском доме негде»[22].

3 августа 1720 г. полковник Г. Г. Скорняков-Писарев, под управление которого были отданы цифирные школы, прислал ответ, в котором писал: «...ево величество государь наш всеросийский <...> Петр Алексеевич, о своих подданных неусыпно трудится, дабы из тьмы не обучения просветить науками, и того ради милостиво соизволил во всем своем царствии всякого чина людей учить арифметики и части некоторой геометрии, и обуча отпускать по-прежнему во достойные когожда чина служении. <...> И тот его величества указ и наука вышеозначенная в учении грекословенского диалекта и во постановлении священнического чина детей в священнической чин <...> не есть препятие, но и способ, ибо оные науки во всецелой человеческой жизни зело человеком надобны и многаго времяни не требует, а имянно поятнейшия могут обучитца в год. А вам показалося оная за препятие не знаю для чего, а чаю, что вы сами оной науки неискусны, то и сладости оной не причастился и протчих всех вышеозначенных чинов людей детей неразумием своим оной науки от сладости оные отлучаешь <...>». И в конце письма пригрозил: «<...> ежели во прежнем упрямстве пребывать будешь, то я ответ ваш тако самой ево величества персоне, тако и правительствующему Сенату предъявлю со ясным истолкованием»[23].

Угрозы возымели действие, и 9 августа 1720 г. епископ Аарон подписал указ, в котором приказал удобные к арифметическому учению «в архиерейском доме

места отвести и о взятье в то учение помянутых учеников определенным к тому афицером и камисаром дать послушные из митрополича розряду указы»[24].

К сожалению, нормально цифирная школа в Новгороде работала недолго. Ситуация изменилась в 1721 г., после реформы церковного управления — создания Святейшего Синода и издания Духовного регламента, который предписывал архиереям учреждать в своих епархиях семинарии. В одном из донесений учитель Василий Залуцкий жаловался, что «отведена де была ему школа в архиерейском доме и присылались де поповы и протчаго церковнаго чину и архиерейскаго дому и монастырских слуг дети их к учению. А ныне де по приказу преосвященного архиепископа Феодосия Великоновгородцкого и Великолуцкого в тое школу ево учить учеников не пускают и учит де он на квартере своея с великою нуждою», а детей духовенства «без послушнаго указу из святейшаго правительствующаго духовнаго Синоду не определяют, а которые де и определены были во учение многие без отпусков отлучились»[25].

Запрещая епархиальным властям выполнять распоряжения светского начальства о цифирных школах, Синод добивался от Петра I изменения принципа комплектования этих школ, и 19 ноября 1721 г. император согласился освободить детей духовенства от обучения в цифирных школах. Более того, такие школы не могли располагаться в церковных помещениях, поскольку теперь в архиерейских домах должны были создаваться семинарии. Вступив на Новгородскую кафедру в 1721 г., Феодосий (Яновский) вынужден был закрыть цифирную школу на территории Новгородского архиерейского дома, подчиняясь постановлениям Синода.

Как уже было сказано, осенью 1723 г. Сенат, рассматривая предложение архиепископа Феодосия (Яновского), рекомендовал принять компромиссное решение — соединить архиерейские и цифирные школы. Синод воспринял это предложение негативно и ответил, что архиерейские школы действуют только в Новгородской епархии, где и возможно такое объединение. Нужно было согласие новгородского архиерея, и он его дал. В указе Синода от 15 мая 1724 г. о соединении архиерейской и цифирной школ только в Новгороде было сказано: «В Новгородской епархии цыфирную школу и учителей соединить с вышепомянутою архиерейскою школою, а жалованием учителей и принадлежащыми росходами содержать ис тех же мест как оная школа была под ведением Адмиралтейской коллегии против прежняго, дабы оное учение было под одною дирекциею, ибо при обучении словесном и писменном могут обще и цыфирную науку принимать. А во учении учеником в той цыфирной школе быть ис таких чинов, которым по прежним его императорскаго величества указом обучатца велено. А для словесного и писменного правилного обучения светских всяких чинов людем, которые таких учителей у себя не имеют, детей своих малолетных обучать у тех архиерейских учителей, чтоб таковое правилное обучение умножилось <...>»[26]. Таким образом Феодосий (Яновский) добился своей цели — он получил разрешение обучать детей светских лиц в архиерейской школе.

В конце 1723 г. новгородский владыка выступил в Синоде с еще одной инициативой об обязательном обучении грамматике церковнославянского языка детей духовенства. Проблема, однако, заключалась в том, что для осуществления этого проекта в масштабах России недоставало учителей. С целью решить данную проблему предлагалось направить из каждой епархии в Новгородскую школу по три человека для того, чтобы они, выучившись и вернувшись, могли стать учителями церковнославянской грамматики в своих епархиях. Указ Синода о присылке в Новгород для изучения «грамматики и прочих к познанию Священного Писания приличных наук» учеников из других епархий был издан 13 ноября 1723 г. Новгородская архиерейская школа стала центром по подготовке учителей из других епархий России. За два года в ней обучился 21 человек из Великоустюжской, Воронежской, Коломенской, Ростовской, Рязанской, Суздальской и Тверской епархий[27]. Нам известны свидетельства того, что, по крайней мере, посланцы из Великоустюжской, Коломенской и Рязанской епархий по возвращении в свои епархии были учителями школ, устроенных при архиерейских кафедрах.

В качестве примера можно привести судьбу Тимофея Ипатьева, одного из тех, кто были посланы из Рязанской епархии. Согласно поданному в Синод 14 октября 1724 г. доношению казначея Рязанского архиерейского дома иеромонаха Анания, из Переяславля-Рязанского в Новгород были отправлены «ис подьяков Тимофей Ипатев, Степан Родионов, да ис поповых детей Переславля-Рязанского Дмитрей Евстафьев, сын Благовещенской»[28]. 23 апреля 1725 г. в Синод был представлен табель учеников, прибывших из разных епархий в Новгородскую школу для изучения церковнославянской грамматики. Здесь Тимофей Ипатьев записан самым старшим из рязанских учеников (24 года), а отец его занимал самую низшую должность — пономарскую[29]. В следующий раз мы встречаем имя Тимофея Ипатьева в реестре учеников «славянской школы» за сентябрь 1725 г., где про него показано: «грамматику оканчевает», «остроумен, память средняя», «прилежен, послушен и постоянен»[30].

Интересные свидетельства о дальнейшей судьбе этого ученика мы находим в двух рукописях, которые принадлежали ему и которые были привезены им после обучения в Новгороде. Первая рукопись ОР РНБ, шифр Q.I.48, представляет собой сборник вопросов и ответов богословского характера. Здесь на л. 1–114 (по старой чернильной нумерации) читается скрепа: «Сия божественнейшая зовомая книга дому преосвященнейшего Гавриила епископа Рязанскаго и Муромскаго подяка а славяно-грамматическаго училища учителя и грамматиста Тимофеа Ипатиева собственная, а цена бо еи двесте пенязей и сего деля подписал я, Тимофей Ипатиев, собственною своею рукою во граде Переславле Рязанском в доме своем 1730-го году июля 22 дне, то есть в среду на память святыя мироносицы и равноапостолныя Марии Магдалины в день тезоименитства сожителницы своея, и сим бо словом любезнейшим моим тако заключаю. Amin». Очевидно, что Тимофей Ипатьев, вернувшись в Переяславль-Рязанский, стал

там учителем грамматики и, если мы правильно понимаем смысл этой записи, был им еще в 1730 г.

Вторая рукопись — ОР ГИМ. Барс. 2288 — представляет собой сборник учебных материалов: фрагмент начала риторики (л. 5 — 11 об.)[31], письмовник (л. 27–48), азбуковник (л. 48 об. — 133) и другие тексты. На последнем листе (199 об.) в рукописи имеется запись, которая указывает на то, где, когда и кем была написана по крайней мере часть ее: «Писася во граде зовомым Великий Нов град в славенской школе учеником и подяком Тимофеэм Ипатиевым в то время во учении бывшем и писася своеручно 1725 году в разныя месяцы». На л. 1 имеется более поздняя владельческая запись Тимофея Ипатьева: «Сия во имя Божие всеблагословенная и душеполезнейшая божественная книга, зовемая Азбуковник и часть гетогики, от книг Богом всеблагословенных из благословенной библиотеки многоггешнаго презвитега и ггамматиста Тимофеа Ипатиева г. Гелченинова собственная его и собственногучнаго писма. Того деля и подписал аз Т.И. своею гукою 1740 маиа 14 дня во отдание праздника великаго святыя Пасхи. А кому она по смерти нашей достанется, то благоволите поминать неленостно. Аминь»[32]. Судьба Тимофея Ипатьева может показать эффективность образовательных проектов Феодосия (Яновского). Для Тимофея Ипатьева возможность поехать в Новгород изучать церковнославянскую грамматику послужила своеобразным социальным лифтом: вернувшись из Новгорода, он стал учителем архиерейской школы, заняв не последнее место в Рязанской епархии. Кроме того, он привез с собой книги, которые, возможно, целенаправленно переписывал или приобретал в Новгороде, рассчитывая по возвращении использовать их в своей дидактической практике. Этот пример показывает, как новгородская ученость и книжность словно концентрическими кругами расходилась по России.

Несомненно, к числу образовательных и просветительских проектов Феодосия (Яновского), тесно связанных с деятельностью Новгородской архиерейской школы, следует отнести издание грамматики церковнославянского языка Федора Максимова (1723)[33], который был первым (лучшим) учеником Лихудов в Новгородской школе, а с 1717 г. сам был ее учителем. Изданная тиражом 1200 экз. грамматика Максимова отражала практику преподавания ее в Новгороде: на основании «прежних зело пространных, которых конец и чрез многое время с немалым трудом совершенным познанием достизается», была составлена грамматика сокращенная. Это издание непосредственно предшествовало началу обучения в Новгородской школе учителей для других епархий и, возможно, было связано с ним.

К сожалению, не все проекты архиепископа Феодосия были реализованы, а большинство из них после его отставки весной 1725 г. были закрыты. В донесении от 16 ноября 1725 г. новому Новгородскому архиепископу Феофану (Прокоповичу) учитель Василий Залуцкий писал: «И поныне цыфирная с грамматическою архиерейскою школою не сообщены, и выше показанных чинов детей их в цыфирную школу не определено ж. А присланно ко мне <...>

от самаго сущаго сиродства и безпитомственным вашего преосвященства от дому разных чинов шесть человек, да с монастырей из Юрьева четыре человека, да Антоньева монастыря Римлянина четыре человека, да Деревяницкого три человека»[34]. В декабре 1725 г. Феофан (Прокопович) выступил в Синоде с предложением «о роспуске из новгородской славенской школы собранных из разных епархей для обучения грамматики и прочих к познанию Священнаго Писания приличных наук церковнических детей по-прежнему в домы свои»[35]. Синод согласился со своим вице-президентом. Начался новый период в истории Новгородской архиерейской школы.

Таким образом, рассмотрев образовательные проекты Феодосия (Яновского), в которых Новгородской архиерейской школе была отведена первостепенная роль, мы можем предположить существование между ними связи. Начинаются эти проекты с организации в 1721 г. сети школ внутри самой Новгородской епархии. Здесь нам представляется важным поставить в связь с возникновением партикулярных и епархиальных школ также и открытие школы в Александро-Невском монастыре. В некотором смысле можно считать эту школу колонией, отпочкованной от своей митрополии — школы в Великом Новгороде, и в этом нет ничего удивительного, поскольку Феодосий (Яновский) был одновременно и архимандритом Александро-Невского монастыря. Роль людей, получивших образование в Новгородской школе, была вообще в это время очень важна в интеллектуальной жизни как самого монастыря — они были справщиками типографии, канцеляристами, учителями школы, — так и Санкт-Петербурга, о чем свидетельствует, в частности, судьба Иродиона Тихонова.

К 1723 г. относятся сразу несколько образовательных инициатив Феодосия (Яновского), в которых Новгородская школа играла центральную роль. Это издание сокращенной грамматики церковнославянского языка, которая отражала практику преподавания этого предмета в Новгородской школе и которая, видимо, начала готовиться к изданию еще до того, как Феодосий стал Новгородским архиереем. Издание это оказалось чрезвычайно актуальным в связи с появлением большого числа епархиальных школ как в самой Новгородской, так и в других епархиях, где требовалось осваивать грамматику за более короткое время и с затратой меньших интеллектуальными усилий. Второй проект — подготовка в Новгородской школе учителей церковнославянской грамматики для других епархий. Хотя этот проект и был свернут с приходом на новгородскую кафедру Феофана (Прокоповича), однако большая часть работы по нему за два года уже была сделана: по великороссийским епархиям разъехались ученики, которые везли с собой из Новгорода не только знания и навыки, но и книги, которые они могли использовать в своей преподавательской работе.

Не исключено, что большая активность Феодосия (Яновского) в области образования была связана с влиянием, оказанным на него образовательным проектом митрополита Иова, при котором Феодосий был казначеем Новгородского архиерейского дома.

[1] *Страхова О. Б.* Новгородская школа братьев Лихудов // Cyrillometyodianum XII. Thessaloniki, 1998. С. 115–117.

[2] РГИА. Ф. 796. Оп. 8. Д. 223. Л. 144 об.

[3] *Салоников Н. В., Суториус К. В.* Новгородская архиерейская школа в первой четверти XVIII века: традиции и новации // Петр Великий: исследования и открытия. К 350-летию со дня рождения. Материалы междунар. науч. конф. «Значение преобразований Петра в новой и новейшей истории России», Москва, 17–19 мая 2022 г. / Отв. ред. В. Н. Захаров. М., 2022. С. 573–580.

[4] *Прилежаев Е. М.* Новгородские епархиальные школы в Петровскую эпоху // Христианское чтение. 1877. № 3–4. С. 331–370.

[5] *Страхова О. Б.* Новгородская школа братьев Лихудов. С. 109–123.

[6] *Вознесенская И. А.* Новгородская школа братьев Лихудов // Новгородский исторический сборник. Вып. 10 (20). СПб., 2005. С. 205–235; *Григорьева И. Л., Салоников Н. В.* Новгородская школа братьев Лихудов как восточнославянская академия // Лихудовские чтения: Материалы науч. конф. «Первые Лихудовские чтения». Великий Новгород, 11–14 мая 1998 г. / Отв. ред. В. Л. Янин, Б. Л. Фонкич. Великий Новгород, 2001. С. 77–94.

[7] *Базарова Т. А.* «Петербургский класс» Новгородской епархиальной школы 1715–1717 гг. // Труды Государственного Эрмитажа. [Т.] 43: Петровское время в лицах — 2008: Материалы науч. конф. СПб., 2008. С. 40–45; *Салоников Н. В., Суториус К. В.* 1) Документы по истории Новгородской архиерейской школы как центра подготовки учителей для епархий Российской империи (1723–1725 гг.) // Отечественные архивы. 2019. № 6. С. 52–59; 2) Подготовка учителей грамматики церковнославянского языка в Новгородской архиерейской школе (1723–1725 гг.) // Новгородский исторический сборник. Великий Новгород, 2020. Вып. 19 (29). С. 397–426; Новгородские архиерейские школы: сб. документов: в 2 т. Т. 1: 1706–1727 гг. / Сост.: Н. В. Салоников, К. В. Суториус. Великий Новгород, 2022.

[8] *Салоников Н. В., Суториус К. В.* Новгородская архиерейская школа и «разбор» духовенства 1736–1738 гг. // Христианское чтение. 2022. № 2. С. 314.

[9] РГИА. Ф. 796. Оп. 8. Д. 223. Л. 144 об.

[10] Там же. Ф. 815. Оп. 4 (1723). Д. 147. Л. 2. В литературе встречается другая дата указа Феодосия об основании школы при Александро-Невском монастыре — 11 июля. См.: *Чистович И.* История Санкт-Петербургской духовной академии. СПб, 1857. С. 7; *Константин* (*Горянов*), *архиеп.* История Санкт-Петербургских духовных школ от основания до реформы: 1721–1808 годы // Христианское чтение. 2006. № 27. С. 122; *Силуан* (*Никитин*), *еп.* Приветственное слово главного редактора журнала «Христианское чтение» // Христианское чтение. 2021. № 3. С. 14.

[11] РГИА. Ф. 815. Оп. 4 (1723). Д. 147. Л. 2 — 3 об. Однако уже 15 февраля 1724 г. Андрей Тишин самовольно оставил школу. См.: РГИА. Ф. 815. Оп. 4 (1724). Д. 44. Л. 1.

[12] *Кислова Е.* «Грамматическое учение» и модели церковного образования 1720-х гг. // Quaestio Rossica. 2019. Vol. 7. № 2. С. 480–482.

[13] Там же. С. 483.

[14] Там же. С. 484 и др.

[15] *Салоников Н. В., Суториус К. В.* Новгородская архиерейская школа в первой четверти XVIII века: традиции и новации. С. 578–579.

[16] НИА СПб ИИ РАН. Колл. 115. Оп. 1. Д. 70. Л. 175 — 175 об.

[17] РГИА. Ф. 796. Оп. 4. Д. 440. Л. 5 — 6 об.

[18] Там же.

[19] Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 5: 1713–1719. С. 86.

[20] *Фруменкова Т. Г.* Цифирные и архиерейские школы первой трети XVIII века // Вопросы истории. 2003. № 7. С. 136–137.

[21] *Сафронова А. М., Кравченко О. С.* Законодательство о цифирных школах России первой половины XVIII в. (по материалам Полного собрания законов Российской империи) //

Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2015. № 1 (136). С. 113.

[22] ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 57. Л. 25 об., 31.

[23] Там же. Л. 42–43.

[24] Там же. Л. 44 — 44 об.

[25] РГИА. Ф. 796. Оп. 2. Д. 378. Л. 2 — 2 об.

[26] ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 109. Л. 220–222.

[27] *Салоников Н. В., Суториус К. В.* Подготовка учителей грамматики церковнославянского языка в Новгородской архиерейской школе (1723–1725 гг.). С. 397–426.

[28] РГИА. Ф. 796. Оп. 1. Д. 668. Л. 88.

[29] Там же. Л. 94.

[30] НИА СПб ИИ РАН. Колл. 2. Оп. 1. Д. 114. Л. 44 об.

[31] Этот фрагмент написан тем же почерком, что и начало риторики в рукописи ОР РНБ. Соф. 1559, которую В. И. Аннушкин классифицирует как риторику Михаила Усачева. См.: *Аннушкин В. И.* Каталог русских рукописных риторик XVII–XVIII веков // Риторика. 1996. № 1 (3). С. 165.

[32] Мы сохраняем своеобразное написание здесь в большинстве случаев кириллической «р» как латинской «r».

[33] РГИА. Ф. 796. Оп. 4. Д. 439.

[34] ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 129. Л. 1 об.

[35] РГИА. Ф. 796. Оп. 1. Д. 668. Л. 102 — 102 об.

References

ANNUSHKIN V. I. *Katalog russkikh rukopisnykh ritorik XVII–XVIII vekov* [Catalogue of Russian handwritten rhetorics of the 17th–18th centuries. In Russ.] // Ritorika. 1996. No. 1 (3). P. 165.

BAZAROVA T. A. "*Peterburgskiy klass*" *Novgorodskoy yeparkhial'noy shkoly 1715–1717 gg.* [The Petersburg Class of the Novgorod Diocesan School of 1715–1717. In Russ.] // Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha. [Vol.] 43: Petrovskoe vremya v licah — 2008. St. Petersburg, 2008. P. 40–45.

CHISTOVICH I. Istoriya Sankt-Peterburgskoy dukhovnoy akademii [The history of the St. Petersburg Theological Academy. In Russ.]. St. Petersburg, 1857.

FRUMENKOVA T. G. *Tsifirnyye i arkhiyereyskiye shkoly pervoy treti XVIII veka* [Digital and archbishops schools of the first third of the 18th century. In Russ.] // Voprosy istorii. 2003. No. 7. P. 136–137.

GRIGOR'YEVA I. L., SALONIKOV N. V. *Novgorodskaya shkola brat'yev Likhudov kak vostochnoslavyanskaya akademiya* [Novgorod School of the Leichoudes Brothers as an Eastern Slavonic Academy. In Russ.] // Likhudovskie chteniya: Materialy nauch. konf. "Pervye Likhudovskie chteniya". Velikiy Novgorod, 2001. P. 77–94.

KISLOVA E. "Grammaticheskoye ucheniye" i modeli tserkovnogo obrazovaniya 1720-kh ["Grammar Teaching" and Models of Church Education in the 1720s. In Russ.] // Quaestio Rossica. 2019. Vol. 7. No. 2. P. 475–491.

KONSTANTIN (GORYANOV), arkhiyep. *Istoriya Sankt-Peterburgskikh dukhovnykh shkol ot osnovaniya do reformy: 1721–1808 gody* [The history of St. Petersburg theological schools from foundation to reform: 1721–1808. In Russ.] // Khristianskoye chteniye. 2006. No. 27. P. 114–144.

Novgorodskiye arkhiyereyskiye shkoly: sb. dokumentov [Novgorod archbishops schools: collection of documents. In Russ.]: V 2 t. T. 1: 1706–1727 gg. / Sost.: N. V. Salonikov, K. V. Sutorius. Velikiy Novgorod, 2022.

PRILEZAYEV Ye. M. Novgorodskiye yeparkhial'nyye shkoly v Petrovskuyu zadnyuyu [Novgorod Diocesan schools in the Peter the Great Era. In Russ.] // Khristianskoye chteniye. 1877. No. 3–4. P. 331–370.

SAFRONOVA A. M., KRAVCHENKO O. S. *Zakonodatel'stvo o tsifirnykh shkolakh Rossii pervoy poloviny XVIII v.* (*po materialam Polnogo sobraniya zakonov Rossiyskoy imperii*) [Legislation on digital schools in Russia

in the first half of the 18th century (based on the materials of the Complete Collection of Laws of the Russian Empire). In Russ.] // Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 2: Gumanitarnyye nauki. 2015. No. 1 (136). P. 112–126.

SALONIKOV N. V., SUTORIUS K.V. *Dokumenty po istorii Novgorodskoy arkhiyereyskoy shkoly kak tsentra podgotovki uchiteley dlya yeparkhiy Rossiyskoy imperii* (*1723–1725 gg.*) [Documents on the history of the Novgorod archbishops' school as a teacher training center for the dioceses of the Russian Empire (1723–1725). In Russ.] // Otechestvennye arkhivy. 2019. No. 6. P. 52–59.

SALONIKOV N. V., SUTORIUS K.V. *Novgorodskaya arkhiyereyskaya shkola i "razbor" dukhovenstva 1736–1738 gg.* [The Novgorod Bishops' School and the "Breaking Up" of Clergy in 1736–1738. In Russ.] // Khristianskoye Chteniye. 2022. No. 2. P. 294–315.

SALONIKOV N.V., SUTORIUS K.V. *Novgorodskaya arkhiyereyskaya shkola v pervoy chetverti XVIII veka: traditsii i novatsii* [Novgorod archbishop school in the first quarter of the 18th century: traditions and innovations. In Russ.] // Petr Velikiy: issledovaniya i otkrytiya. K 350-letiyu so dnya rozhdeniya. Materialy mezhdunar. nauch. konf. "Znacheniye preobrazovaniya Petra v novoy i posleduyushchey istorii Rossii", Moskva, 17–19 maya 2022 g. / Otv. red. V.N. Zakharov. Moscow, 2022. P. 573–580.

SALONIKOV N. V., SUTORIUS K.V. *Podgotovka uchitelei grammatiki tserkovnoslavianskogo iazyka v Novgorodskoi arkhiereiskoi shkole* (*1723–1725 gg.*) [Training of teachers of grammar of the Church Slavonic language in the Novgorod bishops' school (1723–1725). In Russ.] // Novgorodskiy istoricheskiy sbornik. Velikii Novgorod, 2020. Iss. 19 (29). P. 397–426.

SILUAN (NIKITIN), yep. *Privetstvennoye slovo glavnogo redaktora zhurnala "Khristianskoye chteniye"* [Welcome speech of the editor-in-chief of the magazine "Christian Reading". In Russ] // Khristianskoye chteniye. 2021. No. 3. P. 14.

STRAKHOVA O.B. *Novgorodskaya shkola brat'yev Likhudov* [Novgorod School of the Leichoudes Brothers. In Russ.] // Cyrillometyodianum XII. Thessaloniki, 1998. P. 109–123.

VOZNESENSKAYA I.A. *Novgorodskaya shkola brat'ev Likhudov* [The Novgorod school of the Leichoudes Brothers. In Russ.] // Novgorodskiy istoricheskiy sbornik. St. Petersburg, 2005. Iss. 10 (20). P. 205–235.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Н. В. Салоников, К. В. Суториус. Новгородская архиерейская школа и образовательные проекты архиепископа Феодосия (Яновского) // Петербургский исторический журнал. 2023. № 4. С. 174–187

Аннотация: В статье рассматриваются образовательные проекты архиепископа Новгородского и Великолукского Феодосия (Яновского), реализованные им в Новгородской архиерейской школе. В 1721 г. в Новгородской епархии начинается открытие партикулярных и епархиальных школ. Сеть этих школ, включая школу в Александро-Невском монастыре, охватила значительную территорию Северо-Запада России. Большое внимание архиепископ Феодосий уделял качественному образованию, которое должны были давать обученные в Новгороде «грамматисты». Ряд мер был принят им для выявления невежд среди духовенства и светских лиц. В 1723 г. Новгородская школа стала центром подготовки учителей для других епархий России. За два года в Новгороде были подготовлены учителя церковнославянского языка для семи епархий. С этой целью была издана грамматика церковнославянского языка, составленная учителем архиерейской школы Федором Максимовым. В 1724 г. архиепископ Феодосий согласился объединить в Новгороде архиерейскую школу с цифирной, получив от Синода разрешение на совместное обучение духовных и светских лиц. Этот проект должен был стать одним из первых в России общеобразовательных проектов, намного опередивших свое время. Но, к сожалению, после отставки Феодосия (Яновского) большинство его проектов было закрыто, а в истории Новгородской архиерейской школы начался новый этап. Тем не менее образовательные проекты архиепископа Феодосия дали неплохие результаты, а выпускники Новгородской архиерейской школы оказались востребованы в интеллектуальной жизни России послепетровского времени.

Ключевые слова: Новгородская архиерейская школа, архиепископ Феодосий (Яновский), Св. синод, Духовный регламент, Петровская эпоха, история образования.

FOR CITATION

N. V. Salonikov, K. V. Sutorius. Novgorod Archbishop School and educational projects of Archbishop Theodosius (Yanovsky) // Petersburg historical journal, no. 4, 2023, pp. 174–187

Abstract: The article discusses Archbishop Theodosiy's (Yanovsky) educational projects, implemented by him at the Novgorod Archbishop School. In 1721, the opening of particular and diocesan schools began in the Novgorod diocese. The network of these schools, including the school in the Alexander Nevsky Monastery, covered a significant area of the Northwest of Russia. Archbishop Theodosius paid great attention to the quality education that the "grammarians" trained in Novgorod were supposed to give. A number of measures were taken by him to identify the ignorant among the clergy and secular persons. In 1723 the Novgorod School became a teacher training center for other dioceses of Russia. In two years, teachers of the Church Slavonic language for seven dioceses were trained in Novgorod. For this purpose, a grammar book of the Church Slavonic language was published, prepared by the teacher of the Archbishop's School Fyodor Maximov. In 1724, Archbishop Theodosius agreed to unite the Archbishop's School with the "numerical" school in Novgorod, having received permission from the Synod to co-educate clergymen and secular persons. This project was supposed to be one of the first general education projects in Russia, far ahead of its time. But, unfortunately, after Theodosiy's (Yanovsky) resignation, most of his projects were closed, and a new stage began in the history of the Novgorod Archbishop School. Nevertheless, the educational projects of Archbishop Theodosius gave good results, and the graduates of the Novgorod Archbishop School were in demand in the intellectual life of Russia after Peter the Great.

Key words: Novgorod Archbishop School, Archbishop Theodosius (Yanovsky), Holy Synod, Spiritual regulations, Peter's Epoch, history of education.

Автор: **Салоников, Николай Вячеславович** — к. и. н., доцент Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого; старший научный сотрудник Государственного архива Новгородской области.

Author: **Salonikov, Nikolay Vyacheslavovich** — PhD in History, associate professor of Yaroslav-the-Wise Novgorod State University; Senior Researcher of Novgorod Region State Archive.

E-mail: salonikov@list.ru

ORCID: 0000-0002-6094-2038

Автор: **Суториус, Константин Владимирович** — к. и. н., доцент Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург.

Author: **Sutorius, Konstantin Vladimirovich** — PhD in History, associate professor of National Research University Higher School of Economic, St. Petersburg.

E-mail: sutorius@mail.ru

ORCID: 0000-0001-5692-8076

УДК 93/94
DOI: 10.51255/2311-603X_2023_4_188

С. С. Колегов

Деятельность князя И. Б. Львова по организации жизни и обучения русских учеников навигации в Англии и Голландии в 1708–1711 гг.

Эпоха Петра Великого, оказавшая решающее влияние на развитие России в конце XVII — первой четверти XVIII в., вызывает особый интерес у историков. Отдельного внимания заслуживает внешняя политика первого российского императора, в частности деятельность правительства, связанная с отправкой за рубеж молодых людей для обучения необходимым наукам. В этом плане царь выступил настоящим новатором. Конечно, еще Борис Годунов отправил несколько человек за рубеж для обучения. Однако данный опыт завершился неудачей. Поэтому можно твердо сказать, что именно при Петре I появилась и прижилась данная практика, вызванная государственными потребностями.

Актуальность данной темы заключается в том, что правление Петра I кардинальным образом поменяла жизнь наших предков. Именно при этом правителе, в частности, изменилось отношение к поездкам и получению образования в Европе. Если первоначально такая практика была вызвана суровой необходимостью (ведение двух войн, сначала с Османской империей, а потом со Швецией), то при последующих правителях представители русского дворянства станут отправляться за рубеж уже добровольно. Западноевропейские страны стали источником знаний для высшего слоя российского общества.

Историография внешней политики первого российского императора весьма разнообразна. Среди работ общего плана, где содержится информация о внешней политике Петра Великого, можно вспомнить исследования дореволюционных историков С. М. Соловьева, В. О. Ключевского, труд советских ученых «История дипломатии», многотомное исследование, вышедшее в современной России «История внешней политики России конец XV в. — 1917 г.».

Гораздо больше внимания внешнеполитическому курсу России в первой четверти XVIII столетия уделяется в специальной литературе, посвященной данной тематике. Так, из дореволюционных историков следует назвать, например, В. А. Уляницкого («Русские консульства за границей в XVIII веке»).

Об отношениях России с иностранными государствами писали также и советские историки, например, Л. А. Никифоров («Русско-английские отношения при Петре I»), В. Е. Возгрин («Россия и европейские страны в годы Северной войны. История дипломатических отношений в 1697–1710 гг.») и В. С. Бобылев («Внешняя политика России эпохи Петра I»).

Среди современных отечественных историков, исследующих в том числе и внешнюю политику Петра Великого, можно вспомнить Е. В. Анисимова («Петр Великий. Личность и реформы») и И. В. Курукина («Персидский поход Петра Великого»).

Эпохе Петра Великого посвящена книга современного французского историка Франсины-Доминик Лиштенан.

Однако конкретно об отдельных аспектах деятельности князя И. Б. Львова писали такие историки XIX в., как П. П. Пекарский и Н. Н. Бантыш-Каменский. В книге П. П. Пекарского «Наука и литература в России при Петре Великом» представлен материал об отправленных в Голландию учениках, в частности о Василии Васильевиче Головине, который обучался в Саардаме и Ротердаме с 1713 по 1715 г. Он, так же как и другие ученики, находился под контролем князя Ивана Борисовича Львова. Последнего В. В. Головин называет «комиссар у нашей братьи у дворян российских, для понуждения навигацкой науки»[1]. Н. Н. Бантыш-Каменский упоминает отправку князя И. Б. Львова в 1708 г. «для надзирания учеников, в Голландии обучающихся», а также пишет о приезде к комиссару новой группы учеников в 1712 г. для обучения мореплаванию[2].

В работе современного английского исследователя Э. Г. Кросса «У Темзских берегов. Россияне в Британии в XVIII веке» несколько страниц посвящено тяжелому финансовому положению русских учеников в Великобритании и попыткам Львова и дипломатов России решить данную проблему. Здесь же рассматривается судьба и дальнейшая карьера отдельных учеников, проходивших обучение в Англии (например, Алексея и Ивана Петровичей Шереметевых, Александра Петровича Апраксина и некоторых других). Об их успехах князь И. Б. Львов также информировал высокопоставленных лиц в России (в частности, адмирала Ф. М. Апраксина).

Среди исследований на иностранном языке, где так или иначе упоминается И. Б. Львов, следует отметить работы Линдси Хьюз «Россия в эпоху Петра Великого» и Пола Бушковича «Петр Великий. Борьба за власть (1671–1725)».

В работе Л. Хьюз развитию образования в России в эпоху Петра Великого посвящена отдельная глава. Кроме информации о развитии школ и науки, здесь также кратко говорится о практике посылки учеников за рубеж. Исследовательница отмечает, что первая группа русских стольников была направлена в Италию и Нидерланды. В дальнейшем учеников стали направлять и в другие страны Западной Европы. Л. Хьюз отмечает, что русские проходили практику на иностранных судах, изучая типы кораблей, навигацию, геометрию, компас и многое другое. С 1710-х гг., пишет исследовательница, надзор за обучающимися осуществляли специальные агенты: князь Львов в Голландии, Конан Зотов во Франции, Федор Салтыков в Англии, Юрий Кологривов в Италии[3].

П. Бушкович сконцентрировал внимание на политических процессах, проходивших в указанный период. В главе, посвященной судьбе царевича Алексея Петровича, историк упоминает и князя Ивана Борисовича Львова. Он был временно взят под стражу в связи с расследованием дела царевича, но скоро отпущен. П. Бушкович отмечает, что князь выполнял обязанности русского комиссара в Голландии в 1708–1716 гг. Впоследствии И. Б. Львова сослали в дальнюю деревню[4].

При подготовке статьи были использованы как опубликованные источники, содержащиеся в сборнике «Материалы для истории русского флота», так и архивные документы Российского государственного архива древних актов (Ф. 50. Сношения России с Голландией).

Первая группа русских учеников отправилась за границу еще в 1697 г. Один из ближайших советников молодого Петра I, Франц Лефорт, писал своему брату, что из шестидесяти стольников большая часть отправилась в Италию, а остальные в Нидерланды[5]. Часть этих людей носила княжеские титулы, а среди остальных были отпрыски знаменитых боярских родов — Шереметевых, Бутурлиных, Милославских, а также Нарышкиных и Лопухиных (непосредственные родственники и свойственники Петра I)[6]. Царь в составе Великого посольства (1697–1698 гг.) также поехал за границу. С ним вместе отправились молодые «волонтеры», которым, как и их монарху, предстояло обучаться новым для них наукам и прежде всего навигации и кораблестроению[7].

Находясь в Голландии, Петр и ряд других «волонтеров» получили возможность работать на верфях Ост-Индской компании. В честь послов устроили даже показательное морское сражение, в котором принял участие и царь[8]. Э. Г. Кросс называет Петра I первым русским моряком, побывавшим в Англии. Приехав из Нидерландов, царь проживал в Дептфорде, работал на королевской верфи, где вникал во все тонкости строительства кораблей. Он также получил возможность ходить под парусом на специально выделенной яхте. Во время пребывания в Англии царь обсуждал идею создания флота с контр-адмиралом

маркизом Кармартеном. Уже в 1698 г. Петру удалось устроить нескольких членов своего окружения на британский флот. Кармартен советовал набирать английских офицеров и матросов и перемешивать эти команды с русскими. Таким образом, последних удалось бы быстрее обучить искусству кораблевождения[9].

В самой России в 1701 г. при Пушкарском приказе была основана первая школа математических и навигацких наук, а также артиллерийская школа. Оба учебных заведения принимали по 200–300 человек в год. В Москве же появилась первая в стране языковая школа при Посольском приказе[10].

При Петре I Россия активно укрепляла связи с морскими державами, в частности с Англией. В 1705 г. к русскому двору в качестве постоянного посла прибыл Ч. Витворт. С ним руководитель Посольского приказа Ф. А. Головин провел ряд переговоров. Они касались не только возможного посредничества англичан в заключении мира между Россией и Швецией, но также и вопросов найма специалистов и отправки на учебу русских людей[11].

В 1706 г. произошли события, которые дали старт грандиозному начинанию, безусловно, повлиявшему на отношения Москвы и Лондона. Именно в этот год в Англию отправилась первая группа русских учеников в составе тридцати человек для обучения на английских военных кораблях. Все они ранее обучались в Московской математической и навигацкой школе, основанной в 1701 г. Затем «в течение примерно десятка лет молодые россияне, простые и знатные, группами отправлялись в Европу — приобретать практические навыки на судах ведущих морских держав мира»[12]. Одной из таких стран была Англия, но кроме нее, ученики отправлялись в Голландию, Данию, Венецию и Францию. С 1708 г. деятельность таких групп согласовывали в Нидерландах специально назначенные для этого представители России. Только в Англии за весь период правления Петра Великого обучалось сто пятьдесят человек[13].

Возросшая потребность в большом количестве отечественных специалистов была, конечно, вызвана не только реформами государственного управления, но и начавшейся еще в 1700 г. войной со Швецией. В этот конфликт Россия вступила уже после того, как боевые действия начали ее союзники: Дания и Саксония[14].

В 1708 г. в Голландию был отправлен в чине комиссара стольник князь Иван Борисович Львов «для надзирания знатных особ детей». Судя по его письмам, за границу он отправился не раньше июня того же года.

Перед отправкой князь обратился к царю с целым списком вопросов, на которые были получены решительные, но, как отмечает Э. Г. Кросс, не всегда полезные ответы[15]. Так, например, на законный вопрос, как поступать с людьми, не знающими иностранных языков, следует ли их сначала научить языку за границей, последовал ответ, чтобы ученики выучили его так же, как «матросы русские выучились»[16].

Надо сказать, что незнание иностранных языков стало одним из препятствий в обучении русских людей. Явившись в Амстердам к своему комиссару,

они прямо говорили, что не могут жить отдельно друг от друга, в разных местах и городах Голландии, как им предписывалось, именно по этой причине. И. Б. Львов обозначил данную проблему в одном из писем графу Г. И. Головкину. Стольник видел в этом не только нарушение дисциплины и царского указа, но также обоснованно опасался, что вынужденное безделье, влияние местных «вольностей и праздности» приведет к окончательной потере контроля над учениками[17].

В том же самом письме Г. И. Головкину И. Б. Львов подробно описал, какой нашел выход из этого положения. Наняв хорошего учителя («навигаторского мастера»), он лично присутствовал на уроках («сидел с ними»), где русские люди изучали арифметику и навигацию. С ноября (1710 г.) по март (1711 г.), пишет стольник, была изучена вся арифметика и половина «навигации». Этот успех русский комиссар приписал себе, указав, что почти все ученики, несмотря на двух- и трехгодичное обучение в Москве, не знали ни ту, ни другую науку. Исключением были всего два человека — Данило Мясной и Василий Ладыженский. Более того, среди приехавших были и такие, кто вообще не учился в Москве.

Таким образом, несмотря на непривычную для них обстановку, суровые природные условия («чернила, — пишет И. Б. Львов, — замерзали на перьях и руках обучающихся») русские люди освоили к началу практики необходимые им предметы[18]. Русский комиссар мог гордиться их достижениями и своим вкладом в обучение.

Основная проблема, мешающая учиться, считал комиссар, — это «слабость и воля перед глазами» россиян. Для преодоления этого препятствия нужен специальный царский указ, где бы определялось время нахождения учеников на обучении теории и на практике. Такой документ позволит лучше усваивать преподаваемое им. Здесь же нужно прописать, какое наказание последует нерадивым, а именно штраф. Указ, писал Львов, поможет ему лучше контролировать навигаторов, а без такого документа поддерживать дисциплину трудно[19].

Надо сказать, что документ, где были обещаны царская милость за прилежание в учебе и гнев и «истязания» за отсутствие усердия, своеволие и пьянство, появился в 1709 г. Это была инструкция для подштурманов и учеников, которую последним следовало передать князю Львову по прибытии в Амстердам[20]. Таким образом, похвала и возможное наказание содержались в одном из пунктов инструкции.

В своих многочисленных посланиях Г. И. Головкину стольник обещал и дальше отправлять отчеты об успехах и проблемах русских людей[21].

И. Б. Львов особо выделял тех, кто учится успешно. Среди таких людей были, например, представители известных родов Хованских, Шеиных, Апраксиных, Нарышкиных. Комиссар доносил, что Александр и Иван Нарышкины «несомненно знать будут свое дело вскоре, для того, что фундамент изрядно знают и практикуются довольно». Андрей Хованский, согласно тому же письму,

дослужился в Дании до звания поручика и хорошо знает свое дело. Александр Апраксин много практиковался на кораблях английского флота и тоже скоро овладеет нужным мастерством[22].

Комиссару следовало не просто наблюдать за тем, как идет обучение русских людей, но также и обеспечивать их деньгами, о чем было прописано в уже упомянутой инструкции, выданной очередной партии «подштурманов» (помощники штурманов) и «школьников», отправившихся за границу в 1709 г. При выезде из страны им выдавалось 15 рублей «на подъем» и 15 рублей на пропитание[23].

Можно сказать, что проблема отсутствия денег была традиционной для русских людей, отправленных за границу, причем не только учеников или подшкиперов, но также и дипломатических представителей. Конечно, финансовое положение учеников было намного хуже, чем, например, дипломатов. Так, И. Б. Львов писал в 1711 г. из Лондона, что здешние навигаторы наделали огромные долги: отправляемые из столицы Великобритании восемь человек задолжали в общей сложности 133 фунта 4 штивера. Кроме того, проезд на корабле стоил 5 фунтов с человека. «Извольте взять пример, — писал русский комиссар, — что надобно будет денег на всех остаточных в Англии и в Голландии навигаторов».

Русские люди, столкнувшиеся с хронической нехваткой денег, по-видимому, негативно относились к своему комиссару. Так, например, С. М. Соловьев приводит в одном из томов «Истории России» «подметное письмо», где некий «русский из Голландии» обвиняет князя в воровстве присылаемых из России денег[24].

Еще одной проблемой учеников стало изъятие у них необходимых приборов. Так, например, 14 июля 1709 г. на имя Ф. М. Апраксина, адмирала и президента адмиралтейства, пришла жалоба от направляемых для обучения «подштурманов». В 1706 г. в Санкт-Петербурге их отправили служить на военные корабли. При этом забрали в государственную казну почти все необходимые для будущих штурманов приборы, оставив только учебники и простые циркули. Теперь же, писали будущие морские офицеры, их посылают практиковаться за море, но без необходимых им инструментов, которые были изъяты ранее, эффективно проходить обучение будет невозможно[25].

Следует отметить, что финансовые проблемы возникали не только у будущих морских офицеров, но также и у переводчиков. Так, например, отправленные в 1708 г. за границу Яков и Иван Грамотины в 1710 г. обратились с челобитной на имя царя Петра. В ней они сообщали, что изучают иностранные языки в Англии и Дании, но положенных им денег не получили и живут в долг. В ответ на их письмо деньги молодым людям было приказано выплатить[26].

Сам князь И. Б. Львов отправился в Лондон в 1711 г. для того, чтобы взять под свою опеку навигаторов, за которыми раньше должен был присматривать англичанин Томас Стайлз. Князь сообщает Г. И. Головкину, что наделавшие

долгов подопечные Т. Стайлза также «извольнились», т. е. перестали повиноваться своему руководителю. Еще одной проблемой стал тот факт, что большая часть учеников происходила из богатых семей и, видимо, они не слишком слушались самого стольника.

Рост численности подопечных и масса проблем, связанных с их опекой, заставляли князя постоянно жаловаться Г. И. Головкину: «А я человек одинокий, больной и печальный», — писал И. Б. Львов в Россию и жаловался, что у него нет никаких помощников и он вынужден «на все стороны один метаться»[27].

Письмо с жалобами князя написано в 1711 г. Однако, согласно указу от 1710 г., И. Б. Львову и находящимся при нем священнику и переводчику было перечислено жалованье в 1 тыс. (князю) и 120 ефимков (священнику и переводчику) соответственно. Отсюда пока остается открытым вопрос о наличии у русского комиссара переводчика, на отсутствие которого он жаловался позднее. Поскольку князь не знал иностранных языков, то логично предположить, что такой человек при нем был[28].

Нельзя сказать, что жалобы князя И. Б. Львова оставались без ответа. Так, например, в 1710 г. адмирал Ф. М. Апраксин писал, что весьма опечален известиями о его болезни. Далее следует достаточно жесткий ответ комиссару. Ф. М. Апраксин пишет, что Львов сам напросился в Европу, прося сделать его «надзирателем навигаторского дела». Адмирал ходатайствовал перед царем, а теперь видит, что князю это дело «весьма противно» и исполнять волю царя он не желает. Кроме того, Ф. М. Апраксин потребовал, чтобы И. Б. Львов не жил в одном городе с его племянником, т. е. не заботился о нем отдельно. Других же русских учеников из простого народа теперь будут посылать в Голландию к агенту Фанденбургу[29].

Так или иначе, князь И. Б. Львов выполнял возложенные на него поручения, присматривая за учениками и информируя свое правительство об их успехах и неудачах. Из писем русского комиссара мы можем узнать, что русские люди в Лондоне нанимались на английские суда, где проходили длительную практику. Они ходили к берегам Португалии, Испании, Османской империи. Среди таких волонтеров были Головины, Шеин, Голицын, Шереметевы и другие.

Согласно царскому указу, русским навигаторам было запрещено проходить практику на тех кораблях, которые ходили к городу Архангельску. Но, как часто бывает, жизнь вносила свои коррективы. И. Б. Львов писал в Москву, что часть русских людей все же отправилась к Архангельску, но это не их вина, поскольку судно было направлено по приказу английского адмиралтейства, а покинуть судно они не могли, поскольку уже подписали необходимые служебные документы (акты)[30].

Приехав в Лондон, И. Б. Львов, по его словам, начал высылать на практику всех, кого застал. Однако при нем на корабли отправились лишь два человека: племянник адмирала Апраксина (Александр Апраксин) и уже упоминавшийся среди отличившихся учеников Алексей Юрьевич Лодыженский. Остальные же

пока оставались в Лондоне. «А пишут ко мне, — доносил князь, — что будто ищут и дожидаются оказии в дальние практики»[31].

Часть учеников отправилась в Данию. Львов, узнав, что такой маршрут не противоречит царскому указу, писал в 1711 г. Головкину, что лучше бы всех отправлять в эту страну. Комиссар нашел для этого несколько причин:

— в Дании все намного дешевле;
— в этой стране находится союзный России флот и принимать учеников будут с большей охотой, чем в Голландии;
— «лицо там посольское, лучше будут повеление принимать», — писал стольник, имея в виду В. Л. Долгорукого, который находился в статусе полномочного посла[32].

Справедливости ради надо отметить, что статус комиссара служил препятствием в осуществлении И. Б. Львовым своей деятельности.

В начале XVIII столетия Россия предпринимала первые, но активные шаги по отправке за рубеж своих людей с целью получения ими необходимых стране знаний. Только в 1708–1711 гг. и только из знатных семей за границу были отправлены 53 человека (вместе с незнатными 183). Следует считать, что все эти люди были распределены сначала между И. Б. Львовым и Т. Стайлзом, а затем оказались переданы одному князю. Несмотря на постоянные жалобы, он старался выполнять возложенные на него обязанности. Хотя, если исходить из письма Ф. М. Апраксина и собственных докладов И. Б. Львова, он не прочь был переложить часть ответственности на других людей, например, на того же В. Л. Долгорукова. Незнание языков, отсутствие помощников, относительное небольшие денежные выплаты — все это затрудняло работу русского комиссара. С другой стороны, у него были и успехи. Таковыми он, очевидно, считал поддержание дисциплины среди подопечных, а также их теоретическую и практическую подготовку.

---

1 *Пекарский П. П.* Наука и литература в России при Петре Великом: исследования П. Пекарского: в 2 т. Т. 1. СПб.: издание Товарищества «Общественная польза», 1868. Т. 1. С. 142.

2 *Бантыш-Каменский Н. Н.* Обзор внешних сношений России (по 1800 г.): в 4 ч. Ч. 1. М.: Типография Э. Лиснера и Ю. Романа, 1894. С. 193–194.

3 *Hughes L.* Russia in the age of Peter the Great. New Haven; London: Yale University Press, 1998. P. 306.

4 *Bushkovitch P.* The Struggle for Power, 1671–1725. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. P. 411–412, 422.

5 *Hughes L.* Russia in the age of Peter the Great. P. 306.

6 *Гузевич Д. Ю., Гузевич И. Д.* Великое посольство. СПб.: Международный фонд спасения Петербурга — Ленинграда; Феникс, 2003. С. 34.

7 *Санин Г. А.* История внешней политики России. XVIII век. (От Северной войны до войн России против Наполеона): в 5 т. М.: Академический проект; Парадигма, 2018. Т. 2. С. 15.

[8] *Молчанов Н. Н.* Петр I. М.: Эксмо, 2003. С. 89.
[9] *Кросс Э. Г.* У Темзских берегов. Россияне в Британии в XVIII веке. СПб.: Академический проект, 1996. С. 168.
[10] *Лиштенан Ф.-Д.* Петр Великий. Окно в Европу. Рождение Российской империи / [Пер. с фр. В. А. Бабинцева]; под ред. Е. С. Зашихина, С. В. Соколова. М.: Политическая энциклопедия; Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2021. С. 315.
[11] *Никифоров Л. А.* Русско-английские отношения при Петре I. М.: Изд-во политической литературы, 1950. С. 33–37.
[12] *Кросс Э. Г.* У Темзских берегов. Россияне в Британии в XVIII веке. С. 169.
[13] Там же. С. 170.
[14] *Бобылев В. С.* Внешняя политика России эпохи Петра I. М.: УДН, 1990. С. 36.
[15] *Кросс Э. Г.* У Темзских берегов. Россияне в Британии в XVIII веке. С. 171.
[16] Материалы для истории русского флота. СПб.: типография Морского министерства, 1866. Ч. III. С. 19.
[17] Письма к канцлеру графу Головкину от князя Ивана Львова, находившегося в Амстердаме надзирателем при дворянах российских, мореплаванию в Голландии и Англии обучающихся // РГАДА. Ф. 50. Оп. 1. 1711 г. Д. 14. Л. 1 об.
[18] Письма к канцлеру графу Головкину от князя Ивана Львова. Л. 2.
[19] Там же. Л. 3.
[20] Материалы для истории русского флота. С. 25–26.
[21] Письма к канцлеру графу Головкину от князя Ивана Львова. Л. 3.
[22] Там же. Л. 3 об.
[23] Материалы для истории русского флота. С. 25.
[24] *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен: в 18 кн. М.: Мысль, 1993. Кн. 8. С. 575.
[25] Материалы для истории русского флота. С. 24.
[26] Дело по челобитью обучавшихся в Голландии Якова и Ивана Грамотиных о выдаче им на другой год жалованья // РГАДА. Ф. 50. Оп. 1. 1710 г. Д. 6.
[27] Письма к канцлеру графу Головкину от князя Ивана Львова. Л. 2 об.
[28] Материалы для истории русского флота. С. 28.
[29] Там же. С. 27.
[30] Письма к канцлеру графу Головкину от князя Ивана Львова. Л. 5.
[31] Там же.
[32] Там же. Л. 5 об.

References

BANTYSH-KAMENSKY N. N. Obzor vneshnih snoshenii Rossii (po 1800 g) [Review of foreign relations of Russia (to 1800). In Russ.]. Moscow: Tipografiya E. Lisnera i Yu. Romana, 1894. Ch. 1.

BOBYLEV V. S. Vneshnyaya politika Rossii epohi Petra I [The Foreign policy of Russia in the era of Peter I. In Russ.]. Moscow: UDN, 1990.

BUSHKOVITCH P. The Struggle for Power, 1671–1725. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.

CROSS E. G. U Temzskih beregov. Rossiyane v Britanii v XVIII veke. [At the Thames shores. Russians in Britain in the 18th century. In Russ.]. St. Petersburg: Akademicheskii proekt, 1996.

GUZEVICH D. Yu., GUZEVICH I. D. Velikoe posolstvo. [The Great Embassy. In Russ.]. St. Petersburg: Mejdunarodnii fond spaseniya Peterburga — Leningrada; Feniks, 2003.

HUGHES L. Russia in the age of Peter the Great. New Haven; London: Yale University Press, 1998.

LISHTENAN F.-D. Petr Velikii. Okno v Evropu. Rojdenie Rossiiskoi imperii [Peter the Great. A window to Europe. The Birth of the Russian Empire. In Russ.] / [Translated from the French by V. A. Babintseva]; eds. E. S. Zashikhin, S. V. Sokolov. Moscow: Politicheskaya enciklopediya; Yekaterinburg: Izdatelstvo Uralskogo universiteta, 2021.

Materiali dlya istorii russkogo flota. [Materials for the history of the Russian Fleet. In Russ.]. St. Petersburg: Tipografiya morskogo ministerstva, 1866. Part III.

MOLCHANOV N. N. Petr I [Peter I. In Russ.]. Moscow: Eksmo, 2003.

NIKIFOROV L. A. Russko-angliiskie otnosheniya pri Petre I [Russian-English relations under Peter I. In Russ.]. Moscow: Izd-vo politicheskoi literature, 1950.

PEKARSKY P. P. Nauka i literatura v Rossii pri Petre Velikom: issledovaniya P. Pekarskogo [Science and Literature in Russia under Peter the Great: P. Pekarsky's Research. In Russ.]. St. Petersburg: izdanie Tovarischestva "Obschestvennaya polza", 1868.

SANIN G. A., PONOMAREV V. N., IGNATIEV A. V. Istoriya vneshnei politiki Rossii: v 5 t. T. 2: XVIII vek (Ot Severnoi voini do voin Rossii protiv Napoleona) [History of Russian foreign policy: In 5 vols. Vol. 2: 18th century. (From the Northern War to the wars of Russia against Napoleon). In Russ.]. Moscow: Akademicheskii proekt; Paradigma, 2018.

SOLOVYOV S. M. Istoriya Rossii s drevneishih vremen [The history of Russia since ancient times. In Russ.]: in 18 books. VII. Moscow: Misl, 1993.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

С. С. Колегов. Деятельность князя И. Б. Львова по организации жизни и обучения русских учеников навигации в Англии и Голландии в 1708–1711 гг. // Петербургский исторический журнал. 2023. № 4. С. 188–198

Аннотация: Дается краткий обзор начала организации посылки русских людей на обучение за рубеж начиная со времени Великого посольства. Рассматривается деятельность князя и стольника И. Б. Львова в Голландии и частично в Англии в указанный период. Дается оценка его работе в это время. Особое внимание в статье уделяется методам воспитания, которые использовал и предлагал И. Б. Львов, а также проблеме финансового обеспечения русского комиссара и учеников. Актуальность исследования обусловлена тем, что эпоха Петра Великого, несмотря на пристальное внимание к ней историков на протяжении длительного времени, по-прежнему изучена не до конца. Существует еще немало интересных проблем, связанных с эпохой первого российского императора и ждущих своего решения. Новизна исследования заключается в том, что для его проведения были задействованы ранее неопубликованные архивные источники. Кроме того, информация о князе И. Б. Львове встречается в ограниченном количестве исторических работ и носит фрагментарный характер. Сама личность русского комиссара и его деятельность заслуживают более углубленного изучения. Автор статьи приходит к выводу, что И. Б. Львову, несмотря на ряд препятствий, удавалось справляться с поставленными перед ним задачами. В то же время, встретившись с целым рядом проблем, стольник активно жаловался своему начальству и готов был переложить часть из них на других людей. Впрочем, такое поведение было вызвано действительно тяжелыми условиями, в которых оказался комиссар. Кроме того, он не просто отправлял жалобы в Санкт-Петербург на свое бедственное положение, но также предлагал методы преодоления тех или иных препятствий, вставших перед самим князем и его подопечными.

Ключевые слова: Ф. М. Апраксин, верфь, Г. И. Головкин, ефимок, И. Б. Львов, морские офицеры, навигатор, навигация, «подштурман», стольник, Томас Стайлз, ученик, яхта.

FOR CITATION

S. S. Kolegov. Prince I. B. Lvov's activity in organizing the life and training of Russian navigation students in England and Holland in 1708–1711 // Petersburg historical journal, no. 4, 2023, pp. 188–198

Abstract: A brief overview is given of the beginning of the organization of sending Russian people to study abroad, starting from the time of the Great Embassy. The activity of the prince and steward I. B. Lvov in Holland and, partially, in England, during the indicated period. Evaluation of his work at this time is given. Particular attention is paid to the methods of education, which were used and proposed by I. B. Lvov, as well as the problem of financial support for the Russian commissar and students. The relevance of the study is due

to the fact that the era of Peter the Great, despite the close attention of historians to it for a long time, is still not fully understood. There are still many interesting problems associated with the era of the first Russian emperor and awaiting their solution. The novelty of the study lies in the fact that previously unpublished archival sources were involved in its implementation. In addition, information about Prince I. B. Lvov, is found in a limited number of historical works and is fragmentary. The very personality of the Russian commissar and his activities deserve a more in-depth study. The author of the article comes to the conclusion that I. B. Lvov, despite a number of obstacles, managed to cope with the tasks assigned to him. At the same time, having encountered a number of problems, the *stolnik* actively complained to his superiors and was ready to shift some of them onto other people. However, this behavior was caused by the really difficult conditions in which the commissar found himself. In addition, he not only sent complaints to St. Petersburg about his plight, but also suggested methods for overcoming various obstacles that arose before the prince himself and his wards.

***Key words*:** F. M. Apraksin, shipyard, G. I. Golovkin, Efimok, I. B. Lvov, naval officers, navigator, navigation, "sub-navigator", steward, Thomas Stiles, student, yacht.

Автор: **Колегов, Святослав Сергеевич** — к. и. н., кафедра зарубежного регионоведения, Уральский гуманитарный институт, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия).

Author: **Kolegov, Svyatoslav Sergeevich** — Candidate of Historical Sciences, Department of Foreign Regional Studies, Ural Humanitarian Institute, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin (Yekaterinburg, Russia).

E-mail: sv.kolev@mail.ru

ORCID: 0000-0001-5253-0722

УДК 001.32(47+57)(091)«17»
DOI: 10.51255/2311-603X_2023_4_199

С. С. Илизаров

Превращение иностранных специалистов Императорской Академии наук в Санкт-Петербурге в русских ученых

Русская культура и ее неотъемлемая часть — наука всегда развивались в тесной взаимосвязи с окружающим миром, испытывая разнообразные влияния, воспринимая и принимая в себя не только оригинальные идеи, но и их носителей. Вопросы определения этнической принадлежности того или иного деятеля русской науки, который сам либо его ближайшие предки не были уроженцами России, относятся к числу сложных, трудно решаемых проблем, к тому же они отягощены разными мифами и всевозможными спекуляциями.

Обратиться к этой специфической теме подтолкнула разноречивость в определении национальной принадлежности великого русского ученого, просветителя, путешественника и собирателя, академика Герарда Фридриха Миллера, родившегося 18 октября 1705 г. в городе Херфорде (герцогство Вестфалия, Священная Римская империя, ныне Северный Рейн — Вестфалия, Германия), с 5 ноября 1725 г. жившего и работавшего в Российской империи, принявшего в 1747 г. российское подданство, скончавшегося 11 (22) октября 1783 г. в Москве и здесь же похороненного. Сейчас нет необходимости задерживаться на научных заслугах этого ученого и обосновывать непреходящую ценность его первопроходческих исследований в области русской истории, географии, этнографии, картографии, археографии, архивоведения, его научно-организационной и научно-административной деятельности и т. д. Свою жизнь он завершил как руководитель Московского архива Коллегии иностранных дел в чине

действительного статского советника и кавалера ордена Св. Владимира, учрежденного в 1782 г.[1] Правда, Миллер — особый, хотя и не единственный случай. В России к нему практически всегда было позитивное отношение, и даже в годы наибольшего накала антигерманских настроений никто полностью не решался отрицать его заслуги. Но при этом по-прежнему почти повсеместно в общедоступных справочниках Г. Ф. Миллера называют немецким ученым, изредка русско-немецким, не обращая никакого внимания на то, что он никогда не был немецким ученым, а вся его научная деятельность целиком и полностью проходила в пространстве развития науки в России. Даже характерные именно для него проекты публикации трудов и источников на немецком языке (параллельно с русским), направленные на то, чтобы сделать доступными нерусскоязычному читателю достоверные научные знания о России, были исключительно явлением развития русской культуры.

Заниматься изучением жизни и творчества Г. Ф. Миллера мне довелось давно, и со временем росло и крепло убеждение в возможности и справедливости говорить о нем как о российском/русском ученом. Как-то в обсуждении ситуации с определением его национальной принадлежности мне удалось убедить в своей правоте главного редактора одного уважаемого исторического журнала, но в последний момент от него поступило примирительное предложение: «Хорошо, напишем Миллер — русский историк, но при этом добавим — немецкого происхождения». Я согласился, но при этом отметил, что фраза будет выглядеть так: «Г. Ф. Миллер — русский историк немецкого происхождения, живший во время правления Екатерины II — великой русской императрицы немецкого происхождения». Абсурдность стала очевидна, и консенсус был достигнут. Признать не рожденного в России человека с характерной нерусской/немецкой фамилией «Миллер» как соотечественника в советские времена было трудно, подчас практически невозможно.

Непросто сформулировать, что делало Г. Ф. Миллера или иных иностранных специалистов российскими учеными. Общеизвестно — наука (научное знание) сама по себе национальности не имеет, научное знание национально нейтрально во всех смыслах и оттенках этого понятия. Нет и не может быть науки французской, японской, польской... Национально-этнический, или государственный, или культурно-политический маркер может иметь ученый, актор научно-исследовательской деятельности, и этот момент немаловажен при изучении социальных аспектов истории науки. Иное дело, что об успешности того или иного государства может свидетельствовать среди прочих факторов также культурное и научно-технологическое развитие, количество научных открытий и т. д., и в этом плане метафорически вполне допустимо высказывание — французская наука, японская, китайская...

О причинах, приведших Петра I после десятилетий раздумий к решению о создании в России первого высшего научного учреждения — Академии наук — и наполнении ее состава приглашенными иностранными учеными, су-

ществует большая литература, в которой выделяется обстоятельная монография Ю. Х. Копелевич[2]. Тем, кто более-менее знаком с отечественной историей и существом современной науки, ясны причины, по которым у русского императора при открытии Академии наук не было иного варианта, как искать и зазывать в нее иностранных специалистов. Русское правительство через своих посланников при дворах иностранных государств, через зарубежных советников (Хр. Вольф, И. Б. Менке и др.) выбирало и приглашало высокого уровня ученых из разных стран — Франции, Англии, Голландии, Швейцарии, Германских государств. Так случилось, что из последних в Санкт-Петербург в 1725–1727 гг. приехало наибольшее количество ученых. По этой причине в обиход вошло представление об учрежденной в России Императорской Академии наук как о якобы немецкой по составу организации, хотя на самом деле она такой не являлась, а была безусловно интернациональной.

В XVIII столетии понятие «национальность» как категория этническая (генетическая) только формировалось, и главнейшая демаркация между «своими» и «чужими» проходила через понятие «подданство»: россияне / русские и все остальные — иностранцы, иноземцы. Последние, как известно, со времен средневековья получали наименования: «фрязи» — выходцы из Южной Европы, «немцы», т. е. иностранцы, приезжавшие в Россию из западноевропейских стран; отсюда Немецкая слобода в Москве, Пскове и даже в Санкт-Петербурге. Таким же образом долгое время почти все восточные (не только мусульманские) аборигенные народы Сибири и других районов именовались «татарами». Внутри Российской империи подданные маркировались по конфессиональной принадлежности, и только в отдельных и довольно редких случаях в документах могло указываться примерно то, что сегодня может очень и очень условно пониматься как национальность. Со времен Петра I различие в вероисповедании не являлось ограничением для того, чтобы быть русским подданным. Существовавшие сословные привилегии и барьеры, так же как и конфессиональные, в рассматриваемом контексте не значимы, поскольку даже жестоко угнетаемые основные массы населения или представители государственно-нежелательных религиозных ориентаций (например, старообрядцы) не отменяли и не могли отменить их российское подданство.

Итак, первое, что формально могло делать человека иностранного происхождения русским — подданство либо по рождению, либо по присяге. Миллер, как уже отмечалось, по этому критерию стал в 1748 г. русским, т. е. подданным российского императора.

Понятно, что те приглашенные, кто по завершении пятилетнего контракта покидали Российскую империю, и неважно, куда они отправлялись — на родину или в иное государство — не могут считаться российскими учеными. Один пример из истории иностранной Академии наук. Французского математика, механика, естествоиспытателя, астронома, физика etc. Пьера Луи Моро де Мопертюи никто не станет причислять к германским/прусским ученым,

хотя он и возглавлял в 1745–1753 гг. Прусскую/Берлинскую академию. Аналогично физик, математик и механик Даниил Бернулли, работавший в Санкт-Петербурге в Императорской Академии наук с 1725 по 1733 г., опубликовавший здесь бо́льшую часть своих сочинений и подготовивший главный труд «Гидродинамика» (издан в 1738 г.), является швейцарским ученым.

Второе условие вхождения иностранца (по рождению и происхождению) в число россиян очевидно — это отношение к русскому языку. Что касается Г. Ф. Миллера, то он, будучи лингвистически исключительно одарен, быстро и легко освоил современный ему русский язык и знал его лучше большинства образованных, как тогда говорили, «природных россиян». Его русский безупречен как по фонетике, так и по грамматике. Более того, Миллер освоил, легко читал и как никто понимал документы предшествующих веков русской истории. До нас дошли его высказывания о красоте русских средневековых текстов. Читать, писать и думать Миллер мог как на немецком, так и на русском языках; об этом свидетельствуют его многочисленные сохранившиеся наброски и черновые тексты. Правда, для рассматриваемой эпохи, да и позже характерно, что многие иностранные ученые, работавшие по контракту в России, не знали русского языка и не изучали его, поскольку обязательная для них латынь — универсальное средство общения и коммуникаций — была достаточной для выполнения принятых профессиональных обязательств[3]. Таким образом, Миллер по критерию языка более, чем кто-либо из современников, был русским человеком. Строго говоря, оценивать русский язык как универсальный критерий национальной идентичности для XVIII в. задача не из простых. Существенная часть подданных Российской империи, как, впрочем, и в иных империях, не знала и не владела русским языком. Это касалось не только податного населения окраинных отдаленных территорий. И у представителей высшего сословия бывали проблемы с родным языком. Предельный случай связан с княгиней Е. Р. Дашковой (Воронцовой), которая изучала русский язык как иностранный и при этом стала инициатором создания в 1783 г. Российской (литературно-языковой) академии.

На адаптацию и последующее вхождение в число россиян могла оказывать определенное влияние дисциплинарная область профессиональной деятельности. Естественные науки и математика в еще большей степени по своей природе — науки космополитические, и для работников этой сферы в принципе допустимо индифферентное отношение к языку и культуре страны проживания. Так, например, математик Леонард Эйлер свободно перемещался: в апреле 1727 г. из Швейцарской республики в Российскую империю, затем, приняв предложение короля Фридриха, в июле 1741 г. занял место в Прусской академии, а с июля 1766 г., по настойчивому приглашению Екатерины II, навсегда вместе со всеми многочисленными домочадцами вернулся в Россию. Иное дело, если объект научного изучения был связан с конкретной культурно-национальной средой — история, этнография, археология, специальные исторические дисциплины, языкознание и пр.

При заключении 1 января 1731 г. первого контракта с Г. Ф. Миллером как профессором «гистории» оговаривалось общее для всех по истечении договорного срока право «без всякой оговорки» покинуть Россию[4]. Иное было в 1747 г., когда по истечении срока контракта перед ученым был поставлен выбор — покинуть Россию без возможности вывоза накопленных к тому времени коллекций документальных материалов либо заключить новое соглашение и даже с преференциями, но с непременным условием принятия вечного русского подданства. Мотивировалось это тем, что для сочинения российской истории и географии необходим доступ к знанию о «внутреннем состоянии» Российской империи, т. е. в современных понятиях речь шла о доступе к информации секретного характера, и «того ради подлежит к сему делу употребить природнаго российскаго и верноподданнаго человека»[5]. К тому времени у самого Миллера, преимущественно трудившегося «в таких науках, которыя особливо токмо России в пользу» и «по долговременной здешней службе» давно привыкшего «к здешным обрядам», не было намерения покинуть Российскую империю и службу в Академии. Однако выдвинутые два кабальных условия — подписать обязательства, чтоб ему никогда не только из государства Российского не выезжать «по смерть свою», но и «академической службы не покинуть»[6], — вызвали у него протест. Он справедливо недоумевал — как он может соглашаться на вечную службу в Академии наук, если это не в его воле, а зависит от «всемилостивейшего Ея И. В. повеления». И если бы он принял такое беспрецедентное условие, то стал бы среди ученых людей первым во всем свете, «а ученым людям хотя один вид вольности потребен»[7]. Ситуация складывалась безвыходная, и потому, получив гарантии, что речь идет не о полной натурализации, и после смерти его дети и жена будут вольны покинуть Россию, он 20 ноября 1747 г. подписал контракт о принятии должности российского историографа и по должности быть «верноподданным и присяжным рабом Ея Императорскаго Величества»[8].

Превращению приглашенных специалистов в русских ученых и укоренению на новой родине способствовало заведение ими здесь семьи. Ученые иностранцы первого петровского призыва, те из них, кто связал свою жизнь с Россией, как правило, подбирали себе жен из среды иноземцев, что объяснимо многими очевидными обстоятельствами. Так поступил Л. Эйлер во время первого периода работы в Санкт-Петербурге, женившись в 1733 г. на дочери академического живописца Георга Гзеля — Катарине. В семье Эйлера родились 13 детей; выжили 3 сына и 2 дочери[9]. Г. Ф. Миллер по возвращении из десятилетнего Сибирского путешествия (в составе 2-й Камчатской экспедиции) женился на Христине Христофоровне Нетцер. В браке были рождены 7 сыновей и 7 дочерей, из которых отца пережили двое сыновей, Яков и Карл. Один из них служил в чине майора в Киевском пехотном полку, другой в чине коллежского асессора прокурором Верхнего земского суда Рязанского наместничества, т. е. по Табели о рангах они оба занимали восьмой класс. В печати как-то мелькало

сообщение, что потомки Миллера и поныне проживают в России — в Москве, однако достоверные подтверждения этому мне не попадались.

Логично было бы полагать, что именно те из иностранцев, приехавших в Россию, которые здесь завершили свое земное существование, и являются по определению россиянами. В ряде случае это верно, но смерть в России как критерий «русскости» не представляется корректной. Например, профессор химии Михаил Бюргер, прибывший вместе с женой 13 марта 1726 г. в Санкт-Петербург, 22 июня того же года, возвращаясь из гостей от президента Академии наук Л. Л. Блюментроста, выпал из кибитки и разбился насмерть. (Такая краткосрочность его пребывания в России не помешала в Википедии назвать его прусско-российским ученым.) В том же году профессор механики Николай Бернулли умер после восьмимесячного пребывания в российской столице от воспаления легких. Этот мартиролог может быть пополнен еще несколькими фамилиями членов Академии наук (Хр. Гольдбах, Й. К. Хеннингер, Т. З. Байер, Л. Делиль де ла Кроейер, Й. Г. Лейтман, Хр. Ф. Гросс, Ф. Х. Майер, Й. А. Крамер).

Значимым индикатором является отношение того или иного ученого к России. Кстати, многие из их числа, движимые миссией познавательного просветительства, действительно испытывали добрые патриотические чувства. О Миллере говорить не приходится; его эмоциональные слова верности и благодарности своей новой родине содержатся в нескольких документах. О нем как о горячем патриоте в отношении достоинства России писал А. Л. Шлецер. Ярким примером из области социальной («этнической») психологии, примером быстрой адаптации могут служить слова Хр. Гольбаха, произнесенные им 17 февраля 1735 г. в академическом собрании. Предлагая план написания истории Академии наук, он говорил о необходимости предварительного изучения состояния науки в России при Петре I в предшествующий период, и «пусть *иностранцы* поймут, что русский народ не был вовсе неученым, в особенности в век, в который мы живем, как это обычно думали *в отдаленных от нас странах*»[10]. Не прошло и десяти лет, как Гольдбах оказался в России, а он уже воспринимает себя неотделимым от этой страны, а то, что находилось за ее пределами, — как иностранное. Кстати, щедро наделенный талантами и знаниями Гольдбах оказался востребован не только в Академии, но и в ведомстве иностранных дел и, очевидно, он единственный из числа академиков той поры дослужился до третьего класса — чина тайного советника, хотя не ясно — принимал ли он русское подданство. Но и среди тех, кто по истечении контракта покидал Российскую империю, многие сохраняли доброе отношение к ней. Например, Г. Б. Бюльфингер, по словам Г. Ф. Миллера, после отъезда из Санкт-Петербурга в 1731 г. «всегда оставался большим патриотом России».

Совершенно очевидно, что среди названных и других компонентов важнейшим, если не решающим, является саморефлексия, самоидентификация, поскольку «этнические» чувства являются феноменом сознания.

Решению проблемы национальной идентичности членов Академии наук первых лет существования крайне мешает застойный миф о немецком засилье. Этого по определению не могло быть, поскольку Германского государства и единой германской нации тогда не существовало. Ни один специалист, приезжавший из Европы, из германских государств, не именовался немцем. На этот счет есть немало документальных свидетельств. К примеру, Г. Ф. Миллер в первой в литературе монографии об истории Императорской Академии наук, написанной в 1775–1783 гг., следующим образом характеризовал приезжавших Санкт-Петербург в 1725–1727 гг. ученых: профессор естественной истории Христиан Мартини из *Бреслау* (Австрия); профессор церковной истории и красноречия Йохан Петер Коль из *Киля* (Голштиния); профессор математики Якоб Герман из *Базеля* (Швейцария); профессор философии Георг Бернхард Бюльфингер из *Вюртемберга* (Швабское герцогство); первый конференц-секретарь и историограф АН Христиан Гольдбах — уроженец *Кенигсберга* (Пруссия); профессор «учтивости и приятного обхождения» Йоханн Конрад Хеннингер, уроженец *Страсбурга* (Франция); профессор механики Николай Бернулли из *Базеля* (Швейцария); профессор физиологии Даниель Бернулли из *Базеля* (Швейцария); профессор анатомии Йоганн Георг Дювернуа — уроженец *Мюмпельгарда* (Монбельяр, франкоязычное княжество в составе Священной Римской империи); профессор греческих и римских древностей Теофил Зигфрид Байер — из *Кенигсберга* (Пруссия); профессор астрономии Жозеф Николай Делиль из *Парижа*; профессор астрономии Людвиг Делиль де ла Кроейер из *Парижа*; профессор химии Михаил Бюргер из *Курляндии*; профессор правоведения Йоханн Симон Бекенштейн из *Данцига* (Польша); профессор механики и оптики Йоханн Георг Лейтманн из *Виттенберга* (Саксония); ботаник Йоханн Христиан Буксбаум из *Мерзебурга* (Саксония); академик на кафедре нравоучительной философии Христиан Фридрих Гросс из *Вюртимберга* (Швабское герцогство); профессор математики Фридрих Христоф Майер из *Вюртимберга*; адъюнкт Йоханн Адольф Крамер из *Херфорда* (Вестфалия); профессор химии и истории натуральной Иоганн Георг Гмелин из *Тюбингена* (Вюртимбергское герцогство)[11] и т. д.

В завершение настоящего обзора немного о «национальности» первого президента Академии наук уроженца Москвы Лаврентия Лаврентьевича Блюментроста. Его отец Лаврентий Алферьевич Блюментрост (1619, Мюльхаузен, Тюрингия — 1705, Москва), доктор медицины (1648 г.), приехал в 1668 г. в Москву, стал привилегированным лейб-медиком царя Алексея Михайловича и был в России ведущим медиком допетровской эпохи. Прожив в России почти сорок лет, он сильно обрусел, сохраняя лютеранское вероисповедание. Его четверо сыновей продолжили дело отца, а двое из них родились в Москве. Это были Иван Лаврентьевич (1676–1756, Санкт-Петербург) и Лаврентий Лаврентьевич (1692–1755, Санкт-Петербург) — доктора медицины, выдающиеся государственные деятели, сподвижники Петра Великого. Казалось бы, доказывать

их «русскость» нет никакой необходимости. Однако в современных отечественных кинокартинах и телефильмах, посвященных событиям XVIII столетия, кинематографический и почти карикатурный придворный врач «Лаврентий Блюментрост» с трудом выговаривает слова на ломаном русском языке и это при том, что императрица Екатерина I (так же как Екатерина II в других фильмах) говорит как урожденная москвичка[12]. Впрочем, что спрашивать с кинематографистов, экономящих на консультантах — профессиональных историках, когда даже такой выдающийся знаток, каким был ученый-эрудит и полиглот Б. А. Старостин, назвал Л. Л. Блюментроста «еще одним немцем», оказывавшим содействие Петру I в открытии Академии наук[13].

Как видно, так называемый «национальный вопрос» применительно к работникам Академии наук настолько непрост в решении, что возникает сомнение, а имеет ли смысл историку как бы брать на себя роль доморощенного советского работника отдела кадров, заполняющего в формуляре личного листка пятую графу — «национальность»? Стоит ли погружаться в хитросплетения национальной идентичности, искать соответствующие пути и критерии? Это материя тонкая, с трудом поддающаяся верификации, она перегружена мифами, зловредными антинаучными конструктами и просто бреднями. Однако делать это безусловно необходимо, поскольку задача истории как науки и историка как профессионального ученого состоит в реальной, рациональной реконструкции прошлого, в преодолении всяческих мифов и заблуждений. Наконец, просто обыкновенная человеческая справедливость требует сохранять благодарную память о тех, кто, исполняя миссию просветительства, приезжая в Россию, творил здесь научное знание, обогащая и развивая ее культуру. Приближающееся 300-летие Российской академии наук — уместный повод для постановки вопроса о необходимости разобраться во всем многообразии и полноте «этногенеза» русской научности, вобравшей в себя за истекшие три столетия бесконечное число инновливаний. Такое изучение возможно только на основе системного эволюционно-исторического изучения, на базе осмысленного конструктивизма, а никак не на парадигме примордиализма.

---

[1] См. подробнее: Академик Г. Ф. Миллер — первый исследователь Москвы и Московской провинции / Подготовка текста, статья С. С. Илизарова. М., 1996; Г. Ф. Миллер и русская культура / Отв. ред. Д. Дальман, Г. И. Смагина. СПб., 2007; *Илизаров С. С.* Московский акцент. Г. Ф. Миллер и Москва XVIII века. М., 2021; *Миллер Г. Ф.* 1) Избранные труды / Сост., статья, примечания С. С. Илизарова. М., 2006; 2) Описание сибирских народов / Изд. А. Х. Элерт, В. Хинтцше. М., 2009; 3) Сочинения по истории России. Избранное / Сост., ст. А. Б. Каменского. М., 1996; *Hoffmann P.* G. F. Müller: Historiker, Geograph, Archivar im Dienste Russlands. Frankfurt a./Mein, 2005; и др.

[2] *Копелевич Ю. Х.* Основание Петербургской академии наук. Л., 1977.

[3] Данное положение было отчетливо сформулировано в проекте регламента Академии наук, подготовленном в 1725 г. (правящей императрицей Екатериной I не был утвержден): «Что же к языку принадлежит, которым всяк свои умствования изъявляти имеет, понеже удобь предусмотряем, что разных наций люди в собраниях присутствовати будут, вся та, яже каждый о своей науке мудрования на среду принесет, *латинским языком предлагатися* имеют; *ибо сей наипаче ученым свойственный и употребительный язык бывати обыче*» (Материалы для истории Императорской Академии наук. Т. 1. (1716–1730). СПб., 1885. С. 310. Курсив мой. — *С. И.*).

[4] Материалы для истории Императорской Академии наук. Т. 2. (1731–1735). СПб., 1886. С. 4.

[5] Материалы для истории Императорской Академии наук. Т. 8. (1746–1747). СПб., 1895. С. 595.

[6] Там же. С. 588.

[7] Там же. С. 589. Г. Ф. Миллер стал первым, но не единственным принявшим русское подданство. В том же 1747 г. так же поступил историк Иоганн Эбергард Фишер, тремя годами позже — профессор юриспруденции Фридрих Генрих Штрубе де Пирмон и т.п.

[8] Там же. С. 608. Как отмечал С. В. Бахрушин — один из лучших знатоков наследия Г. Ф. Миллера, «его принудили принять русское подданство, но этим унизительным отречением от родины он не купил себе спокойствия. В следующем году, уличенный в “подозрительных поступках” политического свойства, он подвергся серьезным репрессиям и был переведен с должности профессора на должность адъюнкта». См.: *Бахрушин С. В.* Г. Ф. Миллер как историк Сибири // Миллер Г. Ф. История Сибири. М.; Л., 1937. Т. I. С. 18.

[9] Известно, что все дети Эйлера, который сам неизменно сохранял швейцарское подданство, приняли русское подданство. В результате проведенных изысканий удалось установить более тысячи прямых потомков Леонарда Эйлера, в их числе много ученых, инженеров, дипломатов, врачей, военачальников и др. См.: *Геккер И. Р., Эйлер А. А.* Семья и потомки Леонарда Эйлера // Развитие идей Леонарда Эйлера и современная наука. М., 1988. С. 468–497.

[10] *Юшкевич А. П., Копелевич Ю. Х.* Христиан Гольдбах. 1690–1764. М., 1983.С. 207. Курсив мой. — *С. И.*

[11] *Миллер Г. Ф.* Избранные труды. С. 497–531. Аналогичная информация содержится также в делопроизводственной документации. См.: Материалы для истории Императорской Академии наук. Т. 8. С. 196–199, 206–207, 212 и далее.

[12] По свидетельству Г. Ф. Миллера, Л. Л. Блюментрост свободно говорил и писал на русском, латинском, немецком и французском языках. См.: *Миллер Г. Ф.* Избранные труды. С. 496.

[13] *Старостин Б. А.* Петербургская Академия наук в поисках национальной самоидентификации // Российская академия наук: 275 лет служения России. М., 1999. С. 279.

References

Akademik G. F. Miller — pervyi issledovatel Moskvy i Moskovskoi provintsii [Academician G. F. Müller. In Russ.] / Podg. teksta, st. S. S. Ilizarova. Moscow, 1996.

BAKHRUSHIN S. V. *G. F. Miller kak istorik Sibiri* [G. F. Müller as a historian of Siberia. In Russ.] // Miller G. F. Istoriya Sibiri [G. F. Müller. The history of Siberia]. Moscow; Leningrad, 1937. P. 3–55.

G. F. Miller i russkaya kultura [G. F. Müller and Russian culture. In Russ.] / Otv. red. D. Dalman, G. I. Smagina. St. Petersburg, 2007.

GEKKER I. R., EILER A. A. *Semya i potomki Leonarda Eilera* [Leonhard Euler's family and descendants. In Russ.] // Razvitie idei Leonarda Eilera i sovremennaya nauka [The development of Leonhard Euler's ideas and modern science]. Moscow, 1988. P. 468–497.

ILIZAROV S. S. Moskovskii aktsent. G. F. Miller i Moskva XVIII veka [A Moscow accent. G. F. Müller and 18th century Moscow. In Russ.]. Moscow, 2021.

MILLER G. F. Izbrannye trudy [Selected works. In Russ.] / Sost., st., primech. S. S. Ilizarova. Moscow, 2006.

MILLER G. F. Opisanie sibirskikh narodov [A description of Siberian peoples. In Russ.] / Izd. A. Kh. Elert, V. Khinttsshe. Moscow, 2009.

MILLER G. F. Sochineniya po istorii Rossii. Izbrannoe [Selected works on the history of Russia. In Russ.] / Sost., st. A. B. Kamenskogo. Moscow, 1996.

HOFFMANN P. G. F. Müller: Historiker, Geograph, Archivar im Dienste Russlands. Frankfurt a./Mein, 2005.

KOPELEVICH Yu. Kh. Osnovanie Peterburgskoi akademii nauk [Founding of the Petersburg Academy of Sciences. In Russ.]. Leningrad, 1977.

Materialy dlya istorii Imperatorskoi Akademii nauk [Materials for the history of the Imperial Academy of Sciences. In Russ.]. T. 1. (1716–1730). St. Petersburg, 1885.

Materialy dlya istorii Imperatorskoi Akademii nauk [Materials for the history of the Imperial Academy of Sciences. In Russ.]. T. 2. (1731–1735). St. Petersburg, 1886.

Materialy dlya istorii Imperatorskoi Akademii nauk [Materials for the history of the Imperial Academy of Sciences. In Russ.]. T. 8. (1746–1747). St. Petersburg, 1895.

STAROSTIN B. A. *Peterburgskaya Akademiya nauk v poiskakh natsionalnoi samoidentifikatsii* [Petersburg Academy of Sciences in search of national self-identification. In Russ.] // Rossiiskaya akademiya nauk: 275 let sluzheniya Rossii. [Russian Academy of Sciences: 275 years of serving Russia]. Moscow, 1999. P. 259–321.

YUSHKEVICH A. P., KOPELEVICH Yu. Kh. Khristian Goldbakh. 1690–1764 [Christian Goldbach. 1690–1764. In Russ.]. Moscow, 1983.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

С. С. Илизаров. Превращение иностранных специалистов Императорской Академии наук в Санкт-Петербурге в русских ученых // Петербургский исторический журнал. 2023. № 4. С. 199–209

Аннотация: После долгих лет размышлений и подготовительных мероприятий Петр Великий на исходе своей жизни принял решение об учреждении в Российской империи Академии наук. Поскольку в стране практически не было людей, отвечающих по своей профессиональной подготовке и компетенциям критериям, соответствующим понятию «европейский ученый», то по заданию императора в разных странах Европы в 1720-е гг. производился поиск и подбор необходимых специалистов. В статье рассмотрены сложные вопросы определения национальной принадлежности тех иностранных специалистов, которые приезжали в Россию служить по контракту в Императорской Академии наук и оставались там навсегда. Поскольку в XVIII столетии понятие «национальность» как категория этническая только формировалось, то главная демаркация между «своими» и «чужими» проходила через понятие «подданство»: россияне / русские и все остальные — иностранцы, иноземцы. Внутри империи подданные маркировались по конфессиональной принадлежности. Поэтому в современной литературе существует неопределенность и разнобой в определении национальности, точнее культурной идентичности этих людей. Рассматриваются маркеры, которые с определенной долей условности позволяют иностранцев — сотрудников Академии наук, оставшихся в России, относить к категории «русские ученые». Это понятия — подданство, знание русского языка, дисциплинарная область профессиональной деятельности, наличие семьи в России, смерть в России как критерий «русскости», отношение к России («патриотические чувства»). В статье показана на конкретных примерах (Г. Ф. Миллер, Л. Эйлер и др.) недостаточность названных критериев, и то, что главнейшим аргументом является самоидентификация, поскольку «этнические» чувства являются феноменом сознания личности. Кроме этого, рассмотрен миф о немецком засилье в русской науке как не имеющий никаких формальных и содержательных на то оснований.

Ключевые слова: наука, ученые, Академия наук, национальность, подданство, русские, иностранцы, Г. Ф. Миллер, Л. Л. Блюментрост, Л. Эйлер.

FOR CITATION

S. S. Ilizarov. The transformation of foreign specialists of the Imperial Academy of Sciences in St. Petersburg into Russian scientists // Petersburg historical journal, no. 4, 2023, pp. 199–209

Abstract: In the waning years of his life, after many years of pondering and preparations, Peter the Great came up with a decision to establish an Academy of Sciences in the Russian Empire. As the people whose professional training and competences met the 'European scientist' criteria were lacking in the country, necessary specialists were searched for and selected across Europe on the Emperor's order in the 1720s. The article considers the complicated issues of nationality of the foreign specialists who came to Russia to serve under the contract at the Imperial Academy of Sciences and stayed for good. In the 18th century the notion of 'nationality' as an ethnic category was only taking shape and the main demarcation line between 'us' and 'them' was through 'citizenship,' i. e. being a subject of the Russian Empire: the Russians and the rest (foreigners, outlanders). In the Empire, the subjects were differentiated based on their religion. Therefore, in modern literature, there's uncertainty and inconsistency in the definition of nationality, or more accurately cultural identity. The article analyses the markers that, with a degree of conditionality, allow to categorise foreign staff of the Academy of Sciences who stayed in Russia as 'Russian scientists'. These markers are being a subject of the Russian Empire, knowledge of Russian language, the disciplinary sphere of professional activities, having a family in Russia, dying in Russia as a criterion of being Russian, and the attitude to Russia ('patriotic feelings'). Drawing on the concrete examples (Gerhard Friedrich Müller, Leonhard Euler, and others), it is shown that these criteria are insufficient and the most important argument is self-identification, since 'ethnic' feelings are a product of the person's consciousness. In addition, the myth of German dominance in Russian science is analysed and deemed absolutely ungrounded, both formally and substantially.

Key words: science, scientists, Academy, nationality, citizenship, Russians, foreigners, Gerhard Friedrich (Fyodor Ivanovich) Müller, Laurentius (Lavrentii Lavrentievich) Blumentrost, Leonhard Euler.

Автор: **Илизаров, Симон Семенович** — д. и. н., проф., главный научный сотрудник, заведующий отделом историографии и источниковедения истории науки и техники Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН (ИИЕТ РАН).

Author: **Ilizarov, Simon Semyonovich** — Doctor of Historical Sciences, Professor, Principal Researcher, Head of the Department of Historiography and Source Studies of the History of Science and Technology. S. I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology of the Russian Academy of Sciences.

ORCID: 0000-0002-1502-2179

УДК 94/930
DOI: 10.51255/2311-603X_2023_4_210

Е. В. Ермасов

Отражение личности Петра I и его эпохи в немецкой историографии первой половины XVIII века на примере сочинения Мартина Хассена «Истинная государственная мудрость, изложенная в определенных государственных принципах...» (Лейпциг, 1739)

Петербургский исторический журнал № 4 (2023)

Первым справочно-библиографическим изданием, посвященным иностранным, прежде всего немецкоязычным, сочинениям о Петре I и его эпохе, в котором наиболее полно отражена немецкая историография первой половины XVIII в. по рассматриваемой теме, является книга Мартина Хассена, изданная в 1739 г. в издательстве «Friedrich Lanckischens Erben» в Лейпциге под названием: «Истинная государственная мудрость, изложенная в определенных государственных принципах в соответствии с предварительным разделением и порядком, и полностью подтвержденная самым славным примером российского императора Петра Великого, с упоминанием его самых мудрых военных и мирных установлений, самых выдающихся деяний и самых достопамятных речей из жизнеописаний и историй, существующих в печати, Мартином Хассеном, преподавателем этики и науки о государственном управлении Виттенбергского университета»[1]. Книга опубликована в 4-ю долю типографского листа и содержит 30 нену-

мерованных страниц посвящения императрице Анне Иоанновне, 6 ненумерованных страниц предисловия и 8 ненумерованных страниц оглавления, 622 страницы текста и два указателя на 50 ненумерованных страницах.

Еще в середине XIX в. об этом сочинении сообщалось в библиографическом обзоре Р. И. Минцлова наряду с другими редкими и малоизвестными источниками по истории царствования Петра I[2].

Однако до настоящего времени сочинение Хассена не только никогда не переводилось на русский язык, но и практически не использовалось в отечественной и зарубежной историографии, не учитывается в современных исследованиях, посвященных изучению истории жизни и деятельности Петра I. В качестве исключения следует назвать несколько работ современного немецкого историка М. Шиппана. В статье «Царь Петр I и его время в немецкой литературе: библиографический обзор», опубликованной в 2020 г., М. Шиппан указывает, что наряду с другими многочисленными публикациями о Петре I, появившимися после смерти российского императора, «работавший в Виттенберге государствовед и юрист Мартин Гассен (1677–1750) пытался в своем труде “Истинная политика в определенных государственных принципах” применить учение Христиана Вольфа об “Общем благе” к измененной Петром I России и пропагандировать его реформы»[3]. Больше внимания этому сочинению уделяется М. Шиппаном в его монографии «Петр I в Германии: 1697–1717», в которой излагаются краткие биографические сведения об авторе и характеристика его сочинения о Петре I[4].

Книга Хассена украшена портретом работы И. К. Сизанга[5], изображающим императрицу Анну Иоанновну на троне, в императорской мантии, со скипетром и державой в руках (под изображением надпись «Anna Joannowna, Käußerin von ganz Rußland»). Посвящение императрице Анне Иоанновне содержит довольно подробный обзор государственных деяний и законодательных мер ее царствования. В посвящении автор сообщает, что он в 1707–1709 гг. был секретарем при русском чрезвычайном посланнике в Берлине, Альберте фон дер Литте (1659–1718)[6]. Интерес к личности Петра I возник у автора в период нахождения на русской службе. «Такие выдающиеся качества этого бессмертного князя, как его замечательные способности, превосходный ум, исключительная стойкость и героическая храбрость», оказали на Хассена настолько сильное впечатление, что он, уже на службе у польского короля Августа Сильного в Тайном кабинете в Дрездене, «испытывал большое удовольствие, когда находящиеся в его руках вещи напоминали о России либо когда поступали новые сообщения о русских военных и мирных делах»[7]. В посвящении Анне Иоанновне автор сообщает, что в 1712 г. он лично встречался с Петром I во время его посещения города Виттенберга[8]. Биографические и библиографические сведения о Мартине Хассене содержатся в справочных изданиях XVIII–XIX вв.[9] Согласно сведениям данных

изданий, Мартин Хассен (Martin Hassen, также Hassenius) родился 27 июля 1677 г.[10] в Брандероде[11] около Наумбурга (Naumburg) в семье проповедника, умер 9 февраля 1750 г. в Виттенберге. Он учился в гимназиях в Наумбурге (Naumburg), Вайсенфельсе (Weißenfels) и Альтенбурге (Altenburg). В 1697 г. поступил в Йенский университет, где изучал богословие, занимался английским, французским, итальянским и испанским языками. В 1700 г. он поступил в Лейпцигский университет, где изучал юриспруденцию. После окончания обучения был домашним учителем в Берлине, преподавал английский язык прусскому королю Фридриху Вильгельму I. В 1707–1709 гг. состоял на службе у русского чрезвычайного посланника в Берлине Альберта фон дер Литта, по ходатайству которого поступил на службу к саксонскому курфюрсту Фридриху Августу I (он же — польский король Август II) (1670–1733) при Тайном кабинете в Дрездене. В 1711 г. саксонский курфюрст предоставил ему место экстраординарного профессора этики в Виттенбергском университете, в 1712 г. он стал ординарным профессором этики. Несколько раз избирался ректором Виттенбергского университета (на летние семестры 1718 и 1742 гг.). Сам себя М. Хассен считал преподавателем «морали и науки о государстве» («Sitten- und Staatswissenschaft»). Это было в духе университета, который от практической философии Хассена ожидал осуществления подготовки к высшим должностям в государстве, т. е. обеспечивать общую философскую подготовку, которая казалась необходимой для профессиональной деятельности высших сословий общества. В течение многих лет на основе собственных учебников он преподавал науку о морали, которую разделял на этику, естественное право, международное право и науку об управлении государством. Будучи сторонником учения рационализма согласно концепции Христиана Вольфа, он основывался на трудах Гуго Гроция (1583–1645) и Самуэля фон Пуфендорфа (1632–1694). В 1721 г. было издано сочинение М. Хассена «Synopsis de prudentia morali universae» (Краткий обзор универсальной нравственной мудрости). Преподавательская деятельность Хассена занимает особое место в истории кафедры этики в Виттенбергском университете благодаря его политическим, дипломатическим и административным познаниям и опыту. На академической кафедре оказался практик, признанный знаток России и Пруссии, возвышение которых в его время завершилось возникновением европейской пентархии[12]. В 1743 г. он получил звание советника саксонского двора.

Цель книги Хассена «Истинная государственная мудрость», основанной на известиях, в том числе ставших доступных автору во время его служебной деятельности и из различных печатных источников, заключалась, как было написано в посвящении к этому сочинению, в том, чтобы изобразить царствование и деятельность Петра I с позиции отличавшей его «государственной мудрости». В предисловии Хассен также указывает, что его намерением было не создание полного исторического сочинения о всех деяниях, совершенных Петром I во время его достойного правления, а публикация политического

очерка наблюдаемой у него истинной государственной мудрости во всех военных и мирных делах, называемой в учении о государстве Politicam Exemplarem (лат. политическим примером)[13].

Сочинение Хассена разделено на несколько глав и разделов, в начале которых автором приводится какое-нибудь государственное правило или афоризм, которое затем рассматривается на примере деятельности Петра I.

Согласно убеждениям автора, «истинная государственная мудрость» состоит в понимании подлинной цели всех правлений, рассмотрении происходящего от того благополучия, заботе о необходимой для этого науке, предпринимаемых путешествиях в другие страны, выборе способных советников и служащих, избавлении государства от недостатков и пороков»[14].

Автор выделяет следующие основные государственные принципы:

— всеобщее благо должно быть признано единственной конечной целью всех правлений;
— созданное для всеобщего блага правление делает счастливым также правителя;
— для счастливого правления требуется необходимая для этого наука о государстве;
— хорошо организованные путешествия могут принести многое для науки о государстве;
— мудрые правители должны иметь способных советников и служащих;
— государственные недостатки и пороки должны точно изучаться и разумным способом устраняться[15].

По мнению Хассена, внутреннее благосостояние империи держится на трех опорах: богослужение, правосудие, богатство. Богослужение, или религия, может лучшим образом привести к благосостоянию империи и укрепить его, если правитель признает Господа как источника всего благого, своим примером доказывает свой долг в почитании, страхе и любви к Господу, поддерживает в приемлемом виде самое важнейшее принятое в своей стране вероучение, заботится о школе, как высшей, так и начальной[16]. Для соблюдения и исполнения правосудия необходимо, чтобы повсеместно вводились и исполнялись полезные законы и распоряжения, поэтому государственные должности должны занимать способные личности, заслуги — достойно вознаграждаться, а преступления и злодеяния — строго наказываться[17]. Согласно рассуждениям автора, богатство государства состоит либо в том, что произведено природой согласно мудрому божественному замыслу, либо создано искусством напряженного труда человека. Поэтому благоразумные правители должны заботиться о том, чтобы обустраивать города и села, заселять их работоспособными людьми, в особенности людьми искусства и ремесленниками, в том числе иностранными, покровительствовать всеми доступными способами ремеслам и торговле, все доходы привести в порядок и употребить на государственные нужды[18]. Благосостоянию государства во внешнеполитических делах способствует либо

сохранение надежного мира, либо развязывание законной войны. Надежный мир достигается посредством посольств с целью установления хороших отношений с иностранными государствами, создания и соблюдения надежных внешнеполитических союзов, достаточного военного обустройства (военной силы и мощи государства).

Названные доводы приводят автора к формулированию следующих государственных принципов: правители должны воздавать должное друг другу как сами, так и в своих взаимных посольствах; союзами укрепляется мощь и безопасность; хорошая армия является лучшей защитой мира[19].

Что касается вопросов войны, то М. Хассен утверждает: чтобы успешно вести законную войну, правитель должен пристально следить за соблюдением благовоспитанных и среди христианских народов распространенных манер, поддерживать у своих солдат хороший порядок и военную дисциплину, обдуманно заключать окончательный мир. В качестве государственных принципов в указанных вопросах автор указывает следующие:

— славнейшие народы также в войне соблюдают славные обычаи;
— что душа в теле, то и воспитание в армии;
— чем более правитель озабочен сохранением мира, тем осмотрительнее он должен быть заключен[20].

Перечисленные принципы представляют собой критерии, которые, по представлению М. Хассена, характеризуют мудрого, просвещенного государя, правление которого приводит к процветанию его подданных. Данные характеристики, по мнению автора, следует отнести к Петру I.

М. Хассен изобразил образ идеального монарха так, как его пропагандировал еще в 1721 г. Христиан Вольф в своем сочинении «Разумные мысли об общественной жизни людей», полагая, что конечной целью всякого правления является всеобщее благо, которое делает счастливыми и самих правителей. Задача тех правителей, «которые заботятся о всеобщем благе», в том, чтобы «сделать остальных счастливыми в общем бытии». Понимающий монарх прислушивается к умным советам, а для управления страной необходима «наука»[21].

Сочинение Хассена изобилует ценными биографическими и библиографическими заметками. В библиографическом обзоре Р. И. Минцлова указывается: «Вообще если в этом сочинении и немного материалов, принадлежавших собственно самому Хассену, то в замен он собрал в нем в одно целое все, сказанное прежде другими и рассеянное не только в монографиях, но и в куче сборников и общих сочинений, где никому не пришло бы на мысль справляться об этих материалах. Сверх того, так как собранные нашим автором данные сопровождаются везде критической оценкой и разбором, иногда очень зрелыми, то мы не колеблемся поставить его книгу, хотя она и осталась неизвестной большей части писавших позже о том же предмете, в ряд очень полезных, по времени, источников для истории Петра Великого»[22].

В одном из двух указателей к книге Хассена в алфавитном порядке перечислены главнейшие европейские издания, посвященные Петру I и его эпохе (50 наименований). Автором использовались первая биография Петра I на немецком языке (1710 год), сочинения Г. А. Шлейссинга, И. Г. Корба, Хр. Штиффа, Г. С. Тройера, Ф. Х. Вебера, К. Ф. фон Врееха, Ю. Г. Рабенера, Г.-И. Унферцагта, Ф.И. фон Страленберга, Г. Б. Бильфингера и другие издания. В предисловии к своему труду Хассен пишет, что насколько различными были авторы использованных им трудов, настолько разнообразные сведения они сообщали о Российской империи и ее населении.

Большинство сочинений о Петре I «воздавали должное прославленной российской нации», хотя были и те, кто негативно отзывался о России и русском народе. Вместе с тем все писавшие о России «восхваляли российского императора Петра Великого как такого монарха, который от Бога наделен выдающимися качествами и в особенности... высшей мудростью». В качестве примера Хассен ссылается на таких авторов, как И. Г. Корб[23], Дж. Перри[24], Ю. Г. Рабенер[25]. Допуская негативные суждения о русском народе, они с похвалой отзывались о «героических деяниях» Петра I. Подобным образом Хассен характеризует известных французских авторов (А.-Ф. Лимье, Ж.-Л. Гримаре, Вольтера[26]), которые, как он пишет, «везде испытывая пристрастное отношение к шведам, все же должны были для торжества истины засвидетельствовать много хорошего о русском народе и в особенности об их императоре»[27]. Хассен признается, что часто использовал в своем труде не только И. Г. Корба и Дж. Перри, но и сочинения Г. С. Тройера[28] и Вольтера «при упоминании произошедших в России улучшений» в царствование Петра I.

Заслуживают внимания библиографические сведения, которые сообщает М. Хассен и которые свидетельствуют о высокой степени его осведомленности о сочинениях, посвященных Петру I.

Предисловие к труду «Истинная государственная мудрость» начинается с указания на страницу 254 сочинения Хр. Вебера «Измененная Россия» (1721), где указывается, что стараниями тайного советника барона Генриха фон Гюйссена был составлен и подготовлен к изданию исторический труд о деяниях императора Петра Великого, который сам по себе очень хорош и был бы достойным прочтения, однако, если этот ученый человек получил бы еще больше сведений из российской канцелярии, то тогда его труд оказался бы более полным[29]. Хассен сожалеет, что не смог использовать труд Генриха Гюйссена при подготовки своей книги[30]. Хассену было известно, что автором «Измененной России», изданной анонимно в 1721 г., был Фридрих Христиан Вебер, бывший ганноверский резидент при российском дворе[31].

Хассен подвергает критике версию, что автором первой биографии Петра I, изданной под псевдонимом J. H. v. L.[32], был некий Иоганн Генрих фон Лоэнштейн (об этом сообщается в каталоге книг Я. П. Гундлинга, изданном в 1731 г.). Хассен утверждает, что ему неизвестен ни один из Лоэнштейнов, к которому бы подходили

в заглавии начальные буквы J. H. Однако кто скрывался по буквами J. H. v. L., написавшего «Жизнь и деяния Петра Алексеевича...», ему после всех проведенных исследований не удалось выяснить[33]. До настоящего времени вопрос об авторстве первой прижизненной биографии Петра I сохраняет свою актуальность[34].

Хассен установил, что автором анонимно изданного в Санкт-Петербурге «Рассуждения, какие законные причины его Царское Величество Петр Первый, царь и повелитель всероссийский, ... к начатию войны против короля Карола 12, шведского 1700 г. имел...»[35] был вице-канцлер П. П. Шафиров (1669–1739)[36]. Автор положительно отзывается «о прекрасной и содержащей много примечательного книге» Ф. И. фон Страленберга (1676–1747) «Историческое и географическое описание северной и восточной частей Европы и Азии»[37]. При этом Хассен сообщает, что Филипп Иоганн фон Страленберг до своего пленения под Полтавой именовался Табертом (Taberth), после своего возвращения из плена в Швецию (1723) он был возведен в шведское дворянство и по своему родному городу Штральзунду назвался Страленбергом[38].

В Приложении (Anhang) содержится 18 актов, переведенных или перепечатанных Хассеном из разных публицистических сочинений. Указанные документы были опубликованы отдельными изданиями или содержатся в немецких публицистических сочинениях, посвященных Петру I. Они были известны европейскому читателю. Их подборка свидетельствует о цели автора — прославление царствования и деятельности Петра I, а также повышает ценность книги Хассена как справочно-библиографического издания.

Учитывая большое количество привлеченных автором сочинений, указания на источники информации, приводимые по тексту книги, а также попытки источниковедческих и библиографических изысканий автора, сочинение Мартина Хассена «Die Wahre Staats-Klugheit» заслуживает внимание как одна из первых историографических работ по истории царствования Петра I, а ее автора следует признать одним из авторитетнейших знатоков России в Европе первой половины XVIII в.

---

1 Die Wahre Staats-Klugheit, In gewissen Staats-Grund-Sätzen, nach einer vorangesetzten Eintheilung und Ordnung vollständig vorgetragen, und insonderheit mit dem ruhmwürdigsten Exempel Des Rußischen Kaysers, Peter des Grossen, Unter Anführung seiner weisesten Kriegs- und Friedens-Verfassungen, vortrefflichsten Thaten und denckwürdigsten Reden, Aus den im Druck vorhandenen Lebens-Beschreibungen und Geschichten durchgehends bestätiget von Martin Hassen, der Sitten- und Staats-Wissenschafft auf der Universität zu Wittenberg öffentlichem Lehrer. Nebst einem Anhang einiger in diesem Buche angezogenen Schrifften und zweyen Registern. Leipzig: Verlag Friedrich Lanckischens Erben, 1739.

2 *Минцлов Р. И.* Библиографические отрывки: Несколько редких и малоизвестных иноязычных сочинений, относящихся до Петра Великого и его века // Отечественные записки: Учетно-литературный журнал. 1856. Т. CIV. № 2. Отд. II. [Статья] V. С. 390–391.

[3] *Шиппан М.* Царь Петр I и его время в немецкой литературе: библиографический обзор // Историографический сборник: Межвуз. сб. науч. тр. Саратов: Саратовский источник, 2020. Вып. 27. С. 162.

[4] *Шиппан М.* Петр I в Германии: 1697–1717 / Пер. с нем. И. Ю. Тарасовой. СПб.: Европейский Дом, 2021. С. 164–166.

[5] Сизанг (Sysang) Иоганн Кристоф (1703–1757) — известный немецкий гравер, прославившийся гравюрами с изображением князей, государственных деятелей, врачей, юристов и богословов. Он гравировал портреты светлейшего князя Александра Даниловича Меншикова ок. 1728–1730 гг. (Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина), Курляндского герцога Фридриха Вильгельма, Анны Иоанновны, Анны Леопольдовны, Марии Терезии (около 1740 г.), Фридриха Великого (около 1740 г.), Елизаветы Петровны (1740-е гг.), Екатерины II и других известных исторических личностей.

[6] Альберт фон дер Литте (1659–1718) — с 1705 г. комиссар и корреспондент Петра I при Прусском дворе в Берлине, в 1706–1707 гг. чрезвычайный посланник при Прусском дворе в Берлине. В 1709 г. подписал Союзный договор с Саксонией против Швеции и Польши, был послом в Дрездене. В 1711–1713 гг. посол в Лондоне. См. о нем: *Бантыш-Каменский Н. Н.* Обзор внешних сношений России (по 1800 г.). М.: Комис. печатания гос. грамот и договоров при Моск. гл. арх. М-ва иностр. дел, 1902. Ч. 4. С. 369; *Иванова Н. И.* Немцы на дипломатической службе в Российской Федерации. СПб.: Крига, 2020. С. 204.

[7] *Hassen M.* Die Wahre Staats-Klugheit... Lob- und Zueignungs-Schrift. [S. IV–V].

[8] Как известно, Петр I посетил Виттенберг 3 октября (по новому стилю — 14 октября) 1712 г., пообедал там в доме, где жил Мартин Лютер. См. об этом: Походный журнал 1712 года: [Юрналы 1712-го года]. СПб., 1854. С. 38–39.

[9] *Jöcher Chr. G.* Allgemeines Gelehrten-Lexicon, Darinne die Gelehrten aller Stände sowohl männ- als weiblichen Geschlechts, welche vom Anfange der Welt bis auf ietzige Zeit gelebt, und sich der gelehrten Welt bekannt gemacht, Nach ihrer Geburt, Leben, merckwürdigen Geschichten, Absterben und Schrifften aus den glaubwürdigsten Scribenten in alphabetischer Ordnung beschrieben werden / Hrsg. Christian Gottlieb Jöcher, der H. Schrifft Doctore, und der Geschichte öffentlichem Lehrer auf der hohen Schule zu Leipzig. Leipzig: Johann Friedrich Gleditschens Buchhandlung, 1750. Zweyter Theil. D–L. S. 1398–1399; Fortsezung und Ergänzungen zu Christian Gottlieb Jöchers allgemeinen Gelehrten-Lexico, worin die Schriftsteller aller Stände nach ihren vornehmsten Lebensumständen und Schriften beschrieben werden; von Johann Christoph Adelung. Zweiter Bd. C bis I. Leipzig: Johann Friedrich Gleditschens Handlung, 1787. Sp. 1822; *Meusel Joh. G.* Lexikon der vom Jahre 1750 bis 1800 verstorbenen teutschen Schriftsteller. Leipzig: Gerhard Fleischer d. J., 1805. Bd. 5. S. 213–215; Allgemeine Encyklopädie der Wissenschaften und Künste, in alphabetischer Folge von genannten Schriftstellern bearbeitet und herausgegeben von J. S. Ersch und J. G. Grüber. Zweite Section H–N / Hrgb. von G. Hassel und A. G. Hoffmann. Dritter Teil mit Kupfern und Charten. Harrich–Hebung. Leipzig: Verlage von Johann Friedrich Gleditsch, 1828. S. 98–99. URL: http://resolver.sub.uni-goettingen.de/purl?PPN360579477 (дата обращения: 20.07.2022); *Миницлов Р.И.* Библиографические отрывки...

[10] Дата приведена по старому стилю.

[11] В настоящее время Брандероде — район города Мюхельна (Гайзельталя) в округе Заале в земле Саксония-Анхальт, в XVII в. это местечко было селом с тем же названием — Брандероде.

[12] Европейской пентархией обозначалась система международных отношений, которая заключалась в доминировании в Европе XVIII–XIX вв. пяти великих держав и существовании на этой основе международной европейской системы «равновесия сил». К государствам европейской пентархии относили Францию, Австрию, Великобританию, Россию и Пруссию. См.: *Duchhardt H.* Balance of Power und Pentarchie. Internationale Beziehungen 1700–1785. Paderborn; München; Wien; Zürich: Schöningh, 1997. S. 8–18.

[13] *Hassen M.* Die Wahre Staats-Klugheit... Vorbericht. [S. 1 – 2].

[14] Ibid. S. 1.
[15] Ibid. S. 1–122.
[16] Ibid. S. 123.
[17] Ibid. S. 252.
[18] Ibid. S. 327.
[19] Ibid. S. 387–451.
[20] Ibid. S. 451–520.
[21] *Wolff Chr.* Vernünfftige Gedancken von dem gesellschafftlichen Leben der Menschen und insonderheit dem gemeinen Wesen: Zu Beförderung der Glückseeligkeit des menschlichen Geschlechts / Den Liebhabern der Wahrheit mitgeteilt von Christian Wolffen. Halle im Magdeburgischen: [s. n.], 1721. S. 178–180, 586.
[22] *Минцлов Р.И.* Библиографические отрывки...
[23] Diarium itineris in Moscoviam perillustris ac magnifici domini Ignatii Christophori nobilis domini de Guarient, & Rall, Sacri Romani Imperii, & Regni Hungariae Equitis, Sacrae Caefareae Majestatis Consiliarii Aulico-Bellici ab Augustißimo & Invictißimo Romanorum Imperatore Leopoldo I. ad Serenißimum, ac Potentißimum Tzarum et Magnum Moscoviae Ducem Petrum Alexiowicium anno MDCXCVIII ablegati extraordinarii. Descriptum a Joanne Georgio Korb, p. t. Secretario Ablegationis Caesareae. Viennae: Voigt, [1700]. Этот труд считается одним из важнейших источников по истории России конца XVII в. Иоганн Георг Корб (1672–1741) — немецкий дипломат и государственный деятель, был секретарем посольства, отправленного императором Священной Римской империи германской нации Леопольдом I в Москву в 1698 г. Его сочинение получило большую известность, но вызвало резкую негативную реакцию со стороны российского правительства в связи с подробным описанием стрелецкого бунта в Москве. Книга И. Г. Корба была запрещена в Австрии, но ее экземпляры разошлись по странам Европы.
[24] *Perry J.* The state of Russia under the present czar... London: Tooke, 1716. Хассен пользовался французским и немецким переводами этой книги. Книга приобрела большую популярность среди западноевропейских читателей, считается одним из самых содержательных сочинений о петровской России.
[25] *Rabener J. G.* Leben Petri des Ersten und Groβen, Czaars von Ruβland. Leipzig: Verlegts Joh. Friedr. Gleditschens seel. Sohn, 1725. Ю. Г. Рабенер (1702–1732) — автор второй биографии Петра I, изданной на немецком языке. Это сочинение является подробным описанием правления Петра Великого начиная с рождения и до смерти российского императора.
[26] Хассену были известны следующие издания: *Grimarest J. L.* Les Camagnts de Charles XII, roi de Suède. Paris, 1705–1706. T. 1–2; *Limiers H. P.* Histoire de Suède sous le règne de Charles XII. Amsterdam, 1721. T. 1–6; *Voltaire F. M. A.* Histoire de Charles XII, roi de Suède / Par m. de Voltaire. T. 1–2. Amsterdam: Aux Dépens de la Compagnie, 1732.
[27] *Hassen M.* Die Wahre Staats-Klugheit... Vorbericht. [S. 3].
[28] Хассен ссылается на сочинение Г. С. Тройера: Exercitatio politica de licentia peregrinandi legibus circumscribenda et dirigenda in utilitatem summorum imperantium et reipublicae. Adduntur monita et praecepta quaedam virorum illustrium ivventuti peregrinanti observanda nunc maximam partem prima vice edita a Gottlieb Samuel Treuer. Lipsiae et Wolfenbuttelae, Sumptibus Godofredi Freytagii Beati Viduae. Helmstedt: Typis Salomonis Schnorrii, 1720. Г. С. Тройер (1683–1743) — немецкий историк, знаток русской истории, автор «Апологии царя Ивана Васильевича» и первого труда, систематически излагающего историю России с конца XV в. до начала XVII в. — «Введение в Московитскую историю» (*Treuer G. S.* 1) Apologia pro Iohanne Basilide II. Magno Duce Moscoviae tyrannides vulgo falsoque insinueato. Vienne, 1711; 2) Einleitung zur Moscowitischen Historie Von der Zeit an Da Moscov aus vielen kleinen Staaten zu einem Groβen Reiche gediehen / Biß auf den Stolbovischen Frieden mit Schweden Anno 1617... Leipzig; Wolffenbüttel, 1720). Оба сочинения были известны Хассену.
[29] *Weber Fr. Chr.* Das veränderte Ruβland, in welchem die ietzige Verfassung des Geist- und weltlichen Regiments; Kriegs-Staat zu Lande und zu Wasser... die Begebenheiten des

Czarewitzen, und was sich sonst merckwürdiges in Ruβland zugetragen, nebst verschiedenen andern biβher unbekandten Nachrichten in einem bis 1720. gehenden Journal vorgestellet werden... Franckfurth: Verlegts Nicolaus Förster, Königl. Groβ-Brittannisch. und Churfürstl. Braunschw. Lüneb. Hof-Buchhändler in Hannover, 1721. S. 254. Ф. Х. Вебер (ум. 1739) — ганноверский резидент при русском дворе в 1714–1719 гг. Его сочинение «Измененная Россия» является самым известным сочинением о России первой четверти XVIII в., ставшее символом «Новой России».

30 *Hassen M.* Die Wahre Staats-Klugheit... Vorbericht. [S. 1].

31 Ibid. [S. 4].

32 В 1710 г. во Франкфурте и Лейпциге была издана первая немецкая биография Петра I «Жизнь и деяния Великого Господина, Царя и Великого князя Московского, Петра Алексеевича, всей Великой, Малой и Белой России самодержца...»: *J. H. von L.* Des Grossen Herrens, Czaars und Groβ-Fürstens von Moscau, Petri Alexiewiz, Des gantzen grossen, kleinen und weissen Reuβlandes Selbsthalters etc. etc. Leben und Thaten... Franckfurt; Leipzig: Johann Leonard Buggeln, 1710. См.: *Пекарский П. П.* Наука и литература в России при Петре Великом: исследование П. Пекарского. Т. 1: Введение в историю просвещения в России XVIII столетия. СПб.: издание Товарищества «Общественная польза», 1862. С. 96–97.

33 *Hassen M.* Die Wahre Staats-Klugheit... Vorbericht. [S. 5].

34 *Ермасов Е. В.* Первая биография Петра I, изданная в Европе (1710 г.) // Россия и Европа: пересекая границы. Научные и культурные контакты в XVI–XXI вв.: коллективная монография / Отв. ред. и сост. Г. И. Смагина. СПб.: Росток, 2018. С. 189–206.

35 Разсуждение какие законные причины его царское величество Петр Первый царь и повелитель всероссиискии и протчая, и протчая, и протчая: к начатию воины против короля Карола 12, шведского 1700 г. имел... [Санктпетербург], 1717.

36 *Hassen M.* Die Wahre Staats-Klugheit... Vorbericht. [S. 5], 23.

37 *Strahlenberg Ph. Joh. von.* Das Nord-und Ostliche Theil von Europa und Asia, Jn soweit solches Das gantze Russische Reich mit Siberien und der grossen Tatarey in sich begreiffet, Jn einer Historisch-Geographischen Beschreibung der alten und neuen Zeiten, und vielen andern unbekannten Nachrichten vorgestellet... / Zusammengebracht u. ausgefertiget von Philipp Johann von Strahlenberg. Stockholm: Verlegung des Autoris, 1730.

38 *Hassen M.* Die Wahre Staats-Klugheit... Vorbericht. [S. 6].

References

Allgemeine Encyklopädie der Wissenschaften und Künste, in alphabetischer Folge von genannten Schriftstellern bearbeitet und herausgegeben von J. S. Ersch und J. G. Grüber. Zweite Section H–N. Herausgegeben von G. Hassel und A. G. Hoffmann. Dritter Teil mit Kupfern und Charten. Harrich–Hebung. Leipzig: Verlage von Johann Friedrich Gleditsch, 1828. URL: http://resolver.sub.uni-goettingen.de/purl? PPN360579477 (date of access: 20.07.2022).

BANTYSH-KAMENSKIJ N. N. *Obzor vneshnih snoshenij Rossii* (*po 1800 g.*) [Review of Russia's Foreign Relations (up to 1800). In Russ.]. Moscow: Komis. pechataniya gos. gramot i dogovorov pri Mosk. gl. arh. M-va inostr. del, 1902. Part 4.

Diarium itineris in Moscoviam perillustris ac magnifici domini Ignatii Christophori nobilis domini de Guarient, & Rall, Sacri Romani Imperii, & Regni Hungariae Equitis, Sacrae Caefareae Majestatis Consiliarii Aulico-Bellici ab Augustiβimo & Invictiβimo Romanorum Imperatore Leopoldo I. ad Sereniβimum, ac Potentiβimum Tzarum et Magnum Moscoviae Ducem Petrum Alexiowicium anno MDCXCVIII ablegati extraordinarii. Descriptum a Joanne Georgio Korb, p. t. Secretario Ablegationis Caesareae. Viennae: Voigt, [1700].

Die Wahre Staats-Klugheit, In gewissen Staats-Grund-Sätzen, nach einer vorangesetzten Eintheilung und Ordnung vollständig vorgetragen, und insonderheit mit dem ruhmwürdigsten Exempel Des Ruβischen Kaysers, Peter des Grossen, unter Anführung seiner weisesten Kriegs- und Friedens-Verfassungen,

vortrefflichsten Thaten und denckwürdigsten Reden, Aus den im Druck vorhandenen Lebens-Beschreibungen und Geschichten durchgehends bestätiget von Martin Hassen, der Sitten- und Staats-Wissenschafft auf der Universität zu Wittenberg öffentlichem Lehrer. Nebst einem Anhang einiger in diesem Buche angezogenen Schrifften und zweyen Registern. Leipzig: Verlag Friedrich Lanckischens Erben, 1739.

DUCHHARDT H. Balance of Power und Pentarchie. Internationale Beziehungen 1700–1785 (Handbuch der Geschichte der Internationalen Beziehungen; Bd. 4). Paderborn; München; Wien; Zürich: Schöningh, 1997. P. 8–18.

ERMASOV E. V. *Pervaya biografiya Petra I, izdannaya v Evrope* (*1710 g.*) [The first biography of Peter I, published in Europe (1710). In Russ.] // Rossiya i Evropa: peresekaya granicy. Nauchnye i kul'turnye kontakty v XVI–XXI vv.: kollektivnaya monografiya / Otv. red. i sost. G. I. Smagina. St. Petersburg: Rostok, 2018. P. 189–206.

Fortsezung und Ergänzungen zu Christian Gottlieb Jöchers allgemeinen Gelehrten-Lexico, worin die Schriftsteller aller Stände nach ihren vornehmsten Lebensumständen und Schriften beschrieben werden; von Johann Christoph Adelung. Zweiter Bd. C bis I. Leipzig: Johann Friedrich Gleditschens Handlung, 1787.

GRIMAREST J. L. Les Camagnts de Charles XII, roi de Suède. Paris, 1705–1706. T. 1–2.

JÖCHER Ch. G. Allgemeines Gelehrten-Lexicon, Darinne die Gelehrten aller Stände sowohl männ- als weiblichen Geschlechts, welche vom Anfange der Welt bis auf ietzige Zeit gelebt, und sich der gelehrten Welt bekannt gemacht, Nach ihrer Geburt, Leben, merckwürdigen Geschichten, Absterben und Schrifften aus den glaubwürdigsten Scribenten in alphabetischer Ordnung beschrieben werden / Hrsg. Ch. G. Jöcher, der H. Schrifft Doctore, und der Geschichte öffentlichem Lehrer auf der hohen Schule zu Leipzig. Leipzig: Johann Friedrich Gleditschens Buchhandlung, 1750. Zweyter Theil. D–L.

IVANOVA N. I. *Nemcy na diplomaticheskoj sluzhbe v Rossijskoj Federacii* [Germans in the diplomatic service in the Russian Federation. In Russ.]. St. Petersburg: Kriga, 2020.

J. H. von L. Des Grossen Herrens, Czaars und Groß-Fürstens von Moscau, Petri Alexiewiz, Des gantzen grossen, kleinen und weissen Reußlandes Selbsthalters etc. etc. Leben und Thaten... in Zwey Theilen... Franckfurt; Leipzig: Bey Johann Leonard Buggeln, 1710.

LIMIERS H. P. Histoire de Suède sous le règne de Charles XII. Amsretdam, 1721. T. 1–6.

MEUSEL Joh. G. Lexikon der vom Jahre 1750 bis 1800 verstorbenen teutschen Schriftsteller. Leipzig: Gerhard Fleischer d. J., 1805. Bd. 5.

MINCLOV R. I. *Bibliograficheskie otryvki: Neskol'ko redkih i maloizvestnyh inoyazychnyh sochinenij, otnosyashchihsya do Petra Velikogo i ego veka* [Bibliographic excerpts: Several rare and little-known foreign-language works dating back to Peter the Great and his century. In Russ.] // Otechestvennye zapiski: Uchetno-literaturnyj zhurnal. 1856. Vol. CIV. No. 2. Otd. II. [Stat'ya] V. P. 345–394.

PEKARSKIJ P. P. *Nauka i literatura v Rossii pri Petre Velikom: issledovanie P. Pekarskogo*. T. 1: Vvedenie v istoriyu prosveshcheniya v Rossii XVIII stoletiya. [Science and Literature in Russia under Peter the Great: a Study by P. Pekarsky. Vol. 1: Introduction to the History of Enlightenment in Russia of the 18th century. In Russ.]. St. Petersburg: izdanie Tovarishchestva "Obshchestvennaya pol'za", 1862.

PERRY J. The state of Russia under the present czar... London: Tooke, 1716.

Pohodnyj zhurnal 1712 goda: [*Yurnaly 1712-go goda*]. [The marching journal of 1712: [Jurnals of 1712]. In Russ.] St. Petersburg, 1854.

RABENER J. G. Leben Petri des Ersten und Großen, Czaars von Rußland. Leipzig: Verlegts Joh. Friedr. Gleditschens seel. Sohn, 1725.

Razsuzhdenie kakie zakonnye prichiny ego carskoe velichestvo Petr Pervyi car' i povelitel' vserossiiskii i protchaya, i protchaya, i protchaya: k nachatiyu voiny protiv korolya Karola 12, shvedskogo 1700 godu imel... [Reasoning what are the legitimate reasons for his royal Majesty Peter the First Tsar and ruler of All-Russia and protchaya, and protchaya, and protchaya: by the beginning of the warriors against King Karl 12, Swedish 1700 had. In Russ.] [St. Petersburg], 1717.

SHIPPAN M. *Petr I v Germanii: 1697–1717* [Peter I in Germany: 1697–1717. In Russ.] / Per. s nemeckogo I. Yu. Tarasovoj. St. Petersburg: Evropejskij Dom, 2021.

SHIPPAN M. *Car' Petr I i ego vremya v nemeckoj literature: bibliograficheskij obzor* [Tsar Peter I and His Time in German Literature: a Bibliographic Review. In Russ.] // Istoriograficheskij sbornik: Mezhvuz. sb. nauch. tr. Saratov: Saratovskij istochnik, 2020. Iss. 27. P. 155–182.

STRAHLENBERG Ph. Joh. von. Das Nord-und Ostliche Theil von Europa und Asia, Jn so weit solches Das gantze Russische Reich mit Siberien und der grossen Tatarey in sich begreiffet, Jn einer Historisch-Geographischen Beschreibung der alten und neuen Zeiten, und vielen andern unbekannten Nachrichten vorgestellet... / Zusammengebracht u. ausgefertiget von Ph. J. von Strahlenberg. Stockholm: Verlegung des Autoris, 1730.

TREUER G. S. Apologia pro Iohanne Basilide II. Magno Duce Moscoviae tyrannides vulgo falsoque insinueato. Vienne, 1711.

TREUER G. S. Einleitung zur Moscowitischen Historie Von der Zeit an Da Moscov aus vielen kleinen Staaten zu einem Großen Reiche gediehen / Biß auf den Stolbovischen Frieden mit Schweden Anno 1617... Leipzig; Wolffenbüttel, 1720.

TREUER G. S. Exercitatio politica de licentia peregrinandi legibus circumscribenda et dirigenda in utilitatem summorum imperantium et reipublicae. Adduntur monita et praecepta quaedam virorum illustrium ivventuti peregrinanti observanda nunc maximam partem prima vice edita a Gottlieb Samuel Treuer. Lipsiae et Wolfenbuttelae, Sumptibus Godofredi Freytagii Beati Viduae. Helmstedt: Typis Salomonis Schnorrii, 1720.

VOLTAIRE Fr. M. A. Histoire de Charles XII, roi de Suède / Par m. de Voltaire. T. 1–2. Amsterdam: Aux Dépens de la Compagnie, 1732.

WEBER Fr. Chr. Das veränderte Russland, in welchem die ietzige Verfassung des Geist- und weltlichen Regiments; der Kriegs-Staat zu Lande und zu Wasser... die Begebenheiten des Czarewitzen, und was sich sonst merckwürdiges in Russland zugetragen, nebst verschiedenen andern bissher unbekandten Nachrichten in einem biss 1720. gehenden Journal vorgestellet werden... Franckfurth: N. Förster, 1721.

WOLFF Chr. Vernünfftige Gedancken von dem gesellschafftlichen Leben der Menschen und insonderheit dem gemeinen Wesen: Zu Beförderung der Glückseeligkeit des menschlichen Geschlechts / Den Liebhabern der Wahrheit mitgeteilt von Christian Wolffen. Halle im Magdeburgischen: [s. n.], 1721.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Е. В. Ермасов. Отражение личности Петра I и его эпохи в немецкой историографии первой половины XVIII века на примере сочинения Мартина Хассена «Истинная государственная мудрость, изложенная в определенных государственных принципах…» (Лейпциг, 1739) // Петербургский исторический журнал. 2023. № 4. С. 210–222

Аннотация: Личности Петра I и его эпохе посвящены многие сочинения немецких авторов первой половины XVIII в., одним из которых является книга М. Хассена. Профессор этики и государствоведения в Виттенбергском университете Мартин Хассен (1677–1750) с большим интересом относился к личности российского императора и произведенным им реформам, лично встречался с Петром I во время его посещения Виттенберга в 1712 г. В 1739 г. в Лейпциге было издано сочинение М. Хассена «Истинная государственная мудрость, изложенная в определенных государственных принципах в соответствии с предварительным разделением и порядком, и полностью подтвержденная самым славным примером российского императора Петра Великого, с упоминанием его самых мудрых военных и мирных установлений, самых выдающихся деяний и самых достопамятных речей из жизнеописаний и историй, существующих в печати...». Эта книга представляет собой своего рода справочно-библиографическое издание, посвященное иностранным, прежде всего немецкоязычным сочинениям о Петре I и его эпохе. В ней наиболее полно отражена немецкая историография первой половины XVIII в. по рассматриваемой теме. Так, автором активно использовались первая биография Петра I на немецком языке (1710), сочинения Г. А. Шлейссинга, И. Г. Корба, Хр. Штиффа, Г. С. Тройера, Ф. Х. Вебера, Ю. Г. Рабенера, Г. Б. Бильфингера и другие издания. Учитывая большое количество привлеченных автором сочинений, указания на источники информации, приводимые по тексту книги, а также попытки источниковедческих и библиографических изысканий автора, сочинение Мартина Хассена «Die Wahre Staats-Klugheit» заслуживает внимания как одна из первых историографических работ по истории царствования Петра I, а ее автора следует признать одним из авторитетнейших знатоков России в Европе первой половины XVIII в.

Ключевые слова: Петр I, реформы, «измененная Россия», идеальный монарх, немецкая историография, сочинения немецких авторов, государствоведение, «истинная государственная мудрость», «общее благо», европейская пентархия.

FOR CITATION

E. V. Ermasov. Reflection of the personality of Peter I and his epoch in the German historiography of the first half of the 18th century on the example of Martin Hassen's essay "True Statesmanship set forth in certain state principles..." (Leipzig, 1739) // Petersburg historical journal, no. 4, 2023, pp. 210–222

Abstract: Many works by German authors of the first half of the 18th century are devoted to the personality of Peter I and his era, one of which is the book by M. Hassen. Martin Hassen (1677–1750), Professor of ethics and state Studies at the University of Wittenberg, was very interested in the personality of the Russian emperor and the reforms he made, personally met with Peter I during his visit to Wittenberg in 1712. In 1739, M. Hassen's essay "True statesmanship, set forth in certain state principles in accordance with the preliminary division and order, and fully confirmed by the most glorious example of the Russian Emperor Peter the Great, with mention of his wisest military and peaceful institutions, the most outstanding deeds and the most memorable speeches from the biographies and stories that exist in print..." was published in Leipzig. This book is a kind of reference and bibliographic publication dedicated to foreign, primarily German-speaking, writings about Peter I and his era. It most fully reflects the German historiography of the first half of the 18th century on the topic under consideration. Thus, the author actively used the first biography of Peter I in German (1710), the works of G. A. Schleissing, I. G. Korb, Hr. Stifa, G. S. Troyer, F. H. Weber, Y. G. Rabener, G. B. Bilfinger and other publications. Given the large number of works attracted by the author, references to sources of information given in the text of the book, as well as attempts at source studies and bibliographic research of the author, Martin Hassen's essay "Die Wahre Staats-Klugheit" deserves attention as one of the first historiographical works on the history of the reign of Peter I, and its author should be recognized as one of the most authoritative experts in Russia in Europe of the first half of the 18th century.

Key words: Peter I, reforms, "transformed Russia", the ideal monarch, German historiography, works by German authors, state studies, "true statesmanship", "common good", European pentarchy.

Автор: **Ермасов, Евгений Викторович** — к. и. н., начальник отдела Министерства юстиции Российской Федерации.

Author: **Ermasov, Eugeny Viktorovich** — Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of the Ministry of Justice of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation.

E-mail: vvk6974@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-9523-1316

УДК 025.171
DOI: 10.51255/2311-603X_2023_4_223

А. Р. Джиоева

Развитие русской картографии в первой четверти XVIII в. (на рукописных материалах Собрания Петра I в БАН)

Карты в России времени детства и юности Петра, не были, конечно, редкостью: исследователи русской картографии XVII в. насчитывают уже тысячи рукописных чертежей и планов местности, создание которых в большинстве своем было инициировано в процессе земельных тяжб, но в итоге эти многочисленные чертежи складывались в карты административных единиц и уже к последней четверти XVII в. могли свидетельствовать о появлении огромной державы, сомкнувшей свои границы с соседними империями в Европе и Азии[1]. В. С. Кусов, характеризуя особенности русской допетровской картографии, отмечает, что отсутствие единого масштаба и координатной сетки на этих чертежах порождает «мнение о некоторой их неполноценности», что «взгляд на русский географический чертеж с позиций узкого практицизма — можно или нельзя что-то измерить по... изображению — неприемлем»[2] и что необходимо рассматривать картографические памятники этой эпохи с учетом их практической цели — отображения качественных характеристик территории: наличия растительности, населенных пунктов, пустошей и т. д. С этим трудно не согласиться, однако, с другой стороны, очевидно, что именно эти, по-своему бесценные, суетливые подробности о том, кому раньше принадлежала пашня за болотцами и «пнем березовым»[3], и были порождены

узким практицизмом. Наличие же градусной сетки и метод изображения по координатам встраивал любое поле на свое место на глобусе и позволял открыть новые горизонты, увидеть, где можно соединить русла рек, где проложить короткий путь, представлял реальность точно и бесстрастно, и здесь уже появлялась возможность государственного проектирования. Петру Алексеевичу вовсе не чужда была стремительно становившаяся старинной поэтика русского восприятия пространства, пронизанного историческими отсылками пресловутого эпического хронотопа: в кабинете царя висела огромная карта Сибири и полосы России по западную сторону Урала, нарисованная С. У. Ремезовым на холсте размером с полковое знамя. Она датирована 1700 г., т. е. временем, когда уже за плечами был успех Азовских походов; когда Петр вернулся из Европы, где он прошел интенсивный курс организации ее общественной жизни, познакомился с многими полезными ремеслами и через его руки прошли уже десятки атласов и сотни карт. Прекрасная картина мира Ремезова к 1700 г. могла казаться безнадежно устаревшей: карта ориентирована на юг, в левом верхнем углу за горами и гигантской каменной стеной с исполинскими башнями нависало облаком Царство Китайское, вверху по центру южных пределов древнерусской ойкумены за кочевьями калмыков начиналась Индия, полная яхонтов и смарагдов, а если взять от Москвы правее, то там Бухарская земля, и нет морей краше Хвалынского и Аральского; у левого же восточного края в устье Амура указано, что «до сего места Александр Македонский доходил, ружье спрятал, колокол оставил»[4]. Но известно, что царь эту карту очень ценил, и она была ориентиром его мечты о Востоке. И все же грандиозный размах разрастающихся планов Петра требовал от карт дискретности, измеряемости, масштабирования в верстах, милях немецких, английских, французских, даже польских, возможности исчисления расстояний для правильного расчета времени и сил. А самое главное — карт нужно было много, они должны были стать обыденным и обязательным документом в военных походах, при инженерных работах и для решения административных задач. Поэтому уже в 1700 г. были основаны в Москве Навигацкая и Инженерная школы, где обучали геометрии и геодезии будущих моряков и инженеров. Таким образом, руководствуясь практическими требованиями развития государства, Петр вольно или невольно положил начало череде русских географических открытий.

Зарождение новых методов картографирования в России традиционно связывается с Азовскими походами Петра. Вытеснение Турции из древних генуэзских опорных пунктов в устье Дона на некоторое время стало приори-

тетным направлением во внешней политике Петра в 1695–1700 гг. и привело к образованию русского флота и его выходу к Азовскому и Черному морям. Петр и его ближайшие соратники, понимая важность слаженного снабжения армии и флота в военную кампанию 1695 и 1696 гг., тщательно готовились: продумывалась даже организация почтового сообщения с действующей армией[5]. Правда, это не было чем-то совершенно новым: исследования знаменитой карты Мангдена — Брюса, считающейся одним из результатов этой подготовки, указывают на ее прототипы, созданные в предшествующие кампании, что говорит об издавна, на протяжении всего XVII в. ведущихся работах по изучению и уточнению географических объектов этих земель, включая малые реки региона[6]. Замеры осуществлялись в том числе с помощью верстомерного колеса[7]. Но и соратники Петра — генерал-майор Юрий Андреевич (Георг) фон Менгден и прославившийся впоследствии тогда еще капитан Яков Вилимович Брюс внесли свою лепту в эту работу[8]. В итоге была составлена подробная карта в меркаторской, на первый взгляд, проекции, которая была награвирована и издана в Амстердаме в 1698 г. Известны и более поздние ее редакции.

Оригинал карты, видимо, не сохранился. В БАН находится рукописная копия 1727–1735 гг., о чем опосредованно свидетельствует надпись в картуше, указывающая на капитанский чин Брюса при составлении той первой оригинальной карты с пометкой «ныне генерал-фельдмаршал»: «Tabula Geographica Partis Minoris et Maioris Russia delineata post Expeditionem Assoviense A. 1696 ab Illustriss Comite Jacobo Dan. Bruce, tune temporis Militum Tribuno, nune Duce sive Campi Marschallo»[9].

В связи с этой ранней русской меркаторской картой надо отметить, что, по наблюдению Л. С. Багрова, сравнивавшего варианты печатной карты Менгдена — Брюса разных лет изданий, карты в своих неточностях и общих очертаниях похожи на западноевропейские, например карты изданий Птолемеевой Географии 1507 и 1513 гг. и на более поздние издания[10]. Копирование европейских карт для составления новых с внесением актуальных сведений на русском языке Л. С. Багров замечал и раньше, причем и на более поздних русских картах[11]. Помогали определить подобные картографические компиляции ошибки старых карт, оставленные копиистами незамеченными. Сравнение указанной карты с другими предполагаемыми прототипами опубликовано в работе А. М. Булатова[12]. Он же заметил, что на некоторых из этих карт «расстояния в меридиональном направлении... вдвое короче»[13]. Направление вдоль широт действительно как будто сжато: все эти карты слегка вытянуты по вертикали север — юг, и мы видим, что и на рукописной карте БАН Менгдена — Брюса, судя по шкале меридианов, пространство должно быть показано значительно плотнее в направлении Восток — Запад, так как деления идут почти в два раза чаще, чем по меридиану. При этом на слегка вытянутой вдоль земной оси карте все географические объекты расположены примерно соразмерно известной реальности и явной деформации нет, только указанные меридианы не соответствуют

принятым системам отсчета: так, Москва, Харьков и Перекопский перешеек, которые на карте находятся примерно на одной вертикали, на довольно точно указанных широтах, по долготе расположены, согласно шкале меридианов, соответственно, на 61°50′, 60° и 60°10′ в. д. Этот показатель не соответствует и не кратен ни отсчету от Гринвича, ни от Парижского меридиана, ни от острова Ферро.

За такого рода допущениями едва ли стоит какая-то новая научная или идеологическая позиция составителей, скорее, это говорит об условности выбранной градусной сетки и минимальной вероятности применения математических методов измерения при составлении этой карты.

Таким образом, первым шагом в освоении картографии было копирование и частичное редактирование старых европейских карт с помощью данных, полученных верстомерным колесом, и эти первые карты, имеющие градусную сетку, все еще не использовали в полной мере математические методы построения изображения с помощью геодезических инструментов.

Долгое время считалось, что предшественницей вышеназванной карты Менгдена — Брюса была карта Собрания Петра I в БАН примерно той же территории, европейской части России от Москвы до Азова, составленная в схематичной наивной манере старых русских карт с ориентацией на юг[14]. Она схожа с известной старинной картой «Чертеж Украинским и Черкасским городам от Москвы до Крыма» 1669–1670 гг.[15] Название ей дано по надписи на французском языке на обороте листа: «Карта пути русской армии во время Азовского похода». Место карты казалось логично и прочно занятым у истоков русской картографии петровского времени. Однако водяные знаки бумаги этой карты — монограмма из перекрещенных мачтами литер «PP» прописью, согласно близким ей образцам из альбома филиграней Хивуда, следует датировать XVIII в.[16] В связи с этим обращаемся вновь к топонимам и другим обозначениям карты: поверх рек показаны маршруты к Черкасску и Царицыну, в том числе начертан «шлях» полка Хованского (Петра Ивановича, надо полагать), шедший от Тамбова на Царицын «6 недель», и таким образом, следует признать, что перед нами карта подавления Булавинского восстания 1707–1708 гг. Она сама по себе представляет значительный интерес, так как на ней указаны не только маршруты, но также указано время пути следования по ним, отмечены также линии засек, нанесенные между Пензой и Мокшаном и от Симбирска до Воронежа, но в свете нашей темы важно отметить, что эта карта петровского Нового времени составлена в старой схематической традиции, и расстояния на ней обозначены не масштабом, а надписями с указанием цифирью дней и недель пути, т. е. новые методы картографирования даже к концу первого десятилетия XVIII в. еще применялись не везде.

Возвращаясь к хронологическому порядку представления карт Собрания Петра, указываем самые ранние морские карты, в которых отражены попытки использования математических методов для некоторых замеров.

Большая карта Черного и Азовского морей, тоже исполненная в старой хорографической традиции, тем не менее, имеет записи, свидетельствующие о применении астрономических инструментов в измерениях отдельных географических параметров[17]. Судя по всему, ее создание имеет прямое отношение к плаванию посольства Е. И. Украинцева в Константинополь в 1699–1700 гг. На карту нанесены узнаваемые очертания Мраморного, Черного и Азовского морей с условными изображениями впадающих в них рек, несколько неуклюже повторяющие дивную картографическую миниатюру из знаменитого атласа Пири-Рейса 1525 г., точнее, копию его не менее известной редакции конца XVII в.[18] Изящная карта с турецкими надписями в элегантной арабской графике, с которой был срисован русский вариант, тоже находится в Собрании Петра в БАН[19]. Предположительно, он был передан после ратификации договора о Бахчисарайском перемирии в 1685 г. и позднее извлечен из дел Посольского приказа для справки в процессе подготовки дипломатической миссии в Константинополь думного дьяка Украинцева. Вероятно, русская карта была составлена накануне путешествия русского посольства из Азова в Стамбул и дорабатывалась в пути: при всем своем несколько архаичном виде на карту уже нанесены в устье Дона напротив Азова Петровская крепость, а крепость Сед Ислам названа Лютиком. Надписи на карте сделаны почерком русского писца с ориентацией на юг, причем некоторые топонимы, имеющие весьма неточное расположение на берегах условных русел рек, наполнены коммеморативным смыслом, отражающим историю отношений Турции с христианскими народами. Так, на русской карте указан Брасловль, который должен был быть известен султану, поскольку в 1671 г. под городом были разбиты турецкие войска. Карта также отражает следы работы голландских мореходов на русской службе: на карте имеется богато украшенный картуш в голландском стиле с московским гербом на груди двуглавого орла под коронами, с аллегорическими фигурами Марса и Минервы, многочисленными атрибутами воинской славы, знаний и торговли, причем картуш повернут навершием на север. Но главное, что на этой карте указаны замеры между маяками при въезде в Константинопольский пролив и между Белым морем и «фанарями»: «Мера от Азова до фанарей цареградских» и «Мера от фанарей цареградских к Белому морю». По завершении посольства долгое время уже никто из мореходов Российского флота не мог входить в воды Черного моря, так как по условиям заключенного в 1700 г. договора это было запрещено.

Измерениями занимались штурманы команды корабля «Крепость», доставившего посольство в Стамбул и обратно — Кристиан Ругелл и его коллега «обер-штурман» Кристиан Отто. Их имена перечислены в составе команды капитана Памбурха в челобитной Украинцева, поданной царю в 1700 г. с напоминанием о неуплаченном жаловании членам команды[20].

Эта неподписанная карта Черного и Азовского морей и еще несколько карт, имеющих подпись Ругелла и Отто, были переданы царю по окончании

путешествия. В них также обозначены промеры глубин, сделанные с помощью грузиков, и рельеф берегов, который, очевидно, вымерялся с помощью астрономического радиуса[21]. По материалам этих работ Адрианом Шхонебеком были выгравированы соответствующие карты с новыми данными промеров, но внешне они все имели поразительное сходство с голландскими картами изданий Иоганнеса ван Кёлена.

Еще одна группа карт Собрания Петра, датированная 1701–1702 гг., подписана Питером Бергманом, который наряду с Кристианом Ругеллом занимался промерами Дона для составления атласа адмирала Крюйса, а также промерами Азовского моря и Керченского пролива[22]. Эту рутинную работу Бергман украшал артистичным художественным оформлением картушей и идущих по морю кораблей. Работа, очевидно, имела практическую пользу для навигации на мелководье.

Прорывом для русской географической науки стала экспедиция к юго-западным берегам Каспийского моря под началом кн. Александра Бековича-Черкасского[23], и ее результатом явилась карта Каспийского и Аральского морей и реки Амударьи[24] и еще отдельная карта Каспийского моря[25]. Каспий впервые получил реалистичные очертания вытянутой вдоль меридианов акватории, а не круглого озера прежних европейских карт. Однако эти карты тоже еще носят некоторые архаические черты: ориентированы на юг, не имеют градусной сетки — только шкалу широт по меридиану, графический масштаб возле западного берега моря расчерчен, но не имеет мер длины. Расстояния некоторых маршрутов указываются в днях пути.

После гибели второй Хивинской экспедиции кн. Черкасского для дальнейшего изучения Каспийского моря были отправлены несколько команд: Михаила Травина, Александра Кожина, кн. Василия Урусова, Карла фон Вердена с Федором Соймоновым. Некоторые карты Кожина, Урусова и фон Вердена сохранились в БАН[26]. Картографические нюансы, неточности и дополнения в этих материалах исследованы и подробно описаны Л. С. Бергом[27]. Отметим, что на карте Карла фон Вердена 1719 г. появилось новшество: указан угол «склонения компаса» на отрезке «от Уча до Низовой пристани»[28]. Эту карту с ее особенностями повторяли затем в 1720–1730-е гг. в своих штудиях ученики Морской академии в Санкт-Петербурге под руководством профессора Фарварсона[29].

В результате, как известно, царь Петр Алексеевич поручил офицерам, занимавшимся съемками берегов Каспия, составить совместно новую карту с учетом последних измерений, которая в 1721 г. была передана Парижской академии наук[30]. Карта была встречена французскими учеными с восторгом, однако Петр поручил Ф. И. Соймонову продолжить исследования Каспийского моря, и по результатам уже этой работы карта с уточненными координатами вышла в свет в 1731 г.

Вершиной петровской гидрографии также после нескольких лет работы разных команд под руководством инженер-полковника Иоганна фон Любераса стала «Самая окуратная карта Балтийского моря от Гапселя и от Отесгольма даже

до Кронштата...»[31]. В состав коллектива помощников Люберaса входили в разное время с 1719 по 1723 г. лучшие выпускники Инженерной школы Федор Кутузов, Артамон Сацеперов, Борис Брянчанинов, Иван Никонов[32] и морские офицеры капитан Мишуков, капитан-поручик Ганс, капитан Эков[33] и др. По наблюдению капитана Мишукова, «дистанция островов» на карте капитана лейтенанта Ганса была не так верна, как на карте полковника Люберaса, потому что «брана не от остролябии, но по счислению от пешия и коляскою»[34]. Однако известно, что последние штрихи к замерам карты Люберaса делались от острова к острову тросами по крепкому зимнему льду. Так что поразительная точность карт на исходе первой четверти XVIII в. достигалась всеми доступными способами — от математических вычислений с помощью астролябии до традиционных методов с помощью веревок и самоотверженной работы в любых погодных условиях.

Еще в большей степени потребовались умение, мужество и героизм от геодезистов экспедиции 1719–1722 гг. на Камчатку и Курильские острова Ивана Евреинова и Федора Лужина для выяснения вопроса, «соединяется ли Азия с Америкой», как было сказано в инструкции, данной им царем. Известно, что И. М. Евреинову, возвращавшемуся из экспедиции, довелось показать результаты этой работы непосредственно царю в дни пребывания Петра в Казани в 1722 г. на пути к Персидскому походу. Вскоре, в 1724 г., Евреинов, подорвавший здоровье на мученической службе геодезистов-первопроходцев, умер совсем молодым[35]. Карта, построенная на материалах этой дальневосточной экспедиции Иваном Кириловым для издания «Атласа Всероссийской империи», также хранится в Рукописном собрании БАН[36].

Подводя итог обзору представленных материалов Собрания Петра I, еще раз подчеркнем практическую направленность географических исследований в правление Петра, сопряженную с государственной необходимостью. Все это складывалось и выстраивалось постепенно — от расспросов казаков о путях к турецким крепостям[37] до составления точных карт ставших доступными России морей и до очертаний Камчатки, которая прежде на картах никак не обозначалась; от уникальных картографических творений Ремезова до школ и академий, где картография стала предметом профессионального обучения. Математика и география с астрономией и навигацией были отнесены к важнейшим из преподаваемых наук, и географические открытия в XVIII в. стали повседневностью разнообразных русских научных экспедиций.

[1] См.: *Кусов В. С.* Московское государство XVI — начала XVIII в.: Сводный каталог русских географических чертежей. М., 2007; *Кивельсон В.* Картографии царства: Земля и ее значения в России XVII века / Пер. с англ. Н. Мишаковой; научн. ред. пер. М. Кром. М., 2012.

[2] *Кусов В. С.* Московское государство... С. 3–4.
[3] См.: Там же. С. 357.
[4] Картографический фонд РГО. *Ремезов С. У.* Карта Сибири от границ Китайских. 213 × 277 см.
[5] *Гуськов А. Г., Шамин С. М.* Молодой Петр как стратег: планирование военной кампании 1695 г. // Российская история. 2022. № 2. С. 41.
[6] *Наврот М. И.* Неизвестный вариант карты Юго-Западной России конца XVII // На рубеже двух веков: из истории преобразований Петровского времени. М., 1978. С. 117.
[7] *Лаврентьев А. В.* «Записки государевым мерным верстам и станом того Крымского походу по верстам мерному колесу» 1689 г. // Естественно-научные представления Древней Руси. М., 1988. С. 208–219.
[8] *Байэр Г. З.* Описание всех случаев, касающихся до Азова от создания сего города до возвращения онаго под Российскую державу / Пер. с нем яз. чрез И. К. Тауберта. Изд. 3-е. СПб., 1782. С. 170.
[9] РО БАН. Рукоп. карты. Осн. Оп. 311.
[10] *Bagrov L.* The first map printed in Russian // Imago Mundi. 1955. Vol. 12, no 1. P. 155.
[11] *Багров Л. С.* Первая карта Московской губернии (1711 год). СПб., 1913. С. 7.
[12] См.: *Булатов А. М.* О карте Менгдена — Брюса // Естественно-научная книжность в культуре Руси. М., 2005. С. 90–99; *Красникова О. А.* Карта Южной России Менгдена — Брюса // Россия и Нидерланды: история и современность. К 15-летию Русско-Голландского клуба. Материалы международной научной конференции 14–15 апреля 2010 г. СПб., 2010. С. 40–43.
[13] Там же. С. 96.
[14] РО БАН. Рукоп. карты. Осн. оп. 613; см. описание: *Александров Б. В.* Описание рукописных карт XVIII в., хранящихся в Отделе рукописной книги Библиотеки Академии наук СССР // Географический департамент Академии наук XVIII века / Ред. В. Ф. Гнучева. М.; Л., 1946. Приложение II. С. 348, № 446; *Боброва Е. И., Мурзанова М. Н., Покровская В. Ф.* Исторический очерк и обзор фондов рукописного отдела библиотеки Академии наук. М.; Л., 1961. С. 197.
[15] См.: *Кусов В. С.* Московское государство... С. 490–492.
[16] *Heawood E.* Watermarks, mainly of the 17th and 18th centuries. Hilversum, 1950. P. 136, 414, № 3240, 3241.
[17] РО БАН. Рукоп. карты. Осн. оп. 32.
[18] Великолепный по художественному исполнению и выдающийся как работа по навигации атлас известного турецкого географа и адмирала Пири-Рейса был написан в 1525 г. и посвящен султану Сулейману I Великолепному. Рукописная переработанная и дополненная в конце XVII в. копия атласа хранится в библиотеке дворца Топкапы в Стамбуле (см., например: *Afetinan A.* Life and Works of Piri Reis: The Oldest Map of America. 2nd ed. Ankara: Turkish Historical Society, 1987; *Brice W., Imber C.* Turkish Charts in the Portolan Style // The Geographical Journal. 1978. Vol. 144. P. 528–529; *Goodrich T. D.* The Ottoman Turks and the New World. Wiesbaden, 1990).
[19] РО БАН. Рукоп. карты. Осн. оп. 41.
[20] Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. Т. 1. М., 1872. С. 177.
[21] РО БАН. Рукоп. карты. Осн. оп. 19–22; ГИМ 54000, ГО-94. Публикацию карты ГИМ см.: Россия и Голландия: Пространство взаимодействия. XVI — первая треть XIX века. М., 2013. С. 298–299, № 140, 141.
[22] РО БАН. Рукописные карты. Осн. оп. 23–26.
[23] *Шафрановский К. И., Княжецкая Е. А.* Карты Каспийского и Аральского морей, составленные в результате экспедиции Александра Бековича-Черкасского 1715 г. // Известия Всесоюзного Географического Общества. 1952. Т. 84. Вып. 6. С. 539–551.
[24] РО БАН. Рукописные карты. Осн. оп. 84.
[25] РО БАН. Рукописные карты. Осн. оп. 85.
[26] РО БАН. Рукописные карты. Осн. оп. 72, 90, 91.

[27] *Берг Л. С.* История русских географических открытий. М., 1962. С. 103–107.
[28] РО БАН. Рукоп. карты. Осн. оп. 52.
[29] РО БАН. Рукоп. карты. Осн. оп. 56, 59, 61, 62, 65, 67, 77–83, 93.
[30] *Соймонов Ф. И.* Описание Каспийского моря и чиненных на оном Российских завоеваний... СПб., 1763. С. 54.
[31] РО БАН. Рукоп. карты. Осн. оп. 5.
[32] Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 241. Л. 257–258.
[33] РГА ВМФ. Ф. 233 (Канцелярия Апраксина). Оп. 1. Д. 223. Л. 565 — 565 об., 571 — 571 об., 575–577.
[34] Там же. Л. 565 об.
[35] См.: *Евтеев О. А.* Первые русские геодезисты на Тихом океане: Экспедиция И. Евреинова и Ф. Лужина на Камчатку и Курильские острова, 1719–1722 гг. / Под ред. А. К. Салищева. М., 1950.
[36] ОР БАН. Рукоп. карты. Осн. оп. 342.
[37] *Гуськов А. Г., Шамин С. М.* Молодой Петр как стратег: планирование военной кампании 1695 г. // Российская история. 2022. № 2. С. 35–36.

References

AFETINAN A. Life and Works of Piri Reis: The Oldest Map of America. 2nd ed. Ankara: Turkish Historical Society, 1987.

ALEKSANDROV B. V. *Opisanie rukopisnyh kart XVIII v., hranyashihsya v Otdele rukopisnoj knigi Biblioteki Akademii nauk SSSR* // Geograficheskij departament Akademii nauk XVIII veka [Description of manuscript maps of the 18th century, stored in the Manuscript Book Department of the Library of the Academy of Sciences of the USSR // Geographical Department of the Academy of Sciences of the 18th century. In Russ.] / Red. V. F. Gnucheva. Moscow; Leningrad, 1946. Prilozhenie II. P. 267–412.

BAGROV L. The first map printed in Russian // Imago Mundi. 1955. Vol. 12, no. 1. P. 152–156.

BAGROV L. S. *Pervaya karta Moskovskoj gubernii* (*1711 god*) [The first map of Moscow province (1711). In Russ.]. St. Petersburg, 1913.

BAJER G. Z. *Opisanie vseh sluchaev kasayushihsya do Azova ot sozdaniya sego goroda do vozvrasheniya onago pod Rossijskuyu derzhavu* [Description of all the incidents relating to Azov, from the creation of this city to its return to Russian power. In Russ.] / Per. s nem. I. K. Tauberta. 3rd ed. St. Petersburg, 1782.

BERG L. S. *Istoriya russkih geograficheskih otkrytij* [History of Russian geographical discoveries. In Russ.]. Moscow, 1962.

BOBROVA E. I., MURZANOVA M. N., POKROVSKAYA V. F. *Istoricheskij ocherk i obzor fondov rukopisnogo otdela biblioteki Akademii nauk* [Historical sketch and review of the holdings of the manuscript department of the Library of the Academy of Sciences. In Russ.] Moscow; Leningrad, 1961.

BRICE W., IMBER C. *Turkish Charts in the Portolan Style* // The Geographical Journal. 1978. Vol. 144. P. 528–529.

BULATOV A. M. *O karte Mengdena — Bryusa* // Estestvenno-nauchnaya knizhnost v kulture Rusi [On the map of Mengden-Bruce // Natural Science Books in the Culture of Russia. In Russ.]. Moscow, 2005. P. 90–99.

EVTEEV O. A. *Pervye russkie geodezisty na Tihom okeane: Ekspediciya I. Evreinova i F. Luzhina na Kamchatku i Kurilskie ostrova, 1719–1722 gg.* [First Russian Surveyors in the Pacific Ocean: Expedition of I. Yevreinov and F. Luzhin to Kamchatka and the Kuril Islands, 1719–1722. In Russ.] / Pod red. A. K. Salisheva. Moscow, 1950.

GOODRICH T. D. The Ottoman Turks and the New World. Wiesbaden, 1990.

GUSKOV A. G., SHAMIN S. M. *Molodoj Petr kak streteg: planirovanie voennoj kampanii 1695 g.* // Rossijskaya istoriya. [The Young Peter as a Strategist: Planning the Military Campaign of 1695 // Russian History. In Russ.]. 2022. No. 2. P. 34–46.

HEAWOOD E. Watermarks, mainly of the 17th and 18th centuries. Hilversum, 1950.

KIVELSON V. *Kartografii carstva: Zemlya i ee znacheniya v Rossii XVII veka* [Cartographies of the Kingdom: Land and its Meanings in Seventeenth-Century Russia. In Russ.] / Per. s angl. N. Mishakovoj; nauchn. red. perevoda M. Krom. Moscow, 2012.

KRASNIKOVA O. A. *Karta Yuzhnoj Rossii Mengdena — Bryusa* // Rossiya i Niderlandy: istoriya i sovremennost. K 15-letiyu Russko-Gollandskogo kluba. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii 14–15 aprelya 2010 g. [Map of Southern Russia by Mengden-Bruce // Russia and the Netherlands: History and Modernity. To the 15th anniversary of the Russian-Dutch club. Materials of the international scientific conference on April 14–15, 2010. In Russ.]. St. Petersburg, 2010. P. 40–43.

KUSOV V. S. *Moskovskoe gosudarstvo XVI — nachala XVIII v.: Svodnyj katalog russkih geograficheskih chertezhej* [Moscow State 16th — early 18th century: Summary catalog of Russian geographical drawings. In Russ.]. Moscow, 2007.

LAVRENTEV A. V. "*Zapiski gosudarevym mernym verstam i stanom togo Krymskogo pohodu po verstam mernomu kolesu*" *1689 g.* // Estestvenno-nauchnye predstavleniya Drevnej Rusi ["Notes of the sovereign's versts and camp of the Crimean campaign by versts to the measuring wheel" 1689 // Ancient Rus' natural-scientific ideas. In Russ.]. Moscow, 1988. P. 208–219.

NAVROT M. I. *Neizvestnyj variant karty Yugo-Zapadnoj Rossiikonca XVII* // Na rubezhe dvuh vekov: iz istorii preobrazovanij Petrovskogo vremeni [Unknown variant of the map of Southwestern Russia in the late 17th century // At the turn of two centuries: from the history of transformations of Peter the Great. In Russ.]. Moscow, 1978. P. 112–125.

Rossiya i Gollandiya: Prostranstvo vzaimodejstviya. XVI — pervaya tret XIX veka [Russia and Holland: The Space of Interaction. 16th — the first third of the 19th century. In Russ.]. Moscow, 2013.

Sbornik vypisok iz arhivnyh bumag o Petre Velikom [A collection of extracts from archival papers on Peter the Great. In Russ.]. T. 1. Moscow, 1872.

SHAFRANOVSKIJ K. I., KNYAZHECKAYA E. A. *Karty Kaspijskogo i Aralskogo morej, sostavlennye v rezultate ekspedicii Aleksandra Bekovicha-Cherkasskogo 1715 g.* // Izvestiya Vsesoyuznogo Geograficheskogo Obshestva. [Maps of the Caspian and Aral Seas, compiled as a result of the expedition of Alexander Bekovich-Cherkassky in 1715 // Proceedings of the All-Union Geographic Society. In Russ.]. 1952. T. 84. Vyp. 6. P. 539–551.

SOJMONOV F. I. Opisanie Kaspijskogo morya i chinennyh na onom Rossijskih zavoevanij... [Description of the Caspian Sea and the Russian conquests on it... In Russ.]. St. Petersburg, 1763.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

А. Р. Джиоева. Развитие русской картографии в первой четверти XVIII в. (на рукописных материалах Собрания Петра I в БАН) // Петербургский исторический журнал. 2023. № 4. С. 223–233

Аннотация: В работе дается обзор рукописных материалов БАН, иллюстрирующих первые попытки географических исследований в России Нового времени и становление ее картографии. Амбициозные планы Петра I создать условия для появления в стране транзитных узлов между Востоком и Западом подтолкнули его не только к созданию торгового и военного флота, улучшению путей сообщения и объединению водных бассейнов, соединяющих Каспийское море с Балтикой, но и организовать подготовку кадров для рутинного обеспечения новых потребностей разбуженного от давней изоляции огромного царства, а также к исследованию его территории, осознанию его истинных границ и возможностей, с этим связанных. Для достижения этих целей понадобилось освоение европейских методов картографии с нанесением координат на градусную сетку, обучение астрономическим и математическим методам вычисления объемов географических объектов, снаряжение морских и сухопутных экспедиций, опасных для их участников. Однако при всей сложности и огромном охвате поставленных задач, вероятно, благодаря личному примеру царя, его энергии, люди совершали чудеса героизма. И при плохом материальном обеспечении, при задержках жалованья, почти всегда на рискованном положении первопроходцев, люди подчинялись требованиям царя и добивались серьезных результатов. Причем зачастую, когда инструменты и инструкции уже не помогали и были бесполезны, приходилось дорабатывать задания, проявляя смекалку и инициативу в нештатных ситуациях. В итоге государственная машина заработала, стала преобразовывать прежде уникальные подвиги в рутину по-

вседневности, что и сделало царства «Великия и Белыя и Малые России», Казанское, Астраханское и Сибирское великим государством. В ряде случаев при атрибуции и отборе рукописных материалов, раскрывающих тему, требовались поиски в архивах и обращение к методам вспомогательных исторических дисциплин.

Ключевые слова: русские географические открытия, картография XVIII в., Кристиан Ругелл, Христиан Отто, Питер Бергман, инженер-полковник Люберас, инженерные ученики, карты Каспийского моря, карты Азовского моря, карта Балтийского моря, водяной знак монограмма «РР».

FOR CITATION

A. R. Dzhioeva. The evolution of Russian cartography in the first quarter of the 18th century (on manuscript materials of the Collection of Peter I in Library of the Russian Academy of Sciences) // Petersburg historical journal, no. 4, 2023, pp. 223–233

Abstract: This paper reviews manuscript materials from the Russian Academy of Sciences illustrating the first attempts at geographical research in New Age Russia and the formation of its cartography. Peter I's ambitious plans to create conditions for the emergence in the country of transit junctions between East and West prompted him not only to create a merchant and military fleet, improve communications and unify water basins connecting the Caspian Sea with the Baltic, but also to organize training to routinely meet the new needs of a vast tsardom woken from its long isolation and to explore its territory, realize its true borders and the possibilities associated with it. To achieve these goals required mastering European methods of cartography with coordinates plotted on a degree grid, training in astronomical and mathematical methods of calculating the volumes of geographical objects, and equipping sea and land expeditions, dangerous for their participants. However, with all the complexity and the enormous scope of the tasks, probably due to the personal example of the tsar, his energy, people performed miracles of heroism. And with poor material support, with delays in wages, in the risky position of almost always pioneers, people obeyed the demands of the tsar and achieved serious results. And, often, when tools and instructions were no longer helpful and useless, it was necessary to complete the task, showing ingenuity and initiative in unusual situations. As a result, the state machine began to work, began to transform the previously unique feats in the routine of everyday life, which made the tsardoms of "Great and White and Small Russia", Kazan, Astrakhan and Siberia great state. In a number of cases the attribution and selection of manuscript materials revealing the theme required searches in archives and recourse to the methods of auxiliary historical disciplines.

Key words: Russian geographical discoveries, 18th century cartography, Christian Rugell, Christian Otto, Peter Bergmann, Colonel Luberas engineer, engineering pupils, maps of the Caspian Sea, maps of the Sea of Azov, map of the Baltic Sea, watermark monogram "PP".

Автор: **Джиоева, Анна Рослановна** — к. и. н., науч. сотр. Научно-исследовательского отдела рукописей, Библиотека Российской академии наук (БАН).

Author: **Dzhioeva, Anna R.** — Research fellow, Department of Manuscripts, the Library of the Russian Academy of Sciences, Cand. of Sciences (History).

E-mail: annajioeva@gmail.com

ORCID: 0009-0008-1961-2054

УДК 94(47).05
37(091)
37(092)
DOI: 10.51255/2311-603X_2023_4_234

С. В. Власов, Л. В. Московкин

Элиас Копиевич (Копиевский) — грамматист петровского времени

Введение

Среди двадцати учебников, созданных Элиасом Копиевичем (Копиевским) на рубеже XVII и XVIII вв., особое место занимают два — «Латинская грамматика», опубликованная в 1700 г. в Амстердаме (Голландия)[1], и «Руководение в грамматику во Славянороссийскую или Московскую...», изданное в 1706 г. в Штольценберге (Пруссия)[2]. «Латинская грамматика» была написана по заказу Петра I и предназначена для светских школ, которые царь планировал учредить в России. Это был первый печатный учебник латинского языка, адресованный русским учащимся. «Руководение» Копиевича, созданное, вероятно, по его личной инициативе, было вторым после грамматики Г. В. Лудольфа[3] печатным учебником русского языка как иностранного. Именно это обусловливает интерес к обеим книгам, стимулируя поиск ответов на вопросы о том, как они создавались, на какие труды опирался Копиевич при их создании, как можно охарактеризовать его как грамматиста.

Интерес Копиевича к учебникам разных языков был не случаен: он был полиглотом. По данным исследователей[4], он родился в 1651 г. в Белоруссии, входившей в то время в состав Речи Посполитой, в семье мелкопоместного шляхтича

реформатского вероисповедания и с детства владел не только русским (в юго-западном варианте), но и польским языком. В 1660 г., во время русско-польской войны, он был увезен в Россию и учился в школе в Москве. Именно там он овладел церковнославянским языком и русским (в великорусском варианте).

В 1666 г. Копиевич вернулся на родину и учился в Слуцкой кальвинистской гимназии, где изучал латынь, а затем несколько лет служил в этой гимназии учителем младших классов. В дальнейшем, скорее всего в 1680-х гг., Копиевич эмигрировал в Голландию, где служил кандидат-пастором в Амстердамском кальвинистском соборе. Там же он изучил голландский язык и в некоторой степени немецкий. Все это позволило ему пользоваться учебниками, опубликованными на этих языках, как источниками при подготовке учебников для российских школ.

Копиевич преподавал языки не только в Слуцке, но и в Амстердаме, где обучал голландскому и латинскому языкам русских, прибывавших в Голландию. Он, несомненно, был хорошо знаком с педагогикой своего времени, с основными методическими новациями, что получило отражение в его учебниках латинского и русского языков. Их анализ, воссоздание процесса их конструирования позволяет охарактеризовать Копиевича как грамматиста петровского времени.

«Латинской грамматикой» и «Руководением» Копиевича интересовались слависты, причем они исследовали главным образом «Руководение». Что касается «Латинской грамматики», то она за исключением Г. Кайперта[5] почти не привлекала к себе внимания ученых. В исследованиях «Руководения» наиболее значимым можно считать вопрос о том, что представляет собой славяно-российский язык Копиевича — это русский или церковнославянский язык?[6] Второй аспект исследований был связан с поиском источников «Руководения»[7]. При этом вопрос об источниках «Латинской грамматики» еще никем до сих пор не рассматривался.

Методология исследования

Цель настоящего исследования: выявить особенности создания учебников латинского и русского языков Э. Копиевича, позволяющие охарактеризовать его как грамматиста.

Материал исследования: «Латинская грамматика» и «Руководение» Копиевича, славянская грамматика Мелетия Смотрицкого[8], русская грамматика Г. В. Лудольфа, неолатинские грамматики, тематические словари и разговорники XVI–XVII вв., которые могли послужить источниками грамматических трудов Копиевича.

Методы исследования: выявление текстовых совпадений, позволяющих установить источники учебников Копиевича, реконструкция процесса их создания.

Результаты исследования

1. Создание «Латинской грамматики». Реконструкция процесса создания «Латинской грамматики» потребовала поиска ее источников, который шел в двух направлениях: анализировались неолатинские грамматики, опубликованные в Польше, с которыми мог быть знаком Копиевич, обучавшийся, а затем преподававший в Слуцкой школе, и грамматики для голландских школ, с которыми он мог познакомиться в Амстердаме.

Обращение к грамматикам, изданным в Польше, показывает возможность некоторых заимствований в «Латинской грамматике» из грамматик известных краковских ученых Валентина Видавского[9] и Лукаша Пиотровского[10], но гораздо больше у Копиевича текстовых совпадений с латинскими грамматиками для школ Голландии Лудольфа Литокомуса (грецизированный вариант фамилии Стеенхауэр — Steenhouwer)[11] и Герхарда Иоганна Фосса[12].

Лудольф Литокомус, представитель голландской семьи Стеенхауэров, в 1580-х гг. преподавал орфографию в латинской школе в Лейдене. Там же он написал и в 1584 г. опубликовал «Новую латинскую грамматику», которая шесть раз переиздавалась (шестое издание в 1631 г.) и по которой в течение многих лет преподавали латинский язык в школах Голландии[13]. В дальнейшем была опубликована латинская грамматика Фосса, основанная на грамматике Литокомуса[14] и также несколько раз переиздававшаяся. Она была настолько востребованной, что издавалась и позднее, например, в XIX в., а также как памятник истории лингвистической мысли в XX в.

Копиевич заимствовал из грамматики Литокомуса главы об орфографии и просодии, о существительном и местоимении, добавив в них некоторые собственные примеры. Из грамматики Фосса он заимствовал раздел о фигуративном синтаксисе, отсутствующий у Литокомуса, определения различных видов согласных, деление глаголов на существительный, звательный и прилагательный, разряды наречий, предлогов, союзов и междометий. Все синтаксические фигуры и их определения также дословно заимствованы из латинской грамматики Фосса.

В главах о глаголе, причастии, наречии, предлоге и союзе использованы и другие источники. Например, его определение причастия («Est nomen verbale, significans tempus» — «Есть имя слова, знаменующее время») соответствует определению причастия в латинской грамматике Филиппа Меланхтона: «Participium est nomen verbale, significans tempus»[15].

После составления латинского текста Копиевич полностью перевел его на русский язык. При этом он использовал терминологию Смотрицкого, но в некоторых случаях добавлял и собственные термины. Затем он совместил латинский текст и его перевод, превратив свой труд в латинско-русскую грамматику, вписывающуюся в контекст двуязычных грамматик XVII–XVIII вв. и дающую возможность не только русским изучать латинский язык, но и всем, владеющим латынью, изучать русский язык.

2. Создание «Руководения». В отличие от учебника латинской грамматики, «Руководение» Копиевича предполагает изучение не только русской грамматики, но и лексики, а также овладение чтением и устной речью, что позволяет рассматривать его как практический учебник для начального этапа обучения русскому языку как иностранному. Практическая направленность отражается в структуре «Руководения», включающего три части:

1) «Quaedam Vocabula», список русских слов с переводом на латинский и немецкий языки;
2) краткий грамматический очерк;
3) разговоры (диалоги).

Эта структура сходна со структурой «Русской грамматики» Г. В. Лудольфа и, возможно, заимствована из нее.

Источником раздела «Quaedam Vocabula» явился составленный самим же Копиевичем трехъязычный «Номенклатор» — тематический латинско-русско-немецкий словарь[16], созданный, как ранее было нами доказано[17], на основе латинско-немецко-польского тематического словаря Петра Артомиуша. «Quaedam Vocabula» представляет собой краткий вариант «Номенклатора» Копиевича с некоторыми добавлениями. Выборка слов из «Номенклатора» включает небольшие лексико-тематические группы: еда, деревья и их плоды, травы и злаки, птицы, животные, части тела и т. д.

Список глаголов заимствован из латинской грамматики Копиевича. В нем представлены наиболее употребительные русские глаголы, но расположены они в порядке не двух славяно-русских, а знакомых образованным иностранцам четырех латинских спряжений. В подобном введении учебного материала видится стремление Копиевича облегчить иностранцам изучение русских глаголов с опорой на уже известные им употребительные латинские глаголы.

Грамматический раздел «Руководения» начинается со славянской азбуки и правил сокращения церковнославянских слов. Затем идет глава, основанная на материале главы «О имени» из грамматики Смотрицкого (у Копиевича она дана без названия). При этом, в отличие от Смотрицкого, Копиевич не дает определений и классификаций грамматических категорий, а также сокращает количество грамматических терминов и примеров. Вместе с тем он сохраняет правила, называемые в современной лингводидактике правилами-инструкциями, например, дает правила определения рода по последней гласной или произносимой согласной букве имени существительного.

Источником глав о местоимении, глаголе, наречии, предлоге и союзе является не грамматика Смотрицкого, а русский перевод «Латинской грамматики» Копиевича. Например, в «Руководении» представлены 45 предлогов, но они расположены в порядке латинского алфавита и в той же последовательности, что и в «Латинской грамматике» Копиевича, т. е. группируются в соответствии с падежами, которыми они управляют в латинском, а не в русском языке. Этот материал без переработки был перенесен из «Латинской грамматики» в «Руководение». Списки наречий также заимствованы путем обратного перевода

(перестановки местами) из «Латинской грамматики» Копиевича. Это подтверждает вывод Г. Кайперта о том, что грамматический раздел в «Руководении» основан не столько на грамматике Смотрицкого, сколько на «Латинской грамматике» самого Копиевича[18]. Возможно, Копиевич считал, что, описывая русский язык по образцу латинского, он облегчает учащимся, знающим латынь, усвоение русского языка. Однако при этом неизбежна недооценка специфики русского языка.

Третий раздел «Руководения» содержит диалоги на бытовые темы, включающие формулы речевого этикета для разного времени суток, фразы, используемые при подготовке к трапезе, правила поведения за столом. Диалоги содержат русскую, латинскую и немецкую части, причем латинская и немецкая части, как установила С. Свердруп Лунден[19], заимствованы из «Образцов детских разговоров» Зебалда Хейдена[20]. Русская же часть переведена Копиевичем.

3. Славяно-российский язык Копиевича. Русская часть «Латинской грамматики» и «Руководения» написаны на языке, который Копиевич назвал славяно-российским, или московским. В «Руководении» это целевой язык (язык-объект), в «Латинской грамматике» — метаязык, но это один и тот же язык, в котором встречаются русские и церковнославянские слова и формы.

Присутствие слов и грамматических форм русского и церковнославянского языков в трудах Копиевича было преднамеренным, что подтверждает и сам термин «славяно-российский язык». Возможно, автор полагал, что если иностранцы будут изучать русский язык, то им будет необходимо усвоить и элементы церковнославянского языка. Нельзя исключать и того, что Копиевич считал русский и церковнославянский языки разновидностями (высоким и низким стилями, книжным и разговорным вариантами) единого славяно-российского языка.

Кроме того, в учебниках Копиевича встречаются слова и формы не только московского (великорусского) языка, но и русского языка Юго-Западной Руси, что отражает особенности его идиолекта.

Заключение

1. При создании «Латинской грамматики» Копиевич опирался главным образом на известные в Голландии школьные грамматики Литокомуса и Фосса. На их основе он составил текст собственной грамматики, изменив ряд примеров. После этого он перевел этот текст на русский язык, используя терминологию Смотрицкого и в некоторых случаях добавляя свои термины.

2. В отличие от «Латинской грамматики», «Руководение» представляет собой практический учебник русского языка, содержащий не только грамматический очерк, но также тематический словарь и диалоги. Его источниками послужили «Номенклатор» Копиевича, грамматика Смотрицкого, «Латинская грамматика» Копиевича и диалоги Хейдена. Включенные в него церковносла-

вянские и диалектные слова и формы расширяли круг возможных русских собеседников иностранцев, изучавших русский язык по этому учебнику.

3. При создании учебников Копиевич шел тем же путем, что и другие грамматисты. Он компилировал и перерабатывал источники, создавая на их основе текст своего учебника, а затем переводил его на язык, понятный учащимся. Признавая роль латинской грамматики как образца для написания грамматик других языков, он в некоторых случаях не учитывал специфики русского языка, описывая его по образцу латинского. Возможно, он считал, что таким образом он облегчает учащимся, знающим латынь, понимание русского языка. При этом обе грамматики характеризуют Копиевича как человека, знакомого с педагогическими новациями своего времени.

---

1 *Kopijewitz E.* Latina grammatica in usum scholarum celeberrimae gentis Sclavonico-Rosseanae adornata. Studio atque opera Elia Kopijewitz seu de Hasta Hastenii. Amstelodami, 1700.

2 *Kopijewitz E.* Руководение в грамматыку во Славянороссийскую или Московскою ко оутреблению оучащихся Языка Московскаго = Manuductio in grammaticam in Sclavonico Rosseanam seu Moscoviticam in Usum discentium linguam Moscoviticam / Per Eliam Kopijewitz. Stolzenbergii, 1706.

3 *Ludolf H. W.* Henrici Wilhelmi Ludolfi Grammatica Russica quae continet non tantum praecipua fundamenta Russicae linguae, verum etiam Manuductionem quandam ad Grammaticam Slavonicam. Oxonii, 1696.

4 *Пекарский П. П.* Наука и литература при Петре Великом. Т. 1. СПб., 1862. С. 11–25; *Быкова Т. А., Гуревич М. М.* Описание изданий, напечатанных кириллицей: 1689 — январь 1725 г. М.; Л., 1958; *Зарецкий Ю.* Илья Федорович Копиевский (Жизнь и судьба одного просветителя петровского времени) // Вивліоѳика: E-Journal of Eighteenth-Century Russian Studies. 2021. Vol. 9. P. 32–68.

5 *Keipert H.* Die “Manuductio in grammaticam in Sclavonico Rosseanam” von E. Kopijewitz // Slavistische Forschungen. 1990. Bd. 60. S. 381–394.

6 *Unbegaun B. O.* Russian Grammars before Lomonosov // Oxford Slavonic Papers. Vol. VIII. 1958. P. 98–116; *Успенский Б. А.* Доломоносовские грамматики русского языка (итоги и перспективы) // Slavica Suecana. 1992. Series B — Studies. Vol. 1. C. 63–169.

7 *Cocron F.* Morphologische Betrachtungen zu den russischen Grammatiken H. W. Ludolfs und E. Kopiewitz’ // Wiener Slavistisches Jahrbuch. XIII. Bd. Graz; Köln, 1966. S. 114–122; *Мечковская Н. Б.* Ранние восточнославянские грамматики. Минск, 1984; *Keipert H.* Die “Manuductio in grammaticam in Sclavonico Rosseanam” von E. Kopijewitz.

8 *Смотрицкий М.* Грамматики славенския правилное синтагма // Грамматики Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого / Сост. Е. А. Кузьминова. М., 2000. С. 129–470.

9 *Vidavius V.* Cathechesis grammaticae Latinae, Nunc denum diligentius recognitae et auctae. Cracoviae, 1581.

10 *Piotrowski L.* Grammaticarum institutionum. Libri IV. Cracoviae, 1634.

11 *Lithocomus L.* Grammatica latina: Nova, & ad captum puerilem accomodatiore methodo disposita. Middelburgi, 1631.

12 *Vossius G. J.* Gerardi Joannis Vossii Grammatica latina in usum scholarum adornata; multis quidem in locis Lud. Lithocomi verbis, quibus scholae adsueverant, reservatis: sed erroribus... emendatis; inutilibus resectis; pluribus... suppletis; et omnibus meliori ordine dispositis. Editio quinta. Lugduni Batavorum, 1644.

[13] *Aa A. J. van der.* Biographisch woordenboek der Nederlanden. Deel 11. Haarlem, 1865. P. 526–527.
[14] *Rademaker C. S. M.* Life and Work of Gerardus Joannes Vossius (1577–1649). Assen, 1981.
[15] *Melanchthon Ph.* Grammatica Philippi Melanchthoni recognita et locupletata. Vitebergae, 1576. P. 289.
[16] *Kopijewitz E.* Номенклятор, на русском, латинском и немецком языке = Nomenclator in Lingua Latina, Germanica et Russica. Amstelodami, 1700.
[17] *Власов С. В., Московкин Л. В.* Из истории создания учебников русского языка как иностранного: «Номенклатор...» (1700) и «Руководение...» И. Ф. Копиевского // Мир русского слова. 2009. № 4. С. 80–85.
[18] *Keipert H.* Die "Manuductio in grammaticam in Sclavonico Rosseanam" von E. Kopijewitz. P. 384.
[19] *Sverdrup Lunden S.* The Source of Kopijewitz' Rozgovori // Scando-Slavica. 1971. T. XVII. P. 199–204.
[20] *Heyden S.* Formulae puerilium colloquiorum. Augsburg, 1530.

REFERENCES

AA A. J. van der. Biographisch woordenboek der Nederlanden. Deel 11. Haarlem, 1865. P. 526–527.

BYKOVA T. A., GUREVICH M. M. Opisanie izdanij, napechatannyh kirillicej: 1689 — janvar' 1725 g. [Description of publications printed in Cyrillic: 1689 — January 1725. In Russ.]. Moscow; Leningrad, 1958.

COCRON F. *Morphologische Betrachtungen zu den russischen Grammatiken H. W. Ludolfs und E. Kopiewitz'* // Wiener Slavistisches Jahrbuch / Hrsg. vom Institut für Slavische Philologie an der Universität Wien durch J. Hamm und G. Wytrens. XIII. Bd., H. Böhlaus Nachf. Graz; Köln, 1966. S. 114–122.

HEYDEN S. Formulae puerilium colloquiorum. Augsburg, 1530.

KEIPERT H. *Die "Manuductio in grammaticam in Sclavonico Rosseanam" von E. Kopijewitz* // "Tgolí chole Mêstró": Gedenkschrift für Reinhold Olesch / Hrsg. von Renate Lachmann et al. Köln; Wien: Böhlau, 1990. S. 381–394. (Slavistische Forschungen; Bd. 60).

KOPIJEWITZ E. Latina grammatica in usum scholarum celeberrimae gentis Sclavonico-Rosseanae adornata. Studio atque opera Elia Kopijewitz seu de Hasta Hastenii. Amstelodami (Amsterdam), 1700.

KOPIJEWITZ E. Nomenkljator, na russkom, latinskom i nemeckom jazyke. Nomenclator in Lingua Latina, Germanica et Russica. Amstelodami, 1700.

KOPIJEWITZ E. Rukovedenie v grammatyku vo Slavjanorossijskuju ili Moskovskoju ko outrebleniju ouchashhihsja Jazyka Moskovskago = Manuductio in grammaticam in Sclavonico Rosseanam seu Moscoviticam in Usum discentium linguam Moscoviticam / Per Eliam Kopijewitz. Stolzenbergii, 1706.

LITHOCOMUS L. Grammatica latina: Nova, & ad captum puerilem accomodatiore methodo disposita. Middelburgi, 1631.

LUDOLF H. W. Henrici Wilhelmi Ludolfi Grammatica Russica quae continet non tantum praecipua fundamenta Russicae linguae, verum etiam Manuductionem quandam ad Grammaticam Slavonicam. Oxoni, 1696.

MECHKOVSKAJA N. B. Rannie vostochnoslavjanskie grammatiki [Early East Slavic grammars. In Russ.]. Minsk, 1984.

MELANCHTHON Ph. Grammatica Philippi Melanthoni recognita et locupletata. Vitebergae, 1576.

PEKARSKIJ P. P. Nauka i literatura pri Petre Velikom [Science and literature under Peter the Great. In Russ.]. T. 1. St. Petersburg, 1862. P. 11–25.

PIOTROWSKI L. Grammaticarum institutionum. Libri IV. Cracoviae, 1634.

RADEMAKER C. S. M. Life and Work of Gerardus Joannes Vossius (1577–1649). Assen, 1981.

SMOTRYTSKY M. Grammatiki slavenskija pravilnoe sintagma // Grammatiki Lavrentija Zizanija i Meletija Smotrickogo [Grammars by Lawrence Zizaniy and Meletius Smotrytsky. In Church Slavonic] / Sost. E. A. Kuz'minova. Moscow, 2000. P. 129–470.

SVERDRUP LUNDEN S. *The Source of Kopijewitz' Rozgovori* // Scando-Slavica. 1971. T. XVII. P. 199–204.

UNBEGAUN B. O. *Russian Grammars before Lomonosov* // Oxford Slavonic Papers. 1958. Vol. VIII. P. 98–116.

USPENSKIJ B. A. *Dolomonosovskie grammatiki russkogo jazyka* (*itogi i perspektivy*) [Dolomonosov grammars of the Russian language (results and prospects). In Russ.] // Slavica Suecana. 1992. Series B — Studies. Vol. 1. P. 63–169.

VIDAVIUS V. Cathechesis grammaticae Latinae, Nunc denum diligentius recognitae et auctae. Cracoviae, 1581.

VLASOV S. V., MOSKOVKIN L. V. *Iz istorii sozdanija uchebnikov russkogo jazyka kak inostrannogo: "Nomenklator..." (1700) i "Rukovedenie..." I. F. Kopievskogo* [From the history of the creation of textbooks of Russian as a foreign language: "Nomenclature..." (1700) and "Guide..." by I. F. Kopevsky. In Russ.] // Mir russkogo slova. 2009. No. 4. P. 80–85.

VOSSIUS G. J. Gerardi Joannis Vossii Grammatica latina in usum scholarum adornata; multis quidem in locis Lud. Lithocomi verbis, quibus scholae adsueverant, reservatis: sed erroribus... emendatis; inutilibus resectis; pluribus... suppletis; et omnibus meliori ordine dispositis. Editio quinta. Lugduni Batavorum, 1644.

ZARECKIJ Ju. *Il'ja Fedorovich Kopievskij* (*Zhizn' i sud'ba odnogo prosvetitelja petrovskogo vremeni*) [Ilya Fedorovich Kopievskiy (The Life and Fate of an Enlightener of the Time of Peter the Great). In Russ.] // Vivlioөika: E-Journal of Eighteenth-Century Russian Studies. 2021. Vol. 9. P. 32–68.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

С. В. Власов, Л. В. Московкин. Элиас Копиевич (Копиевский) — грамматист петровского времени // Петербургский исторический журнал. 2023. № 4. С. 234–242

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению учебников латинского и русского языков, созданных Элиасом Копиевичем (1651–1714). Цель исследования: выявить особенности их создания, позволяющие охарактеризовать Копиевича как грамматиста. Материал исследования: учебники латинского и русского языков Копиевича, славянская грамматика М. Смотрицкого, учебник русского языка Г. В. Лудольфа, неолатинские грамматики, тематические словари и разговорники XVI–XVII вв., которые могли послужить источниками трудов Копиевича. Методы исследования: выявление текстовых совпадений, позволяющих выявить источники учебников Копиевича, реконструкция процесса их создания. В ходе исследования было установлено, что при создании «Латинской грамматики» (1700) Копиевич опирался главным образом на известные в Голландии школьные грамматики Л. Литокомуса и Г. И. Фосса. На их основе он составил текст собственной грамматики, изменив ряд примеров. Затем он перевел этот текст на русский язык, используя терминологию Смотрицкого, но в некоторых случаях добавляя и свои термины. Второй учебник Копиевича — «Руководение в грамматику во Славяно-российскую или Московскую...» (1706) — это практический учебник русского языка, который содержит, помимо грамматического очерка, тематический словарь и диалоги. Его источниками послужили «Номенклатор» Копиевича, грамматика Смотрицкого, «Латинская грамматика» Копиевича и диалоги З. Хейдена. Включенные в него церковнославянские и диалектные формы расширяли круг возможных русских собеседников иностранцев, изучавших русский язык по этому учебнику. При создании своих учебников Копиевич шел тем же путем, что и другие грамматисты. Он компилировал и перерабатывал источники, создавая на их основе новый текст, который затем переводил на язык, понятный учащимся. Признавая роль латинской грамматики как образца для написания грамматик других языков, он в некоторых случаях не учитывал специфики русского языка, описывая его по образцу латинского. При этом обе грамматики характеризуют Копиевича как человека, знакомого с педагогическими новациями своего времени.

Ключевые слова: XVIII в., учебники, латинский язык, русский язык, грамматики, разговорники, тематические словари, Э. Копиевич, Л. Литокомус, Г. И. Фосс, М. Смотрицкий, Г. В. Лудольф, З. Хейден.

FOR CITATION

S. V. Vlasov, L. V. Moskovkin. Elias Kopijewitz — a grammarian of the Petrine era // Petersburg historical journal, no. 4, 2023, pp. 234–242

Abstract: The article is devoted to the textbooks of Latin and Russian languages created by Elias Kopijewitz (1651–1714). The purpose of the study is to identify the features of their creation, which make possible to characterize Kopijewitz as a grammarian. Research materials are textbooks of Latin and Russian languages by Kopijewitz, Slavonic grammar by M. Smotrytsky, Russian language textbook by H. W. Ludolf, neo-Latin grammars of the 16th–17th centuries, thematic dictionaries and phrase books that could serve as sources for Kopijewitz's works. Research methods are identification of text matches that allow to establish the sources of Kopijewitz's textbooks, reconstruction of the process of their creation. In the course of the study, it was found that when creating the Latin grammar, Kopijewitz relied mainly on the well-known school grammars of L. Lithocomus and G. J. Vossius in Holland. Based on them, he compiled the text of his own grammar, changing a number of examples. Then he translated this text into Russian, using the terminology of Smotrytsky, but in some cases adding his own terms. Unlike the Latin grammar, his Russian language textbook is a practical guide, containing not only the grammatical essay, but also the thematic dictionary and dialogues. His sources were Kopijewitz's Nomenclator, Smotrytsky's grammar, Kopijewitz's Latin grammar, and S. Heyden's dialogues. The Church Slavonic and dialectal forms included into it expanded the range of possible Russian interlocutors for foreigners who studied Russian using this textbook. When creating his textbooks, Kopijewitz followed the same path as other grammarians. He compiled and revised sources, creating a new text based on them, which he then translated into a language understandable to students. Recognizing the role of Latin grammar as a model for writing grammars of other languages, in some cases he did not take into account the specific features of the Russian language, describing it on the model of Latin. At the same time, both textbooks characterize Kopijewitz as a person familiar with the pedagogical innovations of his time.

Key words: 18th century, textbooks, Latin, Russian, grammars, phrasebooks, thematic dictionaries, E. Kopijewitz, L. Lithocomus, G. J. Vossius, M. Smotrytsky, H. W. Ludolf, S. Heyden.

Автор: **Власов, Сергей Васильевич** — к. филол. н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет.

Author: **Vlasov, Sergey Vasilievich** — Candidate of Philological Sciences, Associated Professor, Saint Petersburg State University.

E-mail: vlasovsv7@gmail.com

ORCID: 0000-0001-6639-4928

Автор: **Московкин, Леонид Викторович** — д. пед. н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет.

Author: **Moskovkin, Leonid Viktorovich** — Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Saint Petersburg State University.

E-mail: moskovkin.leonid@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-4818-1205

УДК 372.82
DOI: 10.51255/2311-603X_2023_4_243

Д. М. Буланин

В преддверии педагогических реформ Петровской эпохи (обновление терминологии)

Когда заходит речь о петровских инициативах в сфере педагогики, акцент обыкновенно делают на заботах царя-реформатора об учреждении соответствующих институтов, на их практической ориентации, отразившейся в выборе преподаваемых дисциплин. Пишут о секуляризации учебного дела, указывая, что проводившаяся в этой сфере политика вела к решительному разрыву с тем гуманитарным направлением, к которому традиционно тяготели церковные училища любого типа. Пишут и о массированном вторжении в язык варваризмов — иностранных терминов, связанных с освоением новых наук. Спорить с подобными умозаключениями не приходится. Но иногда незаслуженно забывают о тех движениях, которые совершались в глубинных пластах культуры. Между тем духовное развитие общества, особенно в средневековую эпоху, определяют именно такие, часто скрытые течения. Случается, что они раскрывают кое-что важное и в преобразованиях рубежа XVII–XVIII вв. Поэтому редкие, но веские высказывания и оговорки по педагогическим проблемам, относящиеся к ним словесные формулы, маркированная лексика, иногда даже многозначительное молчание современников — все это заслуживает внимания со стороны историка русского просвещения.

Чтобы оценить глубину изменений, пришедшихся на XVIII в., требуется отступить на много столетий назад. Рассуждая о первых на Руси школах

грамотности, специалисты цитируют сообщение «Повести временных лет» о том, как князь Владимир, заботясь о принявших крещение подданных, стал отдавать детей «нарочитые чади» «на ученье книжное». Доверяя или не доверяя сообщению, ученые объясняли его по-разному. После многих колебаний автор этих строк пришел к выводу, что под «ученьем книжным» нужно здесь понимать не более, чем наставление неофитов в православной вере. Никаких начальных школ на Руси не было — ни при Владимире, ни позднее: кощунственной, как кажется, представлялась сама мысль об отделении технологических приемов чтения и письма от содержания книги, имевшей, естественно, религиозное назначение. Основы грамоты усваивались в процессе знакомства с конкретными текстами. Медиатором в этом процессе, в котором передача абстрактных знаний была подчинена задачам конфессионального воспитания отрока, выступал духовный отец. Постижение грамоты было сродни чуду. Мысль об организации сколько-нибудь регулярных школ впервые зарождается у церковных иерархов, обеспокоенных неудовлетворительной подготовкой поставляемых священников. С просьбой «училища учинити» для будущих служителей бил челом великому князю Новгородский архиепископ Геннадий, о чем он ставит в известность митрополита Симона в послании 1504 г. Но планы русской школы — а такие планы зародились не раньше этой даты — долго еще не выходили из области благих пожеланий. В «Стоглаве» (гл. 26) мысль об организации училищ, как прежде, развивается в виде проспекта на будущее. О многом говорит тот факт, что в Московской Руси не существовало учебников как особой разновидности книги. Первый «Букварь» Василия Бурцова вышел в свет в 1634 г. О более сложных пособиях говорить не приходится. Вопреки существующим суждениям, нельзя признать учебниками ни многочисленные разновидности «Азбуковника», ни памятники по разделам тривиума, вроде старого перевода «Диалектики» Иоанна Дамаскина или новопереведенной «Риторики» псевдо-Макария. В XVII в. их переписывали в обыкновенные четьи сборники. Да и в следующие годы правительство не потрудилось упорядочить начальное образование, оно по-прежнему отдавалось на усмотрение частных учителей. Понятно, что учреждение школы повышенного типа было сопряжено с еще бóльшими трудностями, первые опыты в этом направлении, предпринимавшиеся в течение XVII в., ограничивались обучением одного-двух воспитанников. Открытие Славяно-греко-латинской академии датируют 1687 г., когда братья Лихуды переместились с учениками в палаты, выстроенные под училище в Заиконоспасском монастыре[1]. Но говоря об академии, мы уже вплотную подходим к новой — петровской эпохе.

Неверно было бы связывать столь продолжительную ретардацию в устройстве школьного образования с врожденной неспособностью населения Московской Руси к наукам. Объяснение надлежит искать в присущей русской культуре системе конфессиональных ценностей, которая сложилась в течение столетий и не хотела сдавать свои позиции. Книжные знания, как считалось

на Руси, начиная от навыков чтения и письма и кончая словесными науками, не могут быть эмансипированы от несущей эти знания религиозной литературы (иной литературы не существовало). Знания обладают ценностью лишь в той мере, в какой они укореняют в душе наставляемого нетленные истины православного вероучения. Истины подобного рода заключены в таких книгах, содержание и форма которых не допускают изменений, ибо любые изменения причинили бы ущерб вероучению. К таким книгам приближаются как к святыне, а инициация начинающего начетчика происходит как таинство. Оно, как положено таинству, не терпит суеты и совершается учителем-духовником в интимной обстановке. В нарисованной картине не остается места для публичной школы. Робкие попытки средневековых идеологов, формировавших в XVI в. образ Москвы как «священного царства», приукрасить этот образ мифом об училищах, якобы развернутых князем Владимиром[2], или даже представить воображаемую монастырскую школу на миниатюре (в лицевом Житии Сергия из ризницы Троицкого монастыря), не могли сломать инерцию. Религиозные традиции обладают повышенной устойчивостью, что и показала церковная реформа Никона, воспринятая ее противниками как дерзкое вторжение мирских наук в заповедную зону конфессии[3]. И все же конфессиональные предубеждения, которые мешали, с точки зрения реформаторов, структуризации образования, не в силах были воспрепятствовать проникновению в русскую письменность педагогической терминологии, отражающей новые формы обучения. Инфильтрацией такой терминологии сопровождалось открытие Московской академии, во многом, в том числе в специальной лексике, копировавшей западные образцы, особенно академию в Киеве. Интересно, однако, проследить те малозаметные движения в лексике, связанной с преподаванием, которые закрепились в языке раньше и которые готовили почву для новых пластов словаря, принесенных впоследствии академическими реалиями. Поскольку материал обширен, позволим себе ограничиться разделом лексики, который касается лиц, причастных к процедуре обучения (nomina agentis). Констатируем здесь же, что мы на равных правах рассматриваем три способа генерации терминов — через простой перенос иноязычного слова, через изменение его семантики, через замену устаревших или вышедших из моды терминов новыми.

Подлинных неологизмов, связанных с академическим обиходом и одновременно предвосхищающих начало Московской академии, не так уже много. В «Вестях-Курантах» регистрируется самое раннее употребление слов «студент» (1631 г.) и «профессор» (1649 г.), в челобитной, касающейся театра Алексея Михайловича, встречаем термин «бакалавр» (бакаляр, ваккалар) (1675 г.)[4]. Перед нами профессионализмы, использованные окказионально — по конкретному случаю и сообразно потребностям конкретного реципиента. Для суждений о динамике словарного состава русского языка ценность их невелика. Интереснее факты, говорящие об актуализации в середине XVII в. лексики, употреблявшейся и раньше. На Руси знали не только о существовании наук

тривиума, но и о том, что в них некогда преуспели отцы церкви и многие почитаемые святые[5]. Книжники ничего не имели против этих наук до той поры, пока не видели в них угрозы православию, о чем, собственно, они и объявляют в так называемой «самоуничижительной формуле». С ее помощью литераторы свидетельствовали, что они благополучно обходятся без «внешних» для христианина мудростей. В центре внимания словесные науки как враждебное начало оказались в упомянутой выше контроверзе между никонианами и приверженцами старины, когда сам Аввакум объявил, что «ритор и философ не может быти християнин». Ему вторили и другие. Об этих спорах, включая рассуждение «Учитися ли нам полезнее...», защищающее тривиум и атрибутируемое Евфимию Чудовскому, написано много, нет нужды повторять сказанное. Если же говорить о текстах более древних, проклятия в адрес обучающих и обучаемых «внешним» наукам встречаются в них довольно редко. Интересна в этом плане «Валаамская беседа», которую датируют XVI в. Преуспевших в грамматике — «мудрых грамотиков» из окружения царя, вместе со «сказателями от книг», автор произведения противопоставляет тем, кто принесет пользу царю и вельможам без излишней для православного мудрости — одними «святыми божиими книгами»[6]. Об изменениях в культурных ориентирах, какими отмечен XVII в., говорит вытеснение некоторых слов на периферию письменного языка, как то имело место с выражением «речеточец», южнославянским эквивалентом термина «ритор». Правда, памятники лексикографии, начиная с «Азбуковника», исправно фиксируют утративший актуальность южнославянизм[7]. Напротив, «дидаскал», термин, известный на Руси еще по старейшим переводам и тоже вошедший в «Азбуковник»[8], активно конкурирует в текстах XVII в. с традиционным «учитель». Впрочем, о первоначальном значении и последующих изменениях в содержании этого последнего слова мы еще скажем дальше несколько слов.

Наибольшие трудности создает интерпретация трех академических терминов, пришедших в древнерусскую письменность из западноевропейских источников, — «схоластик», «магистр» и «доктор». Трудности отчасти обусловлены тем, что все они неоднозначны уже в языках-донорах. Отсутствие на Руси собственных педагогических институтов, к которым могли быть применены такие лексемы, дополнительно размывало их семантику. По понятным причинам более информативны оригинальные тексты, включающие названные термины, но и переводы бывают иногда небесполезны. Производных от греческого корня σχολ- в древнерусских сочинениях встречается немало, интересно при этом, что они приходили туда разными путями. Наряду с не слишком древним полонизмом «школа», словари фиксируют уже в старейших славянских переводах заимствования из греческого («схоли», «схоластик»), позднее — в «Степенной книге» — появляется термин «схоларь» («схоларь — ученик, иже в учении упразняется»), как видно, отсюда заимствованный и «Азбуковником»[9]. Среди известных лексем, входящих в это словарное гнездо, выделяется — если

не по форме (поскольку она внешне тождественна эквиваленту, взятому из греческого), то по генезису — отчетливый латинизм в предисловии Дмитрия Герасимова к переведенной им с латинского языка «Толковой Псалтири» Брунона, епископа Вюрцбургского. Писатель заявляет в предисловии, что книга «преложена» «потружением и послужением грешнаго и малоученаго Димитриа схоластика, рекше ученика»[10]. Самоумаление здесь этикетное, но схоластиком Герасимов имел реальные основания называть себя, ибо много лет назад он учился в ливонской школе. Перевод (возможно, улучшенную редакцию своего старого перевода) он выполнил по заказу Новгородского архиепископа Макария, будущего митрополита, в 1535 г., и это довольно необычное для тех лет предприятие. Дмитрий Герасимов был тогда на Руси одним из лучших латинистов и в свое время много потрудился в составе «литературного кружка» Геннадия — другого архиепископа Новгорода. Но в 1505 г. Геннадий умер, а с ним вместе ушло в прошлое поддерживаемое им своеобразное «латинофильство». Для книжной деятельности Макария подобный уклон нехарактерен, не случайно о переводе «Толковой Псалтири» внесена подробная запись в летописный свод 1539 г. как о факте из ряда вон выходящем. По-видимому, запись сделана под диктовку самого переводчика, который умело использовал стилистический контраст, применив к себе *terminus technicus* (scholasticus), а для архиепископа выбрав библеизм — слово из высокого регистра («раввуни») [11].

Менее однозначно выглядит использование термина «магистр», применявшегося в разных областях жизни, в том числе бесконечно далеких от науки и педагогики. Дополнительный элемент неопределенности возникал из-за того, что в оригинальных и переводных текстах часто фигурировало с трудом отделяемое от нашего термина (кто-то скажет даже — идентичное ему), но значительно более популярное слово «мастер», круг значений которого был еще шире. Обе лексемы встречаются в разной огласовке (ср. «маистр», «мештер», «мистр» и др.), и связь отдельно взятого словоупотребления с академическим званием не всегда легко установить из контекста. В свою очередь, на русской почве в эксплуатации термина возникли некоторые ограничения. Как выяснилось, термины «учитель» и «мастер» находились на Руси в отношениях дополнительной дистрибуции[12]. Именно: первое из слов ассоциировалось с благочестием, так что «учителем» обыкновенно мог быть только носитель духовного сана. Напротив, слово «мастер» было лишено сакральных коннотаций, почему в отношении педагога его стремились избегать. В целом интересующих нас примеров употребления термина «магистр» оказывается немного, но они все же есть. Скажем, рассматриваемое слово в применении к Гиппократу указывает, безусловно, на его познания во врачебном искусстве. Так репрезентирует древнегреческого ученого одно из дополнений к «Травнику», переведенному Николаем Булевым в 1534 г.: «Маистр Ипократ глаголет»[13].

Можно, кажется, заметить признаки семантической дифференциации в применении разных по происхождению вариантов термина. Для обозначения

ученых и наставников чаще используется полонизм «мистр», что и отражено в толкованиях «Азбуковника»: «магистры — урядники градскыя... магистр — посол... мистр — учитель»[14]. Приведем еще пару примеров. Некто Феофил Дедеркин в послании Василию II о землетрясении в Италии замечает, что бедствие не в силах были бы описать, «аже бы мистрове писари изо всех стран колиждого языка згонули бы ся вместо». По-видимому, составитель происходил из Литвы, полонизмы есть и в найденном недавно переводном тексте с именем этого же Феофила. Уже в XV в. его писания достигли Северо-Восточной Руси, послание читается в одном из сборников Ефросина Белозерского[15]. Использован термин «мистр» и в переведенном с польского языка «Разговоре магистра Поликарпа со смертью». Перевод выполнен в первой половине XVI в. в Волоколамском монастыре, но смысл оригинала изменен характерным манером. Макабрический юмор сочинителя заключался в том, что перед всемогуществом смерти преисполненный самомнения учитель — «мистр» превращается в трепещущего школяра. Роль учителя переходит к смерти. Переводчик последовательно устраняет все аллюзии, связанные с институтом школы, под его пером перевод превратился в обыкновенное монашеское поучение с призывом помнить о смерти[16].

Как и следовало ожидать, из трех выделенных нами слов, связанных с академической средой, слово «доктор» в наименьшей степени «терминологично». В этом легко убедиться по нескольким контекстам. Текст Тверской летописи в дошедшем до нас виде прошел через руки нескольких поколений летописцев. В 1534 г. над сводом работал ростовский книжник, записавший традиционную декларацию о своем невежестве, однако декларацию на редкость пространную и использующую нестандартные образы. Принижая свои способности, книжник заявляет: «...ни научихся дохторскому наказанию, еже сьчиняти повести и украшати премудрыми словесы, яко же обычай имут ритори»[17]. Топос, как водится, надлежит толковать по принципу противоположности. Ростовчанин, несомненно, понимал: «доктором» именуется человек, достигший высокой квалификации по результатам специального обучения («наказания»). Возьмем другой памятник — Послание Николаю Булеву о латинском отлучении, ошибочно приписанное Максиму Греку. Послание представляет собой компиляцию, составленную из разных источников, в том числе из писания «бояриназападника» Федора Карпова. В тексте различимы следы утраченного сочинения Карпова, на что не обращали до сих пор внимания. Следы видны в семантических кальках латинских слов (ср. «варварский», «малословие» о стиле; «трость» в значении *calamus*, «возмогай» в значении *vale*), известных по подлинным сочинениям Карпова, и во филофронетических мотивах, выдающих мастера эпистолярного жанра. Все это сопровождается дифирамбом митрополиту Даниилу. Рекомендуя адресату прислушаться к советам Даниила, автор заявляет: «Егда изящнаго разума Христова закона доктора святаго митрополита многими сообщена художествы узриши, любезнее слышати имаши»[18]. Думается, что никто

тогда, кроме Карпова, не осмелился бы присвоить московскому митрополиту заимствованную из лексикона Западной Европы ученую степень доктора.

Приведенные примеры осмысленного использования анализируемого термина можно считать для XVI в. скорее исключением, чем правилом. Тексты показывают, что семантика термина размывалась даже в тех случаях, когда словом «доктор» называли медиков. Так, известный уже нам Булев, которого, судя по косвенным данным, на родине знали как магистра и профессора, в русских источниках лишь однажды именуется «доктором» — когда он вкупе со своим коллегой Феофилом явился к постели умирающего Василия III[19]. Ясно, что наше слово здесь обозначает профессию, а не звание. Гораздо чаще оно употребляется синонимично словам «мудрец», «знаток», «умелец» и др., т. е. характеризующим выдающиеся качества людей в самой общей форме. Так, в «Степенной книге» читаем: «Еще же прислаша к государю мастеров многих, дохтуров, гораздих различным деланием, и искатели злату и сребру...» («Степенная книга»)[20]. Сходную ситуацию наблюдаем в своде текстов с именем Ивана Пересветова, с тем любопытным нюансом, что здесь прозвания «философ» и «доктор» разведены по конфессиональному признаку, так что «философами» неизменно выставлены греки, а «дохтурами» — латиняне: «Коли на споре с латыняны латынския веры дохтуры спираются со греки...», или еще: «Пишут философи греческия и дохтуры латынския»[21].

Тот, кто сравнит рассмотренные нами крохи педагогического лексикона со словарным материалом, мощной волной влившимся в русский язык в годы реформ Петра I, тот оценит обусловленный реформами скачок в развитии образовательных учреждений и педагогической мысли, которые обновленный словарь назначен был обслуживать[22]. Прогресс налицо, нет смысла отрицать очевидное. Полезно вместе с тем не забывать, что любой прогресс предполагает потери, иногда весьма существенные. Реформ Петра вообще и педагогических нововведений в частности это касается в полной мере. Царю-преобразователю не нужны были архаические способы трансляции знаний, слитые с катехизическими наставлениями и обращенные ко всему стаду верующих. Педагогические мероприятия Петра соотносились с земным бытием и имели земное приложение: главная задача его и его преемников заключалась в организации школ профессиональных по своей программе и сословных по составу обучающихся[23]. Не стоит думать, что в такой перестройке все сводилось к обмирщению учебного дела, изъятию его из монополии церкви. Воцерковленная педагогика по самой своей природе содержала в себе нравственную составляющую и не предусматривала социальной градации — ценные качества, которые исчезли из учебных заведений реформированного типа. С другой стороны, тот же конфессиональный субстрат не позволял расстаться со старым — многовековым идеалом просвещения людям, выключенным по своему статусу или добровольно отстранившимся от школьных учреждений нового типа. С той поры в России утвердились два непримиримых взгляда на задачи школьного

обучения. Таким образом, слом прежней педагогической системы, произведенный Петром I, сыграл не последнюю роль в том социальном и культурном раздвоении русского общества, которое предопределило его дальнейшую историю.

---

1 *Фонкич Б. Л.* Греко-славянские школы в Москве в XVII веке. М., 2009.
2 *Буланин Д. М.* У истоков классического образования в Москве: (Памятник братьям Лихудам) // Schnittpunkt Slavistik. Göttingen, 2012. Bd. 1. С. 159–186.
3 *Успенский Б. А.* Отношение к грамматике и риторике в Древней Руси: (XVI–XVII вв.) // Литература и искусство в системе культуры. М., 1988. С. 208–224.
4 Вести-Куранты: 1600–1639. М., 1972. С. 155; Вести-Куранты: 1648–1650 гг. М., 1983. С. 159; Московский театр при царях Алексее и Петре / Изд. С. К. Богоявленский. М., 1914. С. 61–62.
5 *Буланин Д. М.* Несколько параллелей к главам III–IV Жития Константина-Кирилла // Кирило-Методиевски студии. 1986. Кн. 3. С. 91–107.
6 *Моисеева Г. Н.* «Валаамская беседа» — памятник русской публицистики середины XVI века. М.; Л., 1958. С. 189 (2-я ред.).
7 *Буланина Т. В.* Первое определение искусства оратора в древнерусской письменности // ИОЛЯ. 1991. Т. 50. № 1. С. 69–74.
8 *Ковтун Л. С.* Азбуковники XVI–XVII вв.: Старшая разновидность. Л., 1989. С. 177. Ср. здесь же толкование очередного южнославянизма: «даскал — менший учитель».
9 Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. М., 2008. Т. 2. С. 457; *Ковтун Л. С.* Азбуковники... С. 253.
10 Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской духовной академии. Казань, 1881. Ч. 1. С. 150–151.
11 ПСРЛ. М., 2004. Т. 43. С. 238.
12 *Буланин Д. М.* «Учитель» — профессия или конфессия?: («Дети нарочитые чади» князя Владимира и их судьба в допетровской Руси) // Rossica Antiqua. 2019. № 1/2 (17). С. 87–121.
13 *Морозов Б. Н.* Травник из Постельной казны Ивана Грозного?: Харьковская рукопись 1534 г. — новый памятник книжной мастерской митрополита Даниила (Первые итоги изучения) // АЕ за 2002 г. М., 2004. С. 79. Из лиц, преуспевших в той или иной специальности, книжники награждали званием «магистра» чаще других именно медиков. Ср. ПСРЛ. СПб., 1910. Т. 23. С. 187.
14 *Ковтун Л. С.* Азбуковники... С. 224.
15 *Korogodina M., Sergeev A., Sirenov A.* Slavonic Translations of the “Master of Rhodes Letter” // Scrinium. 2021. Т. 17. P. 172–198.
16 Повести о споре жизни и смерти / Подг. Р. П. Дмитриевой. М.; Л., 1964. С. 197–201.
17 ПСРЛ. СПб., 1863. Т. 15. Стб. 142.
18 *Максим Грек, прп.* Сочинения. М., 2008. Т. 1. С. 386.
19 ПСРЛ. Т. 43. С. 225.
20 Степенная книга... Т. 2. С. 389.
21 Сочинения И. Пересветова / Подг. А. А. Зимина. М.; Л., 1956. С. 161, 162.
22 *Комаровский Б. Б.* Русская педагогическая терминология: Теория и история. М., 1969. С. 68–73.
23 *Рождественский С. В.* Очерки по истории систем народного просвещения в России в XVIII–XIX веках. СПб., 1912. Т. 1. С. 5–24.

References

BULANIN D. M. *Neskol'ko parallelei k glavam III–IV Zhitiia Konstantina-Kirilla* [Several Parallels to ch. III–IV of the Vita of Constantin-Cyrill. In Russ.] // Kirilo-Metodievski studii. 1986. T. 3. P. 91–107.

BULANIN D. M. *U istokov klassicheskogo obrazovaniia v Moskve*: (*Pamiatnik brat'iam Likhudam*) [At the Origins of the Classical Education in Moscow: (The Monument to Leikhudis Brothers). In Russ.] // Schnittpunkt Slavistik. Göttingen, 2012. Bd. 1. S. 159–186.

BULANIN D. M. "*Uchitel*'" — *professiia ili konfessiia*?: ("*Deti narochitye chadi*" *kniazia Vladimira i ikh sud'ba v dopetrovskoi Rusi*) [Is "teacher" a Designation of the Speciality or of the Piety? ("Children from Nobles' Families" of Prince Vladimir and their Fate in pre-Petrine Rus). In Russ.] // Rossica Antiqua. 2019. No. 1/2 (17). P. 87–121.

BULANINA T. V. *Pervoe opredelenie iskusstva oratora v drevnerusskoi pis'mennosti* [The First Definition of the Art of Orator in Old Russian Writings. In Russ.] // IOLIa. 1991. T. 50, no. 1. P. 69–74.

FONKICh B. L. Greko-slavianskie shkoly v Moskve v XVII veke [Greek and Slavonic Schools in Moscow in the 17th Century. In Russ.]. Moscow, 2009.

KOMAROVSKII B. B. Russkaia pedagogicheskaia terminologiia: Teoriia i istoriia [Pedagogical Terminology in Russian: The Theory and the History. In Russ.]. Moscow, 1969.

KOROGODINA M., SERGEEV A., SIRENOV A. *Slavonic Translations of the* "*Master of Rhodes Letter*" // Scrinium. 2021. T. 17. P. 172–198.

KOVTUN L. S. Azbukovniki XVI–XVII vv. [Azbukovniki of the 16th–17th Centuries. In Russ.]. Leningrad, 1989.

MAKSIM GREK, prp. Sochineniia [Maxim the Greek. The Works. In Russ.]. Moscow, 2008. T. 1.

MOISEEVA G. N. "Valaamskaia beseda" — pamiatnik russkoi publitsistiki serediny XVI veka ["The Discourse of Valaam" — the Monument of Russian Publicistics from the Middle of the 16th Century. In Russ.]. Moscow; Leningrad, 1958.

MOROZOV B. N. *Travnik iz Postel'noi kazny Ivana Groznogo?: Khar'kovskaia rukopis' 1534 g. — novyi pamiatnik knizhnoi masterskoi mitropolita Daniila* [*Travnik* from the Bed Treasury of Ivan the Terrible?: Kharkov Manuscript of 1534 — a New Monument from the Book Workshop of Metropolitan Daniel. In Russ.] // AE za 2002 g. Moscow, 2004. P. 73–85.

Moskovskii teatr pri tsariakh Aleksee i Petre [Moscow Theatre under the Tsars Alexius and Peter. In Russ.]. Moscow, 1914.

Opisanie rukopisei Solovetskogo monastyria, nakhodiashchikhsia v biblioteke Kazanskoi dukhovnoi akademii [The Description of the Manuscripts from Solovetsky Monastery kept in the Library of Kazan Theological Academy. In Russ.]. Kazan, 1881. Ch. 1.

Povesti o spore zhizni i smerti [Tale about the Dispute between the Life and the Death. In Russ.]. Moscow; Leningrad, 1964.

PSRL [PSRL. In Russ.]. St. Petersburg, 1863. T. 15.

PSRL [PSRL. In Russ.]. St. Petersburg, 1910. T. 23.

PSRL [PSRL. In Russ.]. Moscow, 2004. T. 43.

ROZhDESTVENSKII S. V. *Ocherki po istorii ystem narodnogo prosveshcheniia v Rossii v XVIII–XIX vekakh* [Essays on the History of Public Education Systems in Russia in the 18th–19th Centuries. In Russ.]. St. Petersburg, 1912. T. 1.

Sochineniia I. Peresvetova / Podg. A. A. Zimina [Works by I. Peresvetov / Ed. A. A. Zimin. In Russ.]. Moscow; Leningrad, 1956.

Stepennaia kniga tsarskogo rodosloviia po drevneishim spiskam [The Book of Degrees of the Royal Genealogy Based on the Oldest Manuscripts. In Russ.]. Moscow, 2008. T. 2.

USPENSKII B. A. *Otnoshenie k grammatike i ritorike v Drevnei Rusi*: (*XVI–XVII vv.*) [Attitude to Grammar and Rhetoric in Old Rus. In Russ.] // Literatura i iskusstvo v sisteme kul'tury. Moscow, 1988. S. 208–224.

Vesti-Kuranty: 1600–1639 gg. [Vesti-Kuranty: 1600–1639. In Russ.]. Moscow, 1972.

Vesti-Kuranty: 1648–1650 gg. [Vesti-Kuranty: 1648–1650. In Russ.]. Moscow, 1983.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Д. М. Буланин. В преддверии педагогических реформ Петровской эпохи (обновление терминологии) // Петербургский исторический журнал. 2023. № 4. С. 243–252

Аннотация: Реформы Петра I дали новое направление русским образовательным учреждениям и стимулировали разработку педагогической теории. Эти изменения сопровождались полным обновлением педагогического лексикона. Однако инфильтрация в письменность отдельных академических терминов западного происхождения началась задолго до наплыва неологизмов, связанных с перестройкой всей системы образования. Автор прослеживает судьбу таких «несвоевременных» терминов из того раздела лексики, который касается лиц, причастных к процедуре обучения (*nomina agentis*). Термины генерировались через простой перенос иноязычного слова, через изменения в его семантике, через замену устаревших терминов новыми. Наибольшее внимание уделяется, в связи с их популярностью, трем пришедшим из европейских источников терминам — «схоластик», «магистр» и «доктор». Они особенно трудны для интерпретации, поскольку в каждом из трех заложено много оттенков значения, которые могут быть выявлены только в контексте. Автор анализирует самые интересные из контекстов. Экскурсы в историю терминов позволяют лучше понять репертуар новых слов, вошедших в школьный обиход при Петре.

Ключевые слова: педагогика, грамота, школа, академия, терминология, неологизм, катехизация, варваризм.

FOR CITATION

D. M. Bulanin. Waiting the pedagogical reforms started by Peter the Great (Renewal of the terminology) // Petersburg historical journal, no. 4, 2023, pp. 243–252

Abstract: The reforms of Peter the First gave a new direction to Russian educational institutions, these reforms stimulated as well the development of pedagogical theory. All changes were accompanied by a complete renewal of the pedagogical lexicon. However, the infiltration of certain academic terms of western origin into Russian writings began long before started the influx of neologisms associated with the restructuring of the education system. The author traces the fate of "premature" terms, taking the section of the pedagogical vocabulary that concerns persons involved in the learning procedure (*nomina agentis*). The terms were generated through a simple transfer of a foreign word, through shifts in its semantics, through the replacement of out of date term with the new one. Special attention is paid, because of their popularity, to three terms, that came from European sources — "scholasticus", "magister" and "doctor". These terms are especially difficult to interpret, since each of the three has many nuances in its principal meaning. These nuances can be revealed only in the context. The author analyzes the most interesting of the contexts. Excursions into the history of the terms makes it possible to evaluate the set of new words, which entered the life of schools under Peter the Great.

Key words: pedagogy, literacy, school, academy, terminology, neologism, catechizing, barbarism.

Автор: **Буланин, Дмитрий Михайлович** — д. ф. н., гл. науч. сотр. Института русской литературы РАН.

Author: **Bulanin, Dmitrii Mikhailovich** — Doctor of Sciences, Senior Fellow of Institute of Russian Literature, Russian Academy of Sciences.

E-mail: dmitriibulanin@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-5480-7964

УДК: 091.31(47)«15/17»
DOI: 10.51255/2311-603X_2023_4_253

Ф. Н. Веселов

Александр Македонский в Библиотеке Петра Великого: к истории лицевой рукописи Сербской Александрии Библиотеки Российской академии наук*

В собрании рукописей Петра I Библиотеки Российской академии наук (БАН) хранится богато украшенный манускрипт альбомного формата, написанный каллиграфическим «книжным письмом» и иллюстрированный многочисленными миниатюрами (шифр: П.I.Б.99, далее — Акад.). Текст рукописи — славянский перевод Псевдокаллисфенова «Романа об Александре Македонском» («Александрии»). Сам роман, появившийся не позднее III в., уже в первой версии (версии α, редакции этого произведения традиционно обозначаются буквами греческого алфавита) соединял в себе историческое повествование с фантастическими приключениями. Позднее эти волшебные мотивы получили кратно большее развитие в средневековых вариантах. Одним из таких вариантов стала редакция ε[1], перевод которой на славянский язык через гипотетически реконструируемую редакцию ζ появился на рубеже XIII–XIV вв. на Балканах и получил среди историков и филологов XIX в. условное название «Сербская Александрия»[2]. На Русь этот текст попал не позднее XV в. и завоевал широкую популярность, свидетельством чему является более полутора сотен дошедших до наших дней списков памятника[3], четырнадцать из которых — лицевые, включая Акад. Несмотря на такую распространенность этого

* Статья написана при финансовой поддержке гранта РНФ № 21-78-00050.

произведения, русский текст «Сербской Александрии» до сих пор исследован лишь в немногочисленных работах[4], а трудов, посвященных генезису и взаимоотношению лицевых копий, нет вовсе. Заполнить такую лакуну можно только с помощью постепенного сопоставления списков памятника между собой, и в настоящей статье мы рассмотрим Акад. в сравнении с одной из лицевых «Александрий» собрания П. П. Вяземского Российской национальной библиотеки (РНБ).

В сербской редакции «Александрии» сказочные мотивы, которые давали прекрасный материал для иллюстраций, были существенно дополнены характерными чертами средневекового рыцарского романа, включая воспевание ратных подвигов и царских добродетелей «велеумна мужа Александра». Распространением именно этого произведения на Балканах объясняются новые для позднесредневековой южнославянской книжности сопоставления правителей с великим героем античности[5]. Неудивительно, что лицевые рукописи памятника, сочетавшие в себе исторические и поучительные сюжеты, которые «зело полезны к наказанию храбрым людям нынешнего времени чудно и дивно слушати»[6], с многочисленными этнографическими и мифологическими подробностями, были «потешными» книгами — одним из элементов образования и воспитания детей русских государей. В дополнении к «Каталогу обстоятельному...» академической библиотеки его составитель, П. И. Соколов, прямо указывает, что Акад. был создан специально для юного царевича Петра и употреблялся при его обучении[7]. Как установил И. М. Кудрявцев, работа над этим роскошным лицевым памятником, иллюстрированным 128 «лицами на александрийской бумаге <...> золотом, и серебром, и красками», началась в Посольском приказе в июле 1675 г. Руководил работами подьячий Иван Верещагин, а трудились мастера Дмитрий Иванов, Иван Петров, Федор Юрьев и иконописец Иван Максимов — исполнители лучших книжных памятников, созданных в этом учреждении[8].

Впрочем, книга выглядит незавершенной. И. Н. Лебедева обратила внимание на то, что бумага десятка разных сортов в кодексе сильно перемешана, а часть миниатюр вставлена позднее, хотя и выполнена на идентичной с основной частью рукописи бумаге, с продолжающейся кириллической фолиацией. Такие наблюдения привели исследовательницу к выводу о том, что рукопись заканчивали в спешке[9]. Дополним, что листы с миниатюрами вклеены не только позднее, но и с ошибками. Например, судя по тексту на л. 63 и 65, на л. 64 должна была находиться миниатюра, иллюстрирующая сюжет с послом царя Дария Клитовнушем. Вместо этого на миниатюре изображен иной сюжет: из притчи о приданом, которая находится в завершающей части текста романа. По композиции эти иллюстрации схожи: сидящему на троне царю предстоит посол или проситель, но при тщательном составлении книги такая ошибка, конечно, не могла быть допущена. На неверном месте оказалась и миниатюра

на листе, пронумерованном библиотечной фолиацией как 334 — она должна быть между л. 331 и 332, об этом говорит и обращение к кириллической фолиации (348–350–351–349–352). На месте же 334-го листа должен был быть лист с миниатюрой, которая оказалась неисполненной или утраченной. Кроме того, цикл миниатюр не завершен: последняя иллюстрация расположена на л. 369, а с л. 378 на каждом листе выписан отдельный эпизод текста, после которого, судя по разрывам кириллической фолиации, выпущены один или несколько листов, на которых должны были быть миниатюры (ср. последовательность листов: 406–409–411–416, и пр.). В сравнении с другими известными циклами миниатюр «Сербской Александрии», в завершении Акад. не хватает от 6 до 40 миниатюр, иллюстрирующих интригующее и трагическое завершение главной сюжетной линии романа: гибель Александра Великого. Можно предположить, что их не успели выполнить и вшить в кодекс. Наконец, на последних листах рукописи (с л. 381) по нескольку раз сменяется почерк. На наш взгляд, перечисленные особенности также свидетельствуют о спешном завершении работ над кодексом.

Лебедева считает, что такая спешка была связана со смертью царя Алексея Михайловича 29 января 1676 г. Однако опубликованные Кудрявцевым документы свидетельствуют о том, что работа над «Александрией» была будто бы продолжена: летом того же года по просьбе писцов «на триста больших прописных слов да на шездесят на пять строк среднего уставу в александрийскую тетрать средней бумаги и на заставицу с прописною строкою золота семь сот листов. Цена по осми гривен за сто» было велено выдать соответствующее количество золота[10]. Смущает тот факт, что в нашей «Александрии» количество золотых украшений явно не совпадает с тем, на которое драгоценный металл просили кремлевские мастера и который был им отпущен[11]. Кроме «заставицы с прописною строкою» (л. 2), есть лишь одна буквица высотой в 112 мм (л. 2 об.). Эти заставица и буквица выполнены в достаточно экономичной технике «твореного золота», когда растертый металл клался поверх камеди, кистью «не помногу омачивая»[12]. Помимо этих украшений, золото было использовано только для подкраски некоторых небольших элементов на миниатюрах: оружия, доспехов, одежд, сбруй лошадей, инсигний царской власти (на л. 86, 97, 116, 126, 153, 158, 160, 189, 210, 224, 228, 230, 235, 243, 247 и пр.), а подготовленным таким же способом серебром писцы раскрасили шкуру чудища «коркодил» на л. 222. Однако все это вполне можно отнести к работам, которые были выполнены еще осенью 1675 г.[13] Куда же исчезли обещанные золотые «прописные слова»?

Существуют сведения, что золотописцами Посольского приказа и позднее, в 1682 г., оформлялась «книга Александрия»[14]. Вполне вероятно, что это был уже другой экземпляр этого произведения, однако о нем нам ничего не известно. Между тем, в собрании П. П. Вяземского РНБ хранится лицевая рукопись «Александрии» (шифр: Q.108, далее — Вяз.) форматом «в четверку» (160×140 мм), хотя и украшенная скромнее, но явно происходящая из той же

художественной среды, что и Акад.: исполнение миниатюр Вяз. не просто похоже на работу мастеров Петровского списка, в 80% случаев композиции миниатюр в этих книгах совпадают вплоть до деталей (рис. 1 и 2).

Рис. 1. РНБ. Собр. П. П. Вяземского. Q.108. Л. 173. «Александр одаривает своего учителя Аристотеля»

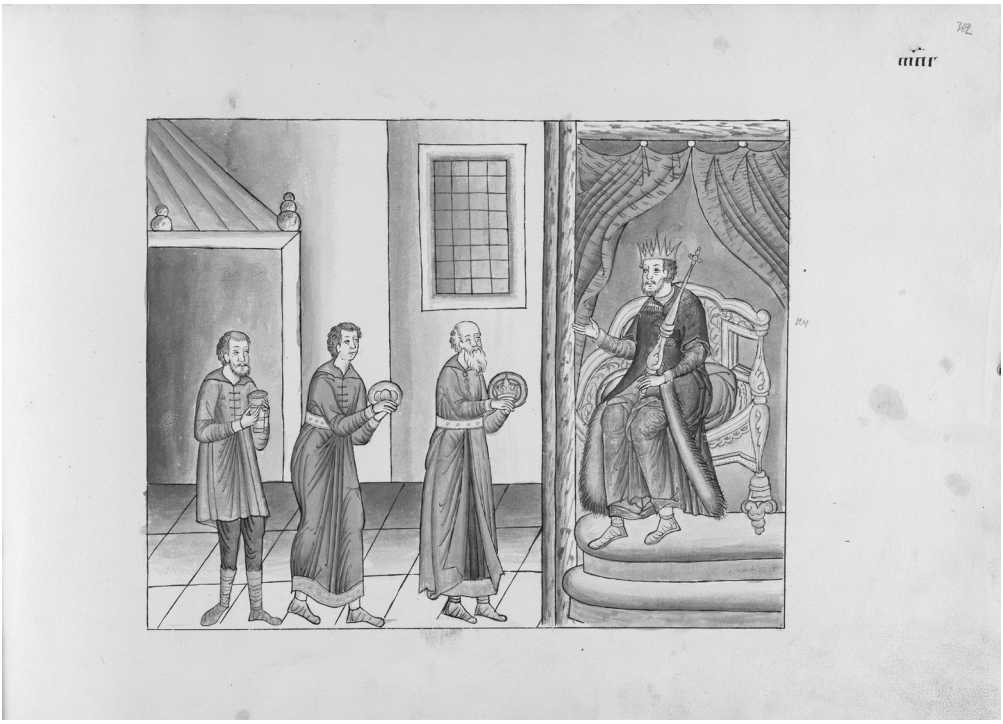

Рис. 2. БАН. П.I.Б.99. Л. 362.
«Александр одаривает своего учителя Аристотеля»

К сожалению, Вяз. сохранился не в лучшем состоянии: кодекс расплетен, у него утрачены начало и окончание, многочисленные листы в книжном блоке утеряны или сильно пострадали, до нашего времени дошли только 49 миниатюр[15]. Они выполнены тонкими уверенными линиями высокопрофессиональным художником и раскрашены, при этом в оформлении пейзажей, интерьеров, элементов одежд действующих лиц заметно сильное влияние европейской гравюры XVI–XVII вв.

Влияние европейской гравюры, в первую очередь иллюстраций знаменитой Библии Пискатора, экземпляры которой покупались и переплетались для царской семьи, в том числе в Посольском приказе[16], — пожалуй, первое, что бросается в глаза при сравнении Вяз. с Акад. Характерно изображение пророка Иеремии, одного из главных действующих лиц этой версии романа, в головном уборе, напоминающем католическую раздвоенную митру (Вяз.: л. 36 об., 51; Акад.: 105, 107, 110 и пр., рис. 3), подобную тем, что носят еврейские первосвященники на иллюстрациях Библии издания 1674 г. Надо заметить, что таким образом пророк Иеремия изображается только в списках Акад. и Вяз.: в прочих русских лицевых копиях «Александрии» он носит лишь хитон и гиматий

или облачен как православный священник или епископ. Но это не единственная иконографическая особенность, которая выделяет наши рукописи на фоне других списков памятника. Самая яркая из них заключается в том, что у Александра Македонского появляется борода. Дело в том, что и в более старших

Рис. 3. РНБ. Собр. П. П. Вяземского. Q.108. Л. 36 об.
«Пророк Иеремия является во сне Александру»

версиях романа особо подчеркивается трагизм судьбы героя: завоевав весь мир, достигнув пределов вселенной, он умирает молодым. В изобразительном искусстве традиция портретирования Александра в виде юного безбородого юноши была заложена еще в античности[17]. Она сохранялась в более позднее время и была воспринята на Руси: в архитектуре и декоративно-прикладном искусстве домонгольского времени[18], в традиции иллюстрирования романа об Александре, как Хронографической, так и Сербской редакций. В Акад. же появление бороды на миниатюрах сочетается с обретением героем власти: пока жив Филипп, Александр безбород, но после смерти отца, уже на первой миниатюре со сценой воцарения, у него появляются усы (л. 52), а на иллюстрациях оставшейся части рукописи — борода. В Вяз. борода впервые появляется на л. 36 об. (рис. 3) в сцене явления Александру пророка Иеремии, когда царь уже не только правит, но и отправляется завоевывать «вселенную». К сожалению, утраты в рукописи не позволяют уточнить, в какой именно момент борода появилась, но, возможно, и здесь имела место концепция визуального взросления вместе с началом самостоятельного правления.

Такое же нетипичное изменение иконографии касается и коня Александра, Буцефала. Уже в самой ранней версии романа описывается необычный признак — пятно в форме головы быка на левом бедре (I: 15)[19]. Во всех русских лицевых рукописях этот признак есть, кроме Вяз. и Акад. Единственная иллюстрация, на которой присутствует изображение головы быка на бедре коня в этих копиях, — это сцена укрощения Буцефала (Акад., л. 3, в Вяз. на месте этого сюжета утрата листов). Но в данном случае, вероятно, свою роль сыграла не столько традиционная для миниатюр романа иконография коня, сколько независимая традиция изображения этого сюжета. Его древнейшая иллюстрация в «Кинегетике» Псевдо-Оппиана XI в. (Венеция, библ. Марчиана, Cod. Gr. 479 (= 881), л. 8) старше любых известных копий романа об Александре, и он относится к тем нарративам о Македонском герое, которые существовали параллельно с текстом романа, а их иллюстрации сами оказывали влияние на развитие цикла миниатюр произведения[20].

Итак, миниатюры рукописей из БАН и РНБ не только похожи между собой в деталях, но находятся характерные иконографические черты, которые отличают Вяз. и Акад. от прочих русских лицевых копий Александрии. В каких отношениях между собой находятся эти два списка?

Анализ водяных знаков бумаги, которая пошла на изготовление кодексов, показывает, что они должны были быть написаны почти одновременно. При изготовлении книг использовалась бумага с филигранью, чрезвычайно близкой по своим графическим характеристикам: лилия в гербовом щите под короной с лигатурой «W R»[21]. Утверждать, что водяные знаки бумаги рукописей идентичны, нельзя, но они сходны настолько, что это позволяет предположить, что создатели работали с бумагой одной фирмы одного времени производства. Одновременно второй сорт бумаги, использованный в Вяз., — голова шута

с контрмаркой «L R», совпадающий с опубликованным в альбоме Хивуда[22], — на десятилетие старше прочих сортов, которые были использованы при изготовлении Акад.[23]

При сличении текстов Вяз. и Акад. они оказываются не только относящимися к одной группе по классификации Е. И. Ванеевой[24], но идентичными, за исключением исправлений и пропусков, которые свидетельствуют в пользу того, что Акад. был скопирован с Вяз. В Акад. есть место, где пропущенная часть текста точно соответствует одной строке Вяз.[25]; в местах, где по сравнению с Вяз. в Акад. пропущены буквы, они добавлены на полях последнего (напр.: Вяз., л. 31 об., «Восток», и Акад., л. 101, «сток», «во» — на полях); там, где в Вяз. допущены ошибки, они скопированы в Акад. (напр.: Вяз., л. 54 об. «рече Рекий», вместо «рече некий», повторено в Акад., л. 128 об.), иногда с исправлениями поверх будто спохватившегося писца (ср.: Вяз., л. 15 и Акад., л. 80 об., где «конуру» исправлено на «коруну»; Вяз., л. 31 и Акад., л. 101 где «зазарайте» исправлено на «зазирайте»).

Поэтому кажется правомерным утверждать, что Вяз. послужил протографом Акад. Но в таком случае возникает вопрос: если Вяз. является творением тех же мастеров, что и Акад., то с какой целью создавалась эта рукопись в четверку, разительно отличающаяся бедностью оформления от прочих произведений, создававшихся для царского круга?

Миниатюр в Вяз. меньше, чем в Акад., не только из-за его плохой сохранности. При сопоставлении между собой текстов рукописей становится очевидно, что есть такие места, которые в Вяз. остались не иллюстрированными, но привлекли внимание художников Акад. При этом в тех местах, где по сравнению с Акад. в Вяз. миниатюры отсутствуют (например: л. 14, 17 об., 25 об., 46, 76 об.) специальные обозначения крестиками в тексте указывают на их положение в Акад. Учитывая относительное старшинство Вяз. и тот факт, что его текст послужил антиграфом для Акад., можно предположить, что Вяз. был чем-то вроде черновика для мастеров Посольского приказа, при копировании которого одновременно дорабатывался цикл миниатюр в царской рукописи. При этом в иных случаях уровень мастерства автора «черновика» выше, чем уровень исполнителей чистовой книги (ср.: Вяз., л. 154 об. и Акад., л. 347, рис. 4 и 5). Такая гипотеза позволяет предположить, для каких целей художникам требовалось дополнительное золото. Упомянутая выше единственная золоченая буквица в Акад. имеет высоту в семь строк, точно такую же высоту имеет фигурная буквица, выполненная киноварью в Вяз. в заглавии грамоты, которую отправил царь Дарий Александру (л. 28), в Акад. же на этом месте буквицы нет. Возможно, ориентируясь на Вяз. как на черновик, мастера Посольского приказа предполагали оформить «дипломатические документы» в романе так, как это было положено в том «профильном учреждении», в котором они трудились. Однако завершить рукопись не удалось, и царские грамоты в Акад. остались никак не оформленными.

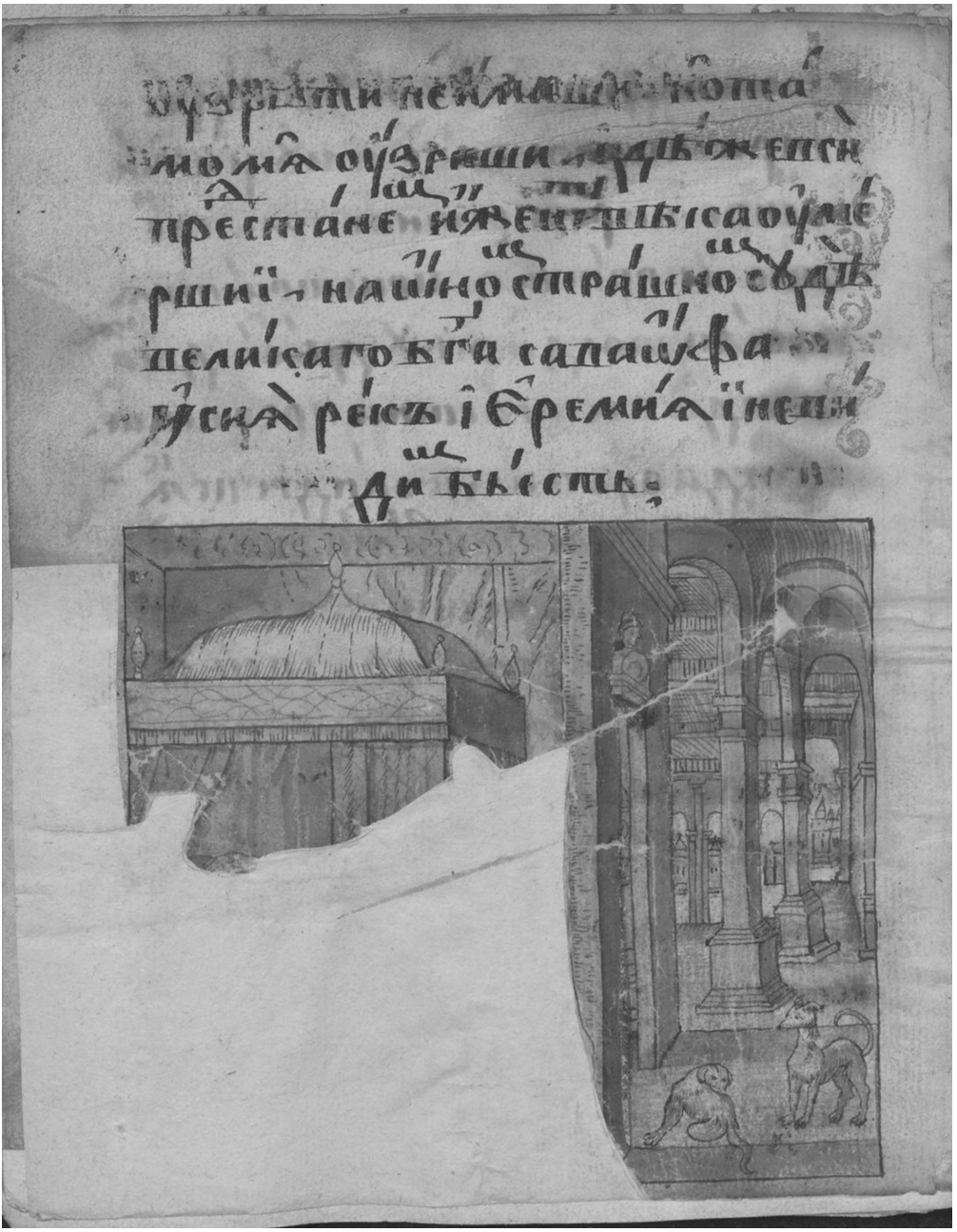

Рис. 4. РНБ. Собр. П. П. Вяземского. Q.108. Л. 154 об.
«Пророк Иеремия является во сне Александру»

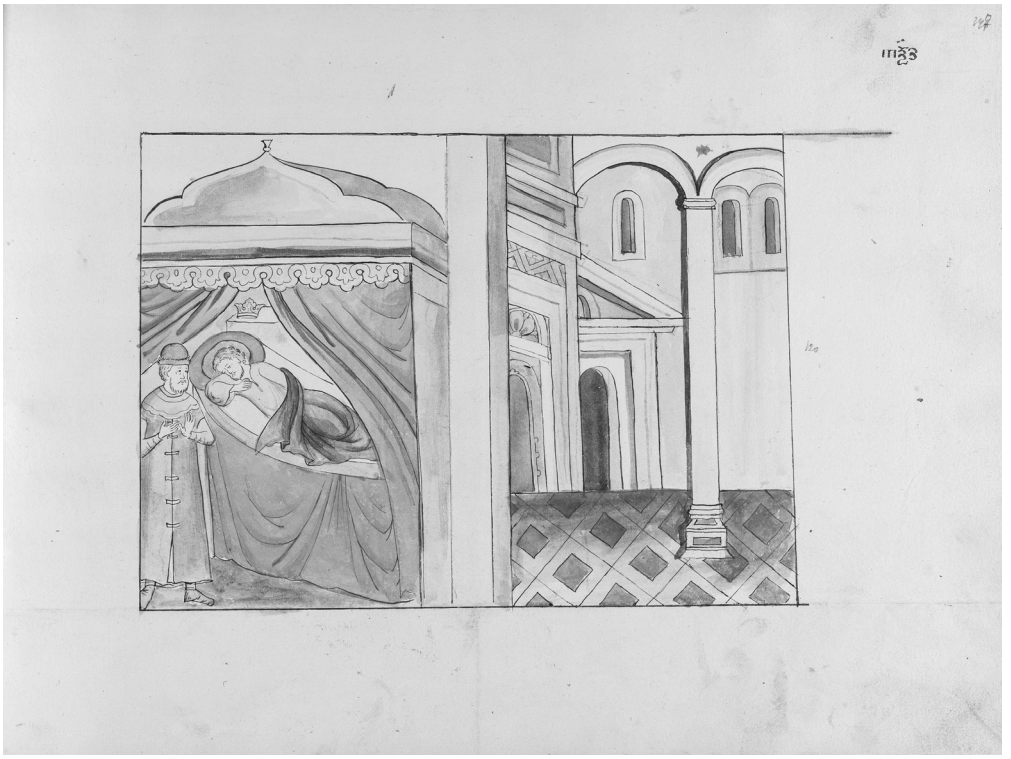

Рис. 5. БАН. П.I.Б.99. Л. 347.
«Пророк Иеремия является во сне Александру»

Таким образом, с нашей точки зрения, рукопись Вяз. являлась черновиком для петровской «Александрии», созданным в том же Посольском приказе или по крайней мере художниками одной мастерской в первой половине 1670-х гг. На основе этого черновика разрабатывался иллюстративный цикл, а также композиции и детали миниатюр будущего подносного экземпляра лицевого романа о покорителе Вселенной для будущего российского императора. Известны примеры, когда в Посольском приказе изготавливались несколько экземпляров одной книги, которые могли быть не только разного формата, как наши «Александрии», но и выполнены на разном художественном уровне[26]. Как мы указывали, этот подносной экземпляр остался незаконченным, в нем есть и некоторые утраты. Благодаря находке списка Вяз. теперь есть возможность не только восстановить, как выглядели утраченные иллюстрации Акад.[27] и проходили работы по созданию этой царской рукописи, но и заполнить одну из многочисленных лакун в схеме взаимных отношений между русскими лицевыми копиями Сербской «Александрии».

[1] Об особенностях редакции см.: *Sempéré C.* “À nos destins promis ce souffle d’autres rives”: la figure du héros dans la recension ε du Roman d’Alexandre // Anabases. 2006. No 3. P. 88–90, 91–97.

[2] *Koroleva E.* Les Littératures en Russe et en Serbe // La fascination pour Alexandre le Grand dans les littératures européennes (X^{e}–XVIe siècle) / Éd. C. Gaullier-Bougassas. Turnhout, 2014. P. 493–496.

[3] Известно более 150 рукописных копий памятника: *Ванеева Е. И.* Русские списки Сербской Александрии XV–XIX вв. (Из ленинградских и московских собраний) // Русская и армянская средневековые литературы. Л.: Наука, 1982. С. 57.

[4] См. библиографию: *Koroleva E.* Les Littératures en Russe et en Serbe. P. 501–502.

[5] *Наумов Е. П.* Античные мотивы в средневековой сербской литературе // Славянские литературы. VIII международный съезд славистов. Загреб — Любляна, сентябрь 1978 г. Доклады советской делегации. М., 1978. С. 224–228.

[6] Акад. Л. 2 — 2 об.

[7] Библиотека Петра I. Описание рукописных книг / Авт.-сост. И. Н. Лебедева. СПб.: БАН, 2003. С. 213. С этой рукописью Петр не расставался до смерти: в отличие от многих других книг, переданных в академическую библиотеку в 1718 г., она осталась в Летнем дворце, где фиксируется в описях 1725 и 1728 гг. (*Мурзанова М. Н., Бобров Е. И., Петров В. А.* Исторический очерк и обзор фондов рукописного отдела Библиотеки академии наук. М.; Л.: Изд-во АН, 1956. С. 11–12, 267–271, 339).

[8] *Кудрявцев И. М.* «Издательская» деятельность Посольского приказа (К истории русской рукописной книги во второй половине XVII века) // Книга. Исследования и материалы. Сб. 8. М., 1963. С. 202–205, 240, 241.

[9] Библиотека Петра I. С. 213.

[10] *Кудрявцев И. М.* «Издательская» деятельность Посольского приказа. С. 204.

[11] Библиотека Петра I. С. 213.

[12] См.: *Симони П. К.* К истории обихода книгописца, переплетчика и иконного писца при книжном и иконном строении. Вып. 1. (Памятники древней письменности и искусства; т. CLXI). СПб., 1906. С. 93–98.

[13] См.: *Кудрявцев И. М.* «Издательская» деятельность Посольского приказа. С. 202–203.

[14] *Калишевич З. Е.* Художественная мастерская Посольского приказа в XVII в. и роль золотописцев в ее создании и деятельности // Русское государство в XVII в. Новые явления в социально-экономической, политической и культурной жизни. М., 1961. С. 404.

[15] Надо заметить, что в описании рукописей П. П. Вяземского (Описание рукописей князя Павла Петровича Вяземского. 1902. (Издания ОЛДП; т. 119). С. 286) указан 51 «раскрашенный рисунок» на 178 л. (сейчас листов 174 + 1 литерный), значит, некоторые листы с миниатюрами были утрачены еще до поступления собрания князя в РНБ в 1932 г.

[16] *Кудрявцев И. М.* «Издательская» деятельность Посольского приказа. С. 213, 225.

[17] См.: *Stewart A. F.* Faces of Power: Alexander’s Image and Hellenistic Politics. University of California press, 1993. P. 105–122. Fig. 5, 6, 9, 10, 12, 13 etc.

[18] См.: *Вагнер Г. К.* Скульптура Древней Руси, XII век: Владимир. Боголюбово. М., 1969. С. 199, 202, 260; *Гладкая М. С.* Рельефы Дмитриевского собора во Владимире. Опыт комплексного исследования. М., 2009. С. 186–196; *Даркевич В. П.* Светское искусство Византии: Произведения византийского художественного ремесла в Восточной Европе, X–XIII вв. М., 1975. С. 158; *Седов Вл. В.* Погребение 7 Мартирьевской паперти Софийского собора в Новгороде и золотное шитье с изображением Вознесения Александра Македонского // Московская Русь. Проблемы археологии и истории архитектуры. К 60-летию Л. А. Беляева. М., 2008. С. 69–82.

[19] По: The Greek Alexander Romance / Transl. R. Stoneman. London, 1991.

[20] *Weitzmann K.* Ancient Book Illumination (Martin Classical Lectures; vol. 16). Cambridge, 1959. P. 106–107.

[21] Сходный знак опубликован: *Дианова Т. В., Костюхина В. М.* Водяные знаки рукописей России XVII в. По материалам Отдела рукописей ГИМ. М., 1980. № 940 (1677 г.).

[22] *Heawood E.* Watermarks Mainly of the 17th and 18th Centuries // Monumenta Chartae Papyraceae Historiam lllustrantia. Vol. 1. Hilversum, 1950. № 1997 (1665–1669 гг.).

[23] См.: Библиотека Петра I. С. 212.

[24] *Ванеева Е. И.* О едином происхождении русских списков Сербской Александрии // Труды отдела древнерусской литературы. Л., 1976. Т. 30. С. 155.

[25] Ср.: «...И то / гда сретоша его вси царие страны / *тоя всея вселенныя царие стра* / тинстии и морьстии и далматинстии...» (Вяз., л. 13 об.) и «...И тогда сретоша его / вси царие стратинстии и морьстии и далматинстии...» (Акад., л. 76). При этом в самом старшем русском списке романа слова о царях «всей вселенной» присутствуют, ср.: Александрия. Роман об Александре Македонском по русской рукописи XV в. / Изд. подг. М. Н. Ботвинник, Я. С. Лурье, О. В. Творогов. М.; Л., 1965. С. 20.

[26] См.: *Кудрявцев И. М.* «Издательская» деятельность Посольского приказа. С. 186, 193. Разность уровня художественного оформления видна при сравнении списков «Книги избранной вкратце о девяти музах и седми свободных художествах», исполненной в том же приказе. Ср.: Государственный исторический музей. Синодальное собр. № 527 и РНБ. Основное собрание рукописной книги (ф. 550). № Q.XVII.13.

[27] Например, указанная нами в начале статьи утраченная миниатюра Акад., которая должна была быть между л. 333 и 335, восстанавливается по миниатюре на л. 141 Вяз.

References

Aleksandriia. Roman ob Aleksandre Makedonskom po russkoi rukopisi XV v. [Alexander Romance. Romance about Alexander the Great by the 15th century Russian manuscript. In Russ.] / Eds. M.N. Botvinnik, Ia. S. Lur'e, O.V. Tvorogov. Moscow; Leningrad, 1965.

Biblioteka Petra I. Opisanie rukopisnykh knig [Library of Peter the Great. Description of the handwritten books. In Russ.] / Avt.-sost. I.N. Lebedeva. St. Petersburg, 2003.

DARKEVICH V.P. Svetskoe iskusstvo Vizantii: Proizvedeniia vizantiiskogo khudozhestvennogo remesla v Vostochnoi Evrope, X–XIII vv. [Secular art of Byzantium: Byzantium oeuvres in the East Europe, 10th–13th centuries. In Russ.]. Moscow, 1975.

DIANOVA T. V., KOSTIUKHINA V.M. Vodianye znaki rukopisei Rossii XVII v. Po materialam Otdela rukopisei GIM [Russian 17th century Manuscripts' Watermarks. SHM Manuscripts' Department Case Study]. Moscow, 1980.

GLADKAIA M.S. Rel'efy Dmitrievskogo sobora vo Vladimire. Opyt kompleksnogo issledovaniia [Reliefs of the Dmitrievskiy cathedral in Vladimir. Complex investigation conclusions. In Russ.]. Moscow, 2009.

HEAWOOD E. Watermarks Mainly of the 17th and 18th Centuries // Monumenta Chartae Papyraceae Historiam lllustrantia. Vol. 1. Hilversum, 1950.

KALISHEVICH Z.E. *Khudozhestvennaia masterskaia Posol'skogo prikaza v XVII v. i rol' zolotopistsev v ee sozdanii i deiatel'nosti* [Artistic Workshop of the Ambassadorial Prikaz in the 17th century and role of goldsmiths in its work. In Russ.] // Russkoe gosudarstvo v XVII v. Novye iavleniia v sotsial'no-ekonomicheskoi, politicheskoi i kul'turnoi zhizni [Russian state in the 17th century. New phenomena in political and cultural life]. Moscow, 1961. P. 392–411.

KOROLEVA E. *Les Littératures en Russe et en Serbe* // La fascination pour Alexandre le Grand dans les littératures européennes (Xe–XVIe siècle) / Éd. C. Gaullier-Bougassas. Turnhout, 2014. P. 493–514.

KUDRIAVTSEV I. M. "*Izdatel'skaia*" *deiatel'nost' Posol'skogo prikaza* (*K istorii russkoi rukopisnoi knigi vo vtoroi polovine XVII veka*) ['Publishing activities' of the Ambassadorial Prikaz (Towards the history of Russian Handwritten books in the second half of the 17th century). In Russ.] // Kniga. Issledovaniia i materialy [The Book. Investigations and Materials]. Iss. 8. Moscow, 1963. P. 179–244.

MURZANOVA M. N., BOBROV E. I., PETROV V.A. Istoricheskii ocherk i obzor fondov rukopisnogo otdela Biblioteki akademii nauk [Historical sketch and survey of holdings of the Manuscripts' Department of the Library of the Academy of Science. In Russ.]. Moscow; Leningrad, 1956.

NAUMOV E. *Antichnye motivy v srednevekovoi serbskoi literature* [Antique motifs in Medieval Serbian literature. In Russ.] // Slavianskie literatury. VIII mezhdunarodnyi s"ezd slavistov. Zagreb — Liubliana, sentiabr' 1978. Doklady sovetskoi delegatsii [Slavonic Literatures. 8th International congress of Slavists. Zagreb — Ljubljana, September, 1978. Papers of Soviet delegation]. Moscow, 1978. P. 215–234.

Opisanie rukopisei kniazia Pavla Petrovicha Viazemskogo [Description of Manuscripts of prince Pavel Petrovich Viazemsky. In Russ.]. St. Petersburg, 1902. (Izdaniia OLDP. Vol. 119).

SEDOV Vl. V. *Pogrebenie 7 Martir'evskoi paperti Sofiiskogo sobora v Novgorode i zolotoe shit'e s izobrazheniem Vozneseniia Aleksandra Makedonskogo* [Burial 7 of the Martir'evskaya porch of the St Sofia cathedral in Novgorod and Goldwork with the image of Alexander the Great. In Russ.] // Moskovskaia Rus'. Problemy arkheologii i istorii arkhitektury. K 60-letiiu L. A. Beliaeva [Moscow Rus'. Problems of Archeology and Architecture. For the Anniversary of L. A. Beliaev]. Moscow, 2008. P. 69–82.

SEMPERE C. "*À nos destins promis ce souffle d'autres rives*": *la figure du héros dans la recension* ε *du Roman d'Alexandre* // Anabases. 2006. No 3. P. 79–97. DOI: 10.4000/anabases.2790

SIMONI P. K. K istorii obikhoda knigopistsa, perepletchika i ikonnogo pistsa pri knizhnom i ikonnom stroenii. Vyp. 1. (Pamiatniki drevnei pis'mennosti i iskusstva; t. 161) [Towards the History of Bookwriters, Bookbinders and Icon painters Practice in Book and Icon producing. Iss. 1. (Monuments of Old Writings and Art; vol. 161). In Russ.]. St. Petersburg, 1906.

STEWART A. F. Faces of Power: Alexander's Image and Hellenistic Politics. Berkeley: University of California press, 1993.

The Greek Alexander Romance / Transl. R. Stoneman. London, 1991.

VAGNER G. K. Skul'ptura Drevnei Rusi, XII vek: Vladimir. Bogoliubovo [Old Rus' Sculpture, 12th century: Vladimir. Bogoliubovo. In Russ.]. Moscow, 1969.

VANEEVA E. I. Russkie spiski Serbskoi Aleksandrii XV–XIX vv. (Iz leningradskikh i moskovskikh sobranii) [Russian copies of Serbian Alexander Romance 15th–19th centuries (From Leningrad and Moscow collections). In Russ.] // Russkaia i armianskaia srednevekovye literatury [Russian and Armenian Medieval Literature]. Leningrad, 1982. P. 57–69.

VANEEVA E. I. O edinom proiskhozhdenii russkikh spiskov Serbskoi Aleksandrii [Towards the Single Origin of the Russian copies of Serbian Alexander Romance. In Russ.] // Trudy otdela drevnerusskoi literatury [Proceedings of the Old Russian Literature Department]. Leningrad, 1976. Vol. 30. P. 152–161.

Weitzmann K. Ancient Book Illumination. Cambridge, 1959. (Martin Classical Lectures; Vol. 16).

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Ф. Н. Веселов. Александр Македонский в Библиотеке Петра Великого: к истории лицевой рукописи Сербской Александрии Библиотеки Российской академии наук // Петербургский исторический журнал. 2023. № 4. С. 253–266

Аннотация: В Библиотеке Российской академии наук хранится дорогая рукопись альбомного формата, снабженная 128 иллюстрациями. Ее текст — сербская редакция позднеантичного «Романа об Александре Македонском». Манускрипт был создан для юного царевича Петра и почти всю жизнь его сопровождал: книга осталась в Зимнем дворце, даже когда «для всеобщей пользы» большая часть библиотеки и кабинет редкостей переехали в палаты опального Кикина в 1718 г. Исследование текста и миниатюр манускрипта в сравнении с лицевой рукописью из собрания П. П. Вяземского (шифр Q.108) Российской национальной библиотеки показывает их близкое генетическое родство, позволяет дополнить историю создания петровской Александрии и общую картину традиции иллюстрирования этого популярного литературного памятника в России.

Ключевые слова: библиотека Петра I, Александрия, Библиотека Российской академии наук, Российская национальная библиотека, древнерусские лицевые рукописи, «Роман об Александре Македонском».

FOR CITATION

F. N. Veselov. Alexander the Great in the Library of Peter the Great: on the history of the illuminated manuscript of Serbian Alexander Romance of the Library of the Russian Academy of Sciences // Petersburg historical journal, no. 4, 2023, pp. 253–266

Abstract: One will find in the Library of the Russian Academy of Sciences lavishly decorated manuscript with 128 miniatures. Its text is the Serbian version of the late antique *Roman about Alexander the Great*. The manuscript was created for the young Tsarevich Peter and remained with him almost all his life: it was left in the first Winter Palace even when, 'for the general benefit', many books of the Library and the Cabinet of rarities moved to the chambers of the disgraced Kikin in 1718. Analyses of the text and miniatures of the manuscript in comparison with the codex from the collection of P. P. Vyazemsky (marked Q.108) of the Russian National Library, shows their close genetic relationship, allows shedding light on the history of creation of the Peter's *Alexander Romance* and on the general picture of the Russian tradition of this popular literature monument illustration.

Key words: library of Peter the Great, *Alexander Romance*, Library of the Russian Academy of Sciences, National Library of Russia, Old Rus' manuscripts, illuminated manuscripts.

Автор: **Веселов, Федор Никитович** — к. и. н., доц. кафедры музеологии Санкт-Петербургского государственного университета.

Author: **Veselov, Fedor N.** — PhD in History, Assistant prof., Department of museology, St Petersburg State university.

E-mail: f.veselov@spbu.ru

ORCID: 0000-0002-2445-6497

УДК 75.042: 595.7
DOI: 10.51255/2311-603X_2023_4_267

Е. А. Анненкова

О коллекции рисунков Марии Сибиллы Мериан, приобретенной Петром I (из собрания СПбФ АРАН)

Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН) хранит коллекцию акварельных рисунков Марии Сибиллы Мериан (1647–1717)[1] — художницы, гравера, ученого-натуралиста, автора прекрасных иллюстрированных книг о природе. На рисунках Марии Сибиллы прежде всего изображены цветы и насекомые. Однако это не просто изящно написанные акварели, а истинный синтез искусства и науки — изображения настолько точны и аккуратны, что их по праву называют научными иллюстрациями. Коллекция работ художницы была приобретена Петром I в 1717 г. во время его визита в Амстердам.

Мария Сибилла Мериан родилась в 1647 г. во Франкфурте-на-Майне в творческой семье. Ее отец — швейцарец Маттеус Мериан (1593–1650), художник, гравер, книгоиздатель; мать — голландка Йоханна Сибилла Хейм, персона деятельная для дамы своего времени, поскольку сумела организовать у себя в саду настоящий бизнес, а именно питомник по разведению шелкопряда и производство шелковых нитей. Таким образом, тяга к изучению природы и к искусству проявилась у Марии Сибиллы в раннем детстве. Она с увлечением наблюдала за растениями и насекомыми и зарисовывала свои наблюдения.

После смерти отца (девочке было всего три года) ее мать вышла замуж во второй раз, и вновь за художника. Отчимом Марии Сибиллы стал голландец Якоб Маррель (1614–1681), художник-флорист, автор цветочных натюрмортов

и так называемых флорилегиумов — красочных книг-альбомов с изображением цветов. Маррель не мог не обратить внимание на одаренность падчерицы и начал обучать ее живописи. Его творчество и наставничество значительно повлияли на последующие художественные и научные занятия Марии Сибиллы. Юная рисовальщица с детства находилась в окружении живописцев, поэтому неудивительно, что и мужем ее стал художник — Иоганн Андреас Графф (1636–1701), который, как и она сама, был учеником Якоба Марреля. Художницами впоследствии стали и обе их дочери[2].

Первый печатный труд Марии Сибиллы Графф (Мериан) — трехтомник «Книга цветов» (Blumenbuch) — был издан в Нюрнберге в 1675–1680 гг.[3] «Книга цветов» содержала композиции из растений и насекомых и первоначально предназначалась для вышивальщиц. Издание пользовалось спросом, и не только ввиду того, что вышивание было распространенным и модным занятием среди современниц художницы, но и, вероятно, по причине удивительной притягательности ее рисунков. Цветы и изображенные на них гусеницы, бабочки, пауки были исполнены изящно и предельно тщательно. Очевидно, что рисунки «Книги цветов» превосходили образцы для вышивки (рис. 1).

В 1679 г. была напечатана первая часть следующей книги М. С. Мериан — «Чудесные превращения гусениц...»[4]. На каждой из иллюстраций книги присутствует одно или несколько насекомых на разных стадиях развития — в виде гусеницы, личинки, куколки и взрослого насекомого. В центре картины — растение, которое выбиралось с учетом того, какими листьями питается именно эта гусеница. К каждому изображению прилагался текст, в котором Мария Сибилла рассказывала о внешнем виде и поведении насекомых (рис. 2).

Один из рисунков книги «Чудесные превращения гусениц...», показывающий развитие бабочки от яйца до взрослой особи на ветке черешни[5], снабжен следующим комментарием автора:

«Много лет назад, когда я впервые увидела эту довольно крупную ночную бабочку, получившую от природы столь изящную окраску, я не могла вдоволь налюбоваться на чудесные переливы цветов и оттенков, а потому часто рисовала ее. Впоследствии, когда я с Божьей помощью открыла для себя метаморфозы гусениц, эта бабочка очень долго не попадалась мне на глаза. Когда я снова увидела ее, меня охватили неописуемая радость и чувство сбывшегося желания, после чего я несколько лет подряд отыскивала ее гусениц и держала их до июля, подкармливая листьями черешни, яблони, груши и сливы. Гусеницы эти имеют очень красивый зеленый цвет, напоминающий первую весеннюю траву, вдоль хребта у них идет замечательно прямая черная полоска, и каждый членик также пересечен черной полоской, на которой жемчужинками блестят четыре крохотные белые бусинки. Тут и там виднеются золотисто-овальные пятнышки, под которыми тоже блестит жемчужинка. У первых трех члеников внизу с каждой стороны располагается по красному коготку, затем следуют два пустых членика, после чего — четыре зеленые ножки того же цвета, что и сама

Рис. 1. М. С. Мериан. Акварельный рисунок одуванчика (Taraxacum officinale) и кистехвоста (Dasychira fascelina). Не позднее 1679 г. СПбФ АРАН. Р. IX. Оп. 8. Д. 131

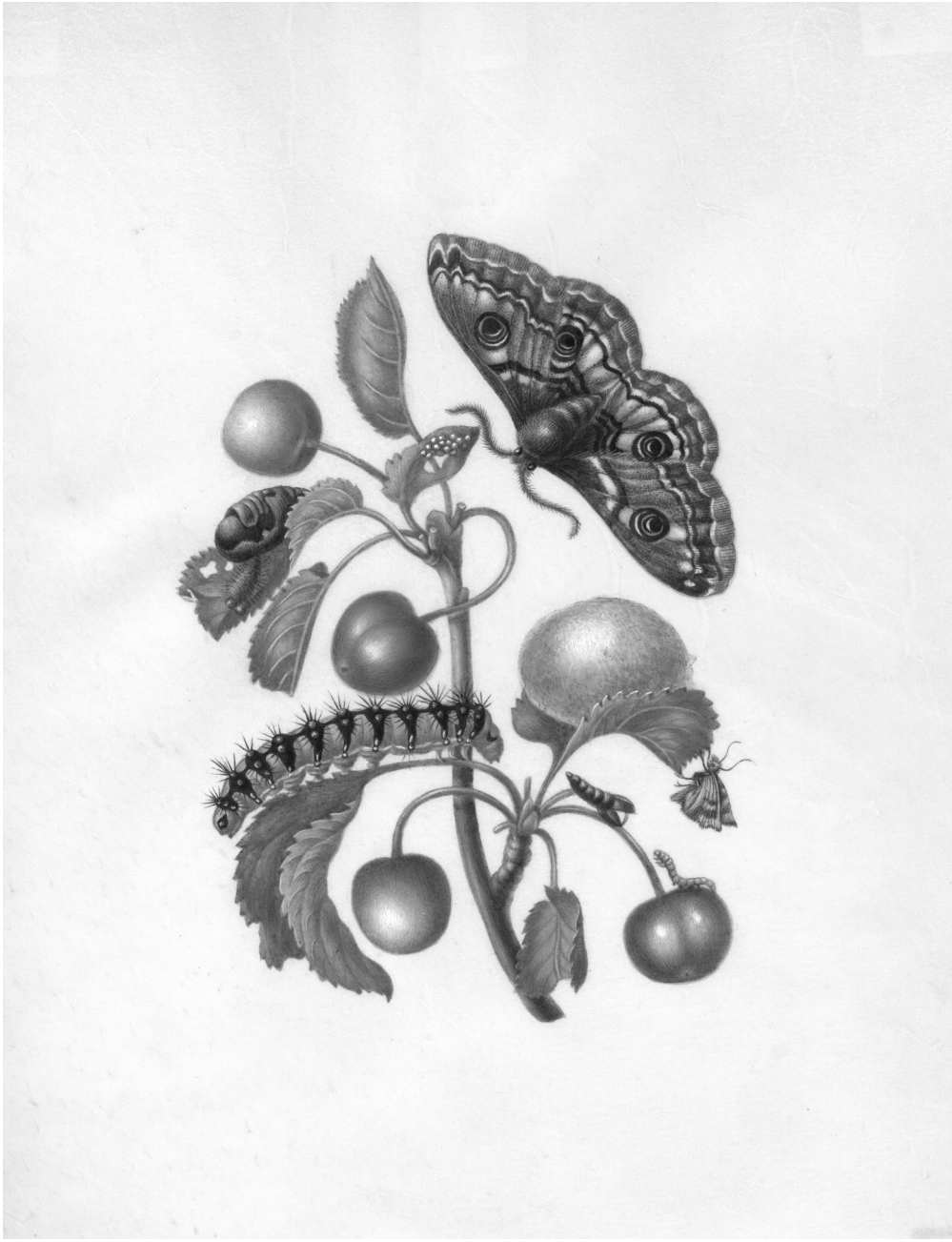

Рис. 2. М. С. Мериан. Черешня (Cerasus avium hort.), малый ночной павлиний глаз (Saturnia pavonia), листовертка смородинная кривоусая (Pandemis cerasana). Не позднее 1679 г., дополнено после 1683 г. СПбФ АРАН. Р. IX. Оп. 8. Д. 142

гусеница, а на конце туловища опять видно по одной ножке с обеих сторон. Из каждой жемчужинки торчит пучок волос, длинных и покороче, настолько жестких, что кажется, будто о них можно уколоться.

Как ни странно, если этому виду гусениц не хватает корма, они начинают пожирать друг друга, но стоит [пище] появиться, и они перестают [есть друг друга].

Когда эта гусеница достигает своего нормального размера, какой она видна на листе и стебле на моей картинке, она окутывается плотным блестящим коконом серебристого цвета и овальной формы, в котором она сначала сбрасывает чешую, а затем превращается в каштанового цвета финиковую косточку [куколку], которая вместе со сброшенной кожей покрывает всю гусеницу целиком. В таком неподвижном состоянии она пребывает до середины августа, когда наконец и появляется эта изумительной красоты бабочка, которая тут же пускается в полет. Она белого цвета с серыми крапчатыми пятнами, у нее два желтых глаза и два коричневых усика. На каждом из четырех крыльев располагается несколько концентрических и находящих друг на друга кругов, белых с черным и желтым. По краю крылья коричневые, но ближе к концам (я имею в виду только концы двух внешних крыльев) есть два красивых розовых пятна. Днем бабочка отдыхает, но ночью она вся в движении»[6].

Данный комментарий к рисунку демонстрирует научный подход автора к работе. Мария Сибилла выступает уже не только как одаренный живописец, мастерски и с любовью изображающий элементы природы, но и как заинтересованный исследователь, изучающий материал и делающий выводы.

Отдельно стоит упомянуть о красках: художница использовала особые невыгорающие и водостойкие красители, которые изготавливала сама. Действительно, оригинальные рисунки М. С. Мериан по прошествии более трех веков со времени их создания сохраняют удивительную яркость и свежесть. Известно, что, помимо рисунков и гравюр, художница работала и с прикладными изделиями, в том числе занималась изготовлением скатертей, которые пользовались немалой популярностью среди заказчиков.

История Марии Сибиллы Мериан примечательна тем, что художница постоянно бросала вызов — как обществу, так и самой себе. К середине 1680-х гг., т. е. в возрасте 38 лет, Мария Мериан была: автором двух напечатанных художественно-научных трудов, престижным мастером художественно-прикладных работ и мамой двух дочерей. Учитывая, что события разворачивались в XVII в., когда женщине было сложно реализовать себя профессионально, уровень достигнутого был достаточно высок, и можно было двигаться дальше по намеченному пути. Однако такое развитие событий не устраивало Марию Сибиллу, которая всегда стремилась к большему.

В 1685 г. Мария Сибилла Графф рассталась с мужем (позже она получила официальный развод и вернула себе девичью фамилию Мериан) и вместе с матерью и двумя дочерьми уехала из Германии в Нидерланды, где присоединилась

к общине лабадистов[7] и поселилась в замке во Фрисландии[8]. И далее жизнь причудливым образом открыла для нее новые перспективы. Оказалось, что владелец замка, в котором обосновалась община, был нидерландским губернатором в Суринаме[9], а фрисландский замок отдал в распоряжение общины.

Годы, проведенные во Фрисландии, Мария Сибилла использовала для образования и саморазвития: она углубила знания в латинском языке, продолжила исследования природы, создала серию рисунков полезных растений и трав (рис. 3) и — что важно для последующих событий — с упоением слушала рассказы о Суринаме. Через пять лет она покинула общину и поселилась в Амстердаме. К тому времени художница уже обрела известность и в творческих, и в научных кругах, имела учеников. Тем не менее мысль о поездке в Суринам не покидала ее.

И в 1699 г. Мария Сибилла Мериан вместе с дочерью Доротеей Марией на корабле отправилась из Европы в Южную Америку, в далекий экзотический Суринам. Путешествие через океан было опасным и дерзким предприятием для того времени. К началу путешествия Марии Сибилле было 52 года. К тому же неоднозначно воспринимался тот факт, что дамы (мать и дочь) путешествовали одни. Известно, что при живом бывшем муже Мария Сибилла для оправдания ситуации была вынуждена представляться вдовой.

Два года пребывания в Суринаме оказались для Марии Мериан одновременно раем и адом. С одной стороны, полностью была удовлетворена ее главная амбиция — изучение экзотической южноамериканской природы; с другой — тяжелейшим испытанием стали климатические и бытовые условия.

За время, проведенное в Суринаме, Мария Сибилла сделала многочисленные зарисовки с натуры и собрала богатую коллекцию насекомых и прочих обитателей местной природы — лягушек, змей, ящериц, крокодилов, игуан. При этом она проявила себя не только как художница и коллекционер, но и как пытливый ученый-натуралист. В 1701 г., вернувшись из Суринама в Голландию, путешественница привезла с собой великолепную коллекцию собранных природных сокровищ. В Амстердаме ее приветствовали как национального героя.

Еще будучи в Суринаме, Мария Сибилла начала создавать грандиозный труд — «Метаморфоз суринамских насекомых»[10]. Издание содержало 60 гравюр по оригинальным рисункам М. С. Мериан. Книга вышла в 1705 г. в Амстердаме на средства автора (как и предыдущие ее книги) на голландском и латинском языках. «Метаморфоз суринамских насекомых» принято считать одним из главных трудов Марии Сибиллы, поскольку в нем содержится не только собрание рисунков суринамской природы, но и тексты с результатами исследований и наблюдений, выполненных Марией Сибиллой и ее дочерью Доротеей Марией во время двухлетнего пребывания в Суринаме (рис. 4, 5).

В это же время М. С. Мериан работала над иллюстрациями к труду ее знаменитого современника, ученого-натуралиста Г. Э. Румфа (Румфиуса)[11] «Амбоинский кабинет редкостей»[12]. Среди выполненных ею иллюстраций — рисунки морских обитателей: раков, крабов, раковин, камней и т. д. (рис. 6, 7).

Рис. 3. М. С. Мериан. Цмин (Helichrysum spec.), щавель кислый (Rumex acetosa), астра гладколистная (Aster novae-belgiae), щавелевая стрельчатка (Acronicta rumicis). 1688–1691 гг. СПбФ АРАН. Р. IX. Оп. 8. Д. 11

Рис. 4. М. С. Мериан. Паслен (Solanum spec.), суринамский ночной павлиний глаз (Automeris surinamensis), индийская глазчатка (Automeris spec.). Акв. рис. 1700–1702 гг. СПбФ АРАН. Р. IX. Оп. 8. Д. 47

Рис. 5. М. С. Мериан. Ядовитые паукообразные: паук-птицеед (Avicularia avicularia) и скорпион (Scorpiones gen. spec.). Акв. рис. 1699–1701 гг. СПбФ АРАН. Р. IX. Оп. 8. Д. 58

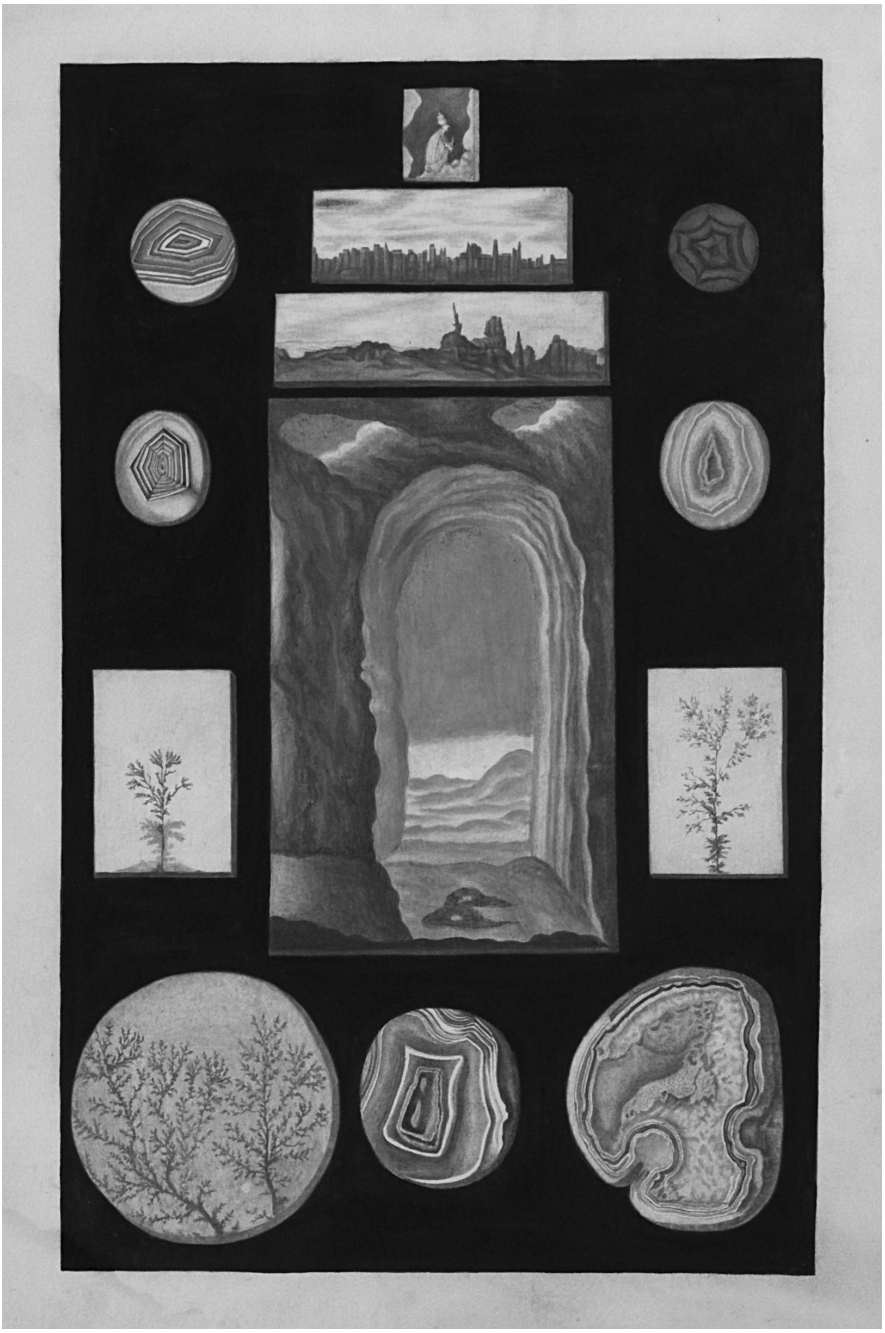

Рис. 6. М. С. Мериан. Овальные пестрые агаты, дендриты и осаждение бурого железа в трещинах камней. Акв. рис. 1704–1705 гг. СПбФ АРАН. Р. IX. Оп. 8. Д. 123

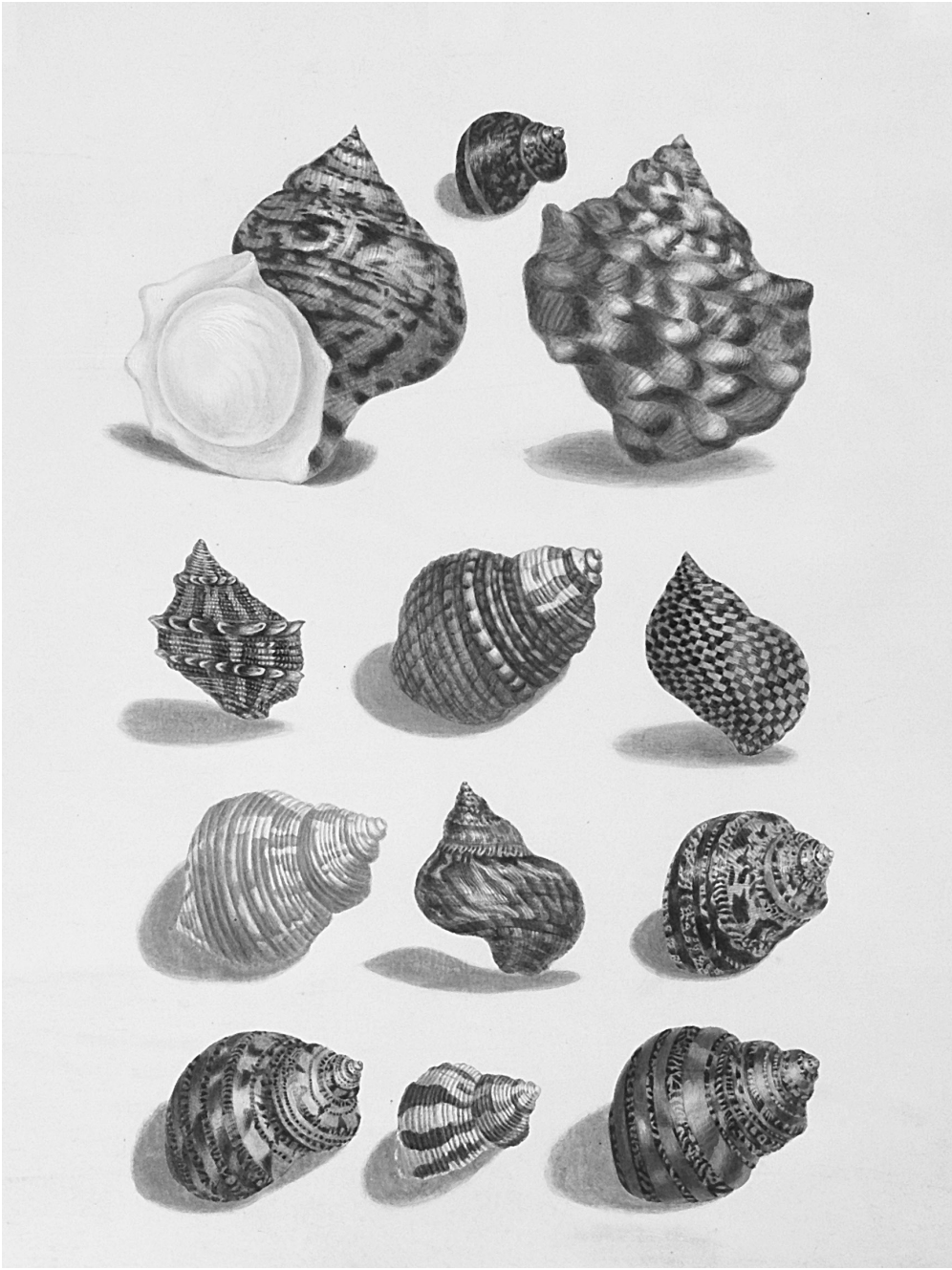

Рис. 7. М. С. Мериан. Морские улитки турбо (Turbo). Акв. рис. 1704–1705 гг. СПбФ АРАН. Р. IX. Оп. 8. Д. 74

В последнее десятилетие своей жизни Мария Сибилла Мериан жила в Амстердаме и продолжала работать. В 1715 г. ее разбил паралич. Рядом с ней была ее младшая дочь Доротея Мария, к тому времени вышедшая замуж за художника Георга Гзеля[13]. Двумя годами позже, в 1717 г. Мария Сибилла Мериан умерла — в возрасте 70 лет.

По стечению обстоятельств, в этом же году русский царь Петр I, находясь в Амстердаме, познакомился с Георгом Гзелем — знатоком искусства, зятем знаменитой художницы-натуралистки, о которой Петр ранее слышал. Мария Сибилла привлекла его внимание как рисовальщица, издатель, мастер гравирования и знаток природы Южной Америки. Известно, что Петр I был страстным коллекционером и приобрел значительное количество произведений европейского искусства[14]. Георг Гзель стал своего рода экспертом царя в области приобретения живописи. По легенде, Петр побывал в доме Гзеля, где познакомился с его женой Доротеей Марией и увидел прекрасные рисунки ее матери, совсем недавно ушедшей из жизни.

Таким образом, внушительная коллекция работ Марии Сибиллы Мериан была куплена Петром I и сопровождавшим его в этой поездке лейб-медиком Робертом Арескиным[15] и перевезена в Россию. Получилось, что рисунки Марии Сибиллы (уже без их создательницы) совершили еще одно авантюрное путешествие — в Санкт-Петербург, где и находятся поныне.

По мнению Т. А. Лукиной, Петр I вдохновился работами художницы также потому, что любил цветы, ведь именно с его именем связано развитие цветоводства и садоводства в России[16].

В том же 1717 г. супруги Гзель, зять и дочь М. С. Мериан, по личному приглашению Петра I переселились в Петербург, где служили художниками и учителями живописи до конца жизни — при Кунсткамере и затем при Академии наук и художеств, основанной в 1724 г. «Малярица Гзельша», как именовали Марию Доротею Гзель в Санкт-Петербурге, помимо прочих преподавательских и иных обязанностей, занималась зарисовкой экспонатов Кунсткамеры. В СПбФ АРАН хранятся делопроизводственные документы, свидетельствующие о деятельности супругов Гзелей в Санкт-Петербурге: записи о жаловании, об использовании материалов для работы, а также об их смерти. Например, среди прочих бумаг имеется доношение «живописца Гзеля 1728 года января 4 дня» в Академию наук о выплате жалования: «Сочинен со мною контракт, чтоб мне давать с женою ... по [шесть]сот рублев, да на квартиру, на дрова и на свечи по пятьдесят рублев на год...»[17]

История формирования санкт-петербургской коллекции акварелей Марии Сибиллы Мериан восходит к 1717 г., когда по указу Петра I единовременно были куплены 254 рисунка М. С. Мериан на пергамене, объединенных в две книги. В это же время Роберт Арескин для своей личной коллекции приобрел работы Мериан, в том числе альбом «Studienbuch», представляющий собой рукописную книгу с рисунками, выполненными на пергамене и бумаге,

с записями художницы на оборотных сторонах листов. После смерти Роберта Арескина в 1719 г. рисунки М. С. Мериан в составе его коллекции и библиотеки были приобретены Петром I, а после ухода из жизни императора в 1725 г. были переданы в Академию наук. В дальнейшем случались отдельные пополнения коллекции, например, в 1736 г. Доротея Мария Гзель, посетив Голландию, привезла работы своей матери, 34 из которых были куплены Академией наук[18].

В настоящее время санкт-петербургское собрание рисунков М. С. Мериан сосредоточено в трех академических учреждениях: Санкт-Петербургском филиале Архива РАН, Библиотеке РАН и Ботаническом институте РАН[19].

Коллекция акварелей Марии Сибиллы Мериан, хранящаяся в СПбФ АРАН, насчитывает 184 рисунка и является одним из самых крупных собраний работ художницы-натуралистки. В коллекции также присутствуют работы последователей М. С. Мериан, выполненные в присущем ей изобразительном стиле, среди которых, к примеру, имеются работы Мозеса Харриса[20]. Собрание рисунков М. С. Мериан в СПбФ АРАН включает работы, относящиеся ко всем основным периодам ее деятельности: ранний германский (рисунки изданий «Книга цветов» и «Чудесные превращения гусениц...»); фрисландский (изображения полезных растений и трав); суринамский (работы, показывающие экзотическую флору и фауну этой далекой земли, многие из которых вошли в книгу «Метаморфоз суринамских насекомых»); более поздний голландский, к которому, помимо прочих работ, относятся иллюстрации, созданные М. С. Мериан к труду Г. Э. Румфиуса «Амбоинский кабинет редкостей».

Со времени жизни Марии Сибиллы Мериан прошло уже более трех веков. Однако мир не перестает восхищаться красотой, изяществом и детальностью ее рисунков, а также несомненным вкладом в познание природы.

---

1 СПбФ АРАН. Р. IX. Оп. 8. Д. 1–184.

2 Йоханна Хелена Графф (Херольт) (1668–1723) и Доротея Мария Генриетта Графф (Гзель) (1678–1743).

3 По данным биографа М. С. Мериан Т. А. Лукиной, первое издание «Книги цветов» (три части, 1675–1680) продавалось отдельными листами (крайне редкие переплетенные экземпляры сохранились в библиотеках Вены и Нюрнберга); второе издание (1680 г.), также раритетное, имеется в Британском музее в Лондоне и в Библиотеке Конгресса в Вашингтоне. В 1966 и 1968 гг. в Германии были осуществлены два репринтных издания: Neues Blumenbuch (Nurnberg, 1680). Leipzig, 1966; Neues Blumenbuch (Nurnberg, 1680). Berlin, 1968 (*Лукина Т. А.* Мария-Сибилла Мериан, 1647–1717. М.: Наука, 1980. С. 179–180).

4 Первые два тома «Чудесных превращений гусениц...» были изданы в 1679 и 1683 гг. в Германии (*Merian M. S.* Der Raupen wunderbare Verwandlung und sonderbare Blumen-Nahrung. Bde. I–II. Frankfurt a/M.; Leipzig; Nurnberg, 1679–1683); третий том был подготовлен и издан дочерьми М. С. Мериан уже после ее смерти, в 1717 г. в Голландии (*Merian M. S.* Der rupsen begin, voedzel en wonderbaare verandering. Amsterdam, 1717).

[5] СПбФ АРАН. Р. IX. Оп. 8. Д. 142. М. С. Мериан. Черешня (Cerasus avium hort.), малый ночной павлиний глаз (Saturnia pavonia), листовертка смородинная кривоусая (Pandemis cerasana). Акварельный рисунок. Не позднее 1679 г., дополнено после 1683 г.

[6] Цит. по: *Дэвис Н. З.* Дамы на обочине. Три женских портрета XVII века / Пер. с англ. Т. Доброницкой. М.: Новое литературное обозрение, 1999. С. 172–173.

[7] Лабадисты — религиозная секта реформатов, основанная в XVII в. проповедником и поэтом Ж. Лабади.

[8] Фрисландия — область на севере Нидерландов.

[9] Суринам — колония Нидерландов в Южной Америке.

[10] *Merian M. S.* Metamorphosis insectorum surinamensium. Amsterdam, 1705.

[11] Румф (Румфиус) Георг Эберхард (Georg Eberhard Rumpf / Rumphius; 1627–1702) — голландский ученый-натуралист, естествоиспытатель, коллекционер; долгое время жил на острове Амбон в Индонезии, где изучал местную природу.

[12] *Rumphius G. E.* D'Amboinsche Rariteitkamer. Amsterdam, 1705.

[13] Гзель (Гзелль) Георг (Georg Gsell / Gesell; 1673–1740) — художник, знаток искусства.

[14] В ходе визита в Амстердам в 1717 г. Петром I были куплены полотна Рембрандта, ван Дейка, Брейгеля, Рубенса и других мастеров (*Тункина И. В.* «Хранить как величайшую драгоценность»: о приобретении Петром I акварелей Марии Сибиллы Мериан // Secreta Artis. 2018. № 3. С. 77).

[15] Арескин (Эрскин) Роберт Карлович (Robert Erskine; 1677–1718) — доктор медицины и философии, лейб-медик Петра I.

[16] *Лукина Т. А.* Мария-Сибилла Мериан, 1647–1717. М.: Наука, 1980. С. 147.

[17] СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 4. Л. 6.

[18] *Копанева Н. П.* «Мне захотелось... представить божественное чудо» // Мария Сибилла Мериан. Рисованная природа (из собрания СПбФ АРАН). М., 2012. С. 4.

[19] Там же. С. 3.

[20] Мозес Харрис (Moses Harris; 1731–1785) — английский энтомолог, художник и гравер. СПбФ АРАН. Р. IX. Оп. 8. Д. 186–193.

References

DAVIS N. Z. *Damy na obochine. Tri zhenskikh portreta XVII veka.* [Women on the Margins: Three Seventeenth-century Lives. In Russ.] / Translated by T. Dobronitskaya. Moscow, 1999.

KOPANEVA N. P. "*Mne zakhotelos'... predstavit' bozhestvennoje chudo*" // Maria Sibylla Merian. Risovannaya priroda (iz sobranija Sankt-Peterburgskogo filiala Arkhiva Rossijskoj akademii nauk) ["I wished to... imagine a divine miracle" // Maria Sibylla Merian. Hand-drawn nature (from the collection of the St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences). In Russ.]. Moscow, 2012.

LUKINA T. A. *Maria Sibylla Merian, 1647–1717* [In Russ.]. Moscow: Nauka, 1980.

SIDMAN J. *The Girl Who Drew Butterflies. How Maria Merian's Art Changed Science.* Boston; New York, 2018.

TUNKINA I. V. "*Khranit' kak velichaishuju dragotsennost'": o priobretenii Petrom I akvarelej Marii Sibilly Merian.* ["To Guard as the Utmost Treasure": On the Acquisition of Maria Sibylla Merian's Watercolors by Peter the Great. In Russ.] // Secreta Artis. 2018. No. 3. P. 76–81.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Е. А. Анненкова. О коллекции рисунков Марии Сибиллы Мериан, приобретенной Петром I (из собрания СПбФ АРАН) // Петербургский исторический журнал. 2023. № 4. С. 267–281

Аннотация: Статья рассказывает о коллекции акварельных рисунков Марии Сибиллы Мериан (1647–1717), хранящейся в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (СПбФ АРАН). Внимание сфокусировано на истории формирования коллекции, а также на биографии и деятельности М. С. Мериан — художницы, гравера, ученого-натуралиста, автора иллюстрированных книг о природе. Коллекция ее рисунков была приобретена русским царем Петром I во время его пребывания в Амстердаме в 1717 г. и доставлена в Санкт-Петербург. Покупке содействовал художник и знаток искусства Георг Гзель (1673–1740), зять М. С. Мериан. В том же году, по личному приглашению Петра I, Георг Гзель и его жена Доротея Мария Гзель (Графф) (1678–1743), дочь М. С. Мериан, переселились в Санкт-Петербург, где служили художниками и преподавателями живописи при Кунсткамере и Академии наук.

Рисунки М. С. Мериан, отличающиеся не только красотой, но и точностью изображенных растений, насекомых и прочих представителей флоры и фауны, по праву называют научными иллюстрациями. Мария Сибилла Мериан — уникальное явление в мировом культурном наследии на стыке искусства и науки.

Ключевые слова: Мария Сибилла Мериан, художница, ученый-натуралист, научный иллюстратор, «Книга цветов», «Чудесные превращения гусениц...», «Метаморфоз суринамских насекомых», Петр I, Георг Гзель, Доротея Мария Гзель (Графф), Академия наук, Санкт-Петербургский филиал Архива РАН.

FOR CITATION

E. A. Annenkova. About the collection of Maria Sibylla Merian's drawings, acquired by Peter I (from the holdings of SPbB ARAS) // Petersburg historical journal, no. 4, 2023, pp. 267–281

Abstract: The article deals with the collection of watercolour drawings by Maria Sibylla Merian, stored in the St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences (SPbB ARAS). The attention is focused on the formation history of the collection as well as the biography and activities of M. S. Merian, an artist, engraver, naturalist, author of illustrated books about nature. A collection of her drawings was acquired by the Russian Tsar Peter I during his visit to Amsterdam in 1717 and brought to St. Petersburg. The purchase was facilitated by M. S. Merian's son-in-law Georg Gsell (1673–1740), an artist and art expert. In the same year, at the personal invitation of Peter I, Georg Gsell and his wife Dorothea Maria Gsell (Graff) (1678–1743), M. S. Merian's daughter, moved to St. Petersburg, where they served as painters and teachers of fine arts at the Kunstkamera and the Academy of Sciences. Maria Sibylla Merian's drawings, distinguished not only by their beauty, but also by accuracy of the depicted plants, insects and other flora and fauna items, are rightfully called scientific illustrations. Maria Sibylla Merian is a unique phenomenon in the world cultural heritage on a boundary of art and science.

Key words: Maria Sibylla Merian, artist, naturalist, scientific illustrator, "The Book of Flowers", "The Miraculous Transformations of Caterpillars...", "Metamorphosis of Surinamese Insects", Peter I, Georg Gsell, Dorothea Maria Gsell (Graff), Academy of Sciences, St. Petersburg Branch of the Archive of the RAS.

Автор: **Анненкова, Елена Александровна** — старший научный сотрудник отдела учета, использования архивных документов и информационных поисковых систем Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук.

Author: **Annenkova, Elena Aleksandrovna** — Senior Researcher, Division for Record and Usage of Archival Documents and Information Search Systems, St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences.

E-mail: alannen@mail.ru

ORCID: 0009-0001-7781-9968

УДК 929
7.03
DOI: 10.51255/2311-603X_2023_4_282

Л. Д. Бондарь, А. В. Смирнов, С. М. Андреева

Посланник Петра I в Сибирь Д. Г. Мессершмидт: зоологические рисунки в рукописях ученого

Вопрос рисунков, сохранившихся в архивном наследии данцигского врача и естествоиспытателя, посланного Петром Великим в Сибирь для первого ее научного изучения, Даниэля Готлиба Мессершмидта (Daniel Gottlieb Messerschmidt; 1685–1735), уже не раз становился объектом специального исследовательского внимания. На первых этапах сибирского путешествия функции рисовальщика принял на себя спутник Д. Г. Мессершмидта из детей пленных шведов, пребывавших в Тобольске, Карл Густав Шульман (Karl Gustav von Schulmann; 1702–1765)[1]. После его отъезда из экспедиции в конце мая 1722 г. у Д. Г. Мессершмидта не оставалось помощника в этих вопросах.

О некоторых рисунках, отличающихся аккуратностью линий и более тщательной проработкой, могут возникать сомнения относительно их принадлежности руке Д. Г. Мессершмидта. На такую ситуацию было обращено внимание при описании ботанических рисунков[2].

Что касается зоологических иллюстраций, имеющихся в материалах Д. Г. Мессершмидта, то их можно найти в нескольких архивных делах, содержащих материалы путешествия. Первый источник зоологической графики — это «Sibiria Perlustrata»[3]; все эти рисунки описаны в недавно изданных ком-

ментариях к этому труду[4]. Рукопись «Sibiria Perlustrata» предваряет раздел, озаглавленный Д. Г. Мессершмидтом «Idea operis» и играющий роль своеобразного оглавления к работе с перечислением прилагаемых иллюстраций. Часть рисунков, названных в этом разделе, в рукописи отсутствует, при этом имеются лакуны в авторской нумерации страниц. Очевидно, что рисунки «исчезли» уже после передачи этого отчета в Медицинскую канцелярию. Часть из них была обнаружена Е. Ю. Басаргиной среди иллюстративных материалов физических экспедиций Императорской Академии наук конца XVIII в.[5] Обнаружена и идентифицирована только часть «исчезнувших» иллюстраций.

Сегодня весь иллюстративный материал из «Sibiria Perlustrata» опубликован в факсимильном издании рукописи и указанной статье Е. Ю. Басаргиной, поэтому здесь ограничимся лишь перечнем зоологических рисунков. В рукописи «Sibiria Perlustrata»:

1) Теленок с двумя головами («Vitulus monstrosus») (л. 245);
2) Четырехрогий баран («Aries Quadricornis») (л. 245);
3) Дзерен («Caprea Ohna, Dsheren <...>») (л. 277);
4) Сухонос («Manggud-chalao Davuriæ. Anser Cygnoides Sinensis») (л. 279);
5) Тушканчик-прыгун («Alachtacha Davurica») (л. 280);
6) Череп домашнего верблюда («Caput Camelodromadis») (л. 292);
7) Сойка («Pica glandaria major») (л. 293);
8) Большой пестрый дятел («Picus varius major») (л. 294);
9) Шилохвост («Nettaphasianoides; seu Anas caudacuta») (л. 309);
10) Соболь («Cebella») (л. 314).

Не подшитые в рукопись рисунки, находящиеся в других архивных делах:

11) Джигитай («Tschichitai seu Mulus foecundus»)[6];

12–14) Архар («Argali/Archali Davuriæ») — три рисунка: два самца и одна самка[7];

15) Заяц-толай («Tolai, seu Cuniculus caudatus Davuricus»)[8].

Отметим также, что иллюстрации из «Sibiria Perlustrata» определенно распадаются на две группы. Часть из них выполнена профессиональным художником. Известно, что помощь в подготовке иллюстративного материала для итогового отчета Д. Г. Мессершмидта оказывал академический гравировальщик Георг Иоганн Унферцагт (Georg Johann Unverzagt; 1701–1767)[9]. Относительно рисунков под № 1–4, 6, 9 (из перечисленных выше) можно с большой долей вероятности утверждать, что они не принадлежат руке профессионала. Часть последних рисунков выполнена очень аккуратно и довольно уверенно, однако опытный глаз и здесь увидит любительский подход. Так, рисунок головы четырехрогого барана при всем старании автора отразить объем остается плоским. В местах нанесения светотени отсутствует рефлексия, чего профессионал не мог бы допустить. Кроме того, анатомически голова барана нарисована неубедительно, условная форма головы и плавные линии рогов говорят об отсутствии специальных знаний анатомических особенностей в области

рисунка: нет цельной конструктивной формы и детальной прорисовки отдельных элементов.

Второй источник зоологических рисунков — приложения к рапортам Д. Г. Мессершмидта, отправлявшимся им в Медицинскую канцелярию. Из IV рапорта, отправленного в Петербург 25 июня 1720 г., сохранились изображения двух костей мамонта[10] и птицы выпи[11]. Приложение к X рапорту от 20 мая 1722 г. представляет собой перечень 137 видов птиц, встретившихся Д. Г. Мессершмидту на пути его маршрута; текст проиллюстрирован изображениями семи видов птиц. Это — цветные акварели, выполненные рукой профессионала и представляющие следующие виды: зимородок («Ispida», «Каменный воробей»), длиннохвостая синица («Parus caudatus»), урагус («Linaria rosea longicauda Kirgisica»), чечетка («Linaria rubra minor», «Красная коноплейка, или Чечéткий»), варакуша («Ruticilla Cyano-bronchites», «Синешейка»), дубровник («Hortulanus spadiceus torquatus hypoxanthos»), соловей-красношейка («Ruticilla Erithro-bronchites»)[12].

Третий рапорт с иллюстративным зоологическим материалом — это XIV рапорт, отправленный 15 февраля 1724 г. из Иркутска. Это рисунки из области палеозоологии, изображавшие кости сибирского мамонта (вид черепа спереди, сзади и справа, два рисунка моляра, бивень и бедренная кость) и выполненные иркутскими иконописцами[13]. Оригиналы рисунков до нас не дошли, однако мы имеем о них непосредственное представление благодаря тому, что одна из копий рисунков была передана Д. Г. Мессершмидтом его данцигскому другу и коллеге Иоганну Филиппу Брейне (Johann Philipp Breyne; 1680–1764) — владельцу крупного Натурального кабинета. И. Ф. Брейне опубликовал шесть сделанных с них гравюр (правда, в зеркальном отображении) в 1741 г. в журнале лондонского Королевского общества *Philosophical Transactions*[14]. Отметим, что все рисунки из рапортов должны были быть представлены в «Sibiria Perlustrata»: Д. Г. Мессершмидт предполагал, что при издании рукописи их скопируют из имеющихся в распоряжении Медицинской канцелярии материалов, поэтому просто оставил эти листы пустыми, снабдив их заголовками с названием того иллюстративного материала, который должен был в будущем занять там свое место (л. 235, 240, 254–260, 272, 273, 297, 301, 302)[15].

Следующий источник иллюстративного зоологического материала — это путевой дневник. Здесь имеется лишь один крупный и неоднократно публиковавшийся зоологический рисунок — это изображение дзерена (рис. 1)[16]. Очевидно, рисунок выполнен самим Д. Г. Месершмидтом; это работа непрофессионала. В рисунке имеются огрехи в передаче анатомии животного: неуверенные линии контура, несимметричная морда, некорректно изображенные глаза, никак не переданная анатомия суставов на ногах — мы видим пластичность форм, плавные линии и т. д. Этот же дзерен представлен в «Sibiria Perlustrata»[17], при этом рисунок имеет те же характерные особенности, позволяющие оба изображения отнести руке одного человека.

Рис. 1. Дзерен. Рисунок из дневника. Тушь
© СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 3. Л. 161

Вместе с тем в дневнике имеется ряд мелких зарисовок зоологической тематики, выполненных путешественником. Один из них — рисунок фолликула кабарги (Folliculum Moschferae) (рис. 2)[18] — являлся иллюстрацией к описанию его препарирования, помещенного в дневниковой записи за 28 декабря 1723 г., и ранее был опубликован[19].

В берлинском издании дневника Д. Г. Мессершмидта были опубликованы также две небольшие зарисовки, прилагавшиеся к описанию рыб. 8 марта 1724 г. была описана, взвешена и измерена выловленная неким русским из Байкала рыба, названная рыбаком «морской сиг» (*Sigi-morskoi*), но, по наблюдениям Д. Г. Мессершмидта, отличающаяся от того вида, который Я. Йонстон описал

как *Zigus fluviatilis*. По этой причине и было предпринято описание и сделана зарисовка (рис. 3)[20]. Полагаем, что Д. Г. Мессершмидт описал и зарисовал пыжьяна (сибирского сига). 21 сентября 1725 г. Д. Г. Мессершмидт познакомился с обским видом — муксун, доставленным путешественнику местными остяками

Рис. 2. Folliculum Moschferae — мускусная железа кабарги. Рисунок из дневника. Тушь
© СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 2. Л. 301

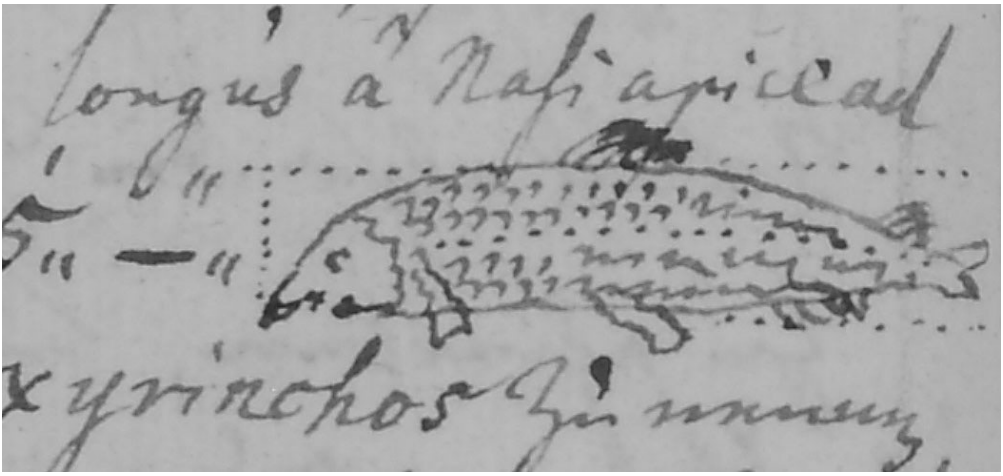

Рис. 3. «Морской сиг» — пыжьян. Рисунок из дневника. Тушь
© СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 3. Л. 54 об.

(рис. 4)[21]. Это — миниатюрные рисунки, являющиеся по сути пиктограммами, встроенными в текст. Такие рисуночки — один из характерных элементов в оформлении дневника. Изображая рыб, Д. Г. Мессершмидт, несмотря на миниатюрность и схематичность рисунка, смог подчеркнуть характерные для изображенных видов черты. Так, на обоих рисунках отчетливо показан нижний рот этих рыб (при нижнем рте нижняя челюсть короче верхней), а также характерный профиль головы.

Рис. 4. Муксун. Рисунок из дневника. Тушь
© СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 4. Л. 242 об.

Остальные зоологические иллюстрации из дневника Д. Г. Мессершмидта не публиковались. Согласно дневниковой записи, 24 октября 1723 г., во время длительного пребывания в деревне Усть-Илга (при впадении реки Илга в Лену) в ожидании установления зимнего пути[22], слуга Д. Г. Мессершмидта Петер Кратц подстрелил дву белок (обе особи оказались самцами), для которых Д. Г. Мессершмидт, следуя своей методике описания, указывает в дневнике известные ему названия на различных языках и обозначает их вес, оказавшийся одинаковым — чуть меньше 300 г. Д. Г. Мессершмидт провел тщательное анатомическое изучение этих белок, оставив в дневнике детальное описание. К этому описанию приложены два остеологических рисунка. Первый — это нижняя челюсть (рис. 5)[23]; буквенные обозначения относятся к следующим элементам: «a) Dens incissorius; b) Foramen nervi emissorium externum; c) Dentes molares; d) Processus coronarius; e) Processus condylodes; f) Processus anonymus».

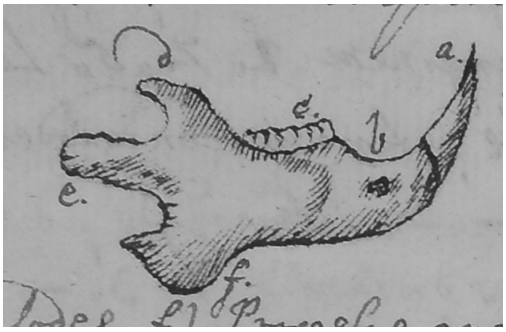

Рис. 5. Нижняя челюсть белки. Рисунок из дневника. Тушь
© СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 2. Л. 220 об.

В этом же описании — рисунок костей (рис. 6)[24], которые описаны следующим образом: «Figura D. exhibet coxam dextram, S. vero sinistram, E. denique coxæ dextræ faciem aversam» (Фигура D показывает правое бедро, S — левое, E — обратную сторону правого бедра). Буквенные обозначения: «aa. & bb. est latus ossis pubis mutua utriusqve coxæ coalitione pelvim constituens. cc. est acetabulum ossis Ischii femoris caput excipiens; dd. est os Ilium; f. est locus coalitionis Ilii cum osse sacro»[25].

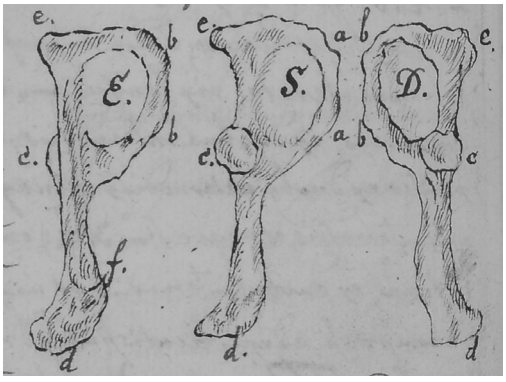

Рис. 6. Бедренные кости белки.
Рисунок из дневника. Тушь
© СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 2. Л. 221 об.

Изучение остеологии млекопитающих продолжилось. Несколькими днями позже, 30 октября 1723 г., пребывая по-прежнему на одном месте и в надежде найти интересующие его сведения относительно скелета четвероногих, Д. Г. Мессершмидт погрузился в труд Яна Йонстона (Jan Jonston; 1603–1675)[26], который прежде, по собственному признанию путешественника, он никогда специально не изучал. Хотя Д. Г. Мессершмидт не обнаружил требуемых ему сведений, он продолжил занятия по исследованию скелета млекопита-

ющих на том материале, который был у него под рукой, а именно на овечьей туше, которую взял на собственной кухне. За этим занятием — изучением четвероногих (*contemplatio quadrupedum*), он и провел весь день. На следующий день, 31 октября 1723 г., Д. Г. Мессершмидт заколол одну из своих овец (как он пишет в дневнике) и целый день занимался ее препарированием, что продолжил также на следующий день. За два дня справиться с этой задачей было сложно, «так как день короток, моя комната очень темна, и нет никого в помощь, кроме моего слуги»[27]. Тем не менее 1 ноября было составлено подробное описание результатов препарирования самки овцы[28], содержащее элементы сравнения скелета овцы и белки, а также сравнения со скелетом человека.

К описанию в дневнике приложены рисунки: 1) подъязычная кость — *os hyoideum* (рис. 7.1) («a.c.c. os hyoides <...>[29]. a.bb. Basis semicircularis laryngem intra sinum suum excipiens. b.c. Cartilagineæ appendices, cum processibus cartilaginis scutiformis in Larynge firmiter connexæ. a.d.d.x.x. ossis hyoidis crura longiora <...>. a.d. Ossicula cruris prima <...> d.e. Ossicula cruris media <...> e.f. Ossiculum ultimum longissimum <...>. f. Planta ossiculi ultimi <...>. g. Processus superior longiorqve <...>. h. Processus inferior breviorqve <...>»); 2) нижняя челюсть — *maxilla inferior* (рис. 7.2) («a. Processus corona. b. Condylodes. c. Foramen nervi admissorium internum deorsum vergens; dd. Dentium molarium series; d.f. Hiatus lateralis edentulus; f. Dentes incisores, sinistri ossis; e. Superficies coalitionis»); 3) лопатка — *scapula* (рис. 7.3) («a. Scapulæ sinistræ cervix; b. Angulus inferior ad basin; a.b. Basis trianguli, seu Scapulæ latus vertebris vicinum; c. Angulus

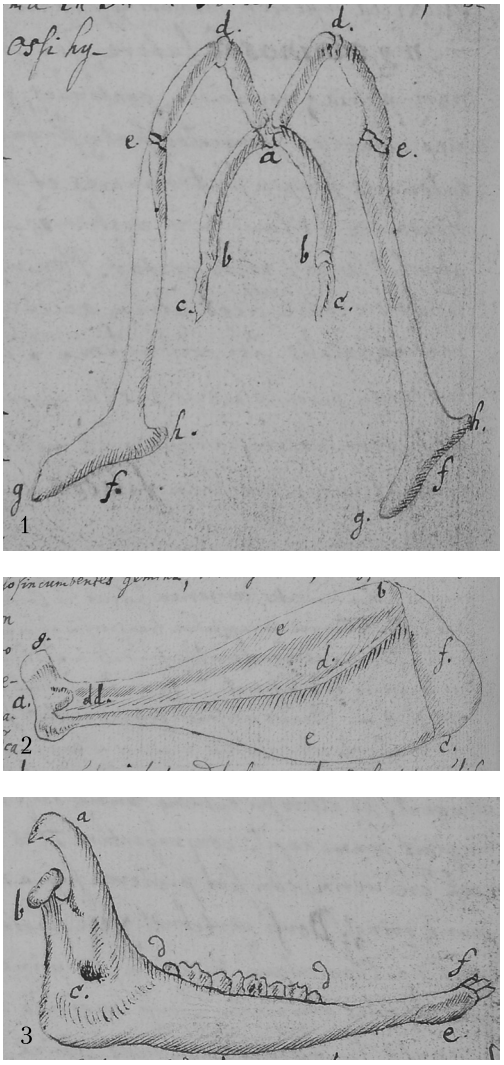

Рис. 7. Подъязычная кость, нижняя челюсть и лопатка овцы. Рисунки из дневника. Тушь
© СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 2. Л. 228 об., 229, 229 об.

tertius exterior; dd.d. spina in testudinis dorso; dd. Spinæ processus, Acromium dictus; e.e. Scapulæ dorsum, seu testudo; f. Cartilago semicircularis in infimo Scapulæ latere brevissimo <...>; g. Processus anchoroides»)[30].

Далее идет блок рисунков, включающий изображение плечевой кости — *os humeri* (рис. 8, a); локтевой кости — *os cubiti* (рис. 8, b); запястья, пясти и фаланг пальцев — *carpus, metacarpus, digitorum phalanges*; копыто — *ungula* (рис. 8, u, x, z) («c. Radius cubiti. d. Ossis humeri capitulum magnum <...>. e. Ossis humeri alterum extremum <...>. f. per gynglymum inarticulatur. g. Radii cubitatis caput <...>. h. Processus radii Stiloides. i. Processus cubiti Stiloides <...>. k. Capitulum internum <...>. l. Primæ seu summæ digitorum phalangis ossiculum <...>. m. Mediæ phalangis ossiculum <...>. n. Infimæ phalangis ossiculum <...>. o. Scutulum <...>. p. Tendo perforans. q. Scutulum osseum <...>. r. Tendo perforatus <...>. s. Monticulus callosus <...>»)[31].

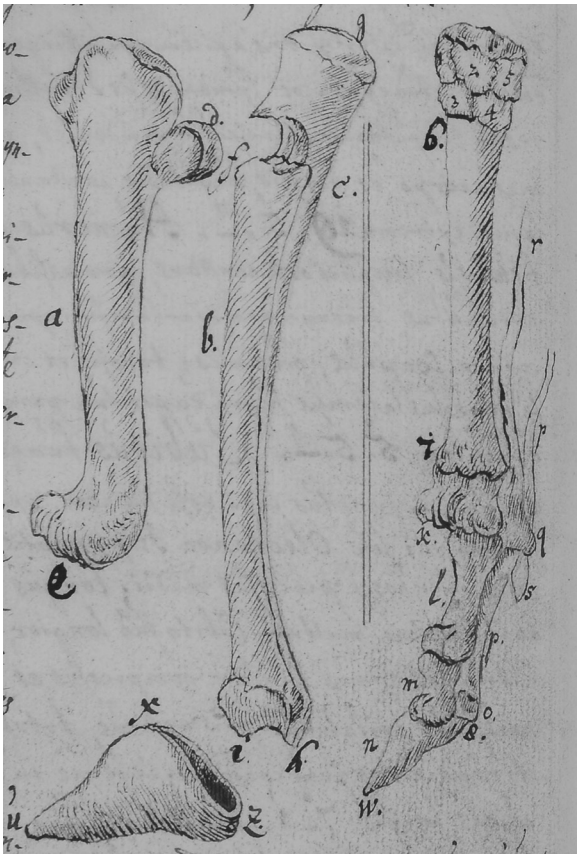

Рис. 8. Плечевая и локтевая кости овцы; запястье, пясть и фаланги овцы. Рисунок из дневника. Тушь
© СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 2. Л. 230 об.

Следующий блок — из двух фигур (рис. 9). Фигура 5 — тазовая кость, *coxæ* («a) Coxa dextra; b) Coxa sinistra; a.b.) Pelvis latitudo; c) Ossis Ilii spina; d) Ilii connexio cum osse sacro <...>; e) Ossis Ischii acetebulum <...>; f) Os pubis; g) Processus Ischii inferior <...>; h) Pubis processus posteriores; i) Foramen magnum; k) Ossis pubis margo posterior <...>; l) Coalitio ossium pubis <...>; m) Ossis sacri basis <...>; nn) Processus ejusdem superiores <...>; oo) Processus ejusdem lateralis maximus <...>; p.q.r) Tres ejusdem vertebræ inferiores <...>; s) Coccygis seu Caudæ prima vertebra <...>; t) Ejusdem vertebræ subordinatim minores; u) Ejusdem vertebra ultima <...>»). Фигура 6 — правая бедренная кость с коленной чашечкой и большеберцовой костью, *femur cum patella et tibia* («(a) Os femoris, dextrum. (b) Ejus caput cum collo. (c) Trochanter major seu superior. (d) Trochanter minor seu inferior. (e) Ossis femoris caput <...>. (f) Ejusdem sinus <...>. (g) Patella <...>. (h) Tibia <...>. (i) Ejus caput superius. (k) Ejus protuberantia externa inferior <...>. (l) Ejusdem processus stiloides»)[32].

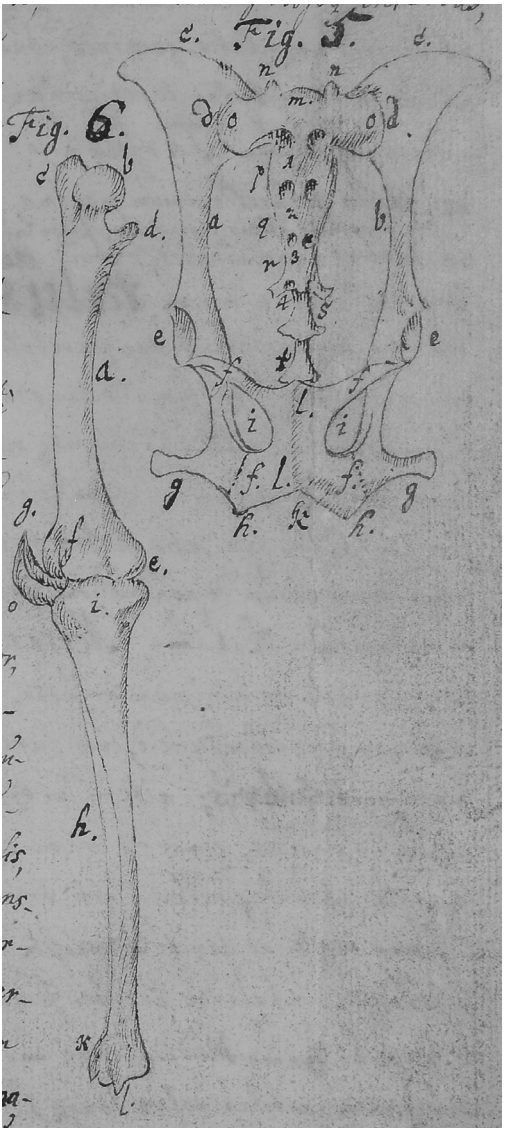

Рис. 9. Бедренная кость овцы; тазовая кость овцы. Рисунок из дневника. Тушь
© СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 2. Л. 232

Несмотря на некоторые различия в характере рисунка[33], похоже, что все изображения костей (и белки, и овцы) выполнены одной рукой (манера штриха в области тени принадлежит одному человеку), хотя рисунки различаются степенью доработки (так, рис. 7.1 и 7.3 отличаются сырым рисунком, в то время как остальные изображения частей скелета овцы очень убедительно и детально прорисованы). Это одни из первых рисунков в дневнике и самые первые из тех, что имеют отношение к зоологии.

Следует обратить внимание еще на один рисунок, повторенный в сохранившихся материалах Д. Г. Мессершмидта трижды. Речь идет об изображениях улья, которые находим на титульном листе десятого тома обширной орнитологической рукописи «Ornithologicon»[34] и на титульном листе самостоятельной рукописи — «Mantissa ornithologica sive de avium nidis et ovis Lucanæ sacra» («Орнитологическое прибавление, или Священные [знания] Луцины о птичьих гнездах и яйцах»)[35]. И в том, и в другом случае рисунок сопровождается цитатой из «Метаморфоз» Овидия: «Rura colunt operiqve favent, in spemqve laborant» (Ovid. Metamorph. 15, 367). Это фрагмент, в котором идет речь о пчелах: «В поле хлопочут, им труд по душе, вся забота их — завтра»[36]. Этот рисунок появляется также и в дневнике — в записи за 20 сентября 1725 г. (рис. 10)[37]. В тот день, находясь в пути к Нарыму, Д. Г. Мессершмидт «приводил в порядок дела», составляя описи; работа была осложнена для него появившимися за время путешествия проблемами со зрением. Эти обстоятельства подтолкнули путешественника к размышлениям, начавшимся в дневнике с латин-

Рис. 10. Пчелиный улей. Рисунок из дневника. Тушь
© СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 4. Л. 242

ской фразы: «Omnia de nobis menses prædantur et anni...»[38] («Все у нас крадут месяцы и годы...»). Отвлекая себя чтением Овидия, Д. Г. Мессершмидт обратил внимание на процитированную выше фразу, относящуюся к пчелам, что породило в итоге двойной рисунок, к которому в дневнике даны пояснения: левая часть рисунка — это улей с записанной сверху и снизу цитатой из Овидия; справа — улей с разведенным под ним огнем и рукой, простирающейся из облаков и переворачивающей его. Второй рисунок сопровождается текстом: «Non sibi; / Sed Domino parva laborat Apis» («Не для себя, а для Господа трудится смиренная пчела»)[39]. Это своего рода кредо Д. Г. Мессершмидта, повторяющееся в его дневниковых записях в разных формах и разными словами[40]. Этот же рисунок

с той же подписью был повторен Д. Г. Мессершмидтом на последней странице «Mantissa ornithologica» — с завершающей фразой (рис. 11): «Scribeb[at] Daniel Gottlieb Messerschmidt, Ged[aniensis], Medic[inæ] D[octor]. Apodemicus» («Написал Даниэль Готлиб Мессершмидт, уроженец Данцига, доктор медицины, путешественник»)[41].

Рис. 11. Пчелиный улей. Рисунок из рукописи «Mantissa ornithologica». Тушь
© СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 17. Л. 79 об.

В рукописях «Ornithologicon» и «Mantissa ornithologica» имеются и другие зоологические рисунки, однако это тема для отдельного специального изучения. Еще в одной зоологической (недоработанной или лишь фрагментарно

сохранившейся) рукописи «Ichthyologicon», посвященной рыбам[42], рисунков не содержится.

В целом, анализируя рисунки, авторство Д. Г. Мессершмидта для которых в принципе не вызывает сомнения, мы должны констатировать факт, что Д. Г. Мессершмидт, хотя и не имел специальной художественной подготовки, отличался достаточно твердой для непрофессионала рукой. Подтверждением этого во многом служит почерк ученого: многие записи и заголовки выполнены каллиграфично; Д. Г. Мессершмидт уверенно владел техникой письма пером и тушью. «Критика» рисунков была помещена лишь для того, чтобы доказать факт их исполнения любителем и утвердиться в убеждении, что рисунки могли быть сделаны самим путешественником, раскрывшим, таким образом, еще одну сторону своей многогранной личности — способности рисовальщика, фиксатора изучаемых объектов. Зоологические рисунки из наследия Д. Г. Мессершмидта в большинстве своем отличаются научной точностью и передают важные отличительные черты исследуемого и описываемого объекта.

---

1 *Тункина И. В.* К биографии Карла Густава Шульмана // К 300-летию начала экспедиции Даниэля Готлиба Мессершмидта в Сибирь (1719–1727) / Сост. Е. Ю. Басаргина, Л. Д. Бондарь, И. В. Тункина; отв. ред. И. В. Тункина. СПб., 2021. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки; вып. 19). С. 57–64.

2 О ботанических рисунках Д. Г. Мессершмидта см.: *Бондарь Л. Д., Сытин А. К.* Ботаническая графика в экспедиции Д. Г. Мессершмидта // От кунсткамеры к травопознанию. Развитие ботаники в России в первой половине XVIII века / М. П. Андреев, Л. Д. Бондарь, И. В. Змитрович, В. Лефельдт, Д. Д. Сластунов, В. А. Стасевич, А. К. Сытин, К. С. Худин; сост. А. К. Сытин, Д. Д. Сластунов; отв. ред. А. К. Сытин. СПб., 2022. С. 63–77.

3 «Sibiria Perlustrata» — неопубликованная рукопись Д. Г. Мессершмидта (СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 22), представленная в Медицинскую канцелярию после завершения экспедиции и содержащая все основные сведения, полученные ученым за восемь лет его путешествия. См. факсимильное издание: *Messerschmidt D. G.* Sibiria Perlustrata, etc.: [Факсимильное издание рукописи]. СПб., 2020.

4 «Sibiria Perlustrata» Д. Г. Мессершмидта — энциклопедическое описание Сибири Петровской эпохи / Е. Ю. Басаргина, Л. Д. Бондарь, С. И. Зенкевич, А. В. Зорин, А. В. Кургузова, В. Лефельдт, М. В. Поникаровская, А. А. Сизова, А. В. Смирнов, А. К. Сытин, И. В. Тункина; под ред. Л. Д. Бондарь, И. В. Тункиной; при участии Е. М. Белкиной, В. П. Иванова, Д. Д. Кондаковой, А. В. Куприянова, И. Майер. СПб., 2022. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки; suppl. 14).

5 *Басаргина Е. Ю.* Иконография четвероногих животных в «Isidis Sibiricae Xenium» Д. Г. Мессершмидта // Isidis Sibiriae xenium: к 80-летию профессора Вернера Лефельдта: сборник статей / Ред.-сост. И. В. Тункина, Л. Д. Бондарь. СПб., 2023. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки; вып. 23). (В печати).

6 СПбФ АРАН. Р. I. Оп. 100. Д. 32. Л. 69.

7 Там же. Л. 70, 90, 96.

8 Там же. Оп. 121. Д. 18.

[9] *Басаргина Е. Ю.* Изобразительный материал в труде Д. Г. Мессершмидта «Sibiria perlustrata» // Фундаментальная наука: проблемы изучения, сохранения и реставрации документального наследия: Материалы Международн. научн. конф. М., 2013. С. 286–291.

[10] СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 20. Л. 46, 47. Опубл.: «Sibiria Perlustrata» Д. Г. Мессершмидта — энциклопедическое описание Сибири Петровской эпохи...; *Чивтаев Ю. И.* Д. Г. Мессершмидт и первые шаги в изучении мамонта // Isidis Sibiriae xenium: к 80-летию профессора Вернера Лефельдта: сборник статей / Ред.-сост. И. В. Тункина, Л. Д. Бондарь. СПб., 2023. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки; вып. 23). (В печати).

[11] *Басаргина Е. Ю., Зенкевич С. И.* Рисунок диковинной птицы в собрании Д. Г. Мессершмидта // Историко-биологические исследования. 2021. № 4. С. 116–130. Опубл. также: М. В. Ломоносов и академические экспедиции XVIII века / Авторы-сост.: О. А. Александровская, В. А. Широкова, О. С. Романова, Н. А. Озерова. М., 2011. С. 16; *Smirnov A. V., Ostrovsky A. N.* Die deutschen Würzeln der russischen Zoologie. I. Daniel Gottlieb Messerschmidt // Zoologie 2018. Mitteilungen der Deutschen Zoologischen Gesellschaft. 2018. S. 38; *Мессершмидт Д. Г.* «В Иркутском на реке Ангаре»... Рис. 13; «Sibiria Perlustrata» Д. Г. Мессершмидта — энциклопедическое описание Сибири Петровской эпохи...

[12] СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 20. Л. 82–83; Д. 24. Л. 17. Эти рисунки должны были быть перенесены в «Sibiria Perlustrata», для них оставлены чистые листы. Опубл.: «Sibiria Perlustrata» Д. Г. Мессершмидта — энциклопедическое описание Сибири Петровской эпохи...

[13] Работа по зарисовке костей мамонта, которую делали иркутские иконописцы, предоставленные путешественнику по распоряжению местных властей, детально описана путешественником: *Мессершмидт Д. Г.* «В Иркутском на реке Ангаре» (дневник: декабрь 1723 — февраль 1724) / Пер. с нем. О. Д. Лазуткиной, под ред. В. А. Абашника, Л. Д. Бондарь; сост. Ю. И. Чивтаев; под общ. ред. Ю. И. Чивтаева, Л. Д. Бондарь. Иркутск, 2021. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки; suppl. 9). С. 80–90.

[14] Об изучении Д. Г. Мессершмидтом проблемы мамонта и публикации рисунков см.: *Чивтаев Ю. И.* 1) Д. Г. Мессершмидт у истоков палеонтологии // Мессершмидт Д. Г. «В Иркутском на реке Ангаре»... С. 147–156; 2) Д. Г. Мессершмидт и первые шаги в изучении мамонта...; *Смирнов А. В.* Список млекопитающих в «Sibiria perlustrata» Д. Г. Мессершмидта // Isidis Sibiriae xenium: к 80-летию профессора Вернера Лефельдта: сборник статей / Ред.-сост. И. В. Тункина, Л. Д. Бондарь. СПб., 2023. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки; вып. 23). (В печати). В настоящей публикации указываются только сохранившиеся рисунки; о тех, про существование которых известно, но сами они до нас не дошли, упоминаться не будет.

[15] Опубл.: «Sibiria Perlustrata» Д. Г. Мессершмидта — энциклопедическое описание Сибири...

[16] СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 3. Л. 161. Опубл.: *Messerschmidt D. G.* Forschungsreise durch Sibirien. 1720–1727. Tagebuchaufzeichnungen / Hrsg. von E. Winter, G. Uschmann, G. Jarosch, N. A. Figurovskij. Tl. 1–5. Berlin, 1964–1977; Tl. 3. Abb. 32; *Smirnov A. V., Ostrovsky A. N.* Die deutschen Würzeln... S. 40; *Смирнов А. В.* Даниэль Готлиб Мессершмидт как зоолог: изучение архивного наследия // К 300-летию начала экспедиции Даниэля Готлиба Мессершмидта в Сибирь (1719–1727) / Сост. Е. Ю. Басаргина, Л. Д. Бондарь, И. В. Тункина; отв. ред. И. В. Тункина. СПб., 2021. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки; вып. 19). С. 163; «Sibiria Perlustrata» Д. Г. Мессершмидта — энциклопедическое описание Сибири...

[17] *Messerschmidt D. G.* Sibiria Perlustrata... Л. 277.

[18] СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 2. Л. 301.

[19] *Messerschmidt D. G.* Forschungsreise durch Sibirien... Tl. 2. Abb. 2; *Мессершмидт Д. Г.* «В Иркутском на реке Ангаре»... Рис. 6.

[20] СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 3. Л. 54 об. Опубл.: *Messerschmidt D. G.* Forschungsreise durch Sibirien... Tl. 2. Abb. 22.

[21] СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 4. Л. 242 об. Опубл.: *Messerschmidt D. G.* Forschungsreise durch Sibirien... Tl. 4. Abb. 49.
[22] Находился там с 8 октября по 2 декабря 1723 г.: *Messerschmidt D. G.* Sibiria Perlustrata... Л. 37 об.
[23] СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 2. Л. 220 об.
[24] Там же. Л. 221 об.
[25] Там же.
[26] Работа Я. Йонстона: *Jonstonus J.* Historia naturalis. Libr. 1–6. Amstelodami, 1657–1665. Очевидно, речь идет о первой части — «Historiae naturalis de quadrupedibus libri, cum aeneis figuris» (1657).
[27] СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 2. Л. 226 — 226 об.
[28] Там же. Л. 227 — 242 об.
[29] Здесь и далее пояснения к рисункам даются в сокращении из-за их обширности, не позволяющей уложиться в объем статьи. Часто при описаниях имеются замечания, указывающие на анатомические функции отдельных элементов.
[30] СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 2. Л. 228 об. — 230.
[31] Там же. Л. 230 об. — 231.
[32] Там же. Л. 232 — 233 об. Предполагалось размещение и других рисунков, обозначенных в описании, для которых в дневнике оставлены пустые места.
[33] Так, на рис. 6 линия общей формы предмета неуверенная, прерывается в виде штриха, чего нет на других рисунках: в остальных случаях — четкий анатомический рисунок, уверенная ровная линия, указаны и прорисованы все детали с их характерными особенностями.
[34] СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 16. Л. 2. Опубл.: *Jahn I.* Das Ornithologicon des Arztes Daniel Gottlieb Messerschmidt: Unveröffentlichte zoologische Ergebnisse seiner Forschungsreise (1720–1727) // Leopoldina. Mitteilungen der deutschen Akademie der Naturforscher Leopoldina. Reihe 3. 1989. Jahr 33. S. 103–135; *Смирнов А. В.* Даниэль Готлиб Мессершмидт... С. 154; «Sibiria Perlustrata» Д. Г. Мессершмидта — энциклопедическое описание Сибири...
[35] СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 17. Л. 2. Опубл.: *Jahn I.* Das Ornithologicon... S. 103–135; *Смирнов А. В.* Даниэль Готлиб Мессершмидт... С. 157; «Sibiria Perlustrata» Д. Г. Мессершмидта — энциклопедическое описание Сибири...
[36] Перевод с латинского С. В. Шервинского.
[37] СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 4. Л. 242.
[38] Слова «menses» и «et» были вписаны позднее, завершая поэтическую форму фразы.
[39] СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 4. Л. 141 об. — 142.
[40] Тема улья, возможно, возникла не случайно; это укоренившаяся в культуре социальная метафора; см.: *Никифорова Л. В.* «Метафора улья» и Янтарная комната в Екатерининском дворце Царского села // Международный журнал исследований культуры. 2012. № 4 (9). С. 76–84.
[41] СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 17. Л. 79 об.
[42] Там же. Д. 18.

References

ALEKSANDROVSKAYA O. A. et al. (eds.). *M. V. Lomonosov i akademicheskie ekspedicii XVIII veka* [M. V. Lomonosov and academic expeditions of the 18th century. In Russ.]. Moscow: RTSoft, 2011.

BASARGINA E. Yu., ZENKEVICH S. I. *Risunok dikovinnoj pticy v sobranii D. G. Messershmidta* [Drawing of a strange bird in the collection of D. G. Messerschmidt. In Russ.] // Istoriko-biologicheskie issledovaniya. 2021. No. 4. P. 116–130.

BASARGINA E. Yu. *Ikonografiya chetveronogih zhivotnyh v "Isidis Sibiricae Xenium" D. G. Messershmidta* [Iconography of four-legged animals in "Isidis Sibiricae Xenium" by D. G. Messerschmidt. In Russ.] // Isidis Sibiriae xenium: k 80-letiyu professora Wernera Lehfeldta: sbornik statej. St. Petersburg: Renome, 2023. (In print).

BASARGINA E. Yu. *Izobrazitel'nyj material v trude D. G. Messershmidta "Sibiria perlustrata"* [Pictorial material in the work of D. G. Messerschmidt "Sibiria perlustrata". In Russ.] // Fundamental'naya nauka: problemy izucheniya, sohraneniya i restavracii dokumental'nogo naslediya. Materialy Mezhdunarodn. nauchn. konf. Moscow: Arhiv RAN, 2013. P. 286–291.

BONDAR L. D., TUNKINA I. V. (eds.). "*Sibiria Perlustrata" D. G. Messershmidta — enciklopedicheskoe opisanie Sibiri Petrovskoj epohi* ["Sibiria Perlustrata" by D. G. Messerschmidt — encyclopedic description of Siberia of the Petrine era. In Russ.]. St. Petersburg: Renome, 2022.

BONDAR L. D., SYTIN A. K. *Botanicheskaya grafika v ekspedicii D. G. Messershmidta* [Botanical graphics in the expedition of D. G. Messerschmidt. In Russ.] // Sytin A. K. (ed.). Ot kunstkamery k travopoznaniyu. Razvitie botaniki v Rossii v pervoj polovine XVIII veka. St. Petersburg: Keller, 2022. S. 63–77.

CHIVTAEV Yu. I. *D. G. Messershmidt i pervye shagi v izuchenii mamonta* [D. G. Messerschmidt and the first steps in the study of the mammoth. In Russ.] // Isidis Sibiriae xenium: k 80-letiyu professora Vernera Lefel'dta: sbornik statej. St. Petersburg: Renome, 2023. (In print).

CHIVTAEV Yu. I. *D. G. Messershmidt u istokov paleontologii* [D. G. Messerschmidt at the origins of paleontology. In Russ.] // Messershmidt D. G. "V Irkutskom na reke Angare" (dnevnik: dekabr' 1723 — fevral' 1724). Irkutsk: Na Chekhova, 2021. P. 147–156.

JAHN I. *Das Ornithologicon des Arztes Daniel Gottlieb Messerschmidt: Unveröffentlichte zoologische Ergebnisse seiner Forschungsreise (1720–1727)* [The Ornithologicon of the doctor Daniel Gottlieb Messerschmidt: unpublished zoological results of his research trip (1720–1727). In Germ.] // Leopoldina. Mitteilungen der deutschen Akademie der Naturforscher Leopoldina. Reihe 3. 1989. Jahr 33. P. 103–135.

JONSTONUS J. *Historia naturalis.* Libr. 1–6. Amstelodami: Apud Ioannem Iacobi Fil. Schipper, 1657–1665.

MESSERSCHMIDT D. G. *Forschungsreise durch Sibirien. 1720–1727. Tagebuchaufzeichnungen* [A research trip through Siberia. 1720–1727. Diary records. In Germ.]. Vol. 1–5. Berlin: Akademie-Verlag, 1964–1977.

MESSERSCHMIDT D. G. *Sibiria Perlustrata, etc.* (Facsimile edition of the manuscript). St. Petersburg: Kolo, 2020.

MESSERSHMIDT D. G. "*V Irkutskom na reke Angare" (dnevnik: dekabr' 1723 — fevral' 1724)* ["In Irkutsky on the Angara River" (diary: December 1723 — February 1724). In Russ.]. Irkutsk: Na Chekhova, 2021.

NIKIFOROVA L. V. "*Metafora ul'ya" i YAntarnaya komnata v Ekaterininskom dvorce Carskogo sela* ["Metaphor of the Beehive" and the Amber Room in the Catherine Palace of Tsarskoye Selo. In Russ.] // Mezhdunarodnyj zhurnal issledovanij kul'tury. 2012. No. 4 (9). P. 76–84.

SMIRNOV A. V. *Daniel' Gotlib Messershmidt kak zoolog: izuchenie arhivnogo naslediya* [Daniel Gottlieb Messerschmidt as a zoologist: the study of archival heritage. In Russ.] // K 300-letiyu nachala ekspedicii Danielya Gotliba Messershmidta v Sibir' (1719–1727). St. Petersburg: Renome, 2021. P. 145–167.

SMIRNOV A. V. *Spisok mlekopitayushchih v "Sibiria Perlustrata" D. G. Messershmidta* [List of mammals in "Sibiria Perlustrata" by D. G. Messerschmidt. In Russ.] // Isidis Sibiriae xenium: k 80-letiyu professora Vernera Lefel'dta: sbornik statej. St. Petersburg: Renome, 2023. (In print).

SMIRNOV A. V., OSTROVSKY A. N. *Die deutschen Würzeln der russischen Zoologie. I. Daniel Gottlieb Messerschmidt* [The Germans roots of Russian zoology. I. Daniel Gottlieb Messerschmidt. In Russ.] // Zoologie 2018. Mitteilungen der Deutschen Zoologischen Gesellschaft. 2018. P. 29–42.

TUNKINA I. V. *K biografii Karla Gustava Shul'mana* [To the biography of Carl Gustav Shulman. In Russ.] // K 300-letiyu nachala ekspedicii Danielya Gotliba Messershmidta v Sibir' (1719–1727). St. Petersburg: Renome, 2021. P. 57–64.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Л. Д. Бондарь, А. В. Смирнов, С. М. Андреева. Посланник Петра I в Сибирь Д. Г. Мессершмидт: зоологические рисунки в рукописях ученого // Петербургский исторический журнал. 2023. № 4. С. 282–299

Аннотация: Публикация посвящена одной из сторон многогранной деятельности первого ученого — исследователя Сибири Д. Г. Мессершмидта, отправленного в экспедицию (1719–1727) именным указом Петра Великого, а именно функциям экспедиционного рисовальщика, которые путешественник вынужденно исполнял после отъезда из Сибири одного из его помощников — К. Г. Шульмана. У Д. Г. Мессершмидта не было специальной художественной подготовки, его рисунки выдают руку любителя, что в статье показано на нескольких примерах (на основе опыта и знаний одного из авторов публикации, члена Творческого союза художников России, С. М. Андреевой). Благодаря определению художественного почерка Д. Г. Мессершмидта мы можем с большой долей вероятности вычленить из его архивного наследия те рисунки, которые были выполнены самим ученым. Часть рисунков была сделана художниками, услугами которых Д. Г. Мессершмидт мог периодически (очень редко) пользоваться во время экспедиции и после ее завершения. Несмотря на то что путешественник специально не обучался художественному ремеслу, его рисунки отличает аккуратность линий, стремление к точной доработке материала, чувство пропорций и общее понимание анатомии предмета. Зоологические рисунки содержатся в нескольких рукописях путешественника: путевом дневнике; итоговом отчете «Sibiria Perlustrata»; приложениях к нескольким рапортам, посылавшимся в Петербург из Сибири; в двух орнитологических работах — «Ornithologicon» и «Mantissa ornithologica». Две последние рукописи требуют отдельного изучения, поэтому в настоящей публикации не представлены. Рисунки из «Sibiria Perlustrata» и приложений к рапортам недавно были опубликованы в полном объеме (при участии Л. Д. Бондарь и А. В. Смирнова), в связи с чем в настоящей публикации даны только их перечни. Рисунки из путевого дневника (за исключением трех зарисовок) раньше не публиковались, поэтому именно их описанию и их публикации посвящена основная часть настоящей статьи.

Ключевые слова: Даниэль Готлиб Мессершмидт, зоологический рисунок, архивное наследие, путевой дневник, «Sibiria Perlustrata», рапорты.

FOR CITATION

L. D. Bondar, A. V. Smirnov, S. M. Andreeva. Peter I's envoy to Siberia — D. G. Messerschmidt: zoological drawings in the scientist's manuscripts // Petersburg historical journal, no. 4, 2023, pp. 282–299

Abstract: The publication is devoted to one of the aspects of the multifaceted activities of the first scientist — researcher of Siberia, D. G. Messerschmidt, who was sent on an expedition (1719–1727) by the nominal decree of Peter the Great, namely, the functions of the expedition draftsman, which the traveler was forced to perform after the departure from Siberia of one of his assistants, K. G. Schulmann. Messerschmidt had no special artistic training, his drawings betray the hand of an amateur, what is shown in the article by several examples (based on the experience and knowledge of one of the authors of the publication, a member of the Creative Union of Artists of Russia, S. M. Andreeva). Thanks to the definition of Messerschmidt's artistic "handwriting", we can with a high degree of probability isolate from his archival heritage those drawings that were made by the scientist himself. Some of the drawings were made by artists whose services Messerschmidt could periodically (very rarely) use during the expedition and after its completion. Despite the fact that the traveler was not specially trained in the art craft, his drawings are distinguished by the accuracy of the lines, the desire for precise refinement of the material, a sense of proportions and a general understanding of the anatomy of the subject. Zoological drawings are contained in several manuscripts of the traveler: travel diary; final report "Sibiria Perlustrata"; appendices to several reports sent to St. Petersburg from Siberia; in two ornithological works — "Ornithologicon" and "Mantissa ornithologica". The last two manuscripts require separate study, therefore they are not

presented in this publication. The drawings from "Sibiria Perlustrata" and appendices to the reports have recently been published in full (with the participation of L. D. Bondar and A. V. Smirnov), and therefore only their lists are given in this publication. The drawings from the travel diary (with the exception of three sketches) have not been published before, so the main part of this article is devoted to their description and publication.

Key words: Daniel Gottlieb Messerschmidt, zoological drawing, archival heritage, travel diary, "Sibiria Perlustrata", reports.

Автор: **Бондарь, Лариса Дмитриевна** — к. и. н., доцент, заместитель директора по научной работе Санкт-Петербургского филиала Архива РАН.

Author: **Bondar, Larisa Dmitrievna** — PhD in Historical Sciences, associate professor, deputy director for scientific work of the St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences.

E-mail: L007@list.ru

ORCID: 0000-0001-6745-841X

Автор: **Смирнов, Алексей Владимирович** — к. б. н., старший научный сотрудник Зоологического института РАН.

Author: **Smirnov, Alexey Vladimirovich** — PhD in Biological Sciences, senior researcher at the Zoological Institute of the Russian Academy of Sciences.

E-mail: sav_11@inbox.ru

ORCID: 0000-0002-7350-9276

Автор: **Андреева, Светлана Михайловна** — специалист Санкт-Петербургского филиала Архива РАН, член Творческого союза художников России.

Author: **Andreeva, Svetlana Mikhailovna** — specialist of the St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences, member of the Creative Union of Artists of Russia.

E-mail: kima-sveta@yandex.ru

ORCID: 0009-0000-4751-2626

УДК 94(47).084.8
DOI: 10.51255/2311-603X_2023_4_300

К. А. Болдовский, А. Ю. Стефаненко

Советская наука в годы Великой Отечественной войны: основные тенденции историографии

История науки в годы Великой Отечественной войны имеет давнюю историографическую традицию. Первые комплексные работы стали появляться уже в 1950–1960-е гг. и затрагивали широкий круг вопросов организации и деятельности учреждений науки[1]. Наиболее фундаментальными трудами являются книги Б. В. Левшина и Э. И. Гракиной[2]. Вместе с тем в советский период преобладало изучение науки исходя из ведомственной подчиненности учреждений. Подробно затрагивалась история Академии наук и ее подразделений, крупных вузов[3]. Меньшее внимание уделялось научным достижениям на конкретных промышленных предприятиях и военных объектах. Отчасти эти черты сохранились и в исследованиях, опубликованных в 1990-е гг.[4]

Современный этап характеризуется отсутствием фундаментальных обобщающих работ и недостаточным введением в научный оборот архивных источников. В сборнике решений Политбюро по делам, связанным с Академией наук СССР, только 22 документа относятся к периоду Великой Отечественной войны и содержат информацию преимущественно об отдельных персоналиях, наградах и юбилеях[5]. Несколько лучше обстоит дело с публикацией документов региональной истории[6].

Несмотря на существование специальных центров, постоянных конференций и семинаров, посвященных вопросам истории науки и техники[7], имеется

необходимость в систематизации новых источников и достижений историографии для создания книги по деятельности научных учреждений СССР в годы Великой Отечественной войны. Это особенно заметно при сопоставлении с исследованиями, посвященными науке в годы Первой мировой и Гражданских войн и затрагивающими широкий спектр проблем[8].

Во многом подобная ситуация связана с усилением внимания к отдельным сюжетам. Развитие исследований в области ядерной физики, которые привели к возникновению в СССР полномасштабного атомного проекта, традиционно вызывает большой интерес исследователей[9]. За последние годы вышло в свет немало работ, посвященных различным сторонам проблемы. В обобщающих исследованиях изучаются вопросы экономического и кадрового обеспечения проекта[10], роль Академии наук в его реализации[11], проблемы радиационной безопасности и медицинского обеспечения[12]. Следует отметить, что, несмотря на относительную изученность этого вопроса, многие важнейшие аспекты требуют дополнительного исследования с привлечением более широкого круга источников. Нельзя не согласиться с Е. Т. Артемовым, крупнейшим специалистом по данной теме, который утверждает, что в изучении экономических проблем атомного проекта «сделаны лишь первые шаги, они не дают полной картины того, как атомная индустрия была “вписана” в советскую экономическую систему и какие это имело последствия»[13]. Недостаточно изучена и роль высших руководителей страны в процессе создания атомной отрасли, особенно на первом этапе ее развития — с 1942 по 1945 г. Продолжаются дискуссии о конкретных причинах и о фактах, на основании которых в сентябре 1942 г. было подписано известное постановление Государственного Комитета Обороны (далее — ГКО) «Об организации работ по урану», о том, какую роль в этом сыграли данные, полученные разведывательными службами, о позициях ведущих физиков и руководителей страны.

Повышенный интерес к теме ядерного оружия вполне объясним, учитывая то значение, которое оно имело в послевоенной истории. Вместе с тем в тени атомного проекта остаются другие, не менее важные вопросы научных работ в области обороны. Такие проблемы, как развитие радиолокации, требуют пристального изучения. Достаточно отметить, что за годы войны ГКО принял не менее четырех постановлений по этой проблеме. Для советского руководства важными были и научные разработки новых взрывчатых веществ и другие изыскания в области химии.

Внимание исследователей привлекает и развитие медицины и системы здравоохранения. Особенностью этого направления в историографии является долгое преобладание публикаций, подготовленных профессиональными медиками. В советское время это выразилось в появлении работ, подробно рассматривающих организационную структуру и отдельные предприятия, производившие медицинскую продукцию[14].

Ситуация изменилась с введением в научный оборот новых источников и с началом активной кооперации историков и врачей. Значимой вехой является проведение специальных конференций, показавших перспективность междисциплинарных подходов[15]. Заметно расширяется и проблематика исследований. Появляются публикации, посвященные деятельности органов власти по помощи населению, проблемам перинатологии, акушерства и педиатрии, медицинским последствиям войны[16]. Определенным успехом можно считать применение исторических методов при систематизации достижений ученых — важной темы для историографии и истории медицины[17].

Характерной чертой современного этапа является переход от истории отдельных учреждений[18] к исследованию деятельности областных и краевых органов власти. Появляется значительное количество диссертаций и статей, посвященных развитию медицины регионов СССР в годы Великой Отечественной войны[19]. Лидирующее положение занимают специалисты из Поволжья, Урала и Сибири. За последние годы они сумели разобрать историю местной системы здравоохранения с периода конца Российской империи до середины 1940-х гг.[20], что может стать важным подспорьем для создания обобщающих работ.

Исследователи подробно останавливаются на сюжетах, связанных с оказанием медицинской помощи военным и населению в годы Великой Отечественной войны[21]. Меньшее внимание уделяется социальным аспектам[22]. Недостаточно изучены вопросы адаптации инвалидов и жертв войны, психологической реабилитации населения, долгосрочных последствий заболеваний среди военного поколения.

Перспективным представляется обращение к довоенным практикам. В отдельных регионах проблема подготовки медицинских кадров была актуальна задолго до Великой Отечественной войны, а учреждения просили местные власти проводить ускоренные выпуски врачей[23]. Слабо затрагиваются вопросы местной инициативы по оказанию медицинской помощи населению, причин отказа от тех или иных рационализаторских предложений в сфере здравоохранения. Требует подробного рассмотрения деятельность военно-санитарной комиссии при уполномоченном ГКО по науке и высшей школе С. В. Кафтанове. Наблюдается необходимость подготовки обобщающего исследования по вопросам структуры и деятельности медицинских учреждений в годы войны.

Важным направлением деятельности научных учреждений в военные годы были поиск и разработка месторождений полезных ископаемых. Современные публикации касаются вопросов добычи угля, нефти и торфа на территории Кавказа, Поволжья, Урала[24] и минерально-сырьевой базы Западной Сибири[25]. Вне внимания историков пока остаются вопросы создания небольших ресурсных баз, ориентированных на снабжение местного населения. Достаточно отметить, что в 1930–1940-е гг. активно обсуждались вопросы газификации на основе различных видов топлива и варианты создания опытно-промышленных станций по переработке угля[26].

Следует признать, что в настоящее время ощущается явный недостаток обобщающих работ, посвященных истории науки в военные годы. Необходимо всестороннее изучение взаимосвязи научных исследований с потребностями обороны, деятельности высших руководящих органов страны по мобилизации научного потенциала, кадрового состава научных учреждений и социального положения ученых, мероприятий по эвакуации и реэвакуации высших учебных заведений и научных учреждений. Без исследования этих и других аспектов трудно адекватно оценить вклад науки в победу в Великой Отечественной войне.

---

1 См., напр.: *Князев Г. А., Кольцов А. В.* Краткий очерк истории Академии наук СССР. Изд. 2-е, доп. М.; Л., 1957; *Соболев Г. Л.* Ученые Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945. М.; Л., 1966.

2 *Левшин Б. В.* Советская наука в годы Великой Отечественной войны. М., 1983; *Гракина Э. И.* Ученые — фронту, 1941–1945. М., 1989.

3 См., напр.: *Круглянский М. Р.* Высшая школа СССР в годы Великой Отечественной войны. М., 1970.

4 См., напр.: *Кольцов А. В.* Ленинградские учреждения Академии наук СССР в 1934–1945 гг. СПб., 1997.

5 Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) — КПСС. 1922–1991 / Сост. В. Д. Есаков. М., 2000. Т. 1. 1922–1952. С. 286–302.

6 Томский комитет ученых в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: документы и материалы / Отв. ред. С. Ф. Фоминых. Томск, 2015.

7 Наука и общество: история советского атомного проекта (40–50-е годы). Труды международного симпозиума ИСАП-96: в 3 т. / Гл. ред. Е. П. Велихов. М., 1997–2003; Наука и техника СССР в годы Великой Отечественной войны / Ред.-сост. В. Л. Гвоздецкий, Б. Н. Кантемиров, В. Л. Пономарева. М., 2006; Ученые и Великая Отечественная война: материалы круглого стола в рамках XXXVI годичной международной научной конференции «Советская наука и техника в годы Великой Отечественной войны (к 70-летию Великой Победы)» / Под ред. Н. А. Ащеуловой, С. А. Кугеля. СПб., 2016; От 1939-го до 1945-го: ученые и научные учреждения в годы Второй мировой войны. СПб., 2022.

8 *Колчинский Э. И., Зенкевич С. И., Ермолаев А. И.* Мобилизация и реорганизация российской науки и образования в годы Первой мировой войны. СПб., 2018; *Еремеева А. Н.* Находясь по условиям времени в провинции...: практики выживания российских ученых в годы Гражданской войны. Краснодар, 2017.

9 Подробные историографические обзоры см. в: *Толстиков В. С.* Советский атомный проект в отечественной и зарубежной историографии // Вопросы истории. 2013. № 6. С. 161–167; *Дровеников И. С.* Общемосковский семинар по истории советского атомного проекта. Итоги двадцатилетия // Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова. Годичная научная конференция, 2014. М., 2014. С. 81–88; *Мельникова Н. В.* 1) Американские и российские исследования истории атомного проекта СССР: Сравнительный анализ // Вопросы истории естествознания и техники. 2016. Т. 37. № 1. С. 85–109; 2) Атомный проект СССР: современная отечественная историография и источники // Экономическая история: ежегодник. 2016. С. 492–513.

10 *Артемов Е. Т.* Атомный проект в координатах сталинской экономики. М., 2017; *Батурин Ю. М.* Когеренция физиков, ставших ядром советского атомного проекта // Академия

наук и атомная отрасль. Научные сессии Общего собрания членов РАН и Общих собраний отделений РАН. Декабрь 2020 г. / Под ред. В. Г. Бондура, Г. Н. Рыкованова, А. А. Макоско. М., 2021. С. 362–390; *Мельникова Н. В.* Советский атомный проект: опыт кадрового обеспечения. М., 2022.

[11] *Визгин В. П., Илькаев Р. И., Рябев Л. Д.* Академия наук и атомный проект в СССР // Академия наук и атомная отрасль... С. 18–36.

[12] *Пешкова К. В.* Создание и развитие радиационной медицины на первых плутониевых предприятиях ядерно-оружейного комплекса США и СССР (1942 — начало 1990-х гг.): сравнительный анализ: Дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2023.

[13] *Артемов Е. Т.* Атомный проект в координатах сталинской экономики. С. 9–10.

[14] См., напр.: *Ганичев Л. С.* На Аптекарском острове. История Ленинградского ордена Ленина завода и объединения «Красногвардеец». Изд. 2-е, доп. и перераб. Л., 1967; *Гладких П. Ф.* Здравоохранение блокированного Ленинграда (1941–1943 гг.). Л., 1980.

[15] Жизнь и смерть в блокированном Ленинграде. Историко-медицинский аспект / Отв. ред. А. Р. Дзенискевич. СПб., 2001.

[16] *Газиева Л. Л.* Борьба за спасение детей в блокадном Ленинграде в 1941–1943 годах: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2011; *Скрябина Е. О.* Проблема материнства и детства в период блокады Ленинграда (1941–1944 гг.) (историко-медицинский аспект): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2008; *Симоненко В. Б., Магаева С. В., Симоненко М. Г., Пахомова Ю. В.* Ленинградская блокада. Медицинские проблемы — ретроспектива и современность. М., 2003.

[17] *Дзенискевич А. Р.* На грани жизни и смерти. Работа медиков-исследователей в осажденном Ленинграде. СПб., 2002; *Пивоваров Н. Ю.* Основные тенденции развития научной медицинской литературы в 1918–1935 гг. // История медицины. 2017. Т. 4. № 4. С. 393–402.

[18] См., напр.: Бессмертный полк — бессмертный медсанбат. Центральный военный клинический госпиталь им. П. В. Мандрыка (ЦВГ НКО) в годы войны 1941–1945 гг. М., 2019.

[19] См., напр.: *Митрофанова А. А.* Деятельность медицинских учреждений в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (на материалах Ульяновской области): Дис. ... канд. ист. наук. Ульяновск, 2023.

[20] См., напр.: *Моисеева Т. А.* Становление и развитие земской медицины в Симбирской губернии (вторая половина XIX — начало XX века): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ульяновск, 2017; *Грибовский М. В., Степнов А. О.* Научные исследования и практическая медицина Томска в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Библиотека журнала «Русин». 2015. № 2 (2). С. 133–148.

[21] *Журавлев Д. А.* Советские медики на охране здоровья моряков северных конвоев в годы Второй мировой войны // Российская академия медицинских наук. Бюллетень Национального научно-исследовательского института общественного здоровья. 2013. № S1. С. 80–81; *Стасовский Е. А., Жданов А. П., Догадов В. В., Цареградская Е. А., Шнякин А. А.* Медицинское снабжение в годы Великой Отечественной войны, вклад в обеспечение медицинским имуществом сибирских химико-фармацевтических заводов // Медицина и образование в Сибири. 2014. № 5. С. 31; *Твердюкова Е. Д.* Ленинградский городской отдел здравоохранения и Военно-санитарное управление Ленинградского фронта: проблемы взаимодействия в 1941–1942 годах // Новейшая история России. 2020. Т. 10. № 4. С. 864–874.

[22] См., напр.: *Твердюкова Е. Д.* Продовольственное снабжение и смертность в психиатрических больницах Ленинграда в годы блокады (1941–1944) // Ученые записки Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. 2020. № 7 (32). С. 17.

[23] См., напр.: Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Ф. 24. Оп. 1-Б. Д. 412. Л. 3.

[24] См., напр.: *Копенкина Л. В.* Научные исследования в области добычи, переработки и применения торфа в годы Великой Отечественной войны // Труды Инсторфа. 2020. № 21 (74). С. 48–52; *Баканов С. А.* Угольная промышленность Урала в годы Великой Отечественной войны // Уральский исторический вестник. 2011. № 1 (30). С. 57–62;

Королев М. Ю. Управление нефтяной промышленностью СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2021.

[25] См., напр.: *Серазетдинов Б. У.* История деятельности геологических учреждений Западной Сибири по созданию минерально-сырьевой базы в годы Великой Отечественной войны // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 424. С. 123–132.

[26] *Кафтанов С. В.* Советская интеллигенция и ее задачи в новой пятилетке. М., 1947. С. 52; *Венер Р. А.* Опробование угольных месторождений для характеристики качества и свойств ископаемых углей. М.; Л., 1943. С. 8–9.

References

Akademija nauk v reshenijah Politbjuro CK RKP(b) — VKP(b) — KPSS. 1922–1991 [The Academy of sciences in decisions of Politburo of CC of the RCP(b) — CPSU(b) — CPSU. In Russ.] / Sost. V. D. Esakov. Moscow, 2000. Vol. 1. 1922–1952.

ARTEMOV E. T. Atomnyj proekt v koordinatah stalinskoj jekonomiki. [The atomic project in the coordinates of Stalinist economy. In Russ.]. Moscow, 2017.

BAKANOV S. A. *Ugol'naja promyshlennost' Urala v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [Coal industry of the Urals during the Great Patriotic War. In Russ.] // Ural'skij istoricheskij vestnik. 2011. No. 1 (30). P. 57–62.

BATURIN Ju. M. *Kogerencija fizikov, stavshih jadrom sovetskogo atomnogo proekta* [The coherence of physicists who became the core of soviet atomic project. In Russ.] // Akademija nauk i atomnaja otrasl'. Nauchnye sessii Obshhego sobranija chlenov RAN i Obshhih sobranij otdelenij RAN. Dekabr' 2020 g. / Pod red. V. G. Bondura, G. N. Rykovanova, A. A. Makosko. Moscow, 2021. P. 362–390.

Bessmertnyj polk — bessmertnyj medsanbat. Central'nyj voennyj klinicheskij gospital' im. P. V. Mandryka (CVG NKO) v gody vojny 1941–1945 gg. [The immortal regiment is the immortal medical battalion. Central Military Clinical Hospital named after P. V. Mandryka (CMH NCD) during the war 1941–1945. In Russ.]. Moscow, 2019.

DROVENIKOV I. S. *Obshhemoskovskij seminar po istorii sovetskogo atomnogo proekta. Itogi dvadcatiletija* [All-Moscow seminar on the history of the Soviet nuclear project. Results of the twentieth anniversary. In Russ.] // Institut istorii estestvoznanija i tehniki im. S. I. Vavilova. Godichnaja nauchnaja konferencija, 2014. Moscow, 2014. P. 81–88.

DZENISKEVICH A. R. Na grani zhizni i smerti. Rabota medikov-issledovatelej v osazhdennom Leningrade. [On the verge of life and death, The work of medical researchers in besieged Leningrad. In Russ.]. St. Petersburg, 2002.

EREMEEVA A. N. Nahodjas' po uslovijam vremeni v provincii... Praktiki vyzhivanija rossijskih uchenyh v gody Grazhdanskoj vojny. [Being in the provinces due to the conditions of the time... The survival practices of Russian scientists during the Civil war. In Russ.]. Krasnodar, 2017.

GANICHEV L. S. Na Aptekarskom ostrove. Istorija Leningradskogo ordena Lenina zavoda i ob"edinenija "Krasnogvardeec". [On Aptekarsky island. The history of Leningrad order of Lenin plant and association "Krasnogvardeets". In Russ.]. Izd. 2-e, dop. i pererab. Leningrad, 1967.

GAZIEVA L. L. Bor'ba za spasenie detej v blokadnom Leningrade v 1941–1943 godah. [The struggle to save children in besieged Leningrad in 1941–1943. In Russ.]: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. St. Petersburg, 2011.

GLADKIH P. F. Zdravoohranenie blokirovannogo Leningrada (1941–1943 gg.). [Health care of besieged Leningrad (1941–1943). In Russ.]. Leningrad, 1980.

GRAKINA Je. I. Uchenye — frontu, 1941–1945. [Scientists to the front, 1941–1945. In Russ.]. Moscow, 1989.

GRIBOVSKIJ M. V., STEPNOV A. O. *Nauchnye issledovanija i prakticheskaja medicina Tomska v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (1941–1945 gg.)* [Scientific research and practical medicine of Tomsk during the Great Patriotic War (1941–1945). In Russ.] // Biblioteka zhurnala "Rusin". 2015. No. 2 (2). P. 133–148.

KAFTANOV S. V. Sovetskaja intelligencija i ee zadachi v novoj pjatiletke [The Soviet intelligentsia and its tasks in the new five-year plan. In Russ.]. Moscow, 1947.

KNJAZEV G. A., KOL'COV A. V. Kratkij ocherk istorii Akademii nauk SSSR [A brief history of the USSR Academy of Sciences. In Russ.]. Izd. 2-e, dop. Moscow; Leningrad, 1957.

KOLCHINSKIJ Je. I., ZENKEVICH S. I., ERMOLAEV A. I. Mobilizacija i reorganizacija rossijskoj nauki i obrazovanija v gody Pervoj mirovoj vojny [Mobilisation and reorganisation of Russian science and education during the First World War. In Russ.]. St. Petersburg, 2018.

KOL'COV A. V. Leningradskie uchrezhdenija Akademii nauk SSSR v 1934–1945 gg. [Leningrad institutions of the USSR Academy of Sciences in 1934–1945. In Russ.]. St. Petersburg, 1997.

KOPENKINA L. V. *Nauchnye issledovanija v oblasti dobychi, pererabotki i primenenija torfa v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [The scientific research in the field of extraction, processing and use of peat during the Great Patriotic War. In Russ.] // Trudy Instorfa. 2020. No. 21 (74). P. 48–52.

KOROLEV M. Ju. Upravlenie neftjanoj promyshlennost'ju SSSR nakanune i v gody Velikoj Otechestvennoj vojny [Management of the USSR oil industry on the eve and during the Great Patriotic War. In Russ.]: Dis. ... kand. ist. nauk. Moscow, 2021.

KRUGLJANSKIJ M. R. Vysshaja shkola SSSR v gody Velikoj Otechestvennoj vojny [Higher school in the USSR during the Great Patriotic War. In Russ.]. Moscow, 1970.

LEVSHIN B. V. Sovetskaja nauka v gody Velikoj Otechestvennoj vojny [Soviet science during the Great Patriotic War. In Russ.]. Moscow, 1983.

MEL'NIKOVA N. V. *Amerikanskie i rossijskie issledovanija istorii atomnogo proekta SSSR: Sravnitel'nyj analiz* [American and Russian studies of the history of the USSR atomic project. A comparative analysis. In Russ.] // Voprosy istorii estestvoznanija i tehniki. 2016. T. 37. No. 1. P. 85–109.

MEL'NIKOVA N. V. *Atomnyj proekt SSSR: sovremennaja otechestvennaja istoriografija i istochniki* [The USSR atomic project: modern Russian historiography and sources. In Russ.] // Jekonomicheskaja istorija: ezhegodnik. 2016. P. 492–513.

MEL'NIKOVA N. V. Sovetskij atomnyj proekt: opyt kadrovogo obespechenija [The soviet atomic project: experience in staffing. In Russ.]. Moscow, 2022.

MITROFANOVA A. A. Dejatel'nost' medicinskih uchrezhdenij v gody Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 gg. (na materialah Ul'janovskoj oblasti) [The activity of medical institutions during the Great Patriotic War of 1941–1945 (based on the materials of Ulyanovsk region). In Russ.]: Dis. ... kand. ist. nauk. Ul'janovsk, 2023.

MOISEEVA T. A. Stanovlenie i razvitie zemskoj mediciny v Simbirskoj gubernii (vtoraja polovina XIX — nachalo XX veka) [The formation and development of zemstvo medicine in Simbirsk province (the second half of the 19th — beginning of the 20th century). In Russ.]: Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Ul'janovsk, 2017.

Nauka i obshhestvo: istorija sovetskogo atomnogo proekta (40–50-e gody). Trudy mezhdunarodnogo simpoziuma ISAP-96: v 3 t. [Science and society: the history of the soviet atomic project (40–50s). Proceedins of the ISAP-96 International symposium: in 3 vols. In Russ.] / Gl. red. E. P. Velihov. Moscow, 1997–2003.

Nauka i tehnika SSSR v gody Velikoj Otechestvennoj vojny [Science and technology of the USSR during the Great Patriotic War. In Russ.] / Red.-sost. V. L. Gvozdeckij, B. N. Kantemirov, V. L. Ponomareva. Moscow, 2006.

Ot 1939-go do 1945-go: uchenye i nauchnye uchrezhdenija v gody Vtoroj mirovoj vojny. [From 1939 to 1945: scientists and scientific institutions during the Second World War. In Russ.] St. Petersburg, 2022.

PESHKOVA K. V. Sozdanie i razvitie radiacionnoj mediciny na pervyh plutonievyh predprijatijah jadernooruzhejnogo kompleksa SShA i SSSR (1942 — nachalo 1990-h gg.): sravnitel'nyj analiz [Creation and development of radiation medicine at the first plutonium enterprises of the nuclear weapons complex of the USA and the USSR (1942 — early 1990s): the comparative analysis. In Russ.]: Dis. ... kand. ist. nauk. Cheljabinsk, 2023.

PIVOVAROV N. Ju. Osnovnye tendencii razvitija nauchnoj medicinskoj literatury v 1918–1935 gg. [The main trends in the development of scientific medical literature in 1918–1935. In Russ.] // Istorija mediciny. 2017. T. 4. No. 4. P. 393–402.

SERAZETDINOV B. U. *Istorija dejatel'nosti geologicheskih uchrezhdenij Zapadnoj Sibiri po sozdaniju mineral'no-syr'evoj bazy v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [The history of the activities of geological institutions in Western Siberia to create a mineral resource base furing the Great Patriotic War. In Russ.] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2017. No. 424. P. 123–132.

SIMONENKO V. B., MAGAEVA S. V., SIMONENKO M. G., PAHOMOVA Ju. V. Leningradskaja blokada. Medicinskie problemy — retrospektiva i sovremennost' [Leningrad blockade. Medical problems — retrospective and modernity. In Russ.]. Moscow, 2003.

SKRJABINA E. O. Problema materinstva i detstva v period blokady Leningrada (1941–1944 gg.) (istoriko-medicinskij aspekt) [The problem of motherhood and childhood during the siege of Leningrad (1941–1944) (historical and medical aspect). In Russ.]: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. St. Petersburg, 2008.

SOBOLEV G. L. Uchenye Leningrada v gody Velikoj Otechestvennoj vojny. 1941–1945 [Scientists of Leningrad during the Great Patriotic War. 1941–1945. In Russ.]. Moscow; Leningrad, 1966.

STASOVSKIJ E. A., ZHDANOV A. P., DOGADOV V. V., CAREGRADSKAJA E. A., SHNJAKIN A. A. *Medicinskoe snabzhenie v gody Velikoj Otechestvennoj vojny, vklad v obespechenie medicinskim imushhestvom sibirskih himiko-farmacevticheskih zavodov* [Medical supply during the Great Patriotic War, contribution to the provision of medical property of Siberian chemical and pharmaceutical plants. In Russ.] // Medicina i obrazovanie v Sibiri. 2014. No. 5. P. 31.

TOLSTIKOV V. S. *Sovetskij atomnyj proekt v otechestvennoj i zarubezhnoj istoriografii* [The Soviet atomic project in Russian and foreign historiography. In Russ.] // Voprosy istorii. 2013. No. 6. P. 161–167.

Tomskij komitet uchenyh v gody Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 gg.: dokumenty i materialy [Tomsk committee of scientists during the Great Patriotic War of 1941–1945: documents and materials. In Russ.] / Otv. red. S. F. Fominyh. Tomsk, 2015.

TVERDJUKOVA E. D. *Leningradskij gorodskoj otdel zdravoohranenija i Voenno-sanitarnoe upravlenie Leningradskogo fronta: problemy vzaimodejstvija v 1941–1942 godah* [Leningrad city department and Leningrad front military sanitary depertment: problems of interaction in 1941–1942. In Russ.] // Novejshaja istorija Rossii. 2020. T. 10, no. 4. P. 864–874.

TVERDJUKOVA E. D. *Prodovol'stvennoe snabzhenie i smertnost' v psihiatricheskih bol'nicah Leningrada v gody blokady (1941–1944)* [Food supply and mortality in psychiatric hospitals of Leningrad during the siege (1941–1944). In Russ.] // Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta im. Jaroslava Mudrogo. 2020. No. 7 (32). P. 17.

Uchenye i Velikaja Otechestvennaja vojna: materialy kruglogo stola v ramkah XXXVI godichnoj mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii "Sovetskaja nauka i tehnika v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (k 70-letiju Velikoj Pobedy)" [Scientists and the Great Patriotic War: materials of the round table within the framework of the 36th annual International scientific conference "Soviet Science and technology during the Great Patriotic War (to the 70th anniversary of the Great Victory"). In Russ.] / Pod red. N. A. Ashheulovoj, S. A. Kugelja. St. Petersburg, 2016.

VENER R. A. Oprobovanie ugol'nyh mestorozhdenij dlja harakteristiki kachestva i svojstv iskopaemyh uglej [Sampling of coal deposits to characterize the quality and properties of fossil coals. In Russ.]. Moscow; Leningrad, 1943.

VIZGIN V. P., IL'KAEV R. I., RJABEV L. D. *Akademija nauk i atomnyj proekt v SSSR* [The Academy of sciences and the atomic project in the USSR. In Russ.] // Akademija nauk i atomnaja otrasl'. Nauchnye sessii Obshhego sobranija chlenov RAN i Obshhih sobranij otdelenij RAN. Dekabr' 2020 g. Moscow, 2021. P. 18–36.

Zhizn' i smert' v blokirovannom Leningrade. Istoriko-medicinskij aspekt [The life and death in besieged Leningrad. Historical and medical aspect. In Russ.] / Otv. red. A. R. Dzeniskevich. St. Petersburg, 2001.

ZHURAVLEV D. A. *Sovetskie mediki na ohrane zdorov'ja morjakov severnyh konvoev v gody Vtoroj mirovoj vojny* [Soviet doctors protecting the health of sailors on Northern convoys during World War II. In Russ.] // Rossijskaja akademija medicinskih nauk. Bulleten' Nacional'nogo nauchno-issledovatel'skogo instituta obshhestvennogo zdorov'ja. 2013. No. S1. P. 80–81.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

К. А. Болдовский, А. Ю. Стефаненко. Советская наука в годы Великой Отечественной войны: основные тенденции историографии // Петербургский исторический журнал. 2023. № 4. С. 300–308

Аннотация: Статья посвящена анализу современной историографии науки в годы Великой Отечественной войны. Отмечается, что в советский период были заложены основы изучения организационной структуры и деятельности высшей школы и научных учреждений. Вместе с тем начиная с 1990-х гг. исследователи сталкиваются с проблемами систематизации обширного источникового материала. Следствием этого стало сужение проблематики публикаций, акцентирование на крупных блоках: атомном проекте, истории медицины, вопросах поиска полезных ископаемых. В статье делается акцент на основных достижениях, возможных перспективах исследований, недостатках современных публикаций. Отмечается необходимость активного взаимодействия специалистов для создания обобщающей работы по истории науки в годы Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Вторая мировая война, С. В. Кафтанов, историография, история науки, атомный проект.

FOR CITATION

K. A. Boldovskiy, A. Yu. Stefanenko. Soviet science during the Great Patriotic War: the main trends of historiography // Petersburg historical journal, no. 4, 2023, pp. 300–308

Abstract: The article is devoted to the analysis of modern historiography of science during the Great Patriotic War. Authors dwells on that during the Soviet period were laid the foundations for studying organizational structure and activities of higher education and scientific institutions. At the same time, since the 1990s, researchers have been faced with the problems of systematization of extensive source material. The consequence of this was a narrowing of the issues of publications, focusing on large blocks: the atomic project, the history of medicine, the issues of mineral prospecting. The article focuses on the main achievements, possible research prospects and shortcomings of modern publications. In the end emphasizes the need for active interaction of specialists to create a generalizing work on the history of science during the Great Patriotic War.

Key words: Great Patriotic War, Second World War, S. V. Kaftanov, historiography, history of sciences, atomic project.

Автор: **Болдовский, Кирилл Анатольевич** — к. и. н., старший научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук.

Author: **Boldovskiy, Kirill Anatolevich** — PhD in History, senior researcher of Saint-Petersburg Institute of History of Russian Academy of Sciences.

E-mail: bold63@mail.ru

Автор: **Стефаненко, Александр Юрьевич** — к. и. н., научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук.

Author: **Stefanenko, Alexander Yurievich** — PhD in History, researcher of Saint-Petersburg Institute of History of Russian Academy of Sciences.

E-mail: stisawesome1@gmail.com

УДК 94(47).05
DOI: 10.51255/2311-603X_2023_4_309

К. Б. Назаренко

Русская морская артиллерийская экзерциция петровского времени*

Артиллерия в петровскую эпоху была главным оружием корабля, и именно ее применение решало исход морских сражений. Существует немало исследований, посвященных изучению материальной части русской морской артиллерии[1], однако подготовка личного состава морской артиллерии остается практически не изученной[2].

Л. Г. Бескровный указал на наличие инструкции Ф. М. Апраксина (1661–1728) «О экзерциции. Как надлежит обучать пушкарей морского флота на батарее и на корабле стрельбою пушечною...» 1718 г.[3] Она была опубликована в приложении к «Истории отечественной артиллерии»[4]. Полное название этого документа: «О экзерциции как надлежит обучать пушкарей морского флота на батарее и на корабле стрельбою пушечною, от[о]двиганием талями и поворотам, как надлежит всякому человеку будучи с командою своею, и показывать всякими примеры сравнение пушек и искание мушки, тако же и [прицеливание] чрез пальцы и сбоку, от чего может казать равность»[5]. Документ находится в книге отпусков писем Ф. М. Апраксина, не имеет адресата и даты, но по соседним документам может быть датирован июлем 1718 г.

Нами был обнаружен текст морской артиллерийской экзерциции, который был записан группой офицеров морской артиллерии до декабря 1749 г. (возможно, в начале 1740-х гг.). На ней имеется пометка: «...при здешних

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 23-18-00420 «Новые люди Новой России: антропология морской державы в первой половине XVIII в.».

(Кронштадтских. — *К. Н.*) артиллерных делах старых лет в письменных делах найдена экзерциция за руками констапелей Козмы Челищева, Василия Тулубьева, Ильи Горина, Андрея Зыкова, лейтенанта Михаила Тихменева, а в котором году сочинена, того не показано, которую обретающиеся при Кронштадте артиллерии обер-офицеры рассматривали и подпискою объявили, что со вступления их в артиллерийскую команду в бытность на кораблях и батареях обучение чинилось по оной экзерциции»[6]. На обороте последнего листа документа имеется заверяющая надпись: «Мы, нижеподписавшиеся, со вступления нашего в артиллерийскую команду в бытность на кораблях и батареях обучение чинили по сей вышеписаной экзерциции, в чем и засвидетельствуем». Далее следуют подписи констапелей Алексея Сурядного, Афанасия Бибикова, Якова Никонова, в должности унтер-лейтенантов Василия Малинкого (Маленького), Александра Томилина, Федора Булгакова, констапелей в должности лейтенантов[7] Леонтия Абобурова, Якова Бестужева и Александра Рындина[8].

Удалось установить, что Алексей Зотович Сурядной служил с 1716 г., в том числе «на морском корабельном флоте» с 1717 г., в 1737 г. был пожалован «по экзаменации» в бомбардирские сержанты и просил повысить его рангом в январе 1740 г.[9] Таким образом, вступление А. З. Сурядного в артиллерийскую команду произошло в 1717 г.

С большой вероятностью мы можем утверждать, что экзерциция, разосланная Ф. М. Апраксиным в 1718 г., и обнаруженная нами заверенная артиллерийскими офицерами экзерциция являются описанием одной и той же системы обучения канониров русского флота, введенной при Петре Великом.

Следует иметь в виду, что «Устав морской» давал очень лаконичные указания о подготовке к бою артиллерии корабля. Они сводились к двум параграфам (12 и 13) главы 7 «О офицере артиллерии или констапеле», которые гласят: «Когда капитан определит людей к пушкам, в помочь канонирам, тогда ему (констапелю. — *К. Н.*) надлежит определенных людей разделить к пушкам. А именно: у 24-фунтовой пушки — семь человек, у 18-фунтовой — шесть, у 12-фунтовой — пять человек <...> а к прочим пушкам усмотря по тяжелине. И каждой пушке учинить на бумаге нумер, которые прибиваются поверх окна, а на оной написать всех имена, кто у оной пушки определен, чтоб всякий ко определенным окнам и пушкам вскорости мог пристать» и «Когда констапель получит себе повеление, чтоб готовиться к баталии, тогда надобно ему поставить меж всяких дву[х] пушек одну кадку с водою, у которой на краях вырезать щербины для кладения фитилей, которым зажженными концами надлежит висеть над водою внутри кадки и к каждой пушке по швабре. У больших пушек — по два лома, да по два гандшпуга, а у меньших пушек — по два гандшпуга, да по одному лому»[10].

Следует подчеркнуть, что сам факт функционирования стройной и продуманной системы действий прислуги артиллерийского орудия в устной передаче не менее 30 лет представляется в определенной степени парадоксальным, учитывая общепринятые представления о регламентации Петром Великим

всех сторон жизни страны и тем более вооруженных сил. Этот пример заставляет шире поставить вопрос о способах распространения научно-технической и нормативно-уставной информации в России (да и других странах) в XVIII в.

Ниже мы публикуем параллельный текст обеих экзерциций. Курсивом дана экзерциция, разосланная Ф. М. Апраксиным в 1718 г.[11], прямым шрифтом — экзерциция, записанная в 1740-х гг.[12] В последнем случае команды выделены жирным шрифтом, их описания даны без выделения. Команды экзерциции Апраксина и экзерциции, записанной в 1740-х гг., размещены одна за другой в порядке их следования, команды экзерциции Апраксина размещены перед командами экзерциции, записанной в 1740-х гг.

Приложение

О экзерциции

Как надлежит обучать пушкарей морского флота на батарее и на корабле стрельбою пушечною, от[*о*]*двиганием талями и поворотам, как надлежит всякому человеку будучи с командою своею, и показывать всякими примеры сравнение пушек и искание мушки, тако же и* [*прицеливание*] *чрез пальцы и сбоку, от чего может казать равность.*

Пришед, на батарее или на корабле учинить смотр унтер-офицерам, и капралам, и пушкарям, а по смотру явятся в нетях — за первые нети штрафовать по рассуждению, тако и за другие, а ежели кто явится в третьих нетях, то надлежит отсылать под корабль к командующему над всеми команды, ежели сие случится на батарее.

«*Слушай*». *А пересмотря, поставить у каждой пушки по рангу пушкарей, тако ж унтер-офицеров и капралов поставить позади пушек и приказать чтоб они слушали одного слова* [*того*] *кто в то время обучать* [*станет, чтобы*] *шу*[*му*] *и крику не было для того, чтоб не было смешения, и приказать чтоб при всякой пушке готовы были ганшпаги, и ломы, и прочая надлежащее обучению.*

Пушечная экзерциция (или учение пушками) на корабле

Егда начальник, который учить будет, в пристойном станет месте и молвит «слушай», тогда надобно, что б всемерно тихо было и никто ж с кем не разговаривал, точно бы все то, что офицер повелит, слушали, и примечали, и исполняли со всяким прилежанием.

Потом сказать «везде стойте в готовности у пушек», тогда надлежит во всех местах что б люди, которые определены у пушек, становились пополам по обе стороны у каждой пушки, подпершись обеими руками в бока, опричь того, который командует пушкою, ибо он становится позади казны подпершись левою рукою в бок, а правую руку положит на казну и тако ожидает, что им впредь приказано будет.

[*1.*][13] *Развязывай тали*

1. **Развяжи тали и выправь.** Развязание талей чинится от двух человек, которые стоят по обе стороны к казне, а выправка и положение в круг чинится от двух [человек], которые стоят по обе стороны к дулу

[*3.*] *О*[*т*]*кладывай назад брюки*[14].

2. **Откладывай брюки.** Сие исполняет тот человек, который командует пушкою. Отложит брюк с пушки и бывает по приказу, что и привязывает брюк к винграду каболкою.

3. **Развяжи и снимай покрышку.** То исполняется от того человека, который стоит позади казны и командует пушкою. Развяжет бензель и сняв покрышку положит в удобное место.

[*2.*] *По одному человеку к пробкам.*

4. **По человеку за борты, оттыкай пробки.** Который человек состоит на правой стороне у борту, выйдет в окно за борт, и ототкнет пробку, и ожидает, что ему впредь чинить повелено будет.

5. **Бери пыжовники и подавай за борт.** Тогда стоящий же с правой стороны средний человек берет пыжовник и подает за борт тому, который оттыкал пробку и ожидает за бортом.

[*Примечание*:] *Как из пушки выпалят, надлежит прежде пробить пыжовником, чтоб не осталось от картуза узла с огнем, отчего не было бы вреды тому канониру, который будет банить пушки.*

6. **Осматривайте пыжовниками в пушках.** Тогда стоящий человек за бортом положит пыжовник в пушку и осмотрит, чисто ли в пушке.

7. **Бери затравки и осматривай в запале.** Тогда стоящий за казною человек, который командует пушкою, берет затравку и осмотрит, чисто ли в запале.

8. **Пыжовники на корабль и затравки на место.** Тогда пыжовники приняв на корабль и затравки положить на место.

[*4.*] *Подавай банник, бань пушки.*

9. **Бери банники и подавай за борт.** Тогда тот же человек, который подавал пыжовник, по тому ж подаст банник за борт тому, который действовал пыжовником, а тот, приняв за борт, ожидает слова.

10. **Бань пушки заткнув затравки.** Тогда по обыкности банят пушки, а командующие пушками приткнут пальцами запал.

[*5.*] *По одному человеку по картузы.*

11. **По человеку по картузы.** Тогда с левой стороны стоящий у борту человек пойдет на урочненное место, и возьмет кокор с картузом, и принесет к пушке.

[*8.*][15] *Подавай набойник.*

12. **Вынимай банник и обороти набойником.** Тогда тот человек, который банит пушку, выняв банник из пушки и обьет о пушечное дуло, и оборотя набойником, изготовит к заряжанию.

[*6.*] *Подавай картузы.*

[*7.*] *Клади в дула.*

13. **Подавай картуз и клади в пушки.** Тогда тот человек, который примет картуз, подаст за борт, а тот, который за бортом, приняв, положит в пушку узлом к казне и швом вниз.

[*9.*] *Прибивай картузы.*

14. **Посылай картуз до места и осади порох.** Тогда стоящий за бортом человек набойником дошлет картуз до казны и осадит порох двумя средними удары и выняв набойник ожидает, что ему еще чинить повелено будет.

[*10.*] *Подавай пыжи.*

[*11.*] *Прибей*

15. **Подавай пыж, клади в пушки и прибей набойником.** Тогда тот же человек, который подал картуз, подаст пыж, а стоящий за бортом примет и положа в пушку, дошлет до казны и прибьет набойником плотно и вынет набойник, ожидает, что еще чинить повелено будет

[*12.*] [*Подавай*] *ядро.*

[*13.*] [*Подавай*] *другой пыж.*

[*14.*] *Прибей крепко*

16. **Подавай ядро и другой пыж, и клади в пушку, и прибей крепко.** Тогда тот же человек, который первый пыж подал, подаст ядро и другой пыж, а стоящий за бортом примет и, положа в пушку, доведет набойник до казны и прибьет крепко.

[*15.*] *Подавай набойник на батарее или на корабле.*

17. **Набойники на корабль.** Тогда набойники, приняв на корабль, положить на место.

18. **Которые люди заряжали, на корабль.** Тогда люди, которые были за бортом и заряжали пушки, войдут в корабль и станут в свои места.

19. **Бери затравки и протыкай картузы.** Тогда командующие пушками, вынув затравки, которые у них висят при бедре, и проткнут картуз и положат затравки в прежние места.

20. **Бери с порохом рога.** Тогда командующие пушками возьмут с порохом рога и ожидают, что им делать повелено будет.

[*16.*] *Сыпь на затравку порох.*

21. **Сыпь порох на запалы и раздави порох.** Тогда держащие рога, ототкнув, сыплют порох в запалы бережно, чтоб врознь не сыпался с пушек и когда запал наполнится порохом, тогда надлежит тонкою медною затравкою осадить порох в запале осторожно, и потом насыплет немного пороху над запалом спереди или позади запала на пушке где ровнее, и потом заткнув рог, возьмет [его] обеими руками и раздавит порох близ запала.

22. **Рога на место.** Тогда положат или повесят рога на прежние места.

23. **Бери покрышки и покрой запалы.** Сие делается немедленно для того, чтоб порох от [в]незапного случая не загорелся прежде времени или от ветра не ссыпался.

24. **Бери ломы и гандшпуги.** Тогда люди, которые стоят по обе стороны к казне, подымают ломы и гандшпуги и держат, поставя концами на дновые доски станка левыми руками, а правыми руками держат ломы и гандшпуги вышиной равно с грудью.

[*17.*] *Прицеливайся.*

25. **Прицеливайся.** Тогда надлежит тому, кто командует пушкою, положа обе руки на казну, на верхний банден[16] и смотреть между двумя большими пальцами вдоль по пушке через высокий банден дула, рассуждая расстояние между своими и неприятельскими кораблями, того ради при экзерциции надлежит тому, кто обучен, показывать всякими примеры как сыскать средину у пушки и наставки, отчего можно знать равность и чтоб убить в желаемое место.

[*18.*] *Бери фитиль.*

[*19.*] *Одуй.*

26. **Бери фитиль и одуй.** Тогда командующие пушками возьмут пальники с насаженным фитилем и одуют от огня нагорелую золу и изготовятся к запалению.

27. **Снимай покрышки.** По сему немедленно снимаются с пушек покрышки, дабы в том замедлении не миновало то желаемое место, куда пушка наведена и изготовлена палить.

[*20.*] *Пали.*

28. **Пали.** Тогда командующие пушками немедленно запалят и при том по возможности усматривают в желаемое ли место ядро придет и потому, усмотря, с прочими выстрелами поступают.

29. **Фитиль на место.** Тогда фитили положат на прежние места.

30. **Положи ломы и гандшпуги.** Тогда ломы и гандшпуги положить на прежние места.

[*21.*] *А потом сказать: «бань пушку» и чинить тако ж и заряжать против вышеписанного.*

Сие употреблять таким заряжанием, ежели неприятель в дальности путь его имеет, а ежели в близости, то чинить так, как ниже сего показует.

Вышеписанные темпы значат, когда корабль с неприятелем расстояние не близкое имеет, и тогда стрельба надлежит чинить ядрами, а когда корабль будет с неприятелем в близости, и тогда стрелять надлежит книпелями и картечами, однако ж не вдруг, но усмотря расстояние порознь, как ниже писанные темпы значат.

[*1.*] *Отнеси тали от борту*

31. **Относи тали от борту.** Тогда люди, стоящие у борта, отняв тали от борта и занесут те блоки к ринг-боутам, которые вбиты среди корабля против пушки и, выправя тали, изготовятся втягивать в корабль пушки.

[*2.*] *От*[*о*]*двигай пушки от борту.*

[*Примечание*]: *...тако ж чинить и показать, что одна таль у борта, а другая позади пушки у кольца для того, ежели случится на корабле идет боком (?), того ради и тали разделяются розно.*

32. **Отдвигай пушки от борта.** Тогда люди, которые стоят по обе стороны пушек, втягивают [их] талями в корабль, а тот, который пушкой командует, выправляет брюк, и вдвинут пушки в корабль, тогда разделяются тали таким образом, чтоб одна тали закреплена была к борту, а другая в корабле у ринг-боута для того, что корабль на воде хотя и пошатится, а пушка с талями удержится.

33. **Раскрепи порт-тали.** Тогда командующие пушками раскрепят от планок лопари порт-талей и изготовятся, чтоб вдруг закрыть порты.

[*3.*] *Закрой окны вдруг.*

34. **Закрой порты.** Тогда вдруг надлежит, чтоб разом закрыть порты.

[*4.*] *Подавай банник*

[*Примечание*]: *Того ради употреблены банники с набойники на канатах, как закроют окны, кроме таких* [*другими*] *зарядить не*[*воз*]*можно.*

35. **Бери банники на канатах.** Тогда стоящие у борту на правой стороне у пушек возьмут банники на канатах и изготовятся банить пушки.

36. **Бань пушки.** Тогда банят пушки банниками на канатах.

[*5.*] *Посылай по картузы.*

37. **По человеку по картуз.** Тогда с левой стороны стоящие от борту по одному человеку от каждой пушки сходят по картузы и, принесши, станут в свои места, и ожидают, что им чинить повелено будет.

38. **Вынимай банники и обороти набойником.** Тогда те, которые банили пушки, выняв их из пушек и оборотя набойниками изготовятся к заряжанию.

[*6.*] *Клади в дула*[17].

[*7.*] *Бери картуз.*

39. **Подавай картузы и клади в пушки.** Тогда те, которые принесли и держат до того времени в кокорах картузы, выняв из кокоров и подадут или сами положат в пушки, как выше сего в 13 пункте изображено.

40. **Посылай картузы до места и осади порох.** Тогда набойником на канатах дошлют картузы в казну пушек и прибьют, чтоб порох осадить в казне плотно.

[*8.*] *Подавай пыж.*

[*9.*] *Прибей.*

41. **Подавай пыжи и клади в пушки и прибей набойником.** Тогда тот же, который подал картуз, подаст или сам положит пыж в пушку, а тот, который действует набойником, дошлет пыж до картуза и прибьет набойником плотно, и выняв набойник, ожидает, что еще повелено будет.

[*10.*] *Подавай ядро.*

[*11.*] [*Подавай*] *другой пыж*[18].

42. **Подавай книпели и клади в пушку.** Тогда тот же, который картуз и пыж подал, подаст книпель или сам положит в пушку.

[*12.*] *Прибей крепко.*

43. **Посылай книпель набойником до места.** Тогда тот человек, который до того времени держит набойник в готовности и тем дошлет книпель в пушку до заряда.

44. **Положи набойники по местам.** Тогда выняв набойники из пушек и положа на место, и сами станут в свои места.

[*13.*] *Снимай крышки.*

[*14.*] *Протыкай картузы.*

45. **Бери затравки и протравливай картуз.** Тогда командующие пушками, выняв затравки, которые у них висят при бедре и проткнув картузы, и положат затравки в прежние места.

46. **Бери с порохом рога.** Тогда командующие пушками возьмут с порохом рога и ожидают, что им делать повелено будет.

[*15.*] *Сыпь порох на затравки.*

47. **Сыпь порох на запалы и раздави рогом.** Тогда командующие пушками исправляют тако ж как выше сего в 21-м пункте изображено.

48. **Рога на место.** Тогда положат или повесят рога на прежние места.

49. **Бери покрышки и покрой запалы.** Тогда исправляют тако ж, как выше сего в 23-м пункте изображено.

[*16.*] *Отнеси тали к борту.*

50. **Перенеси тали к борту.** Тогда перенесут тали к борту и изготовятся придвигать пушки к борту.

[*17.*] *При*[*ни*]*майся за порт-тали.*

[*18.*] *Поднимай окны разом.*

51. **Принимайся за порт-тали и открой порты.** Тогда немедленно возьмут порт-тали и откроют порты разом и закрепят порт-тали на планках.

[*19.*] *Придвигай пушки к борту.*

52. **Придвигай пушки к борту.** Тогда немедленно придвигают пушки в порт.

53. **Бери ломы и гандшпуги.** Тогда исправляют тако ж, как выше сего в 24-м пункте изображено.

54. **Наводи пушки.** Тогда ломами и гандшпугами исправят пушки в портах и наведут на то место, куда стрелять надлежит.

[*20.*] *Прицеливайся.*

55. **Прицеливайся.** Тогда исправят тако ж, как выше сего в 25 пункте изображено.

[*21.*] *Бери фитиль.*

[*22.*] *Одуй.*

56. **Бери фитиль и одуй.** Тогда исправляют тако ж, как выше сего в 26 пункте изображено.

[*23.*] *Пали.*

57. **Снимай покрышки и пали.** Тогда исправляют тако ж, как выше сего [в] 27-м и 28-м пунктах изображено.

58. **Фитиль на место.** Тогда фитиль положить на прежнее место.

59. **Положи ломы и гандшпуги.** Тогда ломы и гандшпуги положить на прежние места.

Потом тако ж сказать, что б отнесли тали от борту против прежнего <...> «Заряжай пушку». А чтоб делать от одного слова, дабы были готовы к стрельбе оные пушки.

60. **Заряжай пушки, чтоб были к стрельбе готовы.** Тогда с одного сего исказания, вычистят и зарядят пушки и насыплют на запалы и изготовят к стрельбе как выше сего в прочих пунктах подробно изображено.

61. **Бери ломы и гандшпуги.** Тогда исправляют тако ж, как выше сего в 24 пункте изображено.

[*Наведение пушек*] *поворотами. Надлежит прежде сказать, что б пушки разделены были на сколько похочет число, кто будет обучать. И сказать: «Слушай, казнами направо и налево», то будет дулами вместе, а ежели* [*сказать*]: *«Дулами налево и направо», то будет разделенные пушки дулами разно, или случится сказать, чтоб все пушки поворотили казнами направо, а дулами будет налево, а будет сказать налево дулами —* [*казнами*] *будет направо.*

62. **С половины деков поворотя пушки казнами направо и налево.** Тогда пушки будут дулами в одно место, в которое надлежит стрелять.

63. **Прицеливайся и пали.** Тогда исправляется тако ж, как выше сего в 25, 26, 27, 28 и 29-м пунктах изображено.

Таким же образом зарядя пушки, сказать

64. **С половины деков поворотя пушки справа и слева казнами в [одно] место.** Тогда пушки будут навдвое дулами разно и тако в два места стрелять можно будет.

65. **Прицеливайся и пали.** Тогда исправляется тако ж, как выше сего в 63-м пункте изображено.

66. **Поставь пушки в портах ровно.** Тогда ломами и гандшпугами исправить пушки в портах, выровнять исправно как надлежит, сиречь ватерпас.

67. **Положить ломы и гандшпуги.** Тогда положат ломы и гандшпуги на прежние места.

68. **Выбань пушку и заткни пробки.** Тогда выбанят пушки как надлежит, положат банники и заткнут пробки.

69. **Покрой запал и завяжи крышки.** Тогда крышками накроют запалы и завяжут бензелями.

70. **Крепи пушки талями двумя оборотами.** Тогда закрепят пушки талями двумя обороты, как уж и звычайно знаемо.

А ежели потребно будет действовать пушками из другой стороны корабля, тогда сказать:

71. **Командиры и с людьми станут на правую сторону к пушкам.** Тогда, перешед на другую сторону, поступать так как выше сего показано.

А по окончании баталии или экзерциции сказать:

72. **Крепи пушки всеми талями крепко.** Тогда крепят пушки всеми талями, как уж и звычайно знаемо.

73. **Убрать амуницию по местам.** Тогда уберут амуницию в прежние места, где чему быть надлежит.

74. **Направо и налево ступай от пушек.** Тогда все разом отступят от пушек и, отдав приказ, чинится людей роспуск.

Того ради прошу вас, дабы показаны были всем своим подкомандующим к лутчему обучению, а особливо надлежит сказать толком о сем вышеписанном [*тем*]*, которые случатся вновь взятые* [*на флот*] *канониры, дабы они могли взять себе в толк.*

---

1 *Четверухин Г. Н.* История развития корабельной и береговой артиллерии. Ч. 1. М.; Л., 1942; *Денисов А. П., Перечнев Ю. Г.* Русская береговая артиллерия. М., 1956. С. 7–120; *Широкорад А. Б.* Энциклопедия отечественной артиллерии. Минск, 2000. С. 81–131.

2 *Назаренко К. Б.* Шведские корни русской морской артиллерийской экзерциции петровского времени // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2023. Т. 68. Вып. 4. (В печати).

3 *Бескровный Л. Г.* Русская армия и флот XVIII в. (Очерки). М., 1958. С. 147.

4 История отечественной артиллерии. Т. 1, кн. 2. С. 593–594.

5 О экзерциции [Июль 1718 г.] // Российский государственный архив Военно-Морского Флота (далее — РГА ВМФ). Ф. 233. Оп. 1. Д. 255. Л. 192 об. — 194.

6 Государственная Адмиралтейств-коллегия по Экспедиции морской артиллерии от Кронштадтской морской артиллерии репорт. Между 2 ноября и 31 декабря 1750 г.] // РГА ВМФ. Ф. 196. Оп. 1. Д. 53. Л. 25 — 25 об.

7 Такая формулировка связана с тем, что Елизавета Петровна приказала прекратить производство в чины в Морском ведомстве до возвращения к системе чинов времен Петра Великого, поэтому офицеры, носившие чин констапеля, могли служить в должностях унтер-лейтенантов и лейтенантов.

8 Экзерциция (или учение пушками) на кораблях // РГА ВМФ. Ф. 196. Оп. 1. Д. 53. Л. 31 об.

9 [Челобитная А. З. Сурядного о повышении чином]. Январь 1740 г. // РГА ВМФ. Ф. 196. Оп. 1. Д. 40. Л. 30.

10 Книга Устав Морской, о всем, что касается к доброму управлению в бытность флота на море. СПб., 1720. С. 72.

11 О экзерциции. [Июль 1718 г.] // РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 255. Л. 192 об. — 194.

12 Экзерциция (или учение пушками) на кораблях // РГА ВМФ. Ф. 196. Оп. 1. Д. 53. Л. 26–31.

13 Нумерация темпов экзерциции, разосланной Ф. М. Апраксиным в 1718 г., наша.

14 В данном случае последовательность темпов экзерциции, разосланной Ф. М. Апраксиным в 1718 г., не совпадает с последовательностью темпов экзерциции, записанной в 1740-х гг., но это не влияет на процесс заряжания орудия.

15 То же.

16 Фриз, декоративное утолщение-поясок на наружной стороне пушечного ствола.

17 Возможно, последовательность темпов 6 и 7 экзерциции, разосланной Ф. М. Апраксиным в 1718 г. по ошибке изменена, и должна следовать сначала команда «Бери картуз», а потом «Клади в дула», аналогично тому, как это сделано в предыдущей части этой экзерциции.

18 При заряжании книпелем эта операция не требовалась, поскольку выкатывание книпеля из пушечного дула на качке было невозможно.

References

BESKROVNYI L.G. *Russkaia armiia i flot XVIII v.* (*Ocherki*). [The Russian Army and Navy in the 18th century (essays)]. Moscow: Voennoe izd-vo, 1958. (In Russian)

CHETVERUKHIN G.N. *Istoriia razvitiia korabel'noi i beregovoi artillerii/* [The history of the development of naval and coastal artillery]. Moscow; Leningrad: Voenno-morskoe izd-vo, 1942. Vol. 1. (In Russian)

DENISOV A. P., PERECHNEV Iu. G. *Russkaia beregovaia artilleriia/* [Russian coastal artillery]. Moscow: Voenizdat, 1956. (In Russian)

Istoriia otechestvennoi artillerii/ [The History of the Russian artillery]. Moscow: Voenizdat, 1960. Vol. 2. (In Russian)

NAZARENKO K. B. Shvedskie korni russkoj morskoj artillerijskoj jekzercicii petrovskogo vremeni [The Swedish Origin of the Russian Naval Artillery Drill Regulations during the Time of Peter the Great] // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istorija. 2023. Vol. 68, iss. 4. (In print).

SHIROKORAD A.B. *Entsiklopediia otechestvennoi artillerii* [Encyclopedia of Russian artillery]. Minsk: Kharvest, 2000. (In Russian)

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

К. Б. Назаренко. Русская морская артиллерийская экзерциция петровского времени // Петербургский исторический журнал. 2023. № 4. С. 309–319

Аннотация: Статья посвящена изучению вопроса о происхождении русской морской артиллерийской экзерциции (установленного порядка действий расчета при заряжании, наводке и стрельбе из орудий) петровской эпохи. Ранее была известна лишь одна русская артиллерийская экзерциция XVIII в., введенная Ф.М. Апраксиным в 1718 г., представляющая собой краткое перечисление действий орудийного расчета. Анализ обнаруженной автором статьи русской экзерциции конца 1740-х гг. с подробными пояснениями позволил доказать, что на русском флоте по меньшей мере с 1718 г. и до середины XVIII в. действовала одна экзерциция. Публикуется параллельный текст обеих экзерциций, что позволяет наглядно показать их тождество. Поднятые в статье проблемы заставляют поставить вопрос о распространении научно-технической и нормативно-уставной информации XVIII в.

Ключевые слова: Россия, военно-морской флот, артиллерия, уставы, боевая подготовка, XVIII в.

FOR CITATION

K. B. Nazarenko. Russian naval artillery exercise of Petrine time // Petersburg historical journal, no. 4, 2023, pp. 309–319

Abstract: The article is devoted to the study of the origin of the Russian naval artillery drill regulations (so called exercise) of the era of Peter the Great. Previously only one Russian naval artillery exercise of the 18th century, introduced by F.M. Apraksin in 1718, was known. The author has discovered the Russian exercise of the late 1740s. Its analysis enables to prove that in the Russian navy (at least from 1718 to the middle of the 18th century) there existed one exercise. The parallel text of both exercises is published, which allows you to clearly show their identity. The current research raises questions of the dissemination of scientific, technical, and regulatory information of the 18th century.

Key words: Russia, navy, artillery, regulations, combat training, 18th century.

Автор: **Назаренко, Кирилл Борисович** — д.и.н., ст. науч. сотр., Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук.

Author: **Nazarenko, Kirill Borisovich** — Dr. Sci. (History), St. Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences.

E-mail: kirbornaz@yandex.ru

УДК 94(47).05
DOI: 10.51255/2311-603X_2023_4_320

И. В. Дубровский

Московские новости Франческо Гваскони

Фонды Флорентийского государственного архива — почти нетронутый кладезь данных по истории Петровского времени. Примером таких заманчивых богатств может служить тайная переписка московского почтмейстера Андрея Андреевича Виниуса с великим герцогом Тосканским Козимо III, посвященная географии азиатских окраин России и Сибири, чем последний страстно интересовался. Не менее любопытны письма другого деятеля Петровской эпохи князя Петра Алексеевича Голицына, а также его тогдашнего секретаря Палладия Роговского, адресованные Козимо III и секретарю последнего аббату Аполлонио Бассетти.

Основным — не единственным, но главным — каналом сообщения с Россией для великого герцога Тосканского Козимо III в конце XVII в. было флорентийское семейство купцов Гваскони[1]. Два брата Джоакино (или Джоваккино) и Алессандро по торговым делам семьи проживали в Амстердаме и Венеции. Их младший брат Франческо Гваскони молодым человеком перебрался в Москву. Масса сведений о нем есть в российских архивах[2], он десятки раз упоминается на страницах «Дневника» Патрика Гордона и в других источниках начала Петровского времени. Из этих материалов мы узнаем о том, что Франческо в Москве был заметным и информированным лицом, вращавшимся в верхах русского общества[3]. Братья Гваскони занимались торговлей, и все трое являлись одновременно неофициальными «резидентами» тосканского двора, исполняя многочисленные поручения своего государя — великого герцога Козимо III. Настоящих послов в Венеции, Амстердаме, а тем более в Москве у Козимо III не было. Связь его канцелярии с Франческо Гваскони осуществлялась через

братьев последнего Джоакино и Алессандро. Насколько нам удалось понять, такая форма коммуникации утвердилась с начала 1680-х гг. Первые сообщения Франческо Гваскони из Москвы, которые мы находим в архиве великого герцога, относятся ко времени Хованщины. Первоначально посредничество в контактах тосканского двора с Франческо находилось в руках Джоакино из Амстердама, поскольку именно он общался с ним в первую очередь по торговым делам. Со второй половины 1680-х гг. в такое посредничество включается старший из братьев — проживающий в Венеции Алессандро Гваскони. Участие Джоакино прослеживается до конца 1692 г. В первых числах января следующего года он тяжело заболел и вскоре скончался. Наконец, в 1699 г. с разницей в несколько месяцев умирают два последних главных участника переписки — Алессандро и секретарь великого герцога аббат Аполлонио Бассетти. Не в последнюю очередь эти две смерти, лишающие нас привычных и полюбившихся источников, вынуждают поставить точку в нашем исследовании. О том, что Франческо Гваскони скончался в Москве в апреле 1706 г., во Флоренции случайно узнали лишь полтора года спустя.

Существуют два корпуса документов Гваскони, которые будут интересны исследователю русско-итальянских связей. Первый корпус — обычный купеческий архив семейства Гваскони; это главным образом коммерческая переписка с торговыми партнерами в других городах. До печально известного флорентийского наводнения 1966 г. архив принадлежал прямым потомкам купеческого рода — ныне маркизам Гваскони. В результате наводнения он серьезно пострадал и в таком виде был передан во Флорентийский государственный архив. Пачки бумаг, побывавшие в воде, сцементировались, и до сих пор реставраторам удалось открыть считанные рукописи, но даже их исследователям показывают по специальному разрешению. Две итальянские исследовательницы имели возможность познакомиться с двумя книгами деловой переписки Джоакино Гваскони из Амстердама за 1678 и 1680 гг. (buste 32 и 7–8 соответственно), с чьих слов мы знаем об их содержании[4]. Для нас представляет интерес, пожалуй, всего одна подробность. «В книге счетов, — сообщает Мария Ди Салво, — мы встречаем имя Андрея Виниуса». Хотя ссылки у нее нет, мы догадываемся, что речь идет о «сильно поврежденной наводнением книге счетов», которая, по словам Риты Мадзеи, является «fascicolo 2» в «busta 7–8». Последняя озаглавлена: «Copie di lettere cominciato il giorno 16 febbraio 1680 finito adì 21 febbraio 1681», но выясняется, что в «fascicolo 2» включены также счета за несколько предшествующих лет[5]. Следовательно, мы имеем документальное подтверждение того, что знакомство братьев Гваскони с А. А. Виниусом состоялось за много лет до его переписки с великим герцогом Тосканским, к которой они оказались причастны.

Второй корпус документов, к счастью, сохранился куда лучше, и именно он интересен для нас в первую очередь. Это упомянутая выше переписка Джоакино Гваскони из Амстердама и Алессандро Гваскони из Венеции

с канцелярией великого герцога, которую они вели в качестве неофициальных агентов тосканского двора. Здесь мы идем по стопам двух итальянских историков, первыми указавших на эти материалы и их значение для истории русско-итальянских связей. Документы о контактах с Россией, содержащиеся в двух томах корреспонденции, полученной от Джоакино, в начале 1970-х гг. были описаны в работе итальянского исследователя Франческо Баччи. В частности, он сообщает о находящихся там письмах Виниуса и довольно подробно останавливается на их содержании[6]. Уже в нынешнем веке Стефано Виллани опубликовал работу по истории отношений России и Тосканы во второй половине XVII в., где, в частности, он приводит более полный перечень томов переписки обоих братьев Гваскони с секретарями великого герцога, которые хранятся во Флорентийском государственном архиве[7]. Впрочем, и его список нуждается в уточнении.

Укажем те тома переписки двора с Джоакино и Алессандро Гваскони, где действительно присутствует материал о России и отношениях с ней. Таких всего десять: MdP[8], 4263–4264 (письма Джоакино и черновики писем ему), MdP, 1576–1581 (письма Алессандро и черновики писем ему) и, наконец, MdP, 1607–1608 (письма секретаря А. Бассетти, написанные им Алессандро Гваскони). Два последних тома — сборники оригиналов, отосланных адресату и имеющих пометки, сделанные почерком Алессандро Гваскони, с информацией о датах получения, а также своего рода «конспектами», служащими для составления ответов. Во Флоренции и ряде других государств существовал обычай, обязывавший дипломатов возвращать в канцелярию правителя дипломатическую корреспонденцию после окончания должности. Следовательно, Алессандро Гваскони в канцелярии великого герцога считался не просто готовым к услугам подданным. Заметим, что такое полуофициальное положение не мешало ему делиться письмами из Москвы с другими.

К этой канве из десяти рукописей примыкают, по-видимому, еще два или три десятка других, где могут оказаться связанные либо перемещенные материалы. Так, из семи писем П. А. Голицына, отправленных им во Флоренцию до конца 1699 г., четыре отыскиваются в томе корреспонденции А. Бассетти и Алессандро Гваскони с шифром MdP, 1581. Три оставшихся — еще в двух рукописях MdP, 4502 и 6298[9].

После этих предисловий перейдем к сути дела. Письма с информацией о московских делах, которые московский житель Франческо Гваскони регулярно посылал своим братьям Джоакино и Алессандро (и через них, вероятно, великому герцогу Тосканскому), по большей части неизвестны специалистам. Помимо старой публикации Августа Тейнера, где мелькнуло одно письмо[10], ряд таких документов в форме выписок, сделанных из писем Франческо Гваскони его братом Алессандро, был издан Е. Ф. Шмурло в его знаменитом «Сборнике документов, относящихся к истории царствования императора Петра Великого» (Юрьев, 1903). Венецианский Гваскони делился известиями, полученными

от своего московского брата, с властями Венеции и папским нунцием, и документы, использованные Е. Ф. Шмурло (а до него — А. Тейнером), находятся в Венецианском архиве, а также в материалах венецианской и польской нунциатур Ватиканского архива. Куда более внушительный корпус таких текстов нам удалось собрать во Флорентийском государственном архиве. Данная информация заслуживает того, чтобы на ней остановиться.

Е. Ф. Шмурло пребывал в уверенности, что он опубликовал восемь писем Франческо Гваскони. В его издании это документы № 80 (с. 47), № 93 (с. 57–58), № 101 (с. 63), № 135 (с. 93–94), № 139 (с. 96–97), № 146 (с. 100), № 232 (с. 196–197); в последнем случае под одним номером опубликованы два письма. В действительности два документа приведены в книге по два раза. Под № 232 Е. Ф. Шмурло публикует выписки из двух писем Франческо Гваскони с правильной датировкой 26 февраля и 19 марта 1697 г. Источником здесь выступает материал венецианской нунциатуры. Но выше под № 93 и 101 мы встречаем ровно те же письма от 26 февраля и 19 марта, ошибочно отнесенные издателем к предшествующему 1696 г. Источник этих текстов находится в фондах Венецианского архива. За вычетом двух, остается шесть документов. Два из них мы, к сожалению, пока сумели найти только в копиях из Венецианского архива, использованных Е. Ф. Шмурло. Это фрагменты писем Франческо Гваскони своему брату в Венецию от 10 и 25 июня 1696 г. (у Шмурло — № 135 и 139; архивный шифр обоих: ASVe, Inquisitori di Stato, b. 610, без пагинации). Списки четырех оставшихся текстов, опубликованных нашим предшественником, напротив, удалось отыскать во Флорентийском архиве. Реплики письма от 8 января 1696 г. есть там (ASFi, MdP, 1581, f. 191r.) и в Ватикане (ASV, Segr. Stato, Polonia, 116, f. 69r.–v., Шмурло издал эту копию под № 80; до него по тому же ватиканскому списку письмо опубликовано А. Тейнером). От 17 июля 1696 г. — во Флорентийском (ASFi, MdP, 1581, 290r.–v.) и Венецианском архивах (ASVe, Inquisitori di Stato, b. 610, у Шмурло — № 146). Выписки из двух писем Франческо Гваскони от 26 февраля и 19 марта 1697 г. мы имеем сразу в трех копиях: флорентийской (ASFi, MdP, 1581, f. 410r.), венецианской (ASVe, Inquisitori di Stato, b. 610, у Шмурло — № 93 и 101) и ватиканской (ASV, Segr. Stato, Venezia, 145, f. 332, у Шмурло — № 232). Все копии, за исключением той, которая нашлась в бумагах польской нунциатуры, сделаны одной рукой: это почерк Алессандро Гваскони. Неприятная подробность для исследователей: сопоставляя копии, мы убеждаемся в том, что Алессандро местами весьма вольно редактировал сообщения своего московского брата. Еще один важный момент, заслуживающий внимания: флорентийские списки бывают полнее иных.

Далее выясняется, что сообщений Франческо Гваскони, изданных в «Сборнике документов, относящихся к истории царствования императора Петра Великого», не восемь и даже не шесть, а девять. Три бумаги с новостями из Московии, сохранившиеся в документах венецианской нунциатуры, которые Е. Ф. Шмурло не смог отождествить, посчитав их информацией некоего

собственного агента Римской курии (у Шмурло это № 431, 454, 524, приведенные на с. 322, 334–335, 384–385; все взяты из одного тома: ASV, Segr. Stato, Venezia, 146), на самом деле, являются письмами нашего знакомого Франческо Гваскони. Это выписки из его писем, которые нам посчастливилось найти во Флоренции, от 27 декабря 1697 г. (ASFi, MdP, 1581, f. 566r.; реплика того же документа у Шмурло датирована 20 декабря), от 24 января 1698 г. (ASFi, MdP, 4502, непронумерованный лист, находящийся между f. 483 и 484; у Шмурло стоит дата 14 января: понятно, что здесь мы встречаем датировки по новому и старому стилю) и от 13 июня 1698 г. (ASFi, MdP, 1581, отдельный листок в конце тома без пагинации, случайно попавший в пачку известий из Польши).

Остается перечислить флорентийские материалы Франческо Гваскони с последними известиями из России, а также отчетами об исполнении заданий великого герцога Тосканского, неизвестные Е. Ф. Шмурло ни в каком виде. Автографов среди них немного. Имеются оригиналы двух писем Франческо Гваскони великому герцогу Козимо III от 28 апреля 1685 г. (ASFi, MdP, 4264, f. 100r.–v. и один непронумерованный лист через четыре листа) и от 1 апреля (по старому стилю) 1687 г. (ASFi, MdP, 4264, f. 140r.–v.), а также два собственноручных письма своему брату Алессандро Гваскони в Венецию от 3 октября 1690 г. (ASFi, MdP, 1578, f. 1362r.–v.) и 15 февраля 1699 г. (ASFi, MdP, 1581, f. 766r.). Кроме них, в тех же бумагах находятся две собственноручных ведомости трат, понесенных Франческо Гваскони на службе великого герцога (ASFi, MdP, 4264, непронумерованный лист, находящийся между листами 102 и 103, и ASFi, MdP, 1579, f. 143r.). Его почерком составлена записка об именах и титулах русских царей (ASFi, MM, 322/49, f. 1r.). Наконец, руку Франческо мы узнаем в итальянском переводе одного из писем Андрея Виниуса. Как выясняется, вопреки своей репутации полиглота, А. А. Виниус мог толком общаться и писать лишь на родном ему голландском. А именно, речь идет о его письме великому герцогу Тосканскому от 9 мая 1683 г. (ASFi, MdP, 4263, f. 726r.–v. и следующая страница без пагинации; голландский оригинал данного письма — там же, f. 728r.–v. и следующая страница без пагинации). Следовательно, всего автографов мы насчитали восемь.

Выписок из писем Франческо Гваскони, аналогичных опубликованным Е. Ф. Шмурло, во Флорентийском архиве пока удалось найти тридцать девять, семь из которых мы упомянули выше. Остальные таковы: от 18 июля 1682 г. (ASFi, MdP, 4263, f. 677ter r.–v.), 16 июля 1683 г. (ASFi, MdP, 4263, f. 722bis r.), 3 июля 1686 г. (ASFi, MdP, 1576, f. 435r.–v.), 28 января (ASFi, MdP, 1577, f. 231r.–v.), 18 марта (ASFi, MdP, 1577, f. 294r.), 27 мая (ASFi, MdP, 1577, f. 381r.), 17 июня (ASFi, MdP, 1577, f. 396r. —397r.), 24 июня (ASFi, MdP, 1577, f. 455r. —455v.), 1 июля (ASFi, MdP, 1577, f. 455v., 463r.), 22 июля 1687 г. (ASFi, MdP, 1577, f. 505r.–v.), 3 февраля (ASFi, MdP, 1577, f. 856r.), 30 марта (ASFi, MdP, 1577, f. 949r.–v.), 20 июля 1688 г. (ASFi, MdP, 1577, f. 1115r.–v., 1118r.), 7 февраля (ASFi, MdP, 1578, f. 249r.), 28 февраля (?) (ASFi, MdP, 1578,

f. 190r.–191r.), 22 марта (ASFi, MdP, 1578, f. 351r.–v.), 24 мая (ASFi, MdP, 1578, f. 439r.), 31 мая (ASFi, MdP, 1578, f. 445r.), 7 июня (ASFi, MdP, 1578, f. 456r.–v.), 14 июня (ASFi, MdP, 1578, f. 481r.), 21 июня (ASFi, MdP, 1578, f. 490r.), 6 октября 1689 г. (ASFi, MdP, 1578, f. 700r.), 14 февраля (ASFi, MdP, 1578, f. 886r.), 7 марта (ASFi, MdP, 1578, f. 925r.–v.), 23 мая 1690 г. (ASFi, MdP, 1578, f. 1074r.–v.), 29 мая 1691 г. (ASFi, MdP, 1579, f. 376r.–v.), 8 (18) октября (ASFi, MdP, 4264, f. 168bis), 23 декабря 1692 г. (ASFi, MdP, 1580, f. 189r.), 24 января (ASFi, MdP, 1581, f. 206r.), 31 июля 1696 г. (ASFi, MdP, 1581, f. 298r.), 14 мая 1697 г. (ASFi, MdP, 1581, f. 435r.), 3 февраля (по старому стилю) 1699 г. (ASFi, MdP, 1581, f. 760r.–v.).

Лакуны в этом списке могут быть случайными. Речь идет, по сути, о рукописных газетах, к сохранению которых не всегда прилагали усилия, либо их могли извлекать из содержащей их переписки, чтобы хранить отдельно. Добавим также, что часть информации, переданной Франческо, дошла до нас не в форме таких выписок из его писем, а в пересказе братьев в их собственной корреспонденции. Подобное бывало, когда новости из Москвы казались не слишком интересными. «Его сообщения, конечно, могли бы быть обширнее и обстоятельнее», — некогда резюмировал свое впечатление от писем Франческо Гваскони Е. Ф. Шмурло[11]. Мы скажем по этому поводу так: такой человек, как Франческо Гваскони, мог бы рассказать больше, если бы имел интересующихся корреспондентов. Более или менее обстоятельно он сообщает о военных действиях на южной границе России и подготовке к ним. Другие его письма бывают скупы на подробности. «Но и в таком виде, — продолжает свою мысль Е. Ф. Шмурло, — они не должны быть опущены историком этой эпохи».

Ограничимся примером, демонстрирующим некоторую ценность наших материалов. По мнению А. П. Богданова, изначальным двигателем Хованщины являлась народная стихия, которой никто извне не манипулировал, а сведения о тайном руководстве стрелецким восстанием, вспыхнувшим в Москве в мае 1582 г., со стороны представителей клана Милославских являются поздней выдумкой, возникшей якобы не раньше осени того же года[12]. Московские новости Франческо Гваскони такой взгляд опровергают[13]. Если интриги Милославских и домысел — что, согласимся, может быть, — то родившийся в момент события, а не присочиненный потом.

---

1 О семье Гваскони см.: *Mazzei R.* Itinera mercatorum. Circolazione di uomini e beni nell'Europa centro-orientale: 1550–1650. Lucca, 1999. P. 49–54.

2 Ряд таких материалов о нем и о Джоакино, приезжавшем к брату, перечислен в кн.: *Шаркова И. С.* Россия и Италия: торговые отношения XV — первой четверти XVIII в. Л., 1981. С. 58–59.

3 В этой связи см.: *Карданова Н. Б.* Письма флорентийского купца Франческо Гваскони из Москвы от 25 июня и 17 июля 1696 г. и неизвестный русский оригинал // Русский

язык и культура в зеркале перевода. Материалы международной научной конференции, 25–30 апреля 2014 г. М., 2014. С. 290–311.

4 *Salvo M. di.* Florence, Amsterdam, Moscow: An Italian Merchant in Peter the Great's Time // Salvo M. di. Italia, Russia e mondo slavo. Studi filologici e letterari. Firenze, 2011. P. 138–140; *Mazzei R.* Sete italiane nella Russia della seconda metà del Seicento. La produzione lucchese alle fiere di Arcangelo // Storia economica. 2015. Anno XVIII, no. 2. P. 486–492, 494–496, 498, 510–511. Последняя статья в русском переводе автора этих строк: *Мадзеи Р.* Итальянские шелка в России во второй половине XVII века: продукция Лукки на Архангельской ярмарке // Русский сборник: Исследования по истории России. 2018. Т. XXIV. С. 519–568.

5 К примеру, там якобы фигурирует заказ на серьги, кольца и «комплект из 15 подвесок с бриллиантами», сделанный московским Гваскони в июле 1677 г.

6 *Bacci F.* Cosimo III e Pietro il Grande // Giornale di Bordo. Bimestrale di storia, letteratura ed arte. 1970. Vol. III, no. 4 (apr. — magg.). P. 325–334; 1971. Vol. III, no. 5 (giu.). P. 434–440; Vol. III, no. 6 (sett.). P. 507–513. О переписке с А. А. Виниусом говорится в первой и второй частях работы: P. 329–334, 437–438.

7 *Villani S.* Ambasciatori russi a Livorno e rapporti tra Moscovia e Toscana nel XVII secolo // Nuovi studi livornesi. 2008. Т. XV. P. 37–95.

8 Здесь и ниже мы пользуемся традиционными сокращениями: ASFi, MdP = Archivio di Stato di Firenze, Mediceo del Principato; MM = Miscellanea Medicea; ASV, Segr. Stato = Archivio Segreto Vaticano, Segreteria di Stato; ASVe = Archivio di stato di Venezia.

9 К переписке П. А. Голицына с великим герцогом Козимо III и его секретарем аббатом Аполлонио Бассетти два десятилетия назад привлекла внимание итальянская исследовательница Мария Ди Салво. Тогда, впрочем, она знала лишь последнюю из сказанных рукописей (*Salvo M. Di.* Vita e Viaggi di Filippo Balatri (preliminari all'edizione del testo) // Russica Romana. 1999. Т. VI. P. 37–57). Письма П. А. Голицына, имеющиеся в рукописи MdP, 1581, упоминаются в недавней работе: *Balatri F.* Vita e viaggi. A cura di M. Di Salvo. Alessandria, 2020. P. XXXIX et supra.

10 *Theiner A.* Monuments historiques relatifs aux règnes d'Alexis Michaélowitch, Féodor III, et Pierre le Grand, czars de Russie, extraits des Archives du Vatican et de Naples. Rome, 1859. P. 364.

11 *Шмурло Е. Ф.* Отчет о заграничной командировке осенью 1897 года. Юрьев, 1898. С. 23 (отд. отт. из «Уч. зап. имп. Юрьевск. ун-та». 1898. № 1).

12 *Богданов А. П.* Баснословие о заговоре Милославского и Софьи во время «Хованщины» // Историческое обозрение. 2020. Вып. 21. С. 19–40.

13 Джоакино Гваскони из Амстердама в письме секретарю великого герцога от 17 июля 1682 г. передает содержание «полученного на неделе письма своего московского брата Франческо от 3 июня» следующим образом: «В сказанном городе Москве, как у вас уже, наверное, слышали, скончался здешний царь, т. е. император. Он не оставил наследника, и в качестве нового императора избрали его младшего брата (по слухам, тому лет 12–13 (вставлено над строкой; на самом деле Петру было, конечно, 10 лет. — *И. Д.*)). Отец у них один, но матери разные. Но [есть] еще один брат, [который] старше [избранного], а, кроме того, он сын тех же отца и матери [что и скончавшийся государь]. Иные говорят, что он-де слеп, да умом не вышел. Однако, по словам других, он слеп не до конца и пребывает в здравом уме. Как бы то ни было, по этой вышесказанной причине московиты предпочли избрать младшего, а не второго, чьи родственники, предвидя, что с избранием нового монарха они потеряют возможность вертеть правительством при помощи войска, которое всегда держат в Москве для охраны императора, и пр., говорят, добились того, что то самое войско воспротивилось первому избранию со словами, что-де в отношении старшего брата, законного наследника короны, была допущена несправедливость. 15 мая устроив мятеж, эти солдаты для начала убили шестерых бояр (это были лица, причастные к правительству и обладавшие графскими и княжескими титулами), двух военачальников, пару докторов (кого обвинили в том, что те плохо лечили покойного императора), и от

40 до 50 других лиц, и одновременно эти солдаты избрали на императорский трон вышесказанного старшего брата. За два дня до отправки письма (т. е. 1 июня? — *И. Д.*) все успокоилось. Впрочем, дай Бог, чтобы не воспоследовало еще больших беспорядков, ибо до сих пор неизвестно, чтобы младший брат отказался от первоначального избрания его персоны» (ASFi, MdP, 4263, f. 672r.–v.).

References

BACCI F. *Cosimo III e Pietro il Grande* // Giornale di Bordo. Bimestrale di storia, letteratura ed arte. 1970. Vol. III, no. 4 (apr. — magg.). P. 325–334; 1971. Vol. III, no. 5 (giu.). P. 434–440; Vol. III, no. 6 (sett.). P. 507–513.

BALATRI F. Vita e viaggi / A cura di M. Di Salvo. Alessandria, 2020.

BOGDANOV A. P. *Basnoslovie o zagovore Miloslavskogo i Sof'i vo vremya "Hovanshchiny"* // Istoricheskoe obozrenie. 2020. Vyp. 21. P. 19–40.

KARDANOVA N. B. *Pis'ma florentijskogo kupca Franchesko Gvaskoni iz Moskvy ot 25 iyunya i 17 iyulya 1696 g. i neizvestnyj russkij original* // Russkij yazyk i kul'tura v zerkale perevoda. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, 25–30 aprelya 2014 g. Moscow, 2014. P. 290–311.

MAZZEI R. *Ital'yanskie shelka v Rossii vo vtoroj polovine XVII veka: produkciya Lukki na Arhangel'skoj yarmarke* // Russkij sbornik: Issledovaniya po istorii Rossii. 2018. T. XXIV. P. 519–568.

MAZZEI R. Itinera mercatorum. Circolazione di uomini e beni nell'Europa centro-orientale: 1550–1650. Lucca, 1999.

MAZZEI R. *Sete italiane nella Russia della seconda metà del Seicento. La produzione lucchese alle fiere di Arcangelo* // Storia economica. 2015. Anno XVIII, no. 2. P. 473–515.

SALVO M. di. *Vita e Viaggi di Filippo Balatri* (*preliminari all'edizione del testo*) // Russica Romana. 1999. T. VI. P. 37–57.

SALVO M. di. *Florence, Amsterdam, Moscow: An Italian Merchant in Peter the Great's Time* // Salvo M. di. Italia, Russia e mondo slavo. Studi filologici e letterari. Firenze, 2011. P. 137–144.

SHARKOVA I. S. Rossiya i Italiya: torgovye otnosheniya XV — pervoj chetverti XVIII v. Leningrad, 1981.

SHMURLO E. F. Otchet o zagranichnoj komandirovke osen'yu 1897 goda. Yur'ev, 1898 (Otd. ottisk iz "Uch. zap. imp. Yur'evsk. un-ta". 1898. No. 1).

SHMURLO E. F. Sbornik dokumentov, otnosyashchihsya k istorii carstvovaniya imperatora Petra Velikogo. Yur'ev, 1903.

THEINER A. Monuments historiques relatifs aux règnes d'Alexis Michaélowitch, Féodor III, et Pierre le Grand, czars de Russie, extraits des Archives du Vatican et de Naples. Rome, 1859.

VILLANI S. *Ambasciatori russi a Livorno e rapporti tra Moscovia e Toscana nel XVII secolo* // Nuovi studi livornesi. 2008. T. XV. P. 37–95.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

И. В. Дубровский. Московские новости Франческо Гваскони // Петербургский исторический журнал. 2023. № 4. С. 320–328

Аннотация: Статья посвящена жителю Немецкой слободы, флорентийскому купцу Франческо Гваскони. Ряд его писем с изложением новостей из России из архивов Венеции и Ватикана был введен в научный оборот Е. Ф. Шмурло. В ходе многолетних разысканий во Флорентийском государственном архиве автор данной статьи сумел найти несколько десятков аналогичных рукописных газет Франческо Гваскони, охватывающих период от Хованщины до кануна Северной войны.

Ключевые слова: Россия, XVII в., источниковедение, рукописные газеты.

FOR CITATION

I. V. Dubrovski. Francesco Guasconi's handwritten newspapers from Moscow // Petersburg historical journal, no. 4, 2023, pp. 320–328

Abstract: The hero of the article is a famous resident of the *Nemetskaya Sloboda* in Moscow in the early Petrine period, the Florentine merchant Francesco Guasconi. A number of his newsletters from the archives of Venice and the Vatican were introduced into scientific circulation by E. F. Shmurlo. In the course of many years of research in the Florence State Archives, the author of this article was able to find several dozen similar handwritten newspapers by Francesco Gvasconi, covering the period from *Khovanshchina* to the eve of the Northern War.

Key words: Russia, 17th century, source study, handwritten newspapers.

Автор: **Дубровский, Игорь Владимирович** — науч. сотр. Института всеобщей истории РАН.

Author: **Dubrovski, Igor Vladimirovich** — Researcher, Institute of World History, Russian Academy of Sciences.

E-mail: doubrovski@list.ru

УДК 94(47).066
DOI: 10.51255/2311-603X_2023_4_329

Е. М. Лупанова

Рецензия на монографию: *Гребенщикова Г. А.* Российский флот и дипломатия Екатерины II. Флот, война, политика. Т. III. Три войны Екатерины Великой. Ч. 3. СПб.: Остров, 2023. 647 с. ISBN 978-5-94500-141-1

Третий, заключительный том монографии доктора исторических наук Г. А. Гребенщиковой «Российский флот и дипломатия Екатерины II. Флот, война, политика» является достойным продолжением опубликованных в 2019–2020 гг. частей этой грандиозной работы[1].

Книга основана на огромном количестве архивных документов, многие из которых впервые вводятся в научное обращение. При таком количестве материала поражает тщательность их проработки — детальное сопоставление одних документов с другими, выявление несоответствий и противоречий, пристальное внимание к значимым деталям, ревизия устоявшихся в историографии (как отечественной, так и зарубежной) стереотипов в свете выявленной информации. Особенно сложным представлялся кропотливый поиск зерна истины при изучении многочисленных текстов, написанных представителями враждующих держав, других — призванных обосновать политическое решение или подчеркнуть собственный вклад (или роль своего протеже) и принизить — конкурента. Важнейшие источники по изучаемой теме опубликованы в качестве приложений (с. 609–647) или органично встроены в текст. Это выписки из распоряжений, приказов, рапортов, реляций, частных писем, ведомостей, вахтенных журналов, аттестационных и формулярных списков и др. Богатство и разнообразие источниковой базы и высокопрофессиональная работа с ней позволили автору обосновать важные выводы в заключительной части каждой из глав.

Титанический объем проделанной работы можно по достоинству оценить, учитывая, что большинство выявленных в федеральных архивах России источников являются не удобочитаемыми выбеленными текстами, а небрежно написанными черновиками или даже шифрованными письмами, к которым требовалось подобрать ключи. К тому же в читальный зал часто выдаются не оригиналы документов, а микрофотокопии, что усложняло работу и увеличивало ее трудоемкость. Помимо текстовых, автор активно использовал визуальные источники. Книга богато иллюстрирована портретами политических и военных деятелей, подлинными чертежами судов второй половины XVIII в., фотографиями моделей кораблей, планами сражений, видами крепостей и городов и др. Такая насыщенность не только повышает информативность, но и делает восприятие текста более живым и ярким. Язык изложения сочетает в себе строгость академического стиля и в то же время ясность и доступность для любого читателя.

В рецензируемой работе представлены важнейшие события истории отечественного военного флота в 1787–1796 гг. Это вопросы стратегического, геополитического и военно-политического значения, для решения которых предназначался флот, а также сюжеты, связанные с дипломатическим урегулированием назревавших конфликтов. Четыре главы монографии — это четыре театра военных действий, на которых находились российские военные суда в рассматриваемый период: моря Эгейское (гл. 1), Балтийское (гл. 2) и Каспийское (гл. 4), а также сложный комплекс вопросов общеевропейского взаимодействия (гл. 3). Каждая глава делится на параграфы, посвященные отдельно взятым сюжетам. Но, как представляется, возможно, имело бы смысл отразить это деление в оглавлении, что облегчило бы использование издания в качестве справочного пособия.

Нет смысла следовать порочной традиции написания рецензии как попытки краткого изложения содержания книги. Обратим внимание на несколько важных сюжетов. Характеризуя распределение сил на международной арене, автор рисует реальную картину одиночества Российской империи, в которой номинальные союзники оказывают поддержку ее неприятелям не только фактическим отказом от участия в боевых действиях, но и поставками провианта и припасов (с. 350). Потенциальное изменение отношения военного флота к торговым судам той или иной державы использовалось в дипломатических переговорах в качестве рычага давления (с. 530). Особый интерес представляют собой эпизоды использования методов информационной войны в XVIII в. и сведения об отношении общества к крупным политическим событиям (автор приводит факты добровольных пожертвований в пользу флота, документально зафиксированные сведения о ходивших слухах и другие значимые детали) (с. 271, 344, 525–528, 563).

В несколько необычном ракурсе преподнесена тема формирования финской национальной идентичности и начала борьбы за независимость от Швеции. Обычно этот процесс рассматривается в историографии как связанный более

с русско-шведской войной при Александре I и обусловленный естественным развитием этноса. Г. А. Гребенщикова раскрывает роль Г. М. Спенгтпортена — главы финляндской политической партии. Человек, имевший большое значение для последующей истории вхождения Финляндии в состав Российской Империи, а столетие спустя — обретения независимости, был шведом по национальности и человеком, мягко выражаясь, невысоких моральных принципов. Его карьера начиналась со службы при дворе Густава III. За несколько лет до начала русско-шведской войны 1788–1789 гг., получив из казны 2 тыс. червонцев, он отправился в путешествие по Европе, быстро потратив средства, получил отказ в дальнейшем финансировании, счел себя этим оскорбленным, подал в отставку, которая, вопреки его ожиданиям, была принята королем. На фоне этих событий Г. М. Спенгтпортен «воспылал невиданной ранее любовью к Финляндии» и в 1786 г. представил Екатерине II свой проект учреждения независимой республики, осенью того же года он «вступил в русскую службу в звании генерал-майора... Его помощником в Стокгольме стал финский офицер, майор И.-А. Егергорн, состоявший на службе у шведского короля», т. е., по сути, так же как Г. М. Спенгтпортен, являвшийся государственным изменником, о чем сначала не подозревал Густав III (к слову добавить, И.-А. Егергорн, провоевав два года на стороне России, уехал в Голштинию, где доживал свой век в имении, получая ежегодную пенсию от Екатерины II[2]) (с. 296–298).

Подобная история формирования независимого государства под лозунгами интересов молодой нации и широких кругов населения отдельно взятого региона характерна для истории XIX–XX вв., когда после Великой Французской революции понятия свободы, прав народа, а позже — демократических ценностей и гражданского общества прочно вошли в политический дискурс и стали эффективно использоваться для манипулирования крупными социальными формированиями. В условиях продолжения использования подобных методов данная точка зрения на исторические процессы, хотя и является обоснованной солидной источниковой базой, обречена оставаться маргинальной, в особенности в учебных курсах и негласно, но строго цензурируемых популярных материалах.

Совершенствование морской артиллерии представлено в неразрывной связи с уровнем развития металлургии. Изложение сведений о снабжении кораблей орудиями и боеприпасами сопровождено комментариями о работе предприятий в соответствующий период (с. 278, 287). Г. А. Гребенщикова уделяет также внимание поставкам припасов провианта и материалов для ремонта судов на воде. Серьезнейшей проблемой на флотах всех стран того времени была цинга и другие заболевания, связанные с авитаминозом. Приоритет ее решения принадлежит Дж. Куку, введшему в рацион питания матросов квашеную капусту. Эффект произвел впечатление и стимулировал дальнейшее расширение меню — консервированными и свежими овощами, фруктами и ягодами. Этот процесс не мог развиваться со скоростью, привычной в XXI в. Требовалось

достаточное время для распространения знаний и принятия решения о их практическом применении в условиях настороженного отношения к любым новшествам, требовалось решение технической стороны этого вопроса (закупки, доставка, консервирование в достаточных количествах). В свете сказанного особенно важно, что Екатерина II лично контролировала поставку в морские госпитали таких продуктов, как «сушеный хрен, клюквенный сироп, сушеные яблоки, груши, вишня, чернослив, изюм, соленые лимоны, перец цельный, имбирь, чеснок сушеный, лук сушеный», патока, квашеная капуста (с. 343). Перечень насыщенных витаминами продуктов включает в себя даже экзотические дорогостоящие имбирь и лимоны.

Интересны эпизоды, связанные с дипломатическими дарами. Русские обычно использовали их в качестве средства установления хороших отношений с местными элитами (примеры тому не раз приводятся в рецензируемой книге), но присылка из городка Тарку на пути в Дербент огромного блюда с пловом и целиком сваренных баранов, очевидно, предназначенная для угощения всего войска, а не только командующих, была воспринята как удивительный элемент восточной экзотики (с. 598).

Рассматривая эпохально значимые военно-политические события, автор одновременно и перефокусирует взгляд на роли отдельно взятых личностей, также совершая в этом направлении ряд важных открытий. Внимательное отношение к документам, связанными с последними днями жизни С. К. Грейга, подводят исследователя к смелому предположению об отравлении адмирала шведами. Естественно, такие факты едва ли могут быть отражены в источниках прямым текстом, но также едва ли ряд косвенных указаний на это является простым совпадением (с. 352–353).

Особый интерес представляют страницы истории дипломатической службы генерала П. А. фон дер Палена (с. 524–532).

Естественно, редким в военно-историческом жанре является освещение роли женщин. Собранные по крупицам сведения позволяют автору монографии рассказать на страницах книги о перевязке раненых на корабле женой лейтенанта Р. В. Кроуна (с. 386) и об участии двух жен командиров полков в походе на Дербент 1796 г. (с. 598). К слову сказать, в семье Бакуниных традиция участия женщин в военных кампаниях была продолжена в годы Крымской войны[3].

В рецензируемой монографии наряду с героями неизбежно возникла тема антигероев — в частности, Ламбро Кацониса, о преступной антироссийской деятельности которого представлен богатый и убедительный материал в гл. 1, и нерешительного адмирала В. Я. Чичагова (гл. 2). Автор показал, как и почему в историографии складывались «иконографические» традиции их мемориализации, а также безосновательность позитивной оценки обоих деятелей. Сбиваясь порой на чрезмерную эмоциональность, автор полемизирует с некоторыми современными журналистами и любителями истории, оказывая тем самым им

большую честь. Обычно публикации такого уровня не принимаются всерьез и остаются за пределами справочного аппарата научных исследований.

Вне всякого сомнения, монография Г. А. Гребенщиковой не только быстро войдет в число наиболее авторитетных научных изданий, активно используемых специалистами, понравится широкому кругу любителей истории, но и на многие десятилетия прочно займет место в золотом фонде классических исследований отечественной военно-морской и военно-дипломатической истории.

---

1 *Гребенщикова Г. А.* Российский флот и дипломатия Екатерины I. Флот, война, политика. Т. I. Наследие Петра Великого. СПб.: Остров, 2019; Т. II. Секретные экспедиции русского флота. СПб.: Остров, 2020. Отдельные этапы работы публиковались также в виде статей.

2 *Шимонова Н. В.* Неизвестный эпизод биографии Яна Андерса Егергорна, борца за независимость Финляндии и Ирландии // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова. История и политология. 2011. № 1. С. 69–77.

3 *Аверкина Т. С.* Участница Крымской войны — сестра милосердия Екатерина Бакунина // Медицинская сестра. 2007. №7. С. 45–46.

References

Averkina T. S. *Uchastnitsa Krymskoi voiny — sestra miloserdiia Ekaterina Bakunina* [Participant of the Crimean War — Sister of Mercy Ekaterina Bakunina. In Russ.] // Meditsinskaia sestra. 2007. No. 7. P. 45–46.

GREBENSHCHIKOVA G. A. Rossiiskii flot i diplomatiia Ekateriny II. Flot, voina, politika. T. I. Nasledie Petra Velikogo [Russian navy and Catherine the 2nd's diplomacy. Navy, war, policy. Vol. I. Peter the Great's heritage. In Russ.]. St. Petersburg: Ostrov, 2019.

Grebenshchikova G. A. Rossiiskii flot i diplomatiia Ekateriny II. Flot, voina, politika. T. II. Sekretnye ekspeditsii russkogo flota [Russian navy and Catherine the 2nd's diplomacy. Navy, war, policy. Vol. II. Secret expeditions of Russian navy. In Russ.]. St. Petersburg: Ostrov, 2020.

Shimonova N. V. *Neizvestnyi epizod biografii John Anders Egergorn, bortsa za nezavisimost Finliandii i Irlandii* [Unknown parts of the biography of a fighter tor independence of Finland and Ireland John Anders Egergorn. In Russ.] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta im. M. A. Sholokhova. Istoriia i politologiia. 2011. No. 1. P. 69–77.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Е. М. Лупанова. Рецензия на монографию: *Гребенщикова Г. А.* Российский флот и дипломатия Екатерины II. Флот, война, политика. Т. III. Три войны Екатерины Великой. Ч. 3. СПб.: Остров, 2023. 647 с. // Петербургский исторический журнал. 2023. № 4. С. 329–334

Аннотация: В исследовании Г. А. Гребенщиковой освещаются важнейшие события российской внешней, морской и судостроительной политики периода царствования Екатерины II. Основываясь на солидной источниковой базе впервые вводимых в научный оборот архивных документов, автор представляет читателям последовательный анализ боевых действий флота в Балтийском море, операций в Средиземном, Эгейском и Каспийском морях. В книге даны свободные от сложившихся стереотипов объективные оценки роли различных военных и государственных деятелей, участвовавших в этих событиях или причастных к ним. Книга богата различными деталями, выявление которых стало возможным только благодаря скрупулезной работе с документами: уточнены сведения о судовом составе (в том числе выявлены некоторые ошибки, вкравшиеся в предыдущие издания по изучаемой проблематике), о передвижениях, о политических и личных мотивах принятия тех или иных решений, о причинах искажения информации в имеющейся историографии. Издание богато и информативно иллюстрировано. Книга будет интересна как специалистам, так и любителям военной и военно-дипломатической истории.

***Ключевые слова*:** военно-морской флот, Екатерина II, внешняя политика, дипломатия, кораблестроение, казенная (императорская) и арматорская (пиратская) флотилии в Эгейском море, русско-шведская война 1788–1790 гг., Персидский поход 1795–1796 гг.

FOR CITATION

Ye. M. Lupanova. Review of the monograph: *Grebenshchikova G. A.* Russian fleet and diplomacy of Catherine II. Fleet, war, politics. Vol. III. Three Wars of Catherine the Great. Part 3. St. Petersburg: Ostrov, 2023. 647 p. // Petersburg historical journal, no. 4, 2023, pp. 329–334

Abstract: The most important events of Russian foreign, naval and shipbuilding policy during the period of Catherine the 2nd's reign is under the consideration in the new monograph of professor Galina A. Grebenschikova. Based on solid archival source base first introduced in historiography the author presents serious analysis of military activity in the Baltic, Mediterranean, Aegean and Caspian. G. A. Grebenschikova gives free from the formed stereotypes objective estimation of the role played by different state and military figures. The book is rich in various details, the discovery of which became possible only thanks to scrupulous work with documents: information on shipping was clarified (including some errors that creep in in comparison with the identified violations on the problem under study), on movements, on violations and identified motives for the introduction of those or other decisions about the reasons for the distortion of information available historiography. The book is rich illustrated. It will be for sure interesting both for specialists and for any amateurs of naval and diplomatic history.

Key words: Navy, Catherine 2nd, foreign policy, government and armored flotillas in the Aegean, Russo-Swedish war of 1788–1790, Persian campaign of 1795–1796.

Автор: **Лупанова, Евгения Михайловна** — к. и. н., ст. науч. сотр. отдела «Музей Ломоносова» Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук.

Author: **Lupanova, Yevgenia Mikhailovna** — PhD in history, senior researcher of "Lomonosov's museum" department at Peter the Great 's museum for anthropology and Ethnography (Kunstkamera) Russian Academy of Sciences.

E-mail: lupanova@kunstkamera.ru

Требования к публикации статей и материалов

- Принимаются к рассмотрению оригинальные, ранее не публиковавшиеся тексты на русском и английском языках, объемом не более 0,75 а. л. (30 тыс. знаков с пробелами). Объем публикуемых документов (с комментариями) и рецензий не должен превышать 0,5 а. л. Тексты представляются в электронном и распечатанном виде (шрифт текста Times New Roman, 14-м кеглем, сноски — 10-м кеглем).
- Обязательным является указание фамилии, имени и отчества (на русском и английском языках), места работы или нахождения в докторантуре, ученого звания и степени, адреса электронной почты и номера контактного телефона. Кроме того, обязательно указание индекса УДК и желательно персонального кода в ORCID.
- Текст должен быть снабжен аннотацией на русском и английском языках (не менее 200–300 слов), перечнем ключевых слов (10–15), указанием индекса УДК (универсальной десятичной классификации), который приводится над фамилией автора слева, а также переводом заглавия статьи на английский язык.
- Сноски к тексту — концевые, нумерация сквозная по всему тексту. Текст не должен быть форматирован, нельзя использовать автоматические переносы слов. В конце текста должен быть представлен транслитерированный (в латинице) список использованной литературы с полным переводом ссылки на английский язык, данным в квадратных скобках.
- Иллюстрации принимаются только черно-белые, в форматах tif и jpg, с разрешением не менее 300 dpi.
- Ответственность за точность цитат, приводимых фактов, имен собственных, географических названий лежит на авторах материалов, как и за то, что в них отсутствует упоминание сведений, не подлежащих открытой публикации.
- Статьи, поступившие в редакцию, регистрируются. Решение о публикации/отказе в публикации/направлении рукописи на доработку принимается ответственным редактором и сообщается автору в срок до 60 дней.
- Все поступившие в редакцию материалы подлежат предварительной оценке редакционной коллегией или ответственным редактором на предмет соответствия установленным формальным требованиям, а также на предмет отсутствия в рукописи неправомерного заимствования текста, иллюстраций, таблиц и пр.
- Все материалы, не отклоненные в результате предварительной проверки, подлежат обязательному независимому научному рецензированию, без указания фамилии автора. Научное рецензирование может осуществляться любыми специалистами, в том числе и членами редакционной коллегии.
- До публикации материалов рецензенты и члены редакционной коллегии не вправе использовать рецензируемые материалы или ссылаться на них.
- Авторы должны подписать с редакцией журнала лицензионный договор на право использования научного произведения в «Петербургском историческом журнале».

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «НЕСТОР-ИСТОРИЯ» МОЖНО ПРИОБРЕСТИ БЕЗ НАЦЕНКИ В ОФИСАХ ИЗДАТЕЛЬСТВА

- Санкт–Петербург
  Петрозаводская ул., д. 7, оф. 8
  (150 м от станции метро «Чкаловская»)
  Телефон +7 (965) 757 23 13
  E–mail: nestorbook.ru@yandex.ru

КУПИТЬ БУМАЖНЫЙ ИЛИ ЭЛЕКТРОННЫЙ ВАРИАНТ НАШИХ КНИГ МОЖНО НА САЙТЕ ИЗДАТЕЛЬСТВА NESTORBOOK.RU

- На нашем сайте Вы можете оплатить книги и приобрести их с доставкой удобным для Вас способом. Подробнее на нашем сайте www.nestorbook.ru
- В другие города мы доставляем книги «Почтой России», «Боксберри» или курьером
- Электронные книги (в формате pdf) можно оплатить на сайте и получить по электронной почте
- По всем вопросам, связанным с заказами через сайт, обращайтесь по телефону +7 (965) 757 23 13 или пишите на e–mail: nestorbook.ru@yandex.ru

КАК МОЖНО ПРИОБРЕСТИ КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «НЕСТОР-ИСТОРИЯ» В КНИЖНЫХ МАГАЗИНАХ

- Заказать на сайте магазина с доставкой на дом;
- Заказать на сайте магазина и забрать из пункта самовывоза;
- Не хотите ждать доставку? Забронируйте книгу в любом удобном для вас магазине: рядом с домом, работой или учебой. Ваш резерв будет ждать вас!
- Не нашли книгу в любимом магазине? Оставьте заявку, и мы доставим туда книги!

ЗАКАЗАТЬ И ПРИОБРЕСТИ КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «НЕСТОР-ИСТОРИЯ» ВЫ МОЖЕТЕ НА САЙТАХ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ

МЫ СОТРУДНИЧАЕМ С ВЕДУЩИМИ КНИЖНЫМИ МАГАЗИНАМИ МОСКВЫ И САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

- Интернет–магазин Wildberries
- Интернет–магазин «Лабиринт»
- Интернет–магазин «Озон»
- Интернет–магазин «Москва»
- Интернет–магазин Esterum
- «Читай–город»
- «Библио–Глобус»
- «Буквоед»
- Московский Дом книги
- «Подписные издания на Литейном»
- «Книжная лавка писателей»
- Дом книги в СПб
- «Книжная лавка историка»
- «У Кентавра» (РГГУ)
- «Циолковский»
- «Фаланстер»
- «Дом университет–ской книги»
- «Листва»

По вопросам оптовых поставок: тел. +7 960 2433282, pr@nestorbook.ru